

Льюис Кэрролл,
OPUS MAGNUM:

**«Сильвия и Бруно»,
две части**

Перевод и комментарии
Андрея Москотельникова

СИЛЬВИЯ И БРУНО

Не сон ли жизнь, чей светлый вздор
Стремнине тёмной вперекор
Мы зрим до некоторых пор?

Нас горе гнёт, как ураган,
Смешит до колик балаган,
И в суете покой нам дан.

Да, мы спешим прожить наш срок;
Нам в шумный полдень невдомёк,
Что тих конец и недалёк ¹.

¹ В оригинале это стихотворение — акrostих, структуру которого мы в переводе не передаём. В акrostихе сложным образом зашифровано имя Изы Боумэн:

ISA

S

A

BOW

O

W

MAN

A

N

Иза Боумэн была первой исполнительницей роли Алисы на сцене. А впервые акrostихом такой структуры Кэрролл предварил «Охоту на Снарка». Тогда было зашифровано имя другой его маленькой приятельницы (Gertrude Chataway).

Предисловие

Приведённый на с. ... рассказ о том, как проводят воскресные дни дети последнего поколения, процитирован мной *дословно* из речи, произнесённой специально для меня одним моим маленьким приятелем, и из письма, присланного мне одной моей взрослой приятельницей.

Главы, называющиеся «Фея Сильвия» и «Месть Бруно», являются перепечаткой, с незначительными изменениями, небольшой сказки, которую я написал в 1867 году по просьбе покойной миссис Гатти для издававшегося ею «Журнала тётушки Джуди».

Я припоминаю, что идея сделать эту сказку ядром более обширного рассказа зародилась у меня в 1874 году². В течение многих лет я записывал в свободные минуты всяческие свободно возникающие эксцентричные мысли и обрывки диалогов, приходящие на ум — кто знает, откуда? — с такой мимолётной внезапностью, что мне ничего не оставалось, как только хвататься за карандаш, иначе их ожидало немедленное забвение. Иногда исток таких беспорядочных вспышек сознания всё же отыскивался — например, они могли оказаться навеянными читаемой книгой либо же высеченными из «кремня» собственного разума «кресалом» случайного замечания приятеля, — но чаще они возникали совершенно самостоятельно — из ничего, кстати сказать: образчиками такого безнадёжно алогичного явления, как «следствие без причины». Таковой была последняя строка «Охоты на

² В самом начале 1873 года Кэрролл стал вхож в дом Роберта Сесилия, лорда Солсбери, нового лорда-казначея Оксфордского университета (с 1885 года — премьер-министра Великобритании). Как и Кэрролл, маркиз Солсбери был питомцем Крайст Чёрч, что было немаловажным в их сближении. Посещая лорда, Кэрролл развлекал его дочерей, Мод и Гвендолен, тут же сочиняемыми сказками. По крайней мере две из них появились потом в сказочной части романа. «Сильвия и Бруно» вышел в свет в 1889 году.

Снарка», пришедшая мне в голову (как я уже писал об этом в статье, помещённой в журнале «Театр» за апрель 1887 года) совершенно внезапно во время прогулки в одиночестве; таковыми, опять же, были те отрывки, что являлись *во сне* и которые я вообще не могу свести к какой-либо предшествующей причине. В данной книге имеется, по крайней мере, два места, внушённые сном. Одно из них — замечание «миледи»: «Это наследственное, как и любовь к пирожным» на с. 75, а другое — ироничный рассказ Эрика Линдона о своём продвижении по службе на с. 229—230.

Так вот и случилось, что я оказался обладателем огромного количества кипучих сюжетов — в том смысле, что они образовывали громоздкие кипы, — которые нуждались в том, чтобы их всех связали вместе нитью последовательного рассказа и получилась бы предвкушаемая книга. Но! С самого начала эта задача виделась совершенно безнадёжной, ибо стоило мне только к ней подступиться, как до меня впервые дошёл смысл слова «хаос», и я осознал, что пройдёт лет десять, если не больше, пока я добьюсь успеха в попытке настолько упорядочить все эти разрозненные обрывки, что смогу угладеть, в какой же рассказ они слагаются, ведь это рассказ должен вырастать из эпизодов, а не эпизоды из рассказа³.

³ Итак, в отличие от «Алисы», то есть сказки, первоначально имевшей адресата — троих маленьких сестричек и одного взрослого мужчину (достопочтенного Робинсона Дакворта) — и рассказываемой спонтанно, придумыванием на ходу ситуаций со знакомыми слушателям мотивами, «Сильвия и Бруно» начиналась, скорее, с письменных заметок. Как пишет исследовательница Дженни Вульф в статье «Творческая способность и Льюис Кэрролл» (*Jenny Woolf. Creativity and Lewis Carroll*; электронный ресурс), книга как целое создавалась автором из ничего и ни для кого конкретно — возможно, лишь для самого себя. В романе, разумеется, присутствуют и такие места, которые первоначально тоже имели адресата (см. предыдущее примеч.) либо, подобно «Алисе», сочинялись походя в присутствии слушателя. Так, например, одна из ближайших маленьких подружек писателя Энид

Стивенс (Enid Stevens, в замужестве Sawyer) (1882—1960), впоследствии поведала в интервью ВВС: «Сказки лились из него одна за другой, но я ни одной не могу вспомнить, так как они никогда не повторялись. Во время наших прогулок он создал все куплеты песен Безумного Садовника и Сферического Ректора колледжа для „Сильвии и Бруно“ [первую песню читатель встретит в дальнейшем, а вот песня Сферического Руководителя колледжа осталась неизвестной потомству. — А. М.], и этих строф было гораздо больше, чем тех, что когда-либо увидели свет. Зато когда Кэрролл находил, что куплет достоин того, чтобы его напечатать, он тотчас строчил его на чём-нибудь, а по возвращении в комнаты мне позволялось напечатать записанное, — огромное удовольствие!» (В 1888 году, за год до опубликования «Сильвии и Бруно», Кэрролл приобрёл пишущую машинку «Хэммонд».) И всё же подобное свидетельство не отменяет суждения Дженни Вульф о том, что не в игровом общении со слушателями писал Кэрролл свой роман, но как литературный труд, в полном одиночестве, для людей, которых никогда не встретит (ср. примеч. 106 к данному разделу касательно отказа Кэрролла слышать какие бы то ни было суждения о романе, по выходе его из печати, от сторонних лиц). Вероятно, именно последнему обстоятельству роман обязан дидактическими пассажами, замедляющими действие реальной части романа и составляющими решительный контраст весёлости и эмоциональности его сказочной части, но выписанными автором с нешуточным тщанием. Здравомыслящий член общества, как он сам отзывался о себе подобных (и очевидным образом вышучивал в «Окончании истории»), Кэрролл страстно мечтал сказать нечто «в надежде подать тем детям, которых я люблю, несколько мыслей, не чуждых, на мой взгляд, часам невинного веселья, которые и есть самая жизнь Детства, а также в расчёте» и проч. Прекрасно понимая, что такие вещи с глазу на глаз детям втолковывать затруднительно, он использовал для этого страницы своего романа; неоднозначное восприятие книги читателями было тем самым предрешено. Мартин Гарднер, находя в романе множество искрящихся весельем мест и обильно цитируя сам роман в «Аннотированной „Алисе“», тем не менее считал книгу мертворождённой. Напротив, Жиль Делёз утверждал в своей «Логике смысла», в значительной мере вдохновлённой творчеством Кэрролла, что в

Я сообщаю всё это не из самолюбования, а лишь потому, что в самом деле предполагаю у некоторых моих читателей интерес к подробностям «зарождения» книги, сюжет которой выглядит таким простым и прямолинейным, когда он уже выстроен, что им может показаться, будто она была написана на манер обычного письма — от начала и до конца одним махом.

Можно, без сомнения, писать книги и таким образом; скажу даже, если это не будет с моей стороны нескромностью, что я и сам сумел бы — например, находясь в удручающем положении (ибо я считаю это за подлинное несчастье) человека, обязанного выдавать определённое количество беллетристики за определённое время, — и я сумел бы «выполнить задание» и произвести свою «историю из кирпичиков», как это делают другие работяги. Одно я, по крайней мере, мог бы гарантировать относительно произведённой таким образом книги — что она будет в высшей степени банальной, не предложит никакой новой мысли и окажется очень утомительной для чтения!

Этот род литературы получил весьма подходящее название «воды», или «набивки», — его уместно растолковать как «то, что все могут писать, но никто — читать». Не отважусь на заявление, будто предлагаемая книга вовсе лишена писанины подобного рода; время от времени, стремясь поместить какую-нибудь сценку в подходящее место, я вынужден был восполнять страницу двумя-тремя побочными линиями; однако честно могу сказать, что делал такие вставки только в самых необходимых случаях.

Мои читатели, возможно, найдут развлечение в собственных попытках обнаружить на той или иной странице эту самую «воду» в развитии сюжета. Например, готовя гранки, я заметил, что отрывок, ныне занимающий страницы с начала 40-й до середины 43-й, оказался на три строки короче. Я восполнил недостаток, но не вставкой слова

«Сильвии и Бруно» автор довёл до совершенства те методы письма, которые при написании «Алисы» только нащупывал.

туда и слова сюда, а дописав две следующие одна за другой строчки. Интересно, смогут ли мои читатели догадаться, *какие* это строчки?

Для более трудной головоломки — если желаете трудностей — подойдёт песня Садовника: определите, в каких случаях (если такие случаи были) куплет подогнан по содержанию к обрамляющему тексту, а в каких (если таковые были) текст подогнан под куплет.

Возможно, труднейшая штука в литературной деятельности (по крайней мере, я нашёл её таковой; никаким волевым усилием не могу этого добиться, а вынужден принимать, как выходит) — это написать нечто *оригинальное*. И, возможно, самое лёгкое — это, когда оригинальный сюжет уже измыслен, придерживаться его и писать побольше на один и тот же мотив. Не знаю, является ли «Алиса в Стране чудес» *оригинальной* сказкой — я, во всяком случае, не был *сознательным* подражателем при её написании, — но, как мне известно, со дня её выхода в свет появилась как минимум ещё дюжина книжек, созданных по такому же образцу. Путь, который я несмело разведal — веря, что вступаю «в предел безмолвных вод, непройденных широт»⁴, — ныне является проторённой дорогой; все придорожные цветы давно уже втоптаны в пыль, и для меня пытаться писать в этом ключе вновь — значит идти навстречу собственной гибели.

В результате при написании «Сильвии и Бруно» я постарался — не знаю, насколько успешно, — изобрести другой, непохожий путь; хорош

⁴ «Сказание о Старом Мореходе» С. Т. Кольриджа, часть вторая (пер. В. Левика). Кэрролл, по собственному признанию, был «жаден до цитат», при том что, как известно, английская литература и без того тяготеет к цитатности. Как указывается в журнале *Knight Letter*, издаваемом Североамериканским обществом Льюиса Кэрролла (January 1977. No. 6. P. 1), Кэрролловы сочинения и его многочисленные письма полны цитат и реминисценций из литературы всех эпох и многих народов, от античной классики до современных ему третьеразрядных авторов. Последующие страницы «Сильвии и Бруно» подтвердят это замечание.

он или плох, но это лучшее из того, что мне удалось. Книга написана не ради денег и не ради славы, но в надежде подать тем детям, которых я люблю, несколько мыслей, не чуждых, на мой взгляд, часам невинного веселья, которые и есть самая жизнь Детства, а также в расчёте предложить читателю некоторые размышления, могущие оказаться, как я слабо надеюсь, не полностью лишёнными созвучности печальным каденциям Жизни.

Если я ещё не истощил терпения моих читателей, то уж использую эту возможность — вероятно, последнюю, когда я могу обратиться к стольким моим друзьям сразу, — чтобы оставить им несколько посетивших меня идей касательно книг, которые стоило бы написать, — задача, за которую я и сам принялся бы с *большим* удовольствием, только вряд ли хватит у меня времени и сил для её завершения, — в той надежде, что если мне не удастся (да и годы *очень уж* быстро уносятся прочь) выполнить задуманное дело, другие руки смогли бы подхватить его.

Во-первых, Библия для детей. Только самое *существенное*, тщательно отобранные фрагменты, пригодные для детского чтения, и картинки. Сам я стою за тот принцип отбора, который преподнёс бы ребёнку Религию как откровение *любви* — не нужно огорчать и смущать юный ум историей преступления и наказания. (Согласно этому принципу я бы, например, опустил рассказ о Потопе.) Подбор картинок не составит значительных трудностей: новых не нужно, ведь уже существуют сотни превосходных иллюстраций, на которые давно истекли авторские права и для репродуцирования которых подошла бы простая фотоцинкография или какой-нибудь схожий метод. По размеру книга должна быть карманной, в красивой привлекательной обложке, отпечатанная чисто и разборчиво, но прежде всего — побольше картинок, картинок, картинок!

Во-вторых, книга избранных библейских псалмов — не полные тексты, а отрывки от 10 до 20 стихов каждый, — для заучивания наизусть. Такие отрывки оказались бы полезными при повторении про себя и размышлении над ними во многих случаях, когда чтение затруднительно и даже невозможно — например, лёжа ночью в постели, путешествуя по железной дороге, прогуливаясь в одиночестве, а также в старости, когда зрение ухудшено или потеряно вовсе, — ну и, конечно же, во время болезни, когда наша неспособность к чтению и другим занятиям обрекает нас бессонно лежать на протяжении долгих утомительных часов бездействия. До чего же остро в такое время осознаётся истина, заключённая в восторженном восклицании Давида: «Как сладки гортани моей слова Твои! лучше мёда устам моим»⁵.

Я сказал «отрывки», а не полные тексты, так как нам совершенно незачем бывает *припоминать* эти последние; память нуждается в

⁵ Псалтырь, 118:103 по разбивке греческой и славянской. Не вывез ли Кэрролл это соображение (о желательности заучивания наизусть псалмов и других текстов Писания и духовных книг) из России? Во время своего пребывания в нашей стране Кэрролл часто встречался и много беседовал с духовенством, в том числе и высшим; мы совершенно вправе предположить, что в таких беседах затрагивались и вопросы народного образования, неизменно интересовавшие Кэрролла. Как известно, образование детей почти всех сословий в России начиналось с изучения Псалтыри, по которой учились грамоте, и в последующей жизни Псалтырь и иные духовные книги постоянно сопровождали человека зримым или незримым присутствием. В своём дневнике Кэрролл отзывался о России либо очень хорошо, либо доброжелательно; большинство сторон русской жизни вызвали в нём похвалу и сочувствие. Стоит упомянуть здесь хотя бы три, не оставлявшие Кэрролла равнодушным в течение всей его жизни: поезда (их удивительные спальные вагоны), еда и театр. Последнее мы поясним: игра русских актёров (притом провинциальных, в Нижнем Новгороде) восхитила его своей естественностью — актёры играли совершенно без оглядки на зрителей. Настоящий комментарий будет иметь продолжение в дальнейшем.

связующих звеньях, а полный текст таковым не является: человек может выужрить хоть сотню текстов и быть не в состоянии вспомнить по собственной воле более полудюжины, да и те в случайном порядке, тогда как стоит лишь держать наготове какую-либо часть *главки*, выученную наизусть, как в любой момент можно выудить целое: всё сцеплено вместе.

В-третьих, сборник прозаических и стихотворных отрывков из других книг помимо Библии. Таковых, вероятно, немного — из тех, что не относятся к богодухновенной литературе (и напрасно, я полагаю: если уж Шекспира нельзя считать боговдохновенным, то был ли тогда вообще хоть кто-нибудь вдохновенен?) и которые вновь и вновь способны питать процесс размышления, — а такие отрывки *есть*, и, я думаю, в достаточном количестве, чтобы составить добрый запас для запоминания.

Эти два рода книг — книг священных и мирских отрывков для запоминания — послужат и другим добрым целям помимо простого препровождения незаполненных часов: они помогут держать подальше множество беспокоящих мыслей, мыслей тревожащих, неблагоприятных и порочных. Позвольте выразить то же самое, но лучшими словами, чем мои собственные, процитировав несколько фраз из такой замечательной книги, как Робертсоны «Лекции по поводу Посланий к Коринфянам»⁶, лекция XLIX: «Если человек обнаруживает, что его преследуют греховные желания и порочные видения, возвращающиеся в определённые часы, пусть он заучивает отрывки из Писания или отрывки прозы и стихов из лучших авторов. Пусть он заполняет ими свой разум, как стражами, чтобы повторять их во время бессонного

⁶ Уильям Робертсон (1721—1793) — знаменитый в своё время шотландский проповедник-пресвитерианин и историк Шотландии. Даже современный читатель знаком с ним по классике как с достопримечательностью: его, словно туристы, специально отправляются послушать приезжие в Эдинбург по делу герои романа Вальтера Скотта «Гай Мэннеринг».

лежания беспокойными ночами или когда его обступают отчаянные фантазии или мрачные, гибельные мысли. Пусть они послужат ему мечом, обращаемым вкруговерть в обережение троп Сада жизни от посягательства нечестивых стоп».

В-четвёртых, «Шекспир» для девочек, то есть издание Шекспира, в котором всё то, что неудобно для чтения девочкам, скажем, 10—17 лет, было бы опущено. Немногие дети моложе 10 лет способны понять или получить удовольствие от величайшего из поэтов; тем, кто уже вышел из девичества, можно безопасно оставить для чтения Шекспира в любом издании, «смягчённом» или нет, как они предпочтут, — но, право слово, жаль, что так много детей переходного возраста лишены огромного удовольствия иметь издание, пригодное именно для них. Им, как мне кажется, не подходит ни Шекспир Бaudлера, ни Чамберса, ни Брэндрэма, ни «будуарный» Шекспир Канделла — они недостаточно «смягчены». Издание Бaudлера⁷ необычнее остальных: просматривая его, я был полон глубочайшего удивления, ибо убедился, что всё то, что он оставил, ему следовало бы как раз и удалить! Помимо безжалостного удаления того, что не годится с точки зрения благоговения или благопристойности, я склонен также опустить всё явно слишком

⁷ В 1818 году Томас Бaudлер издал десятитомник шекспировских пьес под общим названием «Семейный Шекспир» (подобно сестре Чарльза Лэма Мэри, помогавшей брату в составлении широко читаемой и поныне книги «Рассказы из Шекспира», нешуточный труд к созданию «Семейного Шекспира» Бaudлера приложила также его сестра Генриетта). Это собрание много раз переиздавалось и пользовалось большой популярностью; и всё же Доджсон, по его собственному выражению (в письме матери одной из его маленьких приятельниц, Марион Ричардс), «возмечтал бaudлеризовать Бaudлера». Этой мечте, которая владела им много лет, не суждено было воплотиться в действительность, зато Доджсон обогатил английский словарь ещё и словечком «баудлеризовать» («bowdlerize *v* книжн. выбрасывать или заменять нежелательные места (в книге и т. п.)» — «Большой англо-русский словарь» под общ. рук. И. Р. Гальперина и Э. М. Медниковой).

трудное или не представляющее видимого интереса для молодых читателей. Книга получилась бы несколько фрагментарной, но она стала бы настоящей сокровищницей для всех британских девушек, имеющих склонность к поэзии.

Если уж мне необходимо оправдаться перед кем-либо за непривычные отклонения, которые прерывают предлагаемый рассказ, — действительно, в довесок к тому, что, как я надеюсь, окажется вполне приемлемой для детишек нелепицей, я внёс в него некоторые серьёзные размышления о человеческой жизни — то в первую очередь перед теми, кто изучил науку гнать такие размышления подальше в часы веселья и беспечной праздности. Им, несомненно, моя смесь покажется неразумной и отталкивающей. А в том, что эта наука существует, я совершенно уверен: при молодости, добром здравии и достаточном количестве средств кажется таким возможным проводить жизнь год за годом в незамутнённом веселье — за исключением одного скорбного события, которое может вдруг произойти с нами в *любой* момент, даже когда мы находимся среди самой блистательной компании или в самой расчудесной обстановке. Человек может установить себе определённый час для размышления о серьёзных вещах, для отправления общественного ритуала, для молитвы, для чтения Библии: все такие дела он ещё способен отложить на «подходящее время», которое имеет свойство так никогда и не наступить; но он ни на единый миг не властен отложить неизбежность вести, которая может прийти ещё до того, как он прочтёт эту страницу: *«В сию ночь душу твою возьмут у тебя»*⁸.

Неизбывное осознание этой безжалостной возможности является для всех возрастов⁹ тем кошмаром, который люди стремятся страхнуть

⁸ Евангелие от Луки, 12:20.

⁹ В тот момент, как я написал эти слова, раздался стук в дверь, и мне передали телеграмму, извещавшую о внезапной смерти моего близкого друга.
— *Примеч. автора.*

с себя. Немного таких же интересных для исследования предметов сможет отыскать любитель старины, как разнообразнейшие виды оружия, использованные против этого призрачного врага. Печальнее всего должны быть размышления тех, кто воочию зрел *существование* за гробовой доской, но существование гораздо более ужасное, чем уничтожение, — существование в качестве тонкого, неосязаемого, только что видимого духа, колышущегося бесконечные годы в мире теней, которому нечем заняться, не на что надеяться, некого любить! И вот среди дарящих нас весельем стихов этого гениального «бонвивана» Горация встречается одно жуткое слово, чья беспредельная грусть проникает в самое сердце. Это слово «*exilium*» в знаменитой строфе:

Omnes eodem cogimur, omnium

Versatur urna serius ocius

Sors exitura et nos in aeternum

Exilium impositura cymbae¹⁰.

Да, для него эта вот настоящая жизнь — вопреки всей её скуке и всем её печалям — была единственной стоящей жизнью; всё остальное — только «изгнание»! Кажется почти невероятным, чтобы человек, придерживающийся таких убеждений, способен был хоть раз в жизни улыбнуться!

И многие в наши дни, боюсь, даже веря, что загробное существование гораздо более реально, чем Гораций мог себе представить, всё же относятся к нему как к своеобразному *изгнанию*

¹⁰ «Все там будем — всем урна судеб рано ли, поздно ли готовится выбросить жребий, и отвозящая в вечное изгнание ладья уже нас ожидает» (лат.) (Гораций. Вторая книга од, ода третья «К Деллию»).

ото всех радостей жизни, тем самым принимая теорию Горация, и говорят себе: «Станем есть и пить, ибо завтра умрём»¹¹.

Мы посещаем места зрелищ, такие как театр, — я говорю «мы», ибо ведь и я хожу на спектакли, когда рассчитываю посмотреть по-настоящему хорошее представление, — и держим на расстоянии вытянутой руки, если это удастся, мысль, что можем не вернуться живыми. И как знать, дорогой друг, чьё терпенье ведёт тебя через это болтливое предисловие, не таков ли и *твой* жребий — среди самого легкомысленного и необузданного веселья почувствовать острую боль или смертную тоску, провозвестницу конечного перелома, в нерешительном удивлении увидеть беспокойных друзей, склонившихся над тобой, услышать тревожный шёпот их дрожащих губ: «Это серьёзно?» — и в ответ на это: «Да, конец близок» (и как же по-иному видится вся Жизнь, когда эти слова произнесены!) — как знать, говорю я, не случится ли всё это с *тобой*, сегодня же вечером?

И осмелишься ли ты, зная это, сказать самому себе: «Ну, возможно, эта пьеса и впрямь безнравственна: положения, возможно, слишком уж сомнительные, диалог чересчур энергичный, ужимки с намёком. Не могу сказать, будто совсем всё это извиняю, но написано так талантливо, что, право слово, стоило посмотреть. Впрочем, завтра я начну более строгую жизнь!» *Бесчисленные «завтра», «завтра», «завтра»!*¹²

Те, кто, греша, от Бога ждут
Печаль о грешных, но не суд,
Неправы в Боге; Божья власть

¹¹ То есть всерьёз повторяют иронический возглас апостола Павла от имени неверующих в воскресение из мёртвых (Первое послание к Коринфянам, 15:32).

¹² «Макбет», акт V, сцена 5 (пер. М. Лозинского). Следующие восемь строк если и цитата, то из невыясненного нами источника.

Оставит милость — им упасть
И мухой, опалённой вдруг,
Кружить вокруг стержня смертных мук,
Затем ползти на животе
В забвении и в слепоте.

Позвольте на минуту прерваться и сделать одно замечание. Я считаю, что эта мысль о возможности смерти — если только невозмутимо встретить такую мысль и спокойно признать — могла бы послужить наилучшей проверкой того, стоит ли нам посещать места увеселения. Коль скоро мысль о внезапной смерти вызывает особенный ужас, когда приходит вам в голову в *театре*, значит, для вас театр, скорее всего, пагубен, хотя для других он может быть безвреден, и вы подвергаетесь серьёзной опасности, посещая его. Уверен, что лучшее правило таково: не следует *жить* там, где страшно *умереть*.

Только когда мы осознали, что настоящая цель жизни — *не* удовольствие, *не* знание, даже *не* самая слава, «последняя слабость возвышенного ума»¹³, — но развитие *личности*, восхождение к высшему, благороднейшему, чистейшему идеалу, возведение совершенного *Человека*; только когда мы чувствуем, что встали на этот путь и верим, что не свернём с него, смерть не ужасает нас, это больше не тьма, но свет, не конец, но начало!

И ещё одно следует призвать в оправдание: я, честно говоря, без всякого сочувствия отношусь к британской страсти, именуемой «Спорт», хотя в былые дни, да и сейчас, несомненно, в некоторых своих формах она является прекрасной школой смелости и хладнокровия в опасную минуту. Нет, я не вовсе лишён сочувствия к *подлинному* «Спорту»: я искренне могу восхищаться отвагой человека, который с тяжкими физическими усилиями и рискуя жизнью ловит какого-

¹³ Цитата из Джона Мильтона («Ликид», иначе «Люсидас», стр. 71), ставшая крылатой в английской литературе. Здесь в переводе М. Гаспарова.

нибудь «людоеда»-тигра — и я вполне разделяю его задор, когда он ликует в бурном возбуждении погони и в предчувствии схватки грудь в грудь с обложенным чудовищем. Но недоумение и горечь овладевают мною при виде охотника, который праздно и безопасно для себя ищет удовольствия в том, что для незащищенных созданий означает дикий страх и агонию смерти; более того, меня изумляет, если охотник — из тех, кто обязался проповедовать людям религию всемирной любви; наконец, я испытываю негодование, когда он принадлежит к тем «нежным и чувствительным» существам¹⁴, чье самое имя служит символом Любви: «Любовь твоя была для меня превыше любви женской»¹⁵ — чье предназначение на земле состоит в том, чтобы помогать и облегчать страдания тех, кто в болезни и в печали!

Прощай! Одно скажу лишь я:

О брачный гость, поверь —
Верней мольба, коль любишь всех,
Будь птица то иль зверь;

Верней мольба, коль любишь всех,
Всю тварь без различенья,
Ведь любит Бог не только нас,
А все свои творенья¹⁶.

¹⁴ То есть к женщинам. Выражение «нежное и чувствительное» применительно к женскому сердцу, к женщинам (Г. Филдинг, Н. Готорн) и в некоторых других случаях (вероятно, по перенесению; см. «Бурю» Шекспира, акт II, сцена 1, слова Адриана, но не во всех переводах) — клише англоязычной литературы.

¹⁵ 2-я книга Царств, 1:26.

¹⁶ Предзаключительные строфы поэмы С. Т. Кольриджа «Сказание о Старом Мореходе»; перевод наш ради большей близости к оригиналу, чем у версий В. Левика, Н. Гумилёва и И. Меламеда.

ГЛАВА I. Меньше хлеба! Больше пошлин!

...а затем все эти люди завопили вновь, причём один, возбуждённый больше прочих, запустил свою шляпу высоко в воздух да выкрикнул (если я расслышал его верно):

— Кто это орёт за Под-правителя?

Все орали, но за Под-правителя или за кого-то другого, разобрать было мудрено; некоторые выкрикивали: «Хлеба!», другие: «Пошлин!» — но выглядело так, будто никто не знает, чего же все они на самом деле хотят.

Это буйное скопище я увидел из столовой губернаторского дворца, выглянув в раскрытое окно через плечо Лорда-Канцлера, который вскочил на ноги тотчас, как послышались первые крики, словно бы он уже ждал их, и бросился к тому окну, из которого открывался наилучший обзор рыночной площади.

— Как всё *это* понимать? — то и дело вопрошал он, ни к кому не обращаясь, пока, сцепив руки за спиной, в развевающейся мантии скорым шагом мерил комнату. — Таких громких криков я ещё не слыхивал — тем более в этом часу утра! Да ещё с подобным единодушием! Вот *вы* — не находите это весьма необыкновенным?

Я сдержанно отвечал — мол, на *мой* взгляд, люди высказывают разные требования; но Канцлер только руками на меня замахал.

— Слова они высказывают одинаковые, уверяю вас! — пояснил он, после чего, основательно высунувшись из окна, прошептал какому-то человеку, скрытно стоящему снаружи: — Пусть-ка собьются потеснее. Правитель вот-вот войдёт сюда. Дайте им знак начать движение строем.

Его слова явно не предназначались для *моих* ушей, но я невольно подслушал, ведь мой подбородок почти что уткнулся в Канцлерово плечо.

Забавен был вид этого «движения строем»: беспорядочная процессия мужчин, марширующих по двое, начиналась у другого конца рыночной площади и необычным, зигзагообразным манером приближалась ко Дворцу, нелепо лавируя подобно паруснику, прокладываящему себе путь против неблагоприятного ветра — так что голова процессии была зачастую дальше от нас в конце одного галса, чем когда она завершала предыдущий.

Было, однако, очевидно, что делалось это по команде, ибо, как я заметил, все глаза были устремлены на человека, стоящего под нашим окном — того самого, которому Канцлер непрерывно что-то нашёптывал. Этот человек держал в одной руке свою шляпу, а в другой — маленький зелёный флажок, и когда он взмахивал флажком, процессия продвигалась поближе, когда он опускал флажок, люди бочком отодвигались подальше; когда же он взмахивал своей шляпой, они принимались истошно вопить хором: «Ура! На-ам! Консти! Туцью! Меньше! Хлеба! Больше! Пошлин!»

— Довольно, довольно, — прошептал Канцлер. — Пусть чуть-чуть подождут, пока я не скажу. Его ещё нет!

Но в этот момент огромные раздвижные двери комнаты рывком растворились, и он, обернувшись, виновато рванулся встретить Его Высокопревосходительство. Однако это был всего лишь Бруно, и Канцлер, округлив уста, с облегчением выдохнул воздух.

— Привет, — сказал малыш, обращаясь в своей обычной манере одновременно и к Канцлеру, и к прислуге. — Кто-нибудь видел Сильвию? Я ищу Сильвию.

— Она, я полагаю, у Правителя, вшство! — ответил Канцлер с низким поклоном.

Довольно неуместно, подумал я, применять подобный титул (а ведь вы и без моего пояснения отлично поняли, что он означал не что иное, как «Ваше Королевское Высочество», сжатое до одного слога) к мальчугану-крохе, чей отец являлся всего-навсего Правителем Запределья; однако извиним пожелавшего блеснуть Канцлера: не зря провёл он несколько лет при дворе Сказочной страны, где и овладел почти невозможным искусством произнесения одиннадцати слогов как одного-единственного.

Но Бруно не за поклонами сюда пришёл; он выбежал из комнаты ещё до того, как выдающееся исполнение Непроизносимого Монослога было с триумфом завершено.

А сразу же после этого издали долетел отчётливый возглас:

— Слово Канцлеру!

— Непременно, друзья мои! — отозвался тот с необычайной готовностью. — Я произнесу речь!

Тут один из слуг, до сего момента занятый приготовлением подозрительно выглядывшей смеси из яиц и шерри, почтительно приблизился, держа перед собой большой серебряный поднос. Канцлер надменно принял, вдумчиво выпил, благосклонно улыбнулся счастливому слуге, возвращая пустой стакан на поднос, и начал. Насколько мне помнится, сказал он вот что.

— Гм! Гм! Гм! Потерпевшие друзья, или, вернее, друзья-терпеливцы... («Зачем вы зовёте их терпеливцами?» — прошептал человек под окном.) Но я вовсе не зову на них полиции, — ответил Канцлер. («Да говорите же, не стойте как чучело!») Я не чучело, — обиженно произнёс Канцлер и продолжил громче, чтобы все слышали: — я хочучело... («Верно, верно!» — проревела толпа, да так громко, что совершенно заглушила тонкий писклявый голосок говорившего.) Я хочучело... — повторил он ещё громче. («Чего заладили! — прошипел человек под окном. — Что вы несёте?» А над рыночной площадью вновь, точно раскат грома, прокатилось: «Верно, верно!») — Я *хочу*

человеческого отношения к вам, друзья мои! — закричал Канцлер, улучив момент тишины. — Но кто ваш *истинный* друг — так это *Под-правитель*! День и ночь он печётся о вашей неправоте... я хотел сказать, о ваших правах... то бишь о том, что вы не правы... нет... я имел в виду, что вы лишены прав. («Лучше уж молчите, — прорычал стоявший под окном. — Вы всё испортите!»)

В эту минуту в столовую вошёл Под-правитель. Это был худой человек со злобным и хитрым лицом изжелта-зелёного цвета; и комнату он пересекал очень медленно, подозрительно глядя вокруг, как бы высматривая прячущегося где-то свирепого пса.

— Браво! — вскричал он, похлопав Канцлера по спине. — Прекрасно сказано. Вы словно от рождения произносите речи!

— Ни от чего другого! — смиренно заверил Канцлер. — Только от ждения рож, и Вашего Превосходительства тоже...

— Что вы себе... — начал было Под-правитель, но вдруг осёкся. — Впрочем, ведь вы сказали — речь от ждения? Наподобие того, как мы говорим «мазь от жжения», — а, дружище?

— Скорее наподобие того, как мы говорим «резь от чтения».

Под-правитель задумчиво поскрёб подбородок.

— Да, что-либо одно из этого, — признал он. — Но как бы то ни было, у вас здорово получается. Хочу сказать по секрету...

Тут он перешёл на шёпот, и поскольку я не мог больше ничего слышать, то решил пойти поискать Бруно.

Я нашёл малыша в передней, где перед ним стоял лакей в ливрее, который от чрезвычайной почтительности согнулся едва ли не пополам, оттопырив при этом локти, словно рыба плавники.

— Его Высокопревосходительство, — говорил почтительный лакей, — находятся у себя в кабинете, вшство! — В искусстве произношения этого слога он и в подмётки Канцлеру не годился.

Бруно засеменял дальше, и я счёл за лучшее последовать за ним.

Правитель, высокий и величественный человек с важным выражением на очень приятном лице, сидел за письменным столом, сплошь покрытым бумагами, а на колене у него устроилась одна из самых миловидных и привлекательных девчушек, каких мне только доводилось видеть. Выглядела она на четыре-пять лет старше Бруно, но имела такие же розовенькие щёчки, такие же искрящиеся глазки и схожую кудрявую шевелюру. Её живое улыбающееся личико было обращено вверх, к лицу отца, и восхищённому взгляду открывалась та взаимная любовь, с которой оба они — девочка, переживающая Весну Жизни, и её отец, находящийся в поре поздней Осени, — созерцали друг друга.

— Нет, с ним вы ещё не встречались, — говорил старик, — да и как: он покинул нас очень давно и всё странствовал по дальним странам в поисках потерянного здоровья — дольше, чем ты, моя маленькая Сильвия, живёшь на свете!¹⁷

¹⁷ В главе X «Другой Профессор» читатель встретит явную иронию над образом жизни Леонардо да Винчи. Не иронизирует ли здесь автор над некоторыми житейскими правилами Канта? Общеизвестно, что Кант имел привычку по утрам, перед тем как сесть за письменный стол, вышагивать строго отмеренное расстояние в строго установленное время, невзирая на погодные условия. Между тем эту его привычку нельзя счесть простой причудой: таким образом немецкий профессор (обратим внимание! — над немецкими профессорами Кэрролл ещё будет подтрунивать) вновь и вновь задавал своему сердцу здоровый ритм; метода размеренного вышагивания с сосредоточением на этом занятии вполне действенна, и невропатологи рекомендуют её пациентам по сей день. Образованные люди в XVIII—XIX веках не гнушались медицинских советов Канта. В дневнике И. С. Тургенева от субботы 27/15 января 1883 г. имеется такая запись: «В прошлое воскресенье, 2/14 янв<аря> так-таки и вырезали у меня невром <...> Было очень больно; но я, воспользовавшись советом Канта, старался давать себе отчёт в моих ощущениях — и, к собственному изумлению, даже не пикнул и не шевельнулся. А длились вся операция минут с 12. Невром был с грецкий

Тут Бруно взобрался на другое его колено, результатом чего явились обильные поцелуи, весьма замысловатые по исполнению.

— Он вернулся только этой ночью, — продолжал Правитель, когда поцелуи иссякли. — Последнюю тысячу миль или около того он двигался с особенной поспешностью, чтобы успеть ко дню рождения Сильвии. Зато он рано встаёт, и к этому часу, я полагаю, уже засел в Библиотеке. Пойдёмте-ка навестим его. Он всегда добр к детям. Вы наверняка его полюбите.

— А другой Профессор тоже приехал? — спросил Бруно. В его голосе слышался благоговейный страх.

— Да, они прибыли вместе. Другой Профессор, он, знаете ли... Пожалуй, он не приглянется вам поначалу. Он, как бы это сказать, немного *мечтательный*.

— Вот бы Сильвия была немного мечтательной, — сказал Бруно.

— Чего-чего? — изумилась Сильвия.

Но Бруно обращался к отцу, а не к ней.

— Она сказала, что *не может*, понимаешь, папочка? А на самом деле она просто *не хочет*.

— Сказала, что не может мечтать? — озадаченно повторил Правитель.

— Да, сказала! — настаивал Бруно. — Когда я сказал ей: «Прекратим уроки!», она сказала: «И мечтать не могу, чтобы урок уже окончился!»

— И пяти минут не проходит с начала урока, а ему уже хочется, чтобы урок закончился! — пожаловалась Сильвия.

— Пять минут уроков в день! — сказал Правитель. — Немного же, малыш, можно выучить за такое время.

орех — большой. Потом меня уложили — и так я пролежал 14 дней» (*Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: в 30 тт. Т. 11. М.: Наука, 1983. С. 209*).

— Но это же Сильвия так говорит, — оправдывался Бруно. — Она говорит, что я *не хочу* учить уроки. А я ей говорю, что я *не могу* учить их. На это она мне отвечает, что я просто *не хочу* учить уроки, а я говорю...

— Пойдёмте же повидаем Профессора, — сказал Правитель, мудро избегая дальнейшего разговора. Дети, поддерживаемые за руки, спрыгнули с его колен, и счастливая троица — а следом и я — направилась в Библиотеку. По дороге я нехотя признался самому себе, что никто из всей компании (за исключением Лорда-Канцлера, и то всего один раз) даже не взглянул в мою сторону. Кажется, моего присутствия вовсе не замечали!

— Так он потерял здоровье, папочка? — спросила Сильвия, двигаясь с несколько преувеличенной степенностью, чтобы подать пример Бруно, который шествовал с другого боку... вприпрыжку.

— Да, но уже, наверно, давно нашёл! — а в те времена жаловался на прострел и ревматизм, и на прочее из той же области. Лечиться он предпочитает только у себя самого; он весьма учёный доктор. Только представьте: он даже изобрёл три новые болезни, не говоря уже о новом для вас способе сломать ключицу.

— А для нас это не больно? — спросил Бруно.

— Для кого? А что? Не очень, — отвечал Правитель, но мы уже входили в Библиотеку. — А вот и Профессор. Доброе утро, Профессор! Надеюсь, вы хорошо отдохнули после дороги!

Маленький толстый живчик в цветастом халате, держащий под мышками по огромной книге, засеменял в дальнем конце комнаты, двинувшись прямо к нам и не обращая на детей ни малейшего внимания.

— Я ищу третий том, — сказал он. — Вы его не встречали?

— Встречайте, Профессор, моих *детюшек*, Профессор! — воскликнул Правитель, хватая Профессора за плечи и разворачивая его лицом к детям.

Профессор неистово расхохотался; успокоившись, он целую минуту безмолвно разглядывал детей сквозь свои огромные очки. Наконец он обратился к Бруно:

— Вот ты, мальчик, на что потратил своё утро?

Бруно растерялся.

— Утро было *общим*, — пролепетал он. — И его нельзя было ни на что потратить. За него же нечего было взять.

Теперь растерялся Профессор. Он снял свои очки и долго протирал их носовым платком. Затем он вновь водрузил очки на нос и уставился на детей. Спустя полминуты он повернулся к Правителю и спросил:

— Они все были переплетены?

— Нет, мы не были, — торопливо произнёс Бруно: тут он мог ответить не задумываясь.

Профессор повесил голову.

— Значит, ни кожаных корешков, ни кожаных ремешков?

— Нас не бьют ни плетью, ни ремешками, ни корешками, — возмутился Бруно. — Мы не преступники!

Но Профессор уже забыл про них. Он вновь обратился к Правителю.

— Могу вас обрадовать, — сказал он. — Барометр-то сдвинулся...

— Так-так, и в какую же сторону? — спросил Правитель, добавив специально для детей: — Не то чтоб я беспокоился, понимаете? Просто *они* полагают, что это влияет на погоду. Они замечательно умный человек, понимаете? Иногда они говорят такие вещи, которые может понять только Другой Профессор. А иногда они говорят такое, чего никто не может понять. Так в какую же сторону, Профессор? Вверх или вниз?

— Ни вверх, ни вниз, — сказал Профессор, потирая ручки. — Вбок, если можно так выразиться.

— И какую же погоду это нам предвещает? — спросил Правитель.
— Дети, слушайте! Это следует знать!

— Осадки. Горизонтальные! — ответил Профессор и ринулся к двери, едва не растоптав Бруно, в последнее мгновение успевшего отскочить.

— Каков! — воскликнул Правитель, провожая Профессора восхищённым взглядом. — Вот так истинные учёные расчищают путь к знанию!

— Попроси он меня вежливо, я бы и сам посторонился, — возразил Бруно с обидой в голосе.

Но Профессор снова был здесь: он сменил свой халат на сюртук с полами до колен, а ноги его были обуты в очень странно выглядевшие сапоги, отвороты которых сильно смахивали на раскрытые зонтики.

— Неплохо, правда? — спросил он. — Как раз на случай горизонтальных осадков¹⁸.

¹⁸ Итак, изобретения — если вести их отсчёт от Белого Рыцаря — продолжают! Правда, те изобретения были, как помнит читатель, в большинстве своём бесполезны. Бесполезные изобретения упоминаются и теперь — например, «новый способ» сломать ключицу. И всё же, чтобы читатель мог судить, насколько полезно это, первое явленное ему в натуре, изобретение Профессора, укажем, что понятие «горизонтальные осадки» действительно применяется в метеорологии. Оно, правда, не на слуху у отечественного читателя, жителя равнин, однако прекрасно знакомо англичанам. Горизонтальные осадки — это не дождь, идущий с неба, но влага, которая выпадает подобно дождю, только зачастую *ниже пояса*, из сгустков плывущего невысоко над землёй тумана. Это явление можно наблюдать в гористых областях, покрытых растительностью, в Англии — преимущественно у побережья.

Сапоги-зонтики способны помочь и в иных случаях. Вспомним пассаж из одного русского романа. «Так была уже сильна роса, что втулки тележных колёс, цепляясь за верхушки высоких придорожных былин, сбивали с них целые гроздья тончайших водяных брызг — и зелень травы казалась сизо-

— Но какой смысл носить зонтики вокруг колен?

— В случае *обычных* осадков, — признал Профессор, — особого смысла, конечно же, нет. Но если когда-нибудь вас застигнут *горизонтальные*, польза от них будет просто неоценима!

— Ведите-ка Профессора в столовую, дети, — сказал Правитель. — Да скажите там, чтобы меня не ждали. Я рано позавтракал, и мне нужно работать.

Дети схватили Профессора за руки, да так бесцеремонно, словно он был их давним приятелем, и потащили из комнаты. Я почтительно отправился следом.

ГЛАВА II. В поезде с незнакомкой

Входя в столовую, я услышал последние слова Профессора:

— А позавтракал он в одиночестве, ранним утром; поэтому просил не ждать его, миледи. Сюда, миледи, — добавил он, — сюда!

серой. Марианна опять пожалась от холода. „Свежо, свежо, — повторила она весёлым голосом. — И воля, Алёша, воля!“» Здесь описан ещё один вид осадков, часто относимых к горизонтальным, — так называемые конденсационные осадки. Как видим, это явление — общее для европейских средних широт, которым не свойственна засуха. Однако и на великих равнинах Евразии конденсационные осадки можно искусственно вызывать даже в засушливое время года, см. другое изобретение — нечто вроде степного каменного колодца в повести Леонида Платова «Дата на камне». Только подобно тому как зонтики, предназначенные для спасения от горизонтальных осадков, нужно опускать пониже, вместо того чтобы поднимать их над головой, так и при создании «колодца» для улавливания конденсационных осадков поступают *наоборот* — не копают вниз, а возводят *вверх* нечто вроде каменного купола.

И затем с совершенно (как мне показалось) чрезмерной угодливостью он распахнул двери моего вагона и провозгласил¹⁹:

— Молодая и очаровательная леди!

Я проворчал про себя: «Вот и начальная сцена первого акта. Она — Героиня. А я — всего лишь один из второстепенных персонажей, что подворачиваются только для лучшего раскрытия её роли и чей финальный выход произойдёт у врат церкви, чтобы в общем хоре поприветствовать Счастливую Пару»²⁰.

— Не забудьте, миледи, у вас пересадка в Фейфилде, — услышал я вслед за тем. (Ох уж этот раболопный Страж!) — Всего через одну станцию.

¹⁹ Здесь повествование совершает первый скачок между планами романного бытия: теперь рассказчик уже не в Запределье — то есть не в сказке, — а в привычной для себя викторианской действительности. А вот с точки зрения коренных обитателей Запределья, Рассказчик переносится из их родного мира в Сказочную страну (которая для него самого, конечно, таковой не является).

²⁰ Исследователями отмечена Кэрролла приверженность как к курсивному написанию, так и к использованию заглавных букв. Последнего случая удостаиваются конкретные и абстрактные понятия, являющиеся в сочинениях Кэрролла, столь увлечённого театром, словно бы «действующими лицами», какими бы они ни были мимолётными (см. далее в этой главе упоминание Алгебры, Научного Знания и др.). Само понятие «действующие лица» («*dramatis personae*» английского оригинала) является общим для Кэрролла (например, в данном романе) и английского перевода книги Владимира Проппа «Морфология сказки» (1928; первое английское издание 1958 года, второе, пересмотренное, 1968; последнее воспроизведено и в новом тысячелетии), разделы которой посвящены «функциям действующих лиц» в сказке, «атрибутам действующих лиц», «формам появления действующих лиц» и проч. Отметим также частые у персонажей романа реплики «в сторону», как по-театральному называет их Кэрролл.

Дверь закрылась, и вошедшая уселась в уголке, а монотонная вибрация машины (как бы от кровообращения какого-то гигантского чудовища, у которого мы находились во чреве) возвестила, что мы вновь устремились в дорогу.

— Нос у этой леди непременно идеальной формы, — ни с того ни с сего пробормотал я, — глаза газели, а губы... — Тут я словно встряхнулся: зачем рассуждать попусту, как «леди» выглядит, если проще посмотреть собственными глазами.

Украдкой я окинул её взглядом, но ничего этим не достиг. Сеточка вуали, скрывавшая лицо, была слишком густой, чтобы я мог увидеть нечто большее, чем блеск сверкавших глаз и неясные очертания того, что *должно* было быть приятным овалом лица, но могло ведь с равной вероятностью оказаться и *не столь* приятным. Я снова прикрыл глаза и сказал себе: «Зато отличная возможность поупражняться в Телепатии! *Додумаю* её лицо, а когда подвернётся случай, сравню свой портрет с оригиналом».

Поначалу мои усилия не увенчались успехом, хотя моя «быстрая мысль» неистово «заметалась то туда, то сюда» — Эней и тот, мне кажется, позеленел бы от зависти²¹. Однако едва различимый овал оставался всё так же будоражаще недоступен для взора — простой эллипс, как на обычном математическом чертеже, даже без обозначения фокусов, которые служили бы намёком на нос и рот. Но во мне зрело убеждение, что при достаточной концентрации мысли я сумею проникнуть взором *по-за* вуаль и добраться им до загадочного лица, в отношении которого два вопроса: «Красива ли она?» и «Не

²¹ Отсылка к поэме Вергилия, где тот описывал раздумья не раз охваченного заботами Энея выражением, которое С. Ошеров перевёл как «мечется быстрая мысль, то туда, то сюда устремляясь». Вергилий — любимый писатель Кэрролла, и читатель ещё не раз встретит цитаты из него в сочинениях нашего автора.

дурнушка ли?» — неизбывно висели в моём мозгу эдакими приятными противовесами.

Успех оказался лишь частичным — и отрывистым, однако кое-что у меня получалось: вуаль то и дело пропадала во внезапных вспышках света; и всё-таки не успевал я полностью охватить лицо взглядом, как его вновь заволакивала дымка. При каждом таком проблеске это лицо, казалось, приобретало всё больше детскости и невинности, и когда я наконец совершенно *выбросил вуаль из головы*, ошибиться было невозможно — передо мной оказалось ясное личико маленькой Сильвии!²²

— Ага, либо Сильвия мне только снится, и такова реальность, либо Сильвия действительно со мною рядом, и таково сновидение! Не сновидение ли сама Жизнь, хотел бы я знать?

Чтобы чем-то заняться, я развернул письмо, которое и побудило меня предпринять это внезапное путешествие по железной дороге из моего лондонского дома в незнакомый рыбацкий городок на Северном побережье; и я перечёл следующие строки:

Мой дорогой, мой милый друг!

²² «Многоликие персонажи стали частью английской литературы задолго до того, как Кэрролл приступил к созданию „Сильвии и Бруно“, — пишет Паскаль Рено Гробра в статье «От Хаоса к Космосу: генезис „Сильвии и Бруно“» (*Pascale Renaud Grosbras. From Chaos to Cosmos: The Genesis of Sylvie and Bruno. 2010*; сетевой ресурс английского перевода Mike’a Leach’a). — В посвящении, предпосланном поэме „Королева фей“, Эдмунд Спенсер <...> разъясняет, что его персонажи — это разные лица под одними и теми же именами. Так, Глориана в то же время есть Королева фей, персонификация Глории-Славы, а также королева Елизавета, тогда как Артур одновременно и король Артур, и персонификация Величия, и граф Лестерский. Кэрролл обратил данную процедуру, создав персонажей с множественными именами, но иной раз с единым лицом».

Уверен, что тебе, так же как и мне, доставит удовольствие встреча после стольких лет разлуки; я, конечно же, постараюсь, чтобы ты извлёк пользу из тех познаний в медицине, которыми я обладаю; только бы нам не нарушить профессиональной этики! Тебя ведь уже прибрал к рукам первоклассный лондонский врач, соревноваться с которым для меня было бы крайне лицемерно. (Я не сомневаюсь в правоте его утверждения, что у тебя нелады с сердцем, — все симптомы указывают на это.) Но вот на что, во всяком случае, вполне хватит моих медицинских способностей: ты будешь обеспечен покойной спальней в цокольном этаже, чтобы тебе совсем не пришлось взбираться по лестницам.

Буду ждать твоего прибытия последним поездом в пятницу, как ты и писал в своём письме, а до того напому тебе слова старой детской песенки: «Как пятница долго тянется! Я не играю, жду!»²³

Всегда твой Артур Форестер.

P.S. Веришь ли ты в Судьбу?

Этот постскрипtum весьма меня озадачил. «Он же в высшей степени рассудителен, — подумал я, — чтобы быть Фаталистом. Но тогда с чего вдруг такой вопрос?» Я сложил письмо и, кладя его рядышком, неосторожно повторил вслух:

— Веришь ли ты в Судьбу?..

Прекрасная «Инкогнита»²⁴ быстро повернула голову в ответ на внезапный вопрос.

— Нет, не верю, — сказала она с улыбкой. — А вы?

²³ Переводчик, в свою очередь, позволил себе воспользоваться строчкой из одного детского стихотворения, написанного в 60-е годы прошлого века (автор — Ирина Токмакова).

²⁴ «Незнакомка» (лат.).

— Я... Простите, я вовсе не хотел задать вопроса, — пробормотал я, слегка ошеломлённый необычным, не принятым началом разговора.

Улыбка девушки перешла в смех — не в насмешку, но в смех счастливого, никого не стесняющегося ребёнка.

— Вот как? — сказала она. — Тогда это тот случай, который вы, врачи, называете «неосознаваемой деятельностью мозга».

— Я не врач, — отозвался я. — Я похож на врача? Почему вы так решили?

Она указала на книгу, которую я некоторое время перед тем читал, а потом положил рядом с собой названием вверх, так что каждый желающий мог прочесть: «Болезни сердца»²⁵.

²⁵ В книге «Льюис Кэрролл и его мир» Дж. Падни рассказывает со слов первого биографа Кэрролла и его племянника Стюарта Доджсона Коллингвуда, что в своей квартире в колледже при соборе Христовой Церкви (Крайст Чёрч) Кэрролл собрал обширную медицинскую библиотеку, которой мог бы гордиться и настоящий врач. Толчком собиранию книг, продолжает Падни, послужило потрясение, испытанное Кэрроллом, когда он наблюдал приступ эпилепсии у студента. «Я благодарен судьбе, что в ту минуту проходил мимо, — писал он, — и получил возможность быть полезным в этих чрезвычайных обстоятельствах. Я понял, насколько беспомощным делает нас невежество, и дал себе слово прочитать какую-нибудь книгу о непредвиденных обстоятельствах, что, мне кажется, следует сделать каждому». Начал Кэрролл с книги «Советы оказавшимся в непредвиденных обстоятельствах». По завещанию Кэрролла его библиотека перешла к его племяннику Бертраму Коллингвуду, ставшему профессором физиологии в больнице Сент-Мери в Паддингтоне; там в тридцатые годы прошлого века открылось детское отделение имени Льюиса Кэрролла (см.: *Падни Дж. Льюис Кэрролл и его мир*. М., 1982. С. 66—68; пер. В. Харитонов).

Но только ли этот факт собственной биографии подтолкнул Кэрролла к упоминанию медицинских штудий Рассказчика на страницах романа? Мара Губар (Marah Gubar), автор статьи «Lewis in Wonderland: The Looking Glass Word of *Sylvie and Bruno*» (Texas Studies in Literature and Language. Winter

3006. Vol. 48. No. 4), считает, что мотив «болезни сердца» имеет более глубокую подоплёку. В заголовке статьи не случайно стоят как «Сильвия и Бруно», так и «Зазеркалье»; сопоставив обе сказочные повести, автор утверждает: «Кэрролл был далёк от изображения любви Рассказчика к детям как склонности естественной и безгрешной; его отношение к ней — как к случаю патологии. Так, перво-наперво мы узнаём о Рассказчике, что он страдает „болезнью сердца“. И действительно, в ходе повествования такой диагноз постоянно подтверждается: уже в начале рассказа этот персонаж совершает путешествие на поезде, чтобы получить независимое заключение от Артура, ведь тот — врач. К несчастью, Артур согласен с коллегами <...>. Но каковы же упоминаемые им симптомы? Нам об этом не скажут. Единственное, что нам делается известным о сердце Рассказчика, так это то, что оно полностью отдано ребёнку. Так, во время этого, первого, путешествия по железной дороге Рассказчик всматривается в скрытое под вуалью лицо леди Мюриел, сразу же назначив незнакомую девушку „Героиней“ своей истории. Но когда он пытается обрисовать для себя это скрытое под вуалью лицо, то способен вообразить лишь одного-единственного человека! Эта минута и выдаёт нам природу сердечного порока Рассказчика: идеального товарища по романтическому приключению он воображает только ребёнком» (p. 385).

Далее исследовательница развивает свою концепцию: «Такая любовь к детям наносит урон не только самочувствию Рассказчика, но также и первичному объекту его симпатии. Сильвию не радует проявление к ней особого внимания; наоборот, Рассказчик замечает, что „чудный ребёнок, казалось, постоянно опасался, что его похвалят или хотя бы заметят“ (глава V «Матильда-Джейн» второй части романа). А когда Сильвию попросили сыграть на рояле, она соглашается лишь потому, что „твёрдо решила пожертвовать собой, чтобы постараться ради леди Мюриел и её друзей“. Ведь в то же время она страдает, будучи выставлена на всеобщее обозрение: „Сильвия отыскала взглядом меня. В её глазах сверкали слёзы. Я попытался изобразить на лице ободряющую улыбку, но было заметно, что нервы ребёнка слишком напряжены от этого первого появления на публике, поэтому девочка растеряна и напугана“ (глава XII «Сказочная музыка» второй части). Эта сцена выдаёт Кэрроллову убеждённость в том, что вуайеризм у взрослых,

— Не нужно быть *врачом*, — сказал я, — чтобы интересоваться книгами по медицине. Есть ещё одна категория читателей, кто даже больше интересуется...

— Вы говорите о *пациентах*? — прервала она, а выражение нежной жалости придало её лицу новое очарование. — Но, — продолжала она с очевидным желанием избежать этого, возможно болезненного, предмета, — ведь совсем не нужно быть врачом или пациентом, чтобы интересоваться книгами по *Науке*. Как вы думаете, где содержится больше Научных Познаний — в книгах или в умах?

как и у самого Рассказчика, некогда во все глаза разглядывавшего детей на Лондонской выставке [см. главу XIX «Сказочный дуэт» второй части. — А. М.], на детях отражается болезненно. Такие неравноправные отношения, в которых охота и удовольствие принадлежат одной стороне, не просто травмируют эмоциональное здоровье детей. По мнению Кэрролла, они угрожают самому их существованию, поскольку подобное несовместимое сочетание влечёт и физическое воздействие. Многочисленные примеры из романа свидетельствуют об испытываемой автором тревоге, что дети не входят во взрослые игры свободно; нет — они сами игра [по-английски игра слов: «добыча». — А. М.], беззащитная дичь, травимая и со вкусом пожираемая хищниками-взрослыми». В конце концов исследовательница возвращается к высказываниям Кэрролла из Предисловия, характеризуя его взгляд на взаимоотношения взрослых и детей в духе осуждаемого Кэрроллом «неспортивного поведения» (р. 385—386).

Исследование, предпринятое Марой Губар, действительно позволяет говорить о схожести Кэрролловых концепций миров Зазеркалья (как и Страны чудес) и Сказочной страны — нашего реального мира. Многие критики и во времена Кэрролла, и позднее обвиняли мир Страны чудес в жестокости, в ежеминутном ожидании наказания. В викторианском мире романа «Сильвия и Бруно» нет наказаний («Никто никого не будет здесь называть», — объявляет леди Мюриел); и всё-таки вышесказанное позволяет заглянуть и в тёмные уголки светлого романного мира.

«Весьма глубокий вопрос для девушки!» — сказал я самому себе, памятуя, со свойственным Мужчине самомнением, что Женский интеллект большей частью поверхностен. Перед тем как ответить, я с минуту размышлял.

— Если вы говорите о *живущих* умах, то, думаю, определить это невозможно. Ведь так много *записанного* Знания, о котором *не прочёл* ни один живущий, и столько *постигнутого* Знания, которое пока ещё *не записано*. Но если вы имеете в виду все человеческие поколения сразу, то я полагаю, что в *умах* больше, ведь всё, что написано в *книгах*, должно же было быть у кого-то в *уме*, правда?

— Звучит, будто какое-то Правило Алгебры, — отозвалась миледи. («И Алгебра сюда же!» — подумал я с возрастающим изумлением.) — В самом деле, если мы будем рассматривать мысли как *множители*, нельзя ли утверждать, что Наименьшее Общее Кратное всех *умов* содержит всё то, что написано в книгах, а обратное неверно?

— Именно так! — ответил я, восхищённый её примером. — Как было бы здорово, — продолжил я мечтательно, скорее думая вслух, чем сознательно поддерживая беседу, — если бы мы могли приложить это Правило ещё и к книгам! Как вам известно, при нахождении Наименьшего Общего Кратного мы вычёркиваем переменную, где бы она ни появилась, за исключением того члена, в котором она достигает наивысшего значения. Так что мы должны будем вычеркнуть каждую записанную мысль, кроме того высказывания, в котором эта мысль выражена с наибольшей силой.

Миледи весело рассмеялась.

— Боюсь, *некоторые* книги уменьшатся до чистого листа бумаги! — сказала она.

— Верно. Большинство библиотек резко сократятся в объёме. Но только подумайте, как они выиграют в *качестве*!²⁶

— Когда же такое произойдёт? — последовал нетерпеливый вопрос. — Знать бы, что это случится в *моё* время, я бы подождала читать!

— Ну, возможно через тысячу лет...

— Тогда и ждать незачем, — сказала миледи. — Давайте сядем. Аггаг, лапочка, иди ко мне!²⁷

— Только подальше от *меня*! — прорычал Под-правитель. — Маленький негодник каждый раз ухитрится развернуть свой кофе!

²⁶ С этим рассуждением удивительно перекликается замечание одного прекрасного стилиста и литературного редактора о том времени, когда она училась литературному мастерству у своего старшего товарища и коллеги. «Труднее всего мне давалась та краткость, ясность и сдержанность слога, которой требовал от меня Самуил Яковлевич [Маршак. — А. М.]. Для того, чтобы выражать мысли и чувства кратко, надо научиться выражать их сильно, а я этого совсем не умела. Насколько я понимаю теперь, Самуил Яковлевич хотел уберечь меня от размашистого фельетонного красноречия. Помню, тогда, работая рядом с ним, я впервые начала понимать, что сделать страницу короче — это чаще всего вовсе не означает, что надо то или другое место попросту зачеркнуть; нет, это означает, что надо найти для мысли более сильное выражение» (Лидия Чуковская. Избранное. М.: Вече, 2011. С. 547).

²⁷ Рассказ вновь обращается к сказке, в точности к тому мгновению, когда от неё оторвался (то есть к мгновению сразу после фразы «А позавтракал он в одиночестве, ранним утром; поэтому просил не ждать его, миледи», см. начало этой главы). Имя «Аггаг» (*Uggug*), как указывает Питер Хит в рецензии «Кэрролл торжествует» (*Peter Heath. A Ceremony of Carrolls // The Virginia Quarterly Review. 1977. Vol. 53. No. 3*; электронный ресурс), имеет явную связь с именем «Гагги» (*Guggy*) персонажа со схожим характером из сказки юного Чарльза Лютвиджа «Замок Крэндл», сочинённой им для домашнего рукописного «Ректорского журнала» (1850).

Я сразу догадался (а читатель, вероятно, догадался ещё раньше, если, подобно мне, он *достаточно* ловок в извлечении выводов), что миледи была супругой Под-правителя, а упомянутый Аггаг (отвратительный толстый мальчишка того же возраста, что и Сильвия, форменный поросёнок обликом) был их сыночек. Сильвия и Бруно вместе с Лордом-Канцлером довершали компанию собравшихся за столом, коих в совокупности было семеро.

— И вы действительно каждое утро принимали глубокую ванну? — спросил Под-правитель, по-видимому продолжая с Профессором какой-то разговор. — Даже в маленьких придорожных гостиницах?

— Ну разумеется! — отозвался Профессор с улыбкой на весёлом лице. — Сейчас объясню. На самом деле это очень простая задача Гидродинамики. Так называется наука, трактующая о соединении Воды и Силы. Возьмём бассейн для ныряния и человека большой силы (вроде меня), собирающегося глубоко нырнуть, и у нас будет превосходный пример из этой науки. Должен признать, — продолжал Профессор, понизив голос и потупив очи, — что для этого нужен человек *значительной* силы. Ведь ему предстоит подпрыгнуть с пола на высоту вдвое против своего роста и в полёте перевернуться, чтобы войти в воду головой вперёд.

— Ну, так для этого нужна *блоха*, а не *человек*! — воскликнул Под-правитель.

— Позвольте! — возмутился Профессор. — Этот частный вид ванн *не* предназначен для блох. Уверяю вас, — продолжал он, складывая свою салфетку изящным фестонем, — эта вещь есть *истинная* необходимость нашего века — Купальная Лохань Активного Деятеля. Вкратце её, если хотите, можно обозначить, — он взглянул на Канцлера, — буквами КЛАД.

Канцлер, здорово смутившийся под обращёнными на него со всех сторон взглядами, только и смог, что робко пробормотать:

— Точно так!

— Одно большое преимущество именно такой глубокой ванны, — продолжал Профессор, — заключается в том, что она требует всего лишь полгаллона воды...

— Я не назвал бы это *глубокой* ванной, — заметил Его Под-превосходительство, — если только ваш Активный Деятель не собирается ещё и уйти под землю.

— Нет, только под воду, — спокойно ответил пожилой джентльмен. — АД вешает КЛ на гвоздь — вот так. Затем он выливает в неё кувшин воды, ставит пустой кувшин вниз, затем взвивается в воздух и опускается головой вперёд в ванный мешок; вода изливается вокруг него, заполняя мешок доверху — и готово! — заключил он с видом победителя. — АД сможет пробыть под водой так долго, словно он на пару миль погрузился в пучину Атлантического океана.

— И через пять минут он захлебнётся.

— Ничуть! — откликнулся Профессор, самодовольно улыбаясь. — Примерно через минуту он спокойно отвернёт пробку в нижней части КЛ — и вся вода выльется назад в кувшин: снова готово!

— Но как, скажите пожалуйста, он вновь выберется из мешка?

— А *это*, говорю я вам, — ответил Профессор, — составляет самую прекрасную часть всего изобретения. На внутренней стороне КЛ есть такие петельки для пальцев, по которым можно подняться наверх, вроде как по лестнице, только, возможно, с немного большими усилиями; и к тому времени, как АД вылезет из мешка весь (кроме головы), он уже сможет перевернуться — тем или иным способом, Закон Тяготения поработает над этим. И вот он снова на полу.

— И слегка ушибленный?

— Ну да, слегка ушибленный, но зато *принявший* свою *глубокую ванну* — вот ведь что важно.

— Чудесно! Это почти невероятно! — пробормотал Под-правитель. Профессор воспринял эти слова как комплимент и поклонился с благодарной улыбкой.

— Совершенно невероятно! — добавила миледи, намереваясь, очевидно, перещегоолять супруга в любезности. Профессор поклонился и ей, но на *этот* раз без улыбки.

— Уверяю вас, — серьёзно сказал он, — что *если только моя ванна была изготовлена*, я принимал её каждое утро. Я совершенно точно уверен, что *заказал* её; единственное, в чём я сомневаюсь, это сделали её в конце концов или не сделали. Не могу вспомнить, после скольких-то лет...

В этот момент дверь начала очень медленно и скрипуче растворяться, и Сильвия с Бруно, вскочив, бросились навстречу хорошо знакомому им звуку шагов.

ГЛАВА III. Подарки ко Дню рождения

— Вот и мой брат, — предостерегающим шёпотом произнёс Под-правитель. — Говорите же, да поскорее!

Его слова, разумеется, были адресованы Лорду-Канцлеру, который сразу же затараторил — визгливо, как ученик, отвечающий урок у доски:

— Как я уже отмечал, Ваше Под-превосходительство, это зловещее брожение...

— Слишком рано! — прервал его сосед, от возбуждения едва способный говорить шёпотом. — Он ещё не слышит вас. Начните снова!

— Как я уже отмечал, — повторил нараспев покорный Лорд-Канцлер, — это зловещее брожение уже приобрело размеры Революции.

— И какие же у Революции размеры? — Произнёсший это голос был мягким и дружелюбным, а лицо высокого и величественного человека, который вошёл в комнату, ведя Сильвию за руку и неся ликующего Бруно на плече, было слишком благородным и безмятежным, чтобы заставить трепетать даже очень провинившегося

человека, однако Лорд-Канцлер мгновенно побледнел и едва-едва выдавил из себя:

— Размеры... Ваше... Ваше Высокопревосходительство?... Я... я не совсем понимаю...

— Ну, скажем, длина, ширина, толщина, если вам это больше подходит! — И пожилой человек презрительно улыбнулся.

Лорд-Канцлер великим усилием воли взял себя в руки и указал на раскрытое окно.

— Если Ваше Высокопревосходительство на минуту прислушается к выкрикам этой озлобленной черни («Озлобленной черни!» — повторил Под-правитель громче, поскольку Лорд-Канцлер, приведённый в состояние униженного трепета, едва не потерял голоса) — вы поймёте, чего они требуют.

Как раз в эту минуту в комнату хлынул грубый и невнятный крик, единственными различимыми словами в котором были: «Меньше... Хлеба... Больше... Пошлин!» Величественный старик рассмеялся от всего сердца.

— Что же это, собственно... — начал было он, однако Канцлер его недослушал.

— Они сбились, — пробормотал он и бросился к окну, от которого вскоре с видом облегчения вновь вернулся к нам. — Вот оно, слушайте *сейчас!* — воскликнул он, поджав в волнении руки.

Теперь уже слова слышались отчётливо, и выкрики доносились с регулярностью тиканья часов.

— Больше... Хлеба... Меньше... Пошлин!

— Больше хлеба! — удивлённо повторил Правитель. — Но ведь новая Государственная Пекарня пущена только на прошлой неделе, и я приказал продавать хлеб по себестоимости всё то время, пока в нём ощущается недостаток! Чего же им ещё нужно?

— Пекарня закрыта, вшство! — отвечал Канцлер громче и увереннее, чем прежде. Смелости ему придало сознание того, что уж

здесь-то у него имеются оправдания; и он сунул Правителю в руки несколько отпечатанных листков, лежавших наготове на столике для закусок рядом с раскрытыми конторскими книгами.

— Вижу, вижу! — пробормотал Правитель, небрежно пробежав их глазами. — Мой братец отменил приказ, а виноватым выхожу я! Ловкая тактика! Ну, хорошо! — добавил он, возвысив голос. — Подписано моим именем, так что принимаю всё это на себя. Но что значит «меньше пошлин»? Как их может быть *меньше*? Последние из них я упразднил месяц назад!

— Но они были введены вновь, вшство, собственными указами вшства! — И ещё одна кипа листков была предоставлена Правителю в качестве подтверждения.

Просматривая их, Правитель пару раз покосился на Под-правителя, который теперь сидел перед одной из раскрытых конторских книг, полностью поглощённый сложением каких-то цифр. И Правитель повторил только:

— Хорошо же. Беру и это на себя.

— И они утверждают, — сконфуженно продолжал Канцлер, более походивший на пойманного вора, чем на Государственного Служащего, — что перемены в Правительстве — упразднение Под-правителя... То есть, — быстро добавил он, встретив изумлённый взгляд Правителя, — упразднение *поста* Под-правителя и предоставление Его Под-превосходительству полномочий Вице-премьера на тот срок, пока Правитель отсутствует, не даст всем этим сменам недовольства распространяться. То есть, — добавил он, взглянув в листок бумаги, который держал в руке, — всем этим *семенам* недовольства.

Тут прозвучал низкий, но очень резкий голос.

— Вот уже пятнадцать лет мой муж занимается Под-правлением. Хватит ему подправлять! — Глупо подобранным словцом миледи словно бы выдавала подлинный смысл деятельности своего муженька. Она всегда была масштабным созданием, но стоило ей нахмуриться и

скрестить руки на груди — вот как сейчас, — как её облик принимал поистине гигантские очертания, и очевидцы, вероятно, начинали подозревать, что именно так выглядит разгневанный стог сена.

— Уж он проявит себя как Лице-пример! — продолжала миледи. — Такого, как он, Лицемера в Запределье давно не видывали!

— Успокойтесь же, — отвечал Правитель. — Я знаю, он намерен...

Миледи топнула, что было недостойно, и фыркнула, что было некрасиво.

— Дразниться сейчас не время! Мерин не мерин, а потянет! — прорычала она.

— А вот я посоветуюсь с моим братом, — сказал Правитель. — Братец!

— ...Плюс семь будет сто девяносто четыре, что составляет шестнадцать фунтов два пенса, — откликнулся Под-правитель. — Два опустим и запишем шестнадцать.

Канцлер в умилении заломил руки и закатил глаза.

— Весь в делах! — проблеял он.

— Братец, не могу ли я побеседовать с тобой в моём кабинете? — сказал Правитель, возвысив голос.

Под-правитель с готовностью поднялся, и братья покинули комнату.

Миледи повернулась к Профессору, который снял крышку кофейника и теперь измерял температуру внутри него своим личным градусником.

— Профессор! — начала она так неожиданно и громко, что даже Аггаг, приснувший в кресле, перестал храпеть и приоткрыл один глаз. Профессор же тотчас спрятал свой градусник в карман, всплеснул ручками и со смиренной улыбкой склонил голову на бок.

— Перед завтраком, я полагаю, вы занимались с моим сыном? — надменно произнесла миледи. — Надеюсь, он приятно поразил вас?

— О, истинно так, миледи! — поспешил откликнуться Профессор и машинально потёр ухо — вероятно, под воздействием неких болезненных воспоминаний. — Его Сиятельство поразил меня весьма чувствительно, уверяю вас.

— Он очаровательный мальчик! — воскликнула миледи. — Он даже храпит гораздо музыкальнее, чем другие мальчишки!

Будь это так, подумал, наверное, Профессор, храп остальных мальчишек был бы поистине невыносим; но Профессор был человек осторожный и не сказал ничего.

— И он такой умница! — продолжала миледи. — Никто другой не будет слушать вашу Лекцию с большим удовольствием — кстати, вы уже назначили ей срок? Вы ведь так и не прочли нам ни одной, хотя обещали ещё много лет назад, перед тем как вы...

— Да, да, миледи, я знаю! Возможно, в этот вторник — или в следующий²⁸...

²⁸ Когда события данного романа имеют календарную привязку, то эта привязка — вторник. И такие события всегда какие-нибудь радостные, вроде долгожданной Лекции, за которой последует Банкет, или пикника да бракосочетания. А вот в «Зазеркалье» поминается среда — день грядущего суда над Королевским Гонцом и день, на который Алиса назначает наказание котёнку. Среда, правда, упоминается и в куплете Песни Безумного Садовника, звучащем в главе VI «Волшебный Медальон»; там «Среда пришла не в свой черёд». Отметила эти факты Рут Берман в статье «Мысли по поводу недели из одних сред» (*Ruth Berman. Reflections on a Week of Wednesday // Knight Letter. Fall 2001. No. 67. P. 19*), она же на с. 20 дала им объяснение. «„Стихи матушки Гусыни“ говорят нам: „Дитя вторника полно изящества, дитя среды — бедолага“, — и Кэрролл придерживался схожих воззрений на эти дни. „Множество вторников моей жизни были отмечены счастливыми событиями“, — записал он в дневнике 28 июня 1864 года [Рут Берман цитирует четвёртый том дневников, изданных Обществом Льюиса Кэрролла (Великобритания) в 1997 году под редакцией Эдварда Уэйклинга. — А. М.]; а в записи за 10 апреля 1877 года после дня, проведённого в Лондоне, отметил:

— Вот было бы хорошо! — любезно заявила миледи. — Вы, конечно, позвольте прочесть Лекцию и Другому Профессору тоже?

— Не думаю, миледи, — нехотя ответил Профессор. — Другой Профессор, знаете ли, всегда стоит спиной к аудитории. Так подобает стоять тому, кто *отвечает* урок, а не тому, кто его *ведёт*.

— Вы совершенно правы, — сказала миледи. — Я и сама поняла теперь, что для *второй* Лекции у нас едва ли найдётся время. А ещё лучше повести дело так: начать с Банкета, потом устроить Бал-маскарад...

— Да-да, так будет лучше! — живо вскричал Профессор.

— Я появлюсь в образе Кузнечика, — невозмутимо продолжала миледи. — А вы, Профессор?

Профессор жалко улыбнулся.

— А я появлюсь... появлюсь пораньше, миледи.

„Это был (как столько других вторников в моей жизни) очень приятный день“» (а здесь Рут Берман обращается к изданию дневников, выполненному до Уэйклинга Роджером Ланселином Грином: *Greene R. L., editor. The Diaries of Lewis Carroll. Oxford, 1953. P. 362*).

Нам придётся и далее ссылаться на «Стихи матушки Гусыни». В таких случаях мы для удобства читателей будем указывать номер соответствующего стихотворения по изданному в 1988 году одноимённому сборнику под редакцией Н. М. Демуровой (М.: Радуга; сборник англоязычный, и титульное название на английском — «Mother Goose Rhymes»). В предыдущем абзаце, следуя за Рут Берман, мы пересказали прозой начало № 336 по сборнику Демуровой. В сборнике можно, однако, найти и стихотворения, содержащие взгляды противоположного свойства. Например, № 921 гласит: «Понедельник — для здоровья, вторник — для богатства, среда вообще наилучший для всего день; четверг — день потерь, пятница — досадных обстоятельств, а в субботу удача вообще невозможна». Как видим, дело не в доверии к детским стишкам, а в личных приметах самого Кэрролла.

— Но вам не следует приходить до того, как отопрут двери, — сказала миледи.

— А я и не смогу, — сказал Профессор. — Прошу прощения — отлучусь на минутку. Так как сегодня день рождения Сильвии, мне бы хотелось... — и он поспешил прочь.

Бруно принялся рыться в своих карманах, и чем дольше рылся, тем грустнее становилось его лицо. Наконец он сунул указательный палец в рот и с минуту размышлял, после чего тихо пошёл к дверям.

Только он вышел, как вернулся запыхавшийся Профессор.

— Поздравляю с днём рожденья и желаю долгих счастливых лет, моё дорогое дитя! — заговорил он, обращаясь к улыбающейся девочке, поспешившей ему навстречу. — Позволь мне сделать тебе подарок. Это подержанная подушечка для булавок, дорогая моя. Она стоит всего-то четыре с половиной пенса.

— Спасибо, это *очень* мило! — и Сильвия наградила старика сердечным поцелуем.

— А *булавки* они отдали мне даром! — ликуя добавил Профессор. — Целых пятнадцать, и всего одна гнутая!

— Из гнутой я сделаю *крючок*! — сказала Сильвия. — Чтобы зацеплять Бруно, когда он убегает с уроков!

— Ни за что не угадаешь, каков *мой* подарок! — сказал тут Аггаг, беря со стола маслёнку и подходя к девочке с плутовским выражением лица.

— Нет, я не могу угадать, — сказала Сильвия, даже не взглянув на него. Она продолжала разглядывать свою подушечку для булавок.

— А вот! — вскричал сорванец и с торжеством вылил ей на голову всё масло из маслёнки, а затем, гордый собственным остроумием, огляделся в поисках одобрения.

Сильвия густо покраснела. Крепко сжав рот, она принялась стряхивать масло со своего платица, а затем отошла к окну, чтобы, глядя вдаль, постараться обрести спокойствие.

Триумф Аггага был очень недолог: вернулся Под-правитель, и как раз вовремя, чтобы стать свидетелем проделки дорогого сыночка; и в следующий момент прицельная оплеуха сменила улыбку торжества на рёв боли.

— Дорогой мой! — вскричала мать, укрывая сына в объятиях своих жирных рук. — Бить по уху ни за что! Ах ты мой хороший!

— Как *ни за что*! — зарычал разъярённый отец. — Да знаете ли вы, мадам, что я оплачиваю все расходы по дому, не говоря об установленных выплатах за год. Сколько он масла извёл, а это по *моему* карману ударит! Вы слышите, мадам?

— Придержите язык, сударь! — очень тихо, почти шёпотом, произнесла миледи. Но было нечто такое в её *взгляде*, отчего супруг сразу затих. — Вы что, не видите, что это было просто *шуткой*? И притом очень остроумной! Он хотел показать, что только её и любит! И вместо того, чтобы в ответ похвалить его, это злобное маленькое создание ещё обижается!

Под-правитель был мастер менять тему разговора. Он направился к окну.

— Милая моя, — сказал он, — это что там, внизу, *свинья* копается среди ваших клумб?

— *Свинья*! — возопила миледи, подскочив к окну, как бешеная, и от спешки едва не столкнув мужа в огород. — Чья это свинья? Как она сюда попала? Где шляется этот сумасшедший Садовник?

В этот момент в комнату вернулся Бруно и, пройдя мимо Аггага (который ревел что было мочи, надеясь привлечь внимание), как будто он давно уже привык к подобным выходкам, подбежал к Сильвии и обвил её руками.

— Я ходил к моему сундуку с игрушками, — промолвил он с очень печальным лицом, — посмотреть, есть ли там что-нибудь подходящее для подарка тебе! Но там ничего нет! Они все поломаны, все до одной!

А у меня не осталось денег, чтобы купить тебе хороший подарок! И я ничего не могу дать тебе, кроме *вот этого!*

«Это» было очень крепким объятием и поцелуем.

— О, благодарю, мой дорогой! — воскликнула Сильвия. — *Твой* подарок мне приятнее всех остальных. — Но если это было так, отчего же она тотчас вернула подарок обратно?

А Его Под-превосходительство обернулся и своими длинными худыми руками погладил обоих детишек по голове.

— Ступайте, дорогие мои! — сказал он. — Нам нужно поговорить о делах.

Взявшись за руки, Сильвия и Бруно направились к дверям, но, едва дойдя до них, Сильвия обернулась и, сделав несколько шагов назад, робко остановилась возле Аггага.

— Я не огорчаюсь из-за масла, — сказала она, — и мне... мне жаль, что тебя ударили. — Девочка попыталась даже пожать руку маленькому бандиту, но Аггаг принялся реветь ещё пуще, на корню зарубив все проявления дружбы. Сильвия вздохнула и вышла из комнаты.

Под-правитель гневно воззрился на рыдающего сынка.

— Прочь отсюда, приятель! — прошипел он, едва осмеливаясь повысить голос. Его жена всё ещё высовывалась в окно, недоумённо приговаривая:

— Не вижу я никакой свиньи! Где она?

— Побежала направо; а теперь отбежала левее, — подсказывал Под-правитель, но сам при этом стоял к окну спиной и подавал Канцлеру знаки, то кивая в сторону Аггага, то мигая на дверь.

Канцлер уразумел наконец, чего от него хотят, пересёк комнату, взял заинтригованного ребёнка за ухо — и в следующую минуту они с Аггагом оказались в коридоре, однако перед тем как дверь за ним закрылась, из-за неё всё же успел вырваться пронзительный крик, который достиг-таки ушей любящей матери.

— Это что было? — свирепо спросила она, обернувшись к мужу, который застыл на месте.

— Гиена... Или какой-то другой зверь, — отозвался Под-правитель и, беспечно посвистывая, принялся разглядывать потолок, будто бы именно там разгуливали издающие крики животные обитатели джунглей и саванн. — Вернёмся к делам, моя дорогая. Правитель вот-вот войдёт. — Тут Под-правитель нагнулся и поднял с пола отбившийся от собратьев лоскут с записью от руки, на котором я смог углядеть только слова «...после каковых надлежащим образом проведённых Выборов вышеназванные Себемет и его супруга Табикат могут по своему соизволению принять Императорский...», после чего с виноватым видом он скомкал листок в руках.

ГЛАВА IV. Коварный заговор

Тут в комнату вошёл Правитель, а следом, красный лицом и запыхавшийся, появился и Лорд-Канцлер, на ходу поправляя свой парик, который совершенно съехал на бок.

— А где мой драгоценный ребёнок? — спросила миледи, когда все четверо уселись вокруг маленького столика для закусок, отведённого сегодня под конторские книги и счета.

— Вышел из комнаты пару минут назад — с господином Канцлером, — поспешно объяснил Под-правитель.

— А! — сказала миледи, милостиво улыбаясь названному высокому должностному лицу. — Вы, Ваше Сиятельство, *покоряюще* обращаетесь с детьми! Никто другой не сможет заставить *уши* моего дорогого Аггага воспринять доводы так же успешно, как *вы*! — Для такой абсолютно тупой женщины реплики миледи были удивительным образом полны смысла, о котором сама она совершенно не догадывалась.

Канцлер поклонился, хоть и несколько стеснённо.

— Я полагаю, Правитель имеет кое-что сказать, — заметил он, страстно желая сменить тему.

Но миледи было не сбить.

— Он такой умный мальчик, — восторженно продолжала она, — только ему нужен кто-нибудь наподобие вас, Ваше Сиятельство, кому по силам было бы с ним *потягаться*.

Канцлер закусил губу и промолчал. Он явно забеспокоился, что, как бы ни была миледи глупа, на этот раз она всё же осознаёт, что говорит, и ещё, пожалуй, издевается над ним. Право же, ему нечего было бояться: какой бы случайный смысл ни имели её *слова*, миледи *сама* никогда ничего в них не вкладывала.

— Значит, решено! — объявил Правитель, не желая тратить времени на предисловия. — Под-правление упраздняется, а мой брат назначается Вице-премьером на срок моего отсутствия. Карету для меня вот-вот заложат, а посему он может приступить к своим новым обязанностям немедленно.

— И наконец он станет *официальным* Лицемером! — воскликнула миледи. Она выглядела весьма довольной и даже захлопала в ладоши, но с таким же успехом вы могли бы ударять друг о друга двумя перинами — звука не было. — А уж раз *мой муж* занимает эту должность, это всё равно, как будто у нас теперь *сотня* Лицемеров!

— Слушайте, слушайте! — воскликнул Под-правитель, от растерянности несколько по-парламентски²⁹.

²⁹ Под-правитель, конечно же, хотел сказать «Вы только послушайте!»; миледи так и поняла это и возмутилась. Курьёз заключается в том, что слаженным возгласом «Слушайте, слушайте!» (в значении «Верно, верно!») в особой певучей манере та или иная парламентская фракция выражает *одобрение* выступающему в английском парламенте. В романе «Сильвия и Бруно» этот возглас мы слышим уже во второй раз; ранее он раздавался в главе I со стороны толпы манифестантов, где был воспроизведён нами по смыслу именно как «Верно, верно!».

— Уж не в диковинку ли тебе, — с сарказмом напустилась на него миледи, — что и твоя жена способна высказать *истину*!

— Нет, вовсе не в *диковинку*! — стремительно возразил её муж. — *Ничего* мне не в диковинку из того, что *вы* способны сказать, моя радость!

Миледи одобрительно кивнула и продолжала:

— А я теперь, значит, Лицемерша?

— Если вам нравится такой титул, — сказал Правитель. — Но «Ваше Превосходительство» будет более подходящей формой обращения. И я полагаю, *Его* Превосходительство и *Её* Превосходительство просмотрят Соглашение, которое я подготовил. Статья моей *особой* заботы следующая. — Он развернул большой свиток пергамента и громко прочёл следующее: — «*Засим*: мы будем щедры к неимущим». Это Канцлер подсказал мне выражение, — добавил он, бросив взгляд на сего великого служаку. — Я полагаю, слово «*засим*» имеет строгий юридический смысл?

— Несомненно! — отозвался Канцлер настолько отчётливо, насколько позволяло ему зажатое в зубах перо. Он нервно развернул и снова свернул ещё несколько свитков, после чего расчистил на столике место для их собрата, который Правитель сейчас передал ему.

— Это просто черновые копии, — пояснил Канцлер. — Только и осталось, что внести последние правки. — Тут он опять беспорядочно разворошил лежащие перед ним пергаменты. — Точку с запятой или ещё какой-нибудь знак препинания, случайно мною пропущенный... — И Канцлер, лихо орудуя пером, принялся черкать весь свиток сверху донизу, прикладывая к своим поправкам по целой кипе промокательной бумаги.

— Нельзя ли сперва прочесть? — спросила миледи.

— Не нужно, не нужно! — в один голос зашикали на неё Подправитель и Канцлер.

— Совсем нет надобности, — мягко подтвердил Правитель. — Мы с вашим супругом вместе его проработали. Здесь утверждается, что Вице-премьер будет иметь всю полноту власти Правителя и сможет распоряжаться частью годового дохода, отпускаемого на содержание канцелярии, вплоть до моего возвращения или, если я не вернусь, до совершеннолетия Бруно, — а затем он должен будет передать мне или Бруно, смотря по обстоятельствам, Правление и нерастраченные средства, а также всё содержимое Казны, которая должна неприкосновенно сохраняться под его надзором.

Всё это время Под-правитель был занят тем, что с помощью Канцлера перекладывал бумаги из одной стопки в другую и на каждой указывал Правителю место, где ему поставить подпись. Затем он подписался сам, а миледи и Канцлер скрепили всё своей подписью как свидетели.

— Лучшие прощания — краткие, — сказал Правитель. — Для моего путешествия всё готово. Мои дети ожидают внизу, чтобы проводить меня. — Тут он торжественно поцеловал миледи, обменялся с братом и Канцлером рукопожатиями и вышел из комнаты.

Оставшаяся троица сидела в полном молчании, пока стук колёс не возвестил, что их речи для слуха Правителя больше недостижимы; затем, к моему удивлению, они разразились раскатами неудержимого хохота.

— Какая игра, о, какая игра! — кричал Канцлер. Они с Вице-премьером ухватили друг друга за руки и принялись бешено скакать по комнате. Миледи была чересчур *полна* достоинства, чтобы скакать, зато она ржала, как лошадь, и махала над головой платочком: даже её ограниченному умишке было ясно, что они провернули *какое-то* удачное дельце — только какое *именно*, ей всё ещё было невдомёк.

— Вы обещали, что когда Правитель уедет, я узнаю все подробности, — заметила она, как только мужчины оказались способны её услышать.

— Ты всё узнаешь, Табби! — снисходительно откликнулся её супруг, убирая промокательную бумагу, так что стали видны два листа пергамента, лежавшие бок о бок. — Вот документ, который он прочёл, но не подписал. А вот документ, который он подписал, но не прочёл! Видите — он был прикрыт, кроме того места, где нужно было поставить подпись.

— Да, да! — нетерпеливо перебила миледи, которая уже сравнивала оба Соглашения. — «*Засим:* он облачается властью Правителя в отсутствие последнего». Так, и это изменено на «станет пожизненным суверенным государем с титулом Императора, если будет избран на эту должность народом». Что? Так ты *Император*, дорогой?

— Ещё нет, дорогая, — ответил Вице-премьер. — Не нужно, чтобы эту бумагу сейчас кто-нибудь видел. Всему своё время.

Миледи кивнула и продолжила чтение.

— «*Засим:* мы будем щедры к неимущим». Ага, это вовсе пропущено!

— Разумеется! — сказал её супруг. — Не собираемся же мы беспокоиться о черни!

— *Хорошо*, — сказала миледи с ударением и вновь продолжила чтение. — «*Засим:* содержимое Казны сохраняется в неприкосновенности». И это изменено на «предоставляется в полное распоряжение Вице-преьера!» Ну, Сибби, умнейший ход! Все Драгоценности, только подумать! Можно мне пойти и сейчас же их примерить?

— *Пока ещё* нет, любовь моя, — поспешил остановить её супруг. — Общественное мнение для этого ещё не созрело. Следует прощупать почву. Но мы, разумеется, сразу же заведём себе выезд четвёркой. И я приму титул Императора, как только мы сможем без помех провести Выборы. Но едва ли они спокойно снесут, если мы станем увешиваться Драгоценностями, пока Правитель жив. Пусть сперва распространится весть о его смерти. Наш Заговор нужно сохранять в тайне...

— Заговор! — вскричала восхищённая миледи, всплеснув руками.
— Обожаю Заговоры! Обожаю интриги!

Вице-премьер и Канцлер перемигнулись.

— Пусть себе играет в Заговор для собственного удовольствия, — коварно прошептал Канцлер. — Вреда не будет!

— А мы — Заговорщики, да?

— Тс-с! — торопливо прошептал её супруг, так как двери отворились и Сильвия с Бруно вошли в комнату, нежно обнимая друг дружку. Бруно конвульсивно всхлипывал, уткнувшись лицом в плечо сестры; по щекам Сильвии тоже катились слёзы, хотя она сдерживала себя и оставалась безмолвной.

— Не хныкать там! — резко сказал Вице-премьер, но это не подействовало на детей. — Успокойте их как-нибудь, — прошептал он супруге.

— *Пирог!* — с мрачной решимостью процедила миледи сквозь зубы, отворила дверцу буфета, после чего направилась к детям с двумя кусками пирога с изюмом. — Ешьте вот, и не плачьте! — коротко и ясно приказала она. Бедные детишки уселись рядышком, явно не имея никакой охоты отведать пирога.

Спустя секунду двери отворились — вернее, рывком раздвинулись, — и в комнату стремительно влетел Аггаг, голося что было мочи:

— Сюда снова появился этот старый Попрошайка!

— Есть ему не давать... — начал было Вице-премьер, но Канцлер его перебил:

— Всё в порядке, — сказал он, понизив голос. — Слуги получили указания.

— Но он уже стоит внизу, — сказал Аггаг, выглядывая из окна в садик.

— Где, мой дорогой? — спросила любящая мать, обвивая рукой шею маленького чудовища.

Все мы (за исключением Сильвии да Бруно, совершенно не замечавших происходящего) последовали за ней к окну. Старик Нищий голодными глазами взглянул на нас снизу вверх.

— Хоть кусочек хлеба, Ваши Высочества! — взмолился он. Это был крепкий ещё, пожилой человек, только выглядел он печальным и усталым. — Кусочек хлеба — вот всё, что мне нужно, чтобы не умереть с голоду! — повторил он. — Только кусочек — и немного воды!

— Вот тебе вода, на, пей! — завопил Агтаг, выливая на голову Нищему кувшин воды.

— Молодец, сынок! — вскричал Вице-премьер. — Какой бравый дух!

— Умница! — присоединилась к мужу и Вице-премьерша. — Такой доблестный!

— Палкой его, палкой! — ревел Вице-премьер, пока Нищий стряхивал воду со своего выдавшего вида плаща, чтобы затем вновь смиренно возвести глаза на компанию в окне.

— Лучше горячей кочергой! — снова вмешалась миледи.

Возможно, поблизости и не было горячей кочерги, а вот несколько *палок* появилось по первому же слову, и угрожающие рожи со всех сторон обступили несчастного пришельца, который с тихим достоинством поднял перед собой руку.

— Не стоит ломать мои старые кости, — сказал он. — Я ухожу. Даже кусочка пожалели!

— Бедный, *бедный* старик! — слышался из-за спины миледи тонкий голосок, срывающийся от рыданий. Это Бруно подошёл к окну, желая бросить убогому свой кусок пирога, хотя Сильвия изо всех сил тянула его назад.

— Нет, я *отдам* ему мой пирог! — закричал Бруно, яростно вырываясь из рук Сильвии.

— Конечно, милый, — мягко настаивала Сильвия. — Но не *бросай* из окна, а то он упадёт на землю и запачкается. Лучше спустимся вниз. — И она повела брата прочь из комнаты, не привлекая внимания остальных, всецело занятых надругательством над стариком.

Наконец Заговорщики вернулись к своим креслам и уселись, продолжив беседу на пониженных тонах, чтобы не было слышно Аггагу, всё ещё неподвижно стоящему у окна.

— Кстати, там было что-то насчёт Бруно, который якобы наследует Правление, — сказала миледи. — Что говорится по *этому* поводу в новом Соглашении?

Канцлер захихикал.

— То же самое, слово в слово, — ответил он. — С *единственным* отличием, миледи. Вместо «Бруно» я позволил себе вольность вписать... — тут его голос понизился до шёпота, — вписать, знаете ли, «Аггаг»!

— «Аггаг», ещё чего! — вскричал я в порыве негодования, которое уже не мог больше сдерживать. Но оказалось, что мне требуется гигантское усилие, чтобы произнести хотя бы эти три слова, — и вот, когда крик уже вырвался, моё напряжение спало, и внезапный шквал смахнул эту сцену, а я оказался сидящим в вагоне прямо напротив девушки, которая теперь откинула свою вуаль и смотрела на меня с выражением весёлого удивления на лице.

ГЛАВА V. Дворец Нищего

Что в минуту пробуждения я *нечто* промямлил, в том не было никаких сомнений: сиплый сдавленный отзвук ещё барахтался у меня в ушах, да и без него изумлённый взгляд моей спутницы был тому достаточным доказательством; но вот как мне было теперь выкручиваться?

— Надеюсь, я вас не напугал? — пробормотал наконец я. — Сам не знаю, что у меня вырвалось. Я задремал.

— Вы сказали: «Аггаг, ещё чего!» — произнесла девушка трепетными губами, которые сами собой неудержимо растягивались в улыбку, несмотря на всё её старание сохранить серьёзность. — Даже и не сказали, а — *прикрикнули*.

— Прошу меня простить, — только и смог я ответить, ощущая себя раскаивающимся грешником во всей его беспомощности. «У неё Сильвины глаза, — подумал я ещё, хотя даже сейчас немного сомневался, проснулся ли я окончательно. — И этот ясный взгляд невинного изумления — тоже как у Сильвии. Но *нет* у Сильвии этого самоуверенного решительного рта и такого рассеянного взгляда мечтательной грусти, как будто давным-давно её поразила какая-то глубокая печаль...» Тут меня толпой обступили фантазии, и, увлечённый ими, я едва расслышал следующие слова девушки:

— Если бы у вас был с собой «Колдовской шиллинг», — продолжала она, — или что-нибудь о Привидениях, или про Динамит, или про Полночное Убийство, тогда ещё можно было бы понять: такие вещи ни шиллинга не стоят, если не вызывают Кошмаров. А так, от *медицинского трактата*, — нет, знаете ли... — Тут она, бросив взгляд на книгу, почти что послужившую мне подушкой, с милым презрением пожала плечиками.

Её дружелюбие, её беспредельная откровенность на секунду смутили меня; но в этом ребёнке — а она казалась почти ребёнком, и едва ли ей можно было дать больше двадцати — не было намёка ни на развязность, ни на дерзость, одна только искренность некоего небесного гостя, новая для наших дольных мест и тех условностей — а по мне, так варварских обычаев, — что царят в Обществе. «Вот так же точно, — подумал я, — и Сильвия будет глядеть и разговаривать на втором десятке».

— Значит, Привидения вам неинтересны, — отважился предположить я, — если только они не устрашают по-настоящему?

— Вот именно, — подтвердила девушка. — Обычные Вагонные Привидения — я имею в виду Привидения из книжек для чтения в вагонах — никуда не годятся. Как сказал Александр Селькирк: «Они настолько ручные, что оторопь берёт!»³⁰ И они никогда не совершают Полночных Убийств. И самим им валяться, «истекая кровью», вряд ли пристало!

— «Истекать кровью» — выражение слишком сильное³¹. Пожалуй, привидению подошло бы испускать флюиды.

— Вряд ли, — с готовностью ответила девушка, как если бы она давно над этим размышляла. — Истекать. Плавать в луже кро... чего-то вязкого. Хлебную подливку вам не доводилось пролить? Она белая, как раз для Привидения, если ему вздумается чем-то истечь.

— Значит, в этой вашей книге, — указал я, — есть по-настоящему ужасное Привидение?

— Как вы догадались? — воскликнула она с завораживающей искренностью и передала свою книгу мне.

³⁰ Александр Селькирк (или Селькрейг) (1676—1721) — шотландский моряк. Повздорив с капитаном корабля «Чинкве Портс» Томасом Страдлингом, был высажен на остров Хуан-Фернандес, где провёл около четырёх лет в полном одиночестве. Послужил прототипом Робинзона Крузо и стал героем нескольких биографий. Данные слова взяты из стихотворения Уильяма Каупера «Одиночество Александра Селькирка»: так его герой отзывается о встреченных им на необитаемом острове диких животных, никогда не выдавших человека.

³¹ Приведённое здесь у Кэрролла английское выражения восходит по меньшей мере к «Эдуарду II» Кристофера Марло (1593; акт II, сцена 5). Выражение стало расхожим в криминальной хронике XIX века; уже в самом начале 1800-х годов в целый ряд американских книг для чтения в классах — и эти книги впоследствии неоднократно переиздавались — вошёл рассказ о подвергшемся нападению человеку, который был бы непременно найден «истекающим кровью», если бы не собака, которая зализывала ему рану.

Я нетерпеливо раскрыл её, чувствуя отнюдь не неприятный трепет (а именно такой, какой и возбуждает любая хорошая история о привидениях) при мысли об и впрямь внушающем дрожь совпадении моих собственных *видений* со столь неожиданно разоблачённым предметом, одновременно занимавшим и её досуг.

Это была Поваренная книга, открытая на рецепте Хлебной Подливки.

Я вернул книгу, выглядя при этом, боюсь, слегка озадаченным, отчего девушка весело рассмеялась.

— Но это действительно захватывает гораздо сильнее, чем все современные истории о привидениях³². Было тут одно Привидение месяц назад — не настоящее, я хотела сказать, а Журнальное. Совершенно *пресное* Привидение. Оно даже мышь не напугало бы! Нет, такому Привидению стула никто не предложит!³³

³² Означает ли этот пункт про хлебную подливку, что наша новая знакомая готовится вскоре приступить к обязанностям хозяйки дома? К новым для себя обязанностям, должны мы сказать, ведь она с таким увлечением вникает в описание одного из самых повседневных английских блюд! Не с него ли и начала она чтение этой поваренной книги? Во всяком случае, именно так поступит впоследствии, уже по завершении викторианской эпохи, юная героиня пьесы «Романтический возраст» Алана Александра Милна, наконец-то решившаяся на замужество. (А. А. Милн — автор другой знаменитой детской книжки «Винни-Пух».) Но если Прекрасной Незнакомке предстоит стать «Героиней» последующей истории, то предназначена ли она судьбой «Герою» этой же самой истории? Не в правилах романтических историй намекать на брачный сговор «Героев» как состоявшийся некогда *до начала повествования*! Противоречие? Как бы то ни было, а читателю стоит запомнить эту деталь.

³³ Предложить привидению присесть нужно не только из обычной светской вежливости. Это — простейшее средство завязать с ним разговор. Как известно (см. хотя бы Кэрроллову «Фантасмагорию», а также любое другое

— Зрелые годы, лысина, очки — всё это, оказывается, имеет свои преимущества, — сказал я про себя. — Вместо какого-то несмелого юноши и застенчивой девушки, выдыхающих междометия через невыносимые паузы, мы имеем здесь пожилого мужчину и ребёнка, беседующих непринуждённо и раскованно, словно старые знакомые! Так вы считаете, — продолжал я вслух, — что *временами* следует предложить Привидению или Духу присесть? Полноте, они на нас и внимания не обратят! Согласно Шекспиру, например, *вот здесь*, вокруг нас, вертится множество духов — а есть ли хоть в одной шекспировской пьесе ремарка «Подвигает Привидению стул»?

Лицо девушки на какую-то секунду приняло озадаченный вид, а затем она едва не захлопала в ладоши.

— Да, да, есть! — вскричала она. — Ведь Гамлет говорит у него: «Присядь, присядь, разгорячённый Дух!»³⁴

— Тогда он, наверно, предлагает ему мягкое кресло?

— Думаю, американское кресло-качалку.

— Железнодорожный узел Фейфилд, миледи, пересадка на Эльфстон, — объявил проводник, отворяя двери вагона, и вскоре мы оказались на платформе, окружённые нашей кладью.

Для пассажиров, ожидающих здесь пересадки, на платформе не было подготовлено никаких удобств — одна-единственная деревянная скамья, явно не способная вместить больше трёх седалищ, да и та

толковое сочинение о призраках, например «Гамлета» или «Фауста»), призраку не полагается заговаривать первым.

³⁴ Гамлет в первом акте одноимённой пьесы пытается успокоить тень своего отца, требующую мести. Разумеется, ни о каком стуле речи не идёт, Незнакомка шутит. Просьба «Rest, rest» в устах Гамлета означает на самом деле не «Присядь» (как это слово могло быть понято в светской гостиной), но «Успокойся, не волнуйся». Так стоит в русских переводах «Гамлета».

была³⁵ частично занята очень старым человеком в робе, восседающим с опущенными плечами и понурой головой. Морщинистым лицом, на котором застыло выражение терпеливой усталости, он, словно в подушку, уткнулся в собственные руки, обхватившие опёртую оземь клюку.

— Давай, проваливай, — грубо набросился на бедного старика станционный смотритель. — Не видишь, благородные господа стоят! Сюда, миледи! — добавил он совершенно другим тоном. — Если ваше сиятельство изволит присесть, поезд подойдёт через несколько минут. — Подобострастная услужливость его манер была, несомненно, вызвана отчётливо видным на чемоданах адресом, который объявлял, что багаж принадлежит «Леди Мюриел Орм, на Эльфстон через Фейфилд».

Когда я увидел, как старик медленно поднимается на ноги и шлёпает по платформе, с моего языка сами собой сорвались строки:

С дерюги драной встал монах,
С трудом стопой обретши твердь;
Сто лет — в браде и волосах
Сменилась снегом смоль иль медь ³⁶.

³⁵ Как мы отметили уже в примеч. 5, на Доджсона очень хорошее впечатление произвела российская железная дорога. Вероятно, для некоторого объяснения этого факта можно сослаться на слова Чехова, сказанные им весной 1891 года в письме своим родным, когда он путешествовал в Ниццу по береговой железнодорожной ветке: «Заграничные вагоны и железнодорожные порядки хуже русских. У нас вагоны удобнее, а люди благодушнее. Здесь на станциях нет буфетов» (Чехов А. П. Полное собр. соч.: в 30 тт. Т. 22. М.: Наука, 1976. С. 214).

³⁶ «Песнь последнего менестреля» Вальтера Скотта: песнь II, строфа IV. В третьей главке памфлета «Новая Звонница Крайст Чёрч, что в Оксфорде» из Кэрроллова сборника «Придирки оксфордского прохожего» читатель встретит игровой перепев первой строфы этой же песни.

Но леди, моя спутница, едва ли обратила внимание на происходящее. Бросив лишь один-единственный взгляд на «изгнанника», стоявшего поодаль и робко опирающегося на свою палку, она повернулась ко мне.

— Да уж, это не американское кресло-качалка! Но позвольте и мне, — тут она слегка подвинулась, как бы освобождая рядом место для меня, — позвольте и мне сказать вам словами Гамлета: «Присядь, присядь...» — и она, не договорив, залилась серебряным смехом.

— «...разгорячённый Дух!» — закончил я за неё. — Подходящее название для пассажиров поезда! Хоть бы и такого, — добавил я, когда крошечный местный поезд подошёл к платформе и проводники засуетились вокруг, отворяя двери вагонов. Один из них помог бедному старику войти в вагон третьего класса, в то время как другой подобострастно провожал леди и меня в первоклассное отделение.

Девушка задержалась на верхней ступеньке вагона, чтобы понаблюдать за взбирающимся в поезд стариком.

— Бедный старичок! — сказала она. — Он выглядит таким старым и больным! Негоже было так с ним обращаться. Мне очень жаль... — Но в этот момент до меня дошло, что её слова вовсе не были предназначены для моих ушей — она просто рассуждала вслух, сама того не замечая. Я прошёл в вагон и подождал, пока она присоединится ко мне. Тогда я возобновил нашу беседу.

— Шекспир, должно быть, ездил по железной дороге, пусть даже только в мечтах: «Разгорячённый Дух» — такое удачное выражение!

— Ну в нас-то, — подхватила девушка, — «горячность» происходит по большей части от этих чувствительных брошюр для чтения в поездах. Если бы даже Пар ни на что больше не годился, он, по крайней мере, добавил к Английской Литературе совершенно новые Жанры!

— Верно, — откликнулся я. — Вот каково происхождение этих медицинских книг — и всех наших поваренных книг тоже...

— Да нет же, нет, — весело прервала она. — Я не имела в виду *наши* книги! Мы-то с вами совершенно ненормальны. Но вот эти брошюры — эти небольшие дразнящие романы, где на пятнадцатой странице Убийство, а на сороковой Свадьба, — они-то, несомненно, рождены Паром!

— А когда мы будем путешествовать при помощи Электричества — если мне позволительно развить вашу теорию, — то вместо брошюр у нас будут просто листовки, где Убийство и Свадьба окажутся на одной и той же странице.

— Развитие в духе Дарвина! — с энтузиазмом воскликнула девушка. — Только *вы* перевернули его теорию. Вместо развития мыши в слона вы пророчествуете о развитии слона в мышь! — Но тут мы нырнули в туннель, поэтому я откинулся на спинку сиденья и на время прикрыл глаза, пытаясь припомнить отдельные эпизоды моего недавнего сна.

— Кажется, я видел... — пробормотал я сонно, но моя фраза тут же обрела собственную жизнь и дальше потекла самостоятельно: — Кажется, вы сказали... Кажется, он думал... — И внезапно преобразовалась в песенку:

Он думал — это просто Слон

Дудит в свою трубу.

Он присмотрелся — нет, жена

Долдонит: «Бу-бу-бу!»

Сказал он: «Что ж, и я узнал

Коварную Судьбу!»

Что за идиот спел такую дурацкую песню? Похоже, то был Садовник, только несомненно спятивший: он остервенело размахивал над головой своими граблями; и вправду сумасшедший: он то и дело принимался отплясывать неистовую жигу; да просто бешеный: надо же так пронзительно прореветь последние слова своей песни!

В песне, кстати, содержался намёк на него самого, ибо ноги у него были слоновые, а верхняя часть тела — один скелет, обтянутый кожей, и колючие клочья соломы, разбросанные вокруг, наводили на мысль, что он каким-то чудным образом первоначально был весь набит соломой, только набивка выше пояса отчего-то повывазила.

Сильвия и Бруно терпеливо ожидали окончания первого куплета. Затем Сильвия сама по себе (Бруно неожиданно заробел) подошла к Садовнику и застенчиво представилась следующими словами:

— Будьте добры, я Сильвия!

— А то другое существо — оно кто? — сказал Садовник.

— Какое существо? — спросила Сильвия, поглядев вокруг. — Ах, это Бруно. Он мой брат.

— А вчера он был твоим братом? — с беспокойством осведомился Садовник.

— Конечно, был! — крикнул подкравшийся поближе Бруно. Мальчик обиделся, что его обсуждают, а в разговор не зовут.

— Ну-ну, — проговорил Садовник с глубоким вздохом. — А то ведь у нас тут глазом моргнуть не успеешь, как то, что было — уже не то. Стоит ещё раз повнимательнее приглядеться — и всё уже по-другому! Но у меня, знаете ли, дел по горло! Я начинаю корячиться с шести утра.

— Если бы я был садовником, — сказал Бруно, — я не стал бы корячиться так рано. Это похуже, чем быть змеяком, — добавил он полушёпотом, обращаясь к Сильвии.

— Но ты не должен лениться по утрам, Бруно, — сказала Сильвия. — Помни, что *ранняя* птичка червячка клюёт!

— Ну и пусть клюёт, если хочет! — сказал Бруно с лёгким зевком. — Мне змеяки не нравятся. Я буду лежать в кровати, пока ранняя птишка не переключёт их всех!

— И ты нам в глаза говоришь такие вещи? — вскричал Садовник.

На что Бруно со знанием дела ответил:

— Я говорю вам не в глаза, а в уши.

Сильвия благоразумно сменила тему.

— А это вы посадили все эти цветы? — спросила она. — Какой чудесный садик вы сделали! Вы знаете, я бы хотела жить здесь всегда!

— Зимними ночами... — начал было Садовник.

— Но я совсем забыла, что мы собрались сделать! — перебила его Сильвия. — Не будете ли вы так любезны вывести нас на дорогу? Туда только что пошёл нищий старик — он был очень голоден, и Бруно хотел отдать ему свой пирог!

— Моё место его стоит, — проворчал Садовник, вынимая из кармана ключ и отпирая калитку в стене, огораживающей садик.

— А сколько стоит ваше место? — невинно спросил Бруно.

Садовник в ответ лишь усмехнулся.

— Секрет! — сказал он. — Возвращайтесь побыстрее, — крикнул он вдогонку детям, выбежавшим на дорогу. Я едва успел проскочить вслед за ними, прежде чем калитка вновь оказалась закрыта.

Мы поспешили по дороге, и вскоре, приметив старика-нищего примерно в четверти мили впереди нас, дети бросились к нему со всех ног. Они неслись невесомо и быстро, совсем не касаясь земли, да и я сам перестал понимать, как это мне так легко удаётся не отстать от них ни на шаг. В любое другое время эта нерешённая проблема не давала бы мне покоя, но здесь и без того происходило так много занятного!

Старик-нищий был, вероятно, весьма туг на ухо, ибо не обращал никакого внимания на громкие крики, которыми Бруно пытался привлечь его внимание. Старик продолжал устало брести и остановился только тогда, когда мальчик забежал вперёд и протянул ему свой пирог. Бедный малютка никак не мог отдышаться и выдавил из себя всего одно слово: «Пирог!» — но зато оно получилось у него отнюдь не такое грубое и угрюмое, как недавно у Её Превосходительства, а по-детски мягкое и непосредственное.

Старик выхватил у мальчика пирог и жадно его проглотил, точно голодный зверь, но ни словом благодарности не одарил он своего маленького благодетеля — только прорычал: «Ещё, ещё!» — и уставился на перепуганных детей.

— Больше нету, — произнесла Сильвия со слезами на глазах. — Я свой съела. Стыдно, конечно, что вас так грубо прогнали. Мне очень жаль...

Конца фразы я не расслышал, ибо мысли мои переметнулись (чему я и сам несказанно удивился) к леди Мюриел Орм, которая совсем недавно произнесла эти же самые слова, — да, и тем же Сильвиным голосом, и с тем же блеском нежно печалющихся Сильвиных глаз!

— Ступайте за мной! — таковы были слова, которые пробудили меня от раздумий; произнеся их, старик с величавой грацией, так мало соответствовавшей его ветхому платью, взмахнул рукой над придорожными кустами, и они тут же начали никнуть к земле. В другое время я бы глазам своим не поверил или, на худой конец, почувствовал бы сильное изумление, но на *этом* странном представлении всё моё существо оказалось поглощено сильнейшим любопытством: что дальше-то будет?

Когда кусты совершенно выстелились по земле, прямо за ними мы увидели мраморные ступени, ведущие куда-то вниз и во мрак. Старик первым двинулся по ним, а мы заспешили следом.

Лестница поначалу была столь тёмной, что я мог разглядеть только силуэты детей, которые, держась за руки, ощупью продвигались за своим ведущим; но с каждой секундой становилось всё светлее и светлее благодаря какому-то странному серебристому сиянию, разлитому, казалось, в самом воздухе, так как ни одной лампы не было заметно; и когда мы наконец достигли ровной площадки, то оказались в помещении, где было светло, как днём.

Помещение было восьмиугольным, и в каждом углу стояло по стройной колонне, обёрнутой шёлковой тканью. Стены меж колоннами

были сплошь покрыты на высоту шести-семи футов вьющимися растениями, так густо увешанными гроздьями спелых плодов, что за ними и листьев-то было не увидеть. В одном месте моё удивлённое внимание привлекли плоды и цветы на одном и том же побеге — дело в том, что ни таких плодов, ни таких цветов я за жизнь свою не встречал. Выше этой поросли в каждой стене было проделано по круглому окну цветного стекла, а ещё выше находились арочные перекрытия, сплошь усыпанные дорогим камнем.

С неуменияющим изумлением обращал я свой взор то туда, то сюда, пытаюсь постичь, как же мы здесь оказались, ибо дверей не было вовсе, а каждая стена густо заросла живописными вьюнами.

— Здесь нас никто не потревожит, дорогие мои! — произнёс старик, кладя руку на плечо Сильвии и наклоняясь, чтобы поцеловать её. Сильвия с отвращением отпрянула, но в следующее же мгновение раздался её радостный крик:

— Ой, это же *отец*! — и она кинулась в его объятья.

— Папа! Папочка! — воскликнул и Бруно вслед за ней; и в то время как счастливое семейство обменивалось объятьями и поцелуями, я только и мог, что утирать свои глаза и приговаривать:

— Хорошо, а куда же подевались лохмотья? — ибо теперь старик был одет в королевское платье, мерцавшее драгоценностями и золотым шитьём, а голову его украшал золотой обруч.

ГЛАВА VI. Волшебный Медальон

— Но где же мы, отец? — прошептала Сильвия, крепко обхватив ручонками шею старика и своей розовой щёчкой прижимаясь к его щеке.

— В Эльфийском королевстве, милая. Это одна из провинций Сказочной страны.

— А я думала, что Эльфийское королевство далеко-далеко от Запределья, а сейчас мы прошли такой короткий путь!

— Вы прошли Королевским путём³⁷, радость моя. Только особы королевской крови могут идти им; а вы стали особами королевской крови с тех пор, как меня избрали Эльфийским королём, — примерно месяц назад. Они отправили *двух* послов — убедиться, что я получил их приглашение стать новым Королём. Один из послов был Принцем, так что он тоже мог пройти Королевским путём и оставаться невидимым для всех, кроме меня. Другой был Бароном; ему пришлось двигаться обычной дорогой, и я думаю, что он ещё не прибыл к нам в Запределье.

— А мы сейчас далеко от дома? — спросила Сильвия.

— Всего за тысячу миль, моя радость, считая от той калитки, которую вам отпер Садовник.

— За тысячу миль! — повторил Бруно. — А можно мне одну съесть?

— Что-что, маленький проказник? Съесть *милю*?

— Да нет, — сказал Бруно, — я хочу съесть одну... ягоду.

— Хорошо, малыш, — сказал отец. — Съешь, и ты узнаешь, что значит *получить Удовольствие* — то самое Удовольствие, которого все мы добиваемся так неистово, чтобы вкусить с такой горечью!

Бруно мигом подбежал к стене и сорвал какой-то плод, по форме напоминающий банан, а по цвету — клубнику. С сияющим видом мальчик принялся его уплетать, однако по мере исчезновения фрукта у него во рту выражение радости странным образом сходило с его лица; и когда от плода уже ничего не осталось, Бруно совершенно расстроился.

³⁷ Усматриваем здесь аллюзию на употреблённое Евклидом выражение из его ответа египетскому царю Птолемею I, пожелавшему изучить геометрию быстрее и легче, чем этого можно было добиться, последовательно проходя Евклидовы «Начала»: «В науку нет царского пути». Царский (используя западное словоупотребление — королевский) путь, таким образом, это путь прежде всего *короткий*.

— У него совсем нет вкуса! — пожаловался он, садясь на колени к отцу. — Я ничего не почувствовал во рту! Это просто... Как это называется, Сильвия?

— Это *Флиزز*³⁸, — мрачно ответила Сильвия. — Неужели, отец, они все такие?

— Они все такие для вас, дорогие мои, потому что вы пока ещё не жители Эльфийского королевства. Но для меня они все настоящие.

Бруно страшно заинтересовался.

— Я попробую другой, — сказал он, спрыгнув с королевского колена. — Там что-то такое красивое, полосатое, как радуга! — И он побежал туда.

Тем временем Сказочный король и Сильвия беседовали друг с другом, но такими тихими голосами, что до меня не долетало ни слова. Поэтому я пошёл с Бруно, который срывал и поедая плод за плодом, один краше другого, в тщетной надежде обнаружить такой, который имел бы вкус. Я и сам попытался нечто сорвать — но это было всё равно что хватать жменями воздух, и вскоре я оставил попытки и вернулся к Сильвии.

— Погляди-ка хорошенько вот на это, моя дорогая, — говорил старик, — и скажи мне, нравится ли тебе.

— Какая прелесть! — восхищённо воскликнула Сильвия. — Бруно, иди сюда, посмотри!

И она подняла руку, в которой держала *это*, чтобы показать Бруно на свет — медальон в форме сердца, выточенный, казалось, из цельного самоцвета, синего-пресинего, висящий на тонкой золотой цепочке.

— Красиво, — сдержанно отметил Бруно и тут же начал вслух читать какие-то слова, выгравированные на Медальоне. — Все... будут... любить... Сильвию, — вот что у него в конце концов получилось.

³⁸ Словечко, введённое в литературу Кэрроллом.

— Это и так ясно! — воскликнул он, обхватив руками Сильвию за шею.
— *Все* любят Сильвию!

— Но мы-то любим её больше всех, правда, Бруно? — сказал старый Король, убирая Медальон. — А теперь, Сильвия, взгляни *сюда*. — И он показал ей свою ладонь, на которой лежал медальон малинового цвета и точно такой же формы, как предыдущий синий, тоже нанизанный на тонкую золотую цепочку.

— Ещё красивее! — воскликнула Сильвия, в умилении всплеснув ручками. — Смотри, Бруно!

— И на этом что-то написано, — сказал Бруно. — Сильвия... будет... всех... любить.

— Видишь разницу? — спросил отец. — Разные цвета и разные надписи. Выбери один из них, дорогая моя. Какой тебе понравился больше, тот я тебе и отдам.

Задумчиво улыбаясь, Сильвия несколько раз прошептала про себя прочитанные слова и, наконец, решилась.

— Очень приятно, когда все тебя любят, — сказала она, — но любить других самой — ещё лучше! Можно мне взять красный медальон, папочка?

Отец не сказал ничего, однако я видел, что его глаза увлажнились, когда он склонил голову и прижался губами к её лобику в долгом прочувственном поцелуе. Затем он разъединил концы цепочки и показал дочери, как крепить Медальон на шее и скрывать цепочку под воротничком.

— Медальон предназначен для того, чтобы ты его *хранила*, — наставлял он, понизив голос, — а не для того, чтобы другие на него *смотрели*. Запомнила, как им пользоваться? — И Сильвия кивнула в ответ.

— А теперь, дорогие мои, вам настало время возвращаться, а то они хватятся вас и у бедного Садовника будут неприятности!

И снова всего меня заполонило чувство чудесного, когда я попытался представить, как же это мы ухитримся отсюда выйти, — а ведь я счёл само собой разумеющимся, что где пройдут дети, там и я смогу пройти, — но их-то головки не посетило ни тени замешательства, пока они обнимали и целовали отца, вновь и вновь повторяя:

— До свиданья, милый папочка!

А затем, неожиданно и быстро, на нас словно бы надвинулась темнота полуночи, и сквозь мрак резко прорвалась дикая бессмысленная песня:

Он думал — это на камин
Зачем-то влез Бычок.
Он присмотрелся — нет, зашёл
Сестры кумы сынок.
Сказал он: «Парень, для тебя
Всегда готов пинок!»

— Это был я! — воскликнул Садовник, выглянув из полуоткрытой калитки и уставившись на нас, ожидающих на дороге, когда кто-нибудь впустит. — И я не знаю, что я бы сделал, если бы он не убрался!

Говоря так, Садовник полностью распахнул дверь, и мы, слегка ослеплённые и сбитые с толку (по крайней мере, я) резким переходом из полумрака вагона к яркому дневному свету, вышли на железнодорожную платформу станции Эльфстон.

Облачённый в изысканную ливрею лакей выступил вперёд и почтительно прикоснулся рукой к своей шляпе.

— Карета ждёт вас, миледи, — сказал он, принимая у неё шаль и прочую мелочь, с которой она не расставалась в поезде; а леди

Мюриел³⁹, подав мне руку и с милой улыбкой пожелав спокойной ночи, последовала за ним.

С каким-то чувством пустоты и одиночества я направился к багажному отделению, откуда уже выносили чемоданы; отдав указания отправить мои короба вслед за мной, я двинулся пешком на квартиру к Артуру, и вскоре сердечные приветствия моего старого приятеля и уютная теплота весело освещённой маленькой гостиной, куда он меня провёл, заставили меня позабыть о досадных мелочах.

— Тесновато, как видишь, но вполне достаточно места для нас двоих. Садись вон в то кресло, дружище, и давай ещё раз хорошенько поглядим друг на друга! Ха! У тебя здорово изнурённый вид! — И строгим профессиональным тоном он продолжал: — Предписываю озон и развлечения в обществе; дозволяется в любой дозе. Принимать за пиршественным столом три раза в день.

— Но, доктор! — запротестовал я. — В обществе не принимают по три раза в день!

— И это всё, что ты знаешь об Обществе? — весело отозвался молодой доктор. — Теннис на лужайке, в три часа дня; принимать в гостях. Званный чай, в пять часов вечера; принимать в домашних условиях. Музицирование (здесь, в Эльфстоне, обедов не дают), в восемь часов вечера; принимать в непринуждённой обстановке. Экипажи к десяти, и по домам!

Я вынужден был признать, что звучит это весьма привлекательно. А заодно похвастался:

— А я уже кое-что узнал о вашем *женском* обществе. Некая здешняя леди ехала со мной в одном вагоне.

— Какова была собой? Я, возможно, угадаю, как её зовут.

³⁹ «Героиня» носит титул «леди», поскольку она, как будет видно дальше, дочь титулованной особы (графа). В таком случае титул «леди» всегда предшествует её имени и сохраняется на всю жизнь — даже если её супруг вовсе не будет иметь титула.

— Её зовут леди Мюриел Орм. А насчёт «какова» — красавица, да и только. Ты её знаешь?

— Да, я её знаю. — Строгий доктор слегка покраснел, добавив: — Согласен с тобой. Она действительно красива.

— *Моим* сердцем она завладела совершенно, — озорно продолжал я. — Мы говорили о...

— Приглашаю отснедать! — перебил меня Артур, с видимым облегчением увидав, что служанка внесла поднос.

После ужина он твёрдо пресекал все мои попытки вернуться к разговору о леди Мюриел, пока вечер в конце концов не перешёл в ночь. И только когда наша беседа выдохлась и мы сидели, тихо глядя на пламя камина, он вдруг сделал торопливое признание.

— Не хотелось мне заводить с тобой разговора о ней, — сказал он (не называя имени, как если бы в мире существовала всего одна «она»), — пока ты не присмотришься к ней и сам не оценишь, но никак не могу удержаться после твоих слов. Ни с кем другим я ни за что не стал бы об этом говорить. Но *тебе* я доверю один секрет, дружище! Да! Для *меня* правда то, что ты, я полагаю, сказал о себе в шутку!

— Только в шутку, уверяю тебя! — с жаром произнес я. — И то сказать, я же в три раза старше её! Но если она — *твой* выбор, то я уверен, что это вполне достойная девушка, и к тому же...

— К тому же такая милая, — продолжил за меня Артур, — такая чистая, самоотверженная, искренняя и... — он внезапно осёкся, будто не мог позволить себе говорить всуе о столь священном и драгоценном предмете.

Последовало молчание; я дремотно откинулся в своём кресле, поглощённый яркими и прелестными видениями Артура и его возлюбленной, а также образами мира и счастья, предназначенного им. Воображение рисовало мне, как они любовно и томно прохаживаются рука об руку под нависающей кроной деревьев, растущих в их собственном чудесном саду, и как по возвращении с лёгкой прогулки

их приветствует верный садовник. Казалось вполне естественным, что садовник выражает бурный восторг при виде своих милостивых хозяев — господина и госпожи, — но как же удивительно по-детски те выглядели! Я бы даже принял их за Сильвию и Бруно; но что ещё удивительнее — садовник выражал свои чувства диким отплясыванием и бессмысленной песней!

Он думал — это всё Удав
С вопросом пристаёт.
Он присмотрелся — нет, Среда
Пришла не в свой черёд.
Сказал он: «Ладно, эта зря
Не раскрывает рот!» —

а поразительнее всего, что Вице-премьер и «миледи» стояли тут же, сомной бок о бок, обсуждая какое-то распечатанное письмо, которое только что было поднесено им Профессором, в смиренном ожидании стоявшим теперь в нескольких ярдах поодаль.

— Если бы речь не шла об этих двоих негодниках, — донеслись до меня слова Вице-премьера, который, произнося их, злобно взглянул на детишек, вежливо слушавших песню Садовника, — всё было бы гораздо проще.

— Прочти-ка мне ещё разок это место, — сказала миледи.

Вице-премьер прочёл вслух:

— «...Поэтому мы нижайше просим Вас милостиво принять Королевство в согласии с единодушным решением Совета Эльфов и милостиво позволить Вашему сыну Бруно — о чьём благоразумии, одарённости и красоте до нас давно доходят многочисленные слухи — считаться Прямым Наследником».

— Ну и в чём же тут затруднения? — спросила миледи.

— Да что вы, не видите? Посол, доставивший это письмо, ожидает в доме. Он пожелает взглянуть на Сильвию и Бруно, а потому, если он увидит Аггага, да припомнит все эти «благоразумие, одарённость и красоту», он сразу поймёт, что...

— И где же ты думаешь найти более замечательного мальчика, чем Аггаг? — возмущённо перебила миледи. — Более одарённого, более красивого?

На всё это Вице-премьер ответил просто:

— Ну что вы за трещотка! Единственный выход для нас — убрать куда-нибудь этих двоих негодников. Если *вы* окажетесь способны на *это*, то я позабочусь об остальном. Я сделаю так, что он примет Аггага за образец благоразумия и всего прочего.

— Мы, конечно же, станем пока называть его «Бруно»? — спросила миледи.

Вице-премьер поскрёб подбородок.

— Гм! Нет! — задумчиво произнёс он. — Не поможет. Эта бестолочь ни за что не запомнит, что ему следует отзываться на это имя.

— Что-о? *Бестолочь*? — вскричала миледи. — Он не бóльшая бестолочь, чем я!

— Вы правы, моя дорогая, — успокоительно проговорил Вице-премьер, — не бóльшая.

Миледи не возражала.

— Пойдём же, примем посла, — сказала она и поманила пальцем Профессора. — В какой из комнат он ожидает?

— В Библиотеке, мадам.

— И как, вы сказали, его звать по имени?

Профессор заглянул в карточку, которую держал в руке.

— Его Ожирение Барон Доппельгейст ⁴⁰.

— Чего это он заявился под таким потешным титулом? — спросила миледи.

— Не сумел его изменить за время путешествия, — смиренно ответил Профессор. — В его багаже оказалось чересчур много припасов.

— Ты пойдёшь и примешь его, — обратилась миледи к Вице-премьеру, — а я займусь детьми.

ГЛАВА VII. Барон-посол

Я отправился было за Вице-премьером, но, немного подумав, решил всё же понаблюдать за его супругой, любопытствуя видеть, как она ухитрится избавиться от детей.

Я отыскал её в ту минуту, когда она, держа за руку Сильвию, другой своей рукой с самой что ни на есть материнской нежностью гладила Бруно по головке. Оба ребёнка глядели настороженно и почти испуганно.

— Мои ненаглядные, — говорила она, — я задумала приготовить для вас угощение! Этим чудесным вечером Профессор возьмёт вас с собой далеко в лес; я дам вам сумку с едой, и вы устроите славненький пикник на берегу реки!

⁴⁰ Доппельгейстами, или доппельгенгерами (последнее слово переводится с немецкого как «ходячая копия»; таков один из персонажей «математической комедии» Доджсона «Эвклид и его Современные Соперники»), зовётся особая порода духов, являющихся как бы двойниками обычных людей. В поэме «Фантасмагория» они тоже упоминаются, только уже не под столь мудрёным (ради стихотворного размера) названием «двойники». Здесь, вероятно, автор даёт Барону такое имя не только ввиду того, что данный персонаж принадлежит иному миру, но также ввиду его необыкновенной толщины, превышающей толщину одного человеческого тела.

Услышав такое, Бруно подпрыгнул и захлопал в ладоши.

— Вот здорово! — закричал он. — Правда, Сильвия?

Сильвия, с лица которой ещё не совсем исчезло недоверчивое выражение, всё-таки вежливо сказала: «Большое спасибо» и запрокинула головку для поцелуя.

Миледи отвернулась, чтобы скрыть улыбку торжества, появившуюся на её широченном лице, подобно ряби на поверхности озера.

— Маленькие дурачки, — пробормотала она, зашагав к дому.

Я поспешил следом.

— ...Именно так, Ваше Превосходительство, — говорил Барон, когда мы входили в Библиотеку. — Вся пехота была под началом у меня. — Он повернулся к нам и был официальным образом представлен миледи.

— Бранный герой? — произнесла миледи.

Маленький толстый человечек самодовольно улыбнулся.

— Ну да, — произнёс он, потупив взгляд. — Все мои предки прославились своими ратными талантами.

Миледи милостиво улыбнулась.

— Таланты — это наследственное, — заметила она. — Как и любовь к пирожным.

Барон принял обиженный вид, и Вице-премьер благоразумно сменил тему.

— Обед скоро будет готов, — сказал он. — Могу ли я иметь честь проводить Ваше Ожирение в комнату для гостей?

— Конечно, конечно! — закивал Барон. — Никогда не следует оставлять обед в ожидании! — И он рысью припустил из комнаты вослед Вице-премьеру.

Но вернулся он так скоро, что пришедший раньше Вице-премьер едва успел втолковать своей супруге, что её замечание насчёт «любви к пирожным» было

— ...неуместным. Вы бы и сами могли догадаться, — добавил он, — что наш гость носитя со своими наследственными талантами, как не знаю с чем. Военный гений, да что вы! Тьфу!

— Стол уже накрыт? — спросил Барон, влетая в комнату.

— Ещё пару минут, — обернулся к нему Вице-премьер. — А пока давайте-ка заглянем в сад. Вы говорили мне, — продолжал он, когда все трое выходили из дома, — что-то о большом сражении, в котором вы командовали пехотой.

— Именно, — сказал Барон. — Противник, как я уже сказал, далеко превосходил нас численностью. Но я повёл своих людей в самый центр их... Что это? — обеспокоенно воскликнул герой, прячась за спину Вице-премьера, в то время как странное существо стремительно бросилось к ним, размахивая лопатой.

— Это всего лишь Садовник! — ободряюще вскричал Вице-премьер. — Уверяю вас, он совершенно неопасен. Вот послушайте, он даже поёт! Это его любимое развлечение!

И вновь раздался тот же резкий дребезжащий голос:

Он думал — это Секретарь

Приехал по делам.

Он присмотрелся — нет, в дверях

Стоял Гиппопотам.

Сказал он: «Этого кормить —

Тогда не хватит нам!»

И, отбросив лопату прочь, Садовник принялся отплясывать свою безумную жигу, прищёлкивая пальцами и баз конца повторяя:

Тогда не хватит нам,
Тогда не хватит нам!

Барон вновь принял обиженный вид, но Вице-премьер поспешил объяснить, что в песне не было никакого намёка на *него*, да и вообще песня не имела смысла.

— Ты же не имел всего этого в виду, ведь так? — обратился он к Садовнику, который бросил петь и теперь стоял, балансируя на одной ноге и разглядывая их с разинутым ртом.

— Я никогда не имею в виду *всего*, — ответил Садовник, и в этот момент, к счастью, явился Аггаг, что придало беседе новое направление.

— Позвольте представить вам моего сына, — сказал Вице-премьер, шёпотом прибавив: — Это один из самых замечательных и разумнейших мальчиков, которые когда-либо рождались на свет! Я рассчитываю показать вам его способности на примерах. Он постиг многое из того, о чём его сверстники ещё и понятия не имеют; а в стрельбе из лука, в ужении рыбы, в рисовании и музыке его таланты... Но вы сами их оцените. Видите вон там мишень? Сейчас он пустит в неё стрелу. Сынок! — громко позвал он. — Его Ожирение желают видеть, как ты стреляешь. Подать Его Высочеству лук и стрелы!

Надувшись от важности, Аггаг принял лук и стрелы и приготовился стрелять. Лишь только стрела сорвалась с тетивы, Вице-премьер наступил Барону на ногу и так навалился на неё всем своим весом, что Барон взвыл от боли.

— Тысяча извинений! — вскричал Вице-премьер. — Это я оступился от восхищения. Глядите! Прямо в яблочко!

Барон изумлённо вытаращил глаза.

— Мальчик так неловко держал лук, что это просто невероятно! — вымолвил он.

Однако сомневаться не приходилось: стрела была там, в самом центре мишени!

— А вот и озеро, — продолжал Вице-премьер. — Подать Его Высочеству удочку!

Аггаг нехотя принял удочку и с размаху забросил блесну в воду.

— У вас на руке жучок! — вскричала миледи, с такой силой ущипнув Барона за руку, как если бы в неё разом вцепился десяток омаров. — Жук был кусачий, — объяснила она. — Но какая жалость! Вы не увидели, как мой сыночек вытащил рыбу из воды!

На берегу лежала громадная дохлая треска с крючком во рту. Барон неуверенно проговорил:

— Я, признаться, воображал, что треска водится лишь в *солёных* водах.

— Только не в нашей стране, — пояснил Вице-премьер. — Пойдёмте в дом. По дороге задайте моему сыночку какие хотите вопросы — на любую тему!

И надутого мальчика основательно подтолкнули вперед, чтобы он оказался рядом с Бароном.

— Не могли бы вы, Ваше Высочество, сказать мне, — осторожно начал Барон, — сколько будет семью девять?

— Сверните налево! — вскрикнул Вице-премьер и поспешил забежать им вперёд, чтобы указать путь, да так поспешил, что налетел на своего несчастного гостя, который грузно рухнул вниз лицом.

— Ох, простите! — воскликнула миледи, помогая своему мужу вновь водрузить посла на ноги. — Мой сын только что сказал «шестьдесят три»!

Барон ничего не ответил; он был весь в пыли и явно повреждён — как телом, так и умом. Но стоило им ввести его в дом и порядком почистить щёткой, как все неприятности, казалось, были позабыты.

Стол был сервирован самым изысканным образом, и с каждым новым блюдом настроение Барона улучшалось на глазах; но все усилия родителей выудить его мнение по поводу умственных способностей Аггага были тщетны, пока этот предмет всеобщего интереса не покинул комнату и не оказался внизу под окном, рыская по лужайке с маленькой сеточкой, в которую он совал лягушек.

— Милый мальчик, он обожает Естественные Науки, — сказала слеполюбящая мать. — Ну, скажите же, барон, какого вы о нём мнения?

— Чтобы быть совершенно беспристрастным, — сказал осторожный Барон, — я предпочёл бы иметь свидетельств *немного* поболее. Мне кажется, вы упоминали о его способностях к...

— К музыке? — подхватил Вице-премьер. — Они просто необыкновенные! Сейчас вы услышите его игру на фортепиано. — И Вице-премьер подошёл к окну. — Аг... то есть мальчик мой! Зайди-ка на минутку, *да приведи с собой учителя музыки!* Чтобы переворачивал ноты, — добавил он в качестве объяснения.

Аггаг, уже доверху набивший лягушками свою сетку, подчинился без возражений и вскоре появился в комнате в сопровождении маленького человечка свирепого вида, который обратился к Вице-премьеру с вопросом:

— Што за музик ви хотите?

— Сонату, которую Его Высочество исполняет так очаровательно, — сказал Вице-премьер.

— Его Высочество не... — начал было учитель музыки, однако Вице-премьер резко остановил его.

— Ни слова, сударь! Идите и переворачивайте ноты для Его Высочества. Дорогая моя, — обратился он к вице-премьерше, — не объясните ли вы дорогому педагогу, что надо делать? А тем временем я, Барон, покажу вам нашу самую интересную карту — на ней изображены Запределье и Сказочная страна, и вообще всё остальное.

К тому времени как миледи вернулась от учителя музыки, которому она дала необходимые указания, карта была развешена, и Барон уже оказался немало сбит с толку привычкой Вице-премьера указывать на одно место и при этом называть совершенно другое.

Миледи присоединилась к ним и тоже стала указывать на одно место, называя при этом другое, чем усугубляла путаницу, пока, наконец, отчаявшийся Барон не решился сам указать на карту и при этом промямлил:

— А это большое жёлтое пятно — не Сказочная страна?

— Да, это Сказочная страна, — ответил Вице-премьер. — Самое время намекнуть ему, — шёпотом добавил он своей супруге, — чтобы он завтра же возвращался восвояси. Он ест, как акула! Но мне самому неловко ему об этом сказать.

Миледи подхватила идею мужа и немедленно принялась делать намёки самого тонкого и деликатного свойства:

— Только поглядите, как коротка дорога назад в Сказочную страну! Если вы отправитесь завтра утром, то окажетесь дома самое позднее через неделю!

Барон недоверчиво поглядел на неё.

— Но чтобы прибыть *сюда*, мне и то потребовался целый месяц, — сказал он.

— Но ведь путь *домой* всегда короче!

Барон умоляюще взглянул на Вице-премьера, который с готовностью поддержал супругу.

— Вы пять раз сможете приехать назад за то время, что потратили на одну-единственную поездку *сюда*, — если только отправитесь завтра утром.

В это время в комнате раздались звуки Сонаты. Барон вынужден был признаться самому себе, что исполнение было блестящим, но тщетно пытался он взглянуть на юного музыканта. Всякий раз, как ему уже удавалось оборотиться в ту сторону, либо Вице-премьер, либо его

жена ухитрялись заслонить ему вид, указывая на карте ещё какое-нибудь место и оглушая его слух каким-нибудь новым названием.

Наконец Барон сдался, скороговоркой пожелал доброй ночи и покинул комнату, пока хозяин и хозяйка обменивались победными взглядами.

— Отлично сработано! — вскричал Вице-премьер. — Ловко придумано! Но что это за топот там на лестнице?

Он приоткрыл дверь, выглянул и встревожено произнес:

— Сундуки Барона сносят вниз!

— А откуда этот стук колёс? — вскричала миледи, взглядывая через занавеску в окно. — Зачем-то подали экипаж Барона, — пробормотала она.

В этот момент дверь раскрылась; в ней показалось толстое гневное лицо, и голос, хриплый от негодования, проревел:

— В моей комнате полно лягушек. Я уезжаю!

И дверь вновь закрылась.

А в комнате продолжала звучать благородная Соната, — только теперь это мастерские движения *Артуровых* рук возбуждали всеобщее эхо и заставляли саму мою душу трепетом вторить негромким звукам бессмертной «Патетической»; и не раньше чем смолкла последняя нота, смог усталый, но счастливый путешественник произнести «Доброй ночи» и отправиться к своей столь желанной перине.

ГЛАВА VIII. Верхом на Льве

Следующий день пробежал достаточно приятным образом, частью в хлопотах по моему устройству на новой квартире, частью в обходе окрестностей под предводительством Артура и в попытках получить общее представление об Эльфстоне и его жителях. А когда подошло время пятичасового чая, Артур предложил — на этот раз уже безо всяких колебаний — вдвоём заглянуть в «Усадьбу», с тем чтобы я мог

познакомиться с графом Эйнсли, снимающим её на сезон, и возобновить приятельские отношения с его дочерью леди Мюриел.

Моё первое впечатление от благородного, величественного и вместе с тем радушного старика было самым благоприятным; а то *неподдельное* удовольствие, что разлилось по лицу его дочери, встретившей меня словами: «Вот уж воистину нежданная радость!», совершенно сгладило все следы круговерти личных неудач и разочарований долгих лет и нанесло сокрушительный удар по огрубелой корке, сковавшей мою душу.

Но я отметил, и отметил с удовлетворением, свидетельство более глубокого чувства, чем простое дружеское расположение, в её обращении к Артуру — хотя его визиты, как я понял, происходили чуть не ежедневно, — и их беседа, в продолжение которой граф и я только иногда вставляли своё слово, протекала на редкость легко и непосредственно, как бывает лишь при встрече *очень* старых друзей; а поскольку я знал, что они-то знакомы друг с другом не дольше, чем длится это лето, уже переходящее в осень, то у меня сложилось убеждение, что данный феномен можно объяснить Любовью и только ею.

— Вот было бы здорово, — со смехом заметила леди Мюриел — в ответ, кстати, на моё настоятельное предложение избавить её от труда пронести через всю комнату чашку чая графу, — если бы чашки с чаем вообще ничего не весили! Тогда, возможно, дамам позволялось бы *иногда* носить их не очень далеко!

— Легко можно вообразить ситуацию, — сказал Артур, — когда вещи *неизбежно* будут лишены веса друг относительно друга, хотя каждый предмет при этом будет обладать своим обычным весом, если рассматривать его самого по себе.

— Какой-то безнадежный парадокс! — произнёс граф. — Объясните же нам, как это возможно. Мы никогда сами не догадаемся.

— Вообразите, что этот дом, весь полностью, поместили на высоте нескольких билионов миль над планетой и поблизости нет никакого возмущающего фактора, — такой дом ведь станет падать *на* планету?

Граф кивнул:

— Конечно. Хотя, чтобы упасть, ему понадобится несколько столетий.

— А мы сможем продолжать наш пятичасовой чай? — спросила леди Мюриел.

— И чай, и всё остальное, — ответил Артур. — Обитатели этого дома будут жить себе поживать, расти и умирать, а дом будет падать, падать и падать. Но взглянем на относительный вес предметов в нём. Видите ли, ничто не сможет быть в нём *тяжёлым*, за исключением той вещи, которая *попытаётся* упасть, и ей в том помешают. Допускаете?

Мы допустили.

— И тогда, стоит мне взять эту книгу и держать её в вытянутой руке, я, разумеется, почувствую её *вес*. Она ведь стремится упасть, а я ей препятствую. Если бы не я, она упала бы на пол. Но если бы мы падали вместе, она не могла бы, скажем так, *стремиться* упасть быстрее меня, понимаете? Ведь даже отпусти я её — что ещё она могла бы делать, как не падать? Но так как моя рука падает тоже — и с той же скоростью, — книга никогда не оторвалась бы от руки, постоянно несущейся в этой гонке бок о бок с ней. И она никогда не смогла бы настигнуть падающий пол!⁴¹

⁴¹ Этот свободно (а дальше — и несвободно) падающий дом есть не что иное, как усложнённый вариант мысленного эксперимента, который в следующем столетии назовут лифтом Эйнштейна. В статье о Кэрролле Честертон пишет: «Подозреваю, что лучшее у Льюиса Кэрролла написано не взрослым для детей, но учёным для учёных... Он не только учил детей стоять на голове, он учил стоять на голове и учёных» (цит. по: Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье. М., 1978. С. 238; пер. Н. Демуровой. Далее — Академическое издание).

— По-моему, это ясно, — сказала леди Мюриел. — Но когда думаешь об этом, начинает кружиться голова! Как вы можете доводить нас до такого?

— Предлагаю ещё более любопытное рассуждение, — отважился вставить я. — Представьте себе, что снизу к такому дому привязали верёвку, и некто, находящийся на планете, потянул за другой конец. В этом случае дом двигается быстрее, чем его естественная скорость падения, но вот вся мебель — с нашими персонами — продолжает падать в своём прежнем темпе, поэтому отстаёт.

— Фактически мы вознесёмся к потолку, — сказал граф. — Нас неминуемо ждёт сотрясение мозга.

— Чтобы этого не случилось, — сказал Артур, — нам нужно закрепить мебель на полу, а самим привязаться к креслам. Тогда наше чаепитие пройдёт спокойно.

— С одной небольшой неприятностью, — весело перебила леди Мюриел. — Чашки-то мы будем держать при себе, но как быть с *чаем*?

— Про чай-то я и забыл, — признался Артур. — Уж он улетит к потолку, это точно, если только вы не пожелаете выпить его по пути!

— Ну уж это, я думаю, *совершенно* невозможная штука — выпить чашку чая залпом! — отозвался граф. — А какие новости привёз нам этот джентльмен из необъятного мира, называемого Лондоном?⁴²

⁴² На этом заканчивается первый из многочисленных учёных разговоров, которые не раз ещё развлекут читателя этого романа. Такие разговоры были совершенно в духе времени, а ведь «Сильвия и Бруно» — это именно роман в духе времени, даже по форме (точно так же формально, с двумя параллельными планами бытия, сказочным и реальным, выстроен роман Джорджа Макдональда «Фантасты») викторианский до самой ничтожной запятой. В структуре «Сильвии и Бруно» такие разговоры занимают не случайное место, но упоминаются и в иных сочинениях той эпохи — мимоходом, как нечто привычное, вроде обедов или чаепитий. В качестве примера можно напомнить читателю краткий эпизод из огромного романа

Беседа приняла более светский характер. Спустя некоторое время Артур подал мне знак, что пора прощаться, и в вечерней прохладе мы

«Мидлмарч» Джордж Элиот. Здесь характерно, что принимающая участие в сценке Доротея Кейсобон всего час или два назад испытала сильнейшее нравственное потрясение. И тем не менее ей, приглашённой отобедать в дружеский дом, удаётся найти облегчение от невесёлых мыслей. «Вечер прошёл в оживлённой беседе, и после чая Доротея обсуждала с мистером Фербратером, каковы могут быть нравы и обычаи существ, беседующих между собой посредством усиков и, быть может, способных созывать парламент и проводить в нём реформы» (книга VIII, глава LXXX; пер. И. Гуровой и Е. Коротковой). Излишне и пояснять, что подобные разговоры зачастую затрагивали самые насущные темы — в данном случае билль о реформе. (В «Окончании истории» читатель встретит очень похожий разговор — также на «биологическую» тему.)

Исследователь викторианской эпохи Уильям Ирвин в книге «Обезьяны, ангелы и викторианцы» специально останавливает свой взгляд на этой склонности, присущей англичанам в XIX веке (первое издание названной книги вышло в самом начале Холодной войны, что наложило свой отпечаток на приведённые ниже строки): «Сегодня людям внушает священный ужас не столько сам мир, сколько способность человека заставить его взлететь на воздух. Но в XIX веке истина ещё не находила воплощения ни в сверживчатке, ни в грозных газетных выступлениях, ни в правительственных указах; она не была объектом преследования идеологической полиции и даже в самых значительных своих выражениях не принимала вида математической формулы. Она была не только отвлечённой, но и человеческой; её скорее не создавали, а открывали... Она ещё могла быть поэтической; ещё считалось, по крайней мере, что ею жив человек. Если иной раз поиску соответствовали муки и терзания, то бывало, что он проходил и радостно, самозабвенно, а порой даже весело и празднично. Истину находили за обеденным столом или покуривая с друзьями у камина... Дискуссионные клубы были неотъемлемой принадлежностью жизни викторианцев, как для нас клубы любителей новых идей или врачи-психиатры» (здесь и далее цит. по изд.: М.: Молодая гвардия, 1973; пер. М. Кан; приведённая цитата — с. 301—303).

побрели к побережью, наслаждаясь тишиной, нарушаемой лишь шёпотом моря да отдаленной песней какого-то рыбака, а в равной мере и нашей поздней задумчивой беседой.

По дороге мы присели среди скал у тихой заводи, такой богатой по части животной, растительной и зоофитической — или как там её правильно назвать — жизни, что я весь ушёл в её изучение, и когда Артур предложил вернуться домой, я попросился остаться на некоторое время здесь, чтобы понаблюдать и поразмышлять в одиночестве⁴³.

⁴³ Итак, рассказчик всё ещё обуреваем, как, возможно, выразился бы сам Кэрролл, Научным Поиском. С физики его внимание внезапно переключается на биологию, и такой переход совершенно не случаен. Жизнь зоофитов здесь и ботаника несколько далее, к концу первой части, — два самых, пожалуй, популярных в ту эпоху предмета учёного обсуждения в научных кругах и светского разговора на учёные темы среди широкой публики. С исследования зоологии морских беспозвоночных, с систематики моллюсков, кишечно-полостных и оболочников во время плавания к берегам Австралии в 1846—1850 годах на судне «Рэттлснейк» начал свою научную деятельность Томас Гексли (несколько ранее, ещё до поступления на медицинское отделение при Черингкросской лечебнице, он наобум взялся участвовать в публичном (!) конкурсе по ботанике и получил серебряную медаль). Герберт Спенсер, прослушав блистательный доклад Гексли об океанских гидроидных на съезде Британской ассоциации в 1852 году, использовал кое-какие из приведённых в нём фактов в своей работе «Теория популяции, выведенная из общего закона плодovitости у животных», в которой впервые было высказано знаменитое суждение: «Ибо в обычных условиях безвременно погибают те, в ком меньше всего способности к самосохранению, а отсюда с неизбежностью следует, что выживают и дают продолжение роду те, в ком способность к самосохранению проявляется с наибольшей силой, то есть отборная часть поколения» (цитата по книге У. Ирвина, с. 39). Из последующих публикаций следует выделить популярную, тщательно иллюстрированную книгу «Главк, или Сокровища прибрежных вод» 1855 года (переиздания следовали ещё и в XX веке), автор которой, Чарльз Кингсли, словно с улыбкой, но и не видя способа уклониться, приводящий в ней Спенсерову максиму «выживает

Песня рыбака слышалась ближе и ясней, когда его лодка достигла причала, и я бы непременно спустился к берегу посмотреть, как он будет выгружать свой улов, если бы микрокосм у моих ног не возбуждал моё любопытство ещё сильнее.

Особенно восхищал меня один древний краб, который без устали таскался из стороны в сторону по заводи; взгляд его был рассеян, а в поведении сквозило бесцельное неистовство, неотвязно вызывающее в памяти образ Садовника, сделавшегося приятелем Сильвии и Бруно, и, продолжая всматриваться в краба, я даже уловил концовку его безумной песни.

Последовавшая затем тишина была нарушена нежным голоском Сильвии:

— Будьте любезны, выпустите нас на дорогу.

— Что? Опять вдогонку за этим старым нищим? — вскричал Садовник и запел:

сильнейший», впоследствии также написал ряд знаменитых викторианских сказочных повестей (из которых известнейшая — *«Дети воды»*!) и работ социалистического толка.

Названных авторов опережал Дарвин: его вторая, вышедшая после «Путешествия натуралиста на корабле „Бигль“» книга (1842) была посвящена строению и распределению коралловых рифов, а в 1848 году он приступил к работе над фундаментальным трудом об усонагих рачках, одна своеобразная группа которых попала ему на чилийском побережье ещё во время плавания на «Бигле». Эта работа длилась восемь лет, в течение которых препарирование рачков «сделалось в семье Дарвина чем-то до такой степени привычным и неизбежным, что один из малышей, рождённый на свет, когда работа была в самом разгаре, спросил об одном из их соседей: „А где он режет рачков?“» (книга У. Ирвина, с. 86), и, по словам крупнейшего английского ботаника Джозефа Гукера, превратила Дарвина из наблюдателя-натуралиста, собирателя коллекций жучков, костей, камней и проч., в собственно учёного-естествоиспытателя.

Он думал — это у плиты
Возилась Кенгуру.
Он присмотрелся — нет, ведро
Под сор и кожуру.
Сказал он: «Я не стану есть
Такого поутру!»

— Но мы не собираемся никому давать *есть*, — объяснила Сильвия. — Тем более отбросы. Просто нам нужно повидать его. Я понимаю, что вы недовольны...

— Ещё чего! — быстро отозвался Садовник. — Я *вполне* волен. Идите себе на здоровье! — И он распахнул калитку, открыв нам доступ в пыль большой дороги.

Вскоре мы отыскиали путь к знакомым кустам, которые таким чудесным образом пригнулись в тот раз к земле. Здесь Сильвия извлекла на свет свой Волшебный Медальон, задумчиво покрутила его в руке и в конце концов беспомощно обратилась к Бруно:

— А что мы должны с ним сделать, Бруно, чтобы он заработал? У меня всё вылетело из головы!

— Потри его с *лева*, — предложил Бруно.

— А где у него *лево*? — Недоумение Сильвии было вполне извинительным. Но тут она догадалась, что стоило бы попытаться потереть как слева направо, так и справа налево.

Трение слева направо не дало никакого результата.

А справа налево...

— Стой, стой, Сильвия! — тревожно воскликнул Бруно. — Что-то начинается!

Ряд деревьев, стоящих у ближнего холма, торжественным шагом двинулся вверх по склону, в то время как неширокий мелкий ручеек,

мирно журчавший у наших ног минутой раньше, принялся плескаться, пениться и пугающе набухать пузырями.

— Потри по-другому! — закричал Бруно. — Потри вверх-вниз! Быстрее!

Это была счастливая мысль. Трение вверх-вниз сделало своё дело. Местность, начавшая было выказывать признаки умственного расстройства в разных формах, вернулась к своему нормальному состоянию сдержанности — за исключением маленькой жёлто-коричневой мышки, продолжавшей дико метаться по дороге и хлеставшей хвостиком, словно маленький лев.

— Давай пойдём за ней, — сказала Сильвия; и это тоже была счастливая мысль. Мышка сразу же припустила деловой рысцой, под которую мы с лёгкостью подстроились. Меня беспокоила лишь одна странность: маленький зверёк, за которым мы следовали, быстро увеличивался в размерах и с каждым мгновением всё больше делался похожим на настоящего льва.

Вскоре превращение полностью завершилось, и вот уже на дороге стоял благородный Лев, терпеливо ожидая, когда мы нагоним его, чтобы двинуться дальше. Дети, казалось, не испытывали ни малейшего страха, они похлопывали и поглаживали Льва, будто тот был всего лишь шотландским пони.

— Помоги залезть! — крикнул Бруно. Не заставляя просить себя дважды, Сильвия подсадила его на широкую спину благородного зверя, после чего сама уселась позади брата на дамский манер. Бруно схватил каждой рукой по доброму клоку львиной гривы и стал похож на заправского всадника, правящего невиданным конём.

— Но-о! — этой команды оказалось достаточно, чтобы Лев немедленно припустил лёгким галопом, и вскоре мы оказались в лесной чаще. Я говорю «мы», потому что я, похоже, сопровождал их, хотя *как именно* ухитрился не отстать от галопирующего Льва, совершенно не могу объяснить. Но я точно был вместе с детьми, когда мы наскочили

на место, где старик нищий рубил хворост; у его ног Лев сделал низкий почтительный поклон, и в этот момент Сильвия и Бруно спрыгнули на землю, чтобы тотчас же броситься в объятия старика.

— От плохого к худшему, — задумчиво пробормотал старик, когда дети закончили весьма сбивчивый рассказ про визит Посла, о котором они, несомненно, узнали из официального сообщения, ведь их-то никто Послу не представил. — От плохого к худшему! Их намерения ясны. Всё вижу, но ничего не могу изменить. Себялюбие низкого и могущественного человека, себялюбие честолюбивой и глупой женщины, себялюбие злобного и не ведающего иной любви ребёнка — путь для них один: от плохого к худшему. И я опасаюсь, что вам, мои дорогие, придётся ещё долго всё это сносить. Однако, если дела пойдут хуже некуда, вы можете приходить ко мне. Пока ещё я могу сделать немногое...

Схватив пригоршню пыли и рассеивая её по воздуху, он неспешно и торжественно произнёс несколько слов, прозвучавших как заклинание, в то время как дети, благоговейно замерев, не сводили с него глаз:

Пусть же Злобы снежный ком
Нарастает с каждым днём —
Встретит зло в себе самом,
Затрещит по швам кругом,
Задохнётся Кривда в нём;
Засияет полночь Днём!

Облако пыли распростёрлось в воздухе и, словно живое, стало принимать разные забавные очертания, непрерывно сменяющиеся одно другим.

— Оно делает буквы! Оно делает слова! — в страхе прошептал Бруно, уцепившись за Сильвию. — Только я не могу прочесть! Прочитай их, Сильвия!

— Сейчас попробую, — смело ответила Сильвия. — Подожди-ка, дай мне как следует рассмотреть это слово...

— Я не стану есть! — ворвался в наши уши неприятный голос.

Сказал он: «Я не стану есть
Такого поутру!»

ГЛАВА IX. Шут и Медведь

Да, мы опять были в саду; и чтобы только не слышать этого ужасного голоса, режущего слух, мы поспешили в дом и сразу оказались в Библиотеке. Но и там было не лучше: что было мочи ревел Аггаг, Профессор понуро стоял у него за спиной, а миледи, обвинив своими руками шею сына, гладила его по головке и приговаривала:

— Да как они только смеют требовать, чтобы он учил этот противный урок? Мой ты котёночек!

— Что тут за шум? — гневно спросил Вице-премьер, стремительно входя в комнату. — И кто поставил тут эту вешалку для шляп? — С этими словами он нахлобучил свою шляпу на голову Бруно, столбом стоявшего посреди комнаты в глубоком ошеломлении от внезапных перемен местности. Мальчик даже не сделал попытки снять эту шляпу, хотя её поля опустились прямо ему на плечи, отчего он стал похож на малюсенькую свечку, накрытую огромным колпачком-гасителем.

Профессор заискивающе объяснил, что Его Высочество милостиво извоили отказаться делать уроки.

— Живо займись уроками, ты, маленький оболтус! — загремел Вице-премьер. — Получи вот! — И звучная оплеуха заставила несчастного Профессора кубарем покатиться через всю комнату.

— Не бейте! — взмолился Профессор, в полубмороке оседая к самым ногам миледи.

— Не брейте? А вот и побреем, — откликнулась та, затаскивая беднягу в кресло и обёртывая его шею салфеткой. — Где наша бритва?

Тем временем Вице-премьер, придерживая Аггага одной рукой, другой охаживал его своим зонтиком.

— Что это за гвоздь торчит здесь в полу? — громыхал он. — Забить его немедленно! Забить его! — И удар за ударом обрушивались на извивающегося Аггага, пока тот, захлёбываясь слезами, не повалился на пол.

Тогда его папаша повернулся к разыгрываемой сцене «бритья» и разразился хохотом.

— Прошу прощения, дорогая, не могу остановиться, — произнёс он, едва переводя дух. — Ну что ты за дурочка! Поцелуй же меня, Табби!

И он обхватил руками шею устрашённого Профессора, который издал дикий вопль, но получил ли при этом предвещаемый поцелуй, мне не довелось увидеть, так как Бруно, освободившийся к этому времени от своего колпачка-гасителя, ринулся прочь из комнаты, и Сильвия за ним; я также поспешил за детьми, настолько боялся остаться один в обществе этих сумасшедших.

— Бежим к отцу! — промолвила Сильвия, тяжело дыша, когда все мы оказались в саду. — Лично мне кажется, что дела пошли хуже некуда. Попрошу-ка Садовника снова нас выпустить.

— Ой, только не *идти* всю дорогу, — захныкал Бруно. — И почему у нас нет выезда четвёркой, как у дяди!

Но тут снова раздался знакомый голос, пронзительный и неистовый:

Он думал, это Четверня
Склонилась у ботвы.
Он присмотрелся — нет, стоит
Медведь без головы.
Сказал он: «Бедненький, медку
Ты не поешь, увы!»

— Ну уж нет, не выпущу вас снова! — сказал Садовник, не дав детям и рта раскрыть. — Знаете, какого чёсу задал мне Вице-премьер, за то что я в прошлый раз позволил вам выйти? Так что я вам не товарищ! — И, отвернувшись от детей, он принялся исступлённо рыть прямо посреди посыпанной гравием аллеи, вновь и вновь припевая:

Сказал он: «Бедненький, медку
Ты не поешь, увы!» —

только уже более музыкальным тоном, чем тот пронзительный визг, с которого он начал.

Песня с каждой минутой становилась всё более громкой и насыщенной: к её припеву пристраивались какие-то посторонние голоса, и вскоре я услышал тяжёлый удар, возвестивший, что лодка коснулась берега, и резкий скрип гальки, когда люди принялись вытаскивать лодку из воды. Я поднялся и, оказав им помощь, помедлил ещё немного, желая понаблюдать, как они выгружают живописную мешанину из отвоёванных с таким трудом «сокровищ глубин».

Когда я в конце концов добрался до своего жилища, усталость и сон грозили совсем меня одолеть, поэтому я с превеликим облегчением опустился в мягкое кресло, пока Артур радушно хозяйничал у буфета, желая угостить меня куском пирога и бокалом вина, без которых,

заявил он, никакой доктор не имеет права позволить мне лечь в постель.

И тут дверца буфета как заскрипит! И вовсе это не *Артур*, а кто-то другой непрестанно открывал и закрывал её, беспокойно суетясь и бормоча на манер трагической актрисы, репетирующей свой монолог.

Голос-то был *женский*! И силуэт тоже, полускрытый буфетной дверкой, был *женским* силуэтом, объёмистым и в просторном платье. Не наша ли то хозяйка? Дверь отворилась, и в комнату вошёл незнакомец.

— И что эта дура тут делает? — пробормотал он, озадаченно остановившись на пороге.

Женщина, о которой незнакомец отозвался так грубо, была его женой. Она раскрыла одну буфетную дверцу и, стоя спиной к вошедшему, разглаживала на одной из полок лист обёрточной бумаги, шепча про себя: «Так, так! Ловко сработано, искусно задумано!»

Любящий муж на цыпочках подкрался к ней сзади и хлопнул её по макушке.

— Прихлопнул, как муху, — игриво проговорил он.

Миледи заломила руки.

— Разоблачили! — простонала она. — Ах, да! Это же свой! Бога ради, никому не открывай! Нужно выждать время!

— Не открывать *чего*? — запальчиво спросил её супруг, вытаскивая лист обёрточной бумаги. — Что это вы здесь прячете, моя милая? Отвечайте, я требую!

Миледи опустила очи долу и тихо-претихо произнесла:

— Ты только не смейся, Бенджамин, — взмолилась она. — Это... это... Не понимаешь разве? Это *кинжал*!

— Он-то ещё зачем? — усмехнулся Его Превосходительство. — Наше дело — лишь *внушить* всем, будто мой брат умер. Нет нужды *убивать* его. Э, да он к тому же из жести! — и Вице-премьер

презрительно покрутил лезвие. — А теперь, мадам, будьте любезны, объяснитесь. С чего это вы назвали меня *Бенджамином*?

— Это часть Заговора, любовь моя! Ведь заговорщики всегда прикидываются кем-то другим, правда?

— *Другим*, да? Что ж! А этот кинжал, в какую сумму он вам обошёлся? Ну же, без увёрток! Меня вам не обмануть!

— Я приобрела его за... за... за... — забормотала уличённая Заговорщица, изо всех сил пытаясь изобразить на лице выражение записного убийцы, в чём она заранее тренировалась перед зеркалом. — За...

— За сколько, мадам?

— Ну, за двугривенный, если тебе так уж *нужно* знать, дорогой! На свои...

— Не верю я вам! — заорал второй заговорщик. — Станете вы тратить свои деньги!

— На свои *именины*, — смиренно понизив голос, закончила миледи. — Кому-то же *надо* иметь кинжал. Это ведь часть...

— Ох, только не рассуждайте о Заговорах! — грубо перебил её муж, швырнув кинжал в буфет. — Курице — и той лучше удалась бы роль Заговорщицы! Тут прежде всего нужно уметь маскироваться. Взгляните-ка вот на это!

И он со справедливым чувством гордости напялил на себя колпак с бубенцами и весь остальной шутовской наряд, подмигнул жене и упёр язык изнутри в щёку.

— Не правда ли, мне идёт? — спросил он.

Глаза миледи вспыхнули неподдельным энтузиазмом.

— То, что нужно! — воскликнула она, всплеснув руками. — Ты выглядишь *совершенно* по-дурачки!

Ряжёный нерешительно улыбнулся. Он не вполне был уверен, как отнестись к этому комплименту, высказанному столь прямо.

— Вы имеете в виду — как шут? Да, этого я и добивался. А самой-то вам какая маскировка к лицу, вы подумали? — И под восхищённым взглядом супруги он принялся разворачивать какой-то свёрток.

— Изумительно! — вскричала миледи, когда платье наконец было ей предъявлено. — *Отличная* маскировка! Эскимосская крестьянка!

— Скажете тоже — эскимосская крестьянка! — проворчал её супруг. — Наденьте-ка, да посмотритесь в зеркало. Это же *Медведь*, разуйте глаза! — Но тут он круто обернулся — это в комнату влетел пронзительный голос:

Он присмотрелся — нет, стоит
Медведь без головы!

Но то был всего лишь Садовник, поющий под раскрытым окном. Вице-премьер на цыпочках подкрался к окну, бесшумно затворил его и только тогда решился продолжать.

— Да, любовь моя, *Медведь*, но, надеюсь, *не* без головы. Вы будете Медведем, а я Поводырём. И уж если кто-либо нас узнает, то, скажу я вам, у него острое зрение!

— Мне нужно немного поупражняться в ходьбе, — сказала миледи, выглядывая сквозь медвежий рот. — Труднёхонько будет на первых порах избавиться от человеческих манер. А ты смотри приговаривай: «Давай, Мишка!» Хорошо?

— Ладно, ладно, — отозвался Поводырь. Теперь он держал в одной руке конец цепи, свисающей с медвежьего ошейника, а другой рукой в то же время похлёстывал маленькой плёткой.

— Пройдитесь покамест по комнате, как будто танцуете по-медвежьи. Очень хорошо, моя дорогая, очень хорошо. Давай, Мишка! Давай, говорю!

Последние слова он проревел уже ради Аггага, который в этот момент вошёл в комнату и теперь стоял растопырив руки и широко разинув глаза и рот — вылитый портрет изумлённого идиота.

— О-го-го! — Только и смог он произнести.

Поводырь притворился, что поправляет на Медведе ошейник, а сам незаметно для сыночка прошептал супруге:

— *Моя оплошность, чёрт возьми! Совсем забыл запереть дверь. Заговор расстроится, если он обнаружит нашу уловку. Не выходите из роли! Изобразите свирепость!*

И тут, сделав вид, будто изо всей силы тянет цепь на себя, он позволил Медведю сделать пару шагов навстречу испуганному мальчишке; миледи же с восхитительным присутствием духа издавала, по её мнению, злобное рычание, хотя по большому счёту это напоминало мурлыканье кошки. Аггаг с такой поспешностью рванул из комнаты, что зацепился ногами о ковёр, и было слышно, как он тяжело грохнулся в коридоре — несчастье, на которое его любвеобильная мать, довольная собственной игрой, даже внимания не обратила.

Вице-премьер затворил дверь и щёлкнул замком.

— Долой маскировку! — сказал он, переводя дыхание. — Нельзя терять ни минуты. Он наверняка доложит Профессору, а его, как ты понимаешь, мы не можем посвятить в дело.

Маскировка тотчас была упрятана в комод, дверь отперта, а двое Заговорщиков мило уселись рядышком на диване, увлечённо обсуждая книгу, которую Вице-премьер впопыхах схватил со стола и которая оказалась Адресной книгой столицы Запределья.

Дверь очень медленно и осторожно открылась, и Профессор, позади которого едва виднелось глупое лицо Аггага, заглянул в комнату.

— И какая прекрасная планировка! — восторженно говорил Вице-премьер. — Поглядите-ка, моя драгоценная, — на Зелёной улице имеется целых пятнадцать домов перед поворотом на Западную улицу.

— *Пятнадцать* домов, подумать только! — откликнулась миледи. — Я-то полагала, что их всего четырнадцать! — И они так увлечённо занялись обсуждением этого открытия, что даже не подняли глаз на вошедших, пока Профессор, ведя Аггага за руку, не приблизился к ним вплотную.

Миледи первая заметила их присутствие.

— Ах, это же Профессор! — воскликнула она самым что ни есть приветливым голосом. — И с ним моё драгоценное дитя! Урок уже закончился?

— Произошла какая-то странная штука! — начал Профессор с дрожью в голосе. — Его Высокотучность, — это был один из многочисленных титулов Аггага, — извоили мне сообщить, будто собственными глазами видели в этой самой комнате танцующего Медведя и придворного Шута!

Вице-премьер с супругой так и прыснули со смеху.

— Где угодно, только не в *этой* комнате, дорогуша! — сказала любящая мать. — Мы сидим здесь уже с час или больше, читая... — тут она справилась с названием лежащей у неё на подоле книги, — читая... Адресную книгу.

— Позволь, мой мальчик, я пощупаю твой пульс, — сказал заботливый отец. — Теперь высунь язык. Ах, я так и думал! У него лёгкий жар, дорогой Профессор, и он бредит. Немедленно положите его в постель и дайте ему охлаждающего питья.

— Но я не бредю! — запротестовал Его Высокотучность, стоило Профессору потащить его прочь.

— Вы выражаетесь неграмотно, сударь! — строго заметил отец. — Будьте любезны, исправьте этот маленький недостаток, Профессор, как только вы управитесь с его лихорадкой. И кстати! — При этих словах Профессор оставил своего выдающегося ученика стоять в дверях, а сам резво вернулся. — Ходят слухи, что народ желает избрать... ну, фактически... вы же понимаете, что я имею в виду...

— Только не *нового Профессора!* — в ужасе воскликнул бедный старик.

— Нет! Конечно, нет! — нетерпеливо объяснил Вице-премьер. — Всего-навсего *Императора*, понимаете?

— *Императора!* — вскричал изумлённый Профессор и схватился за голову, как будто опасаясь, что от потрясения она разлетится на кусочки. — А что скажет Правитель?

— Да поймите же, Правитель скорее всего и *будет* новым Императором, — объяснила миледи. — Где ж мы возьмём лучшего? Возможно, правда, что... — тут она красноречиво скосила взгляд на своего муженька.

— Вот именно, где? — пылко отозвался Профессор, совершенно не уловив намёка.

Но Вице-премьер не желал отвлекаться:

— Причина, по которой я упоминаю об этом, дорогой Профессор, заключается в том, что я хочу просить вас любезно взять на себя руководство Выборами. Понимаете, это придаст Избирательной Кампании *солидности* — избавит от подозрений о закулисных интригах.

— Боюсь, я не смогу, Ваше Превосходительство! — промямлил старик. — А что скажет Правитель?

— Верно, верно! — махнул рукой Вице-премьер. — Ваше положение Придворного Профессора только стеснит вас, признаю. Так и быть! Держитесь вне Выборов.

— Вот и славно: тогда и Выбор будет вне меня, — пробормотал Профессор, видимо перестав беспокоиться. — В постель, вы сказали, Ваше Превосходительство, и охлаждающее питьё? — И он, словно в забытии, направился назад к двери, где его угрюмо ожидал Аггаг.

Я последовал за ними из комнаты; и пока мы шли коридором, Профессор беспрестанно бормотал про себя, словно не надеялся на свою дырявую память: «П, П, П: положить в постель, подать питьё,

поправить произношение», как вдруг, завернув за угол, он столкнулся с Сильвией и Бруно. От неожиданности Профессор выпустил своего толстого ученика, который моментально улизнул.

ГЛАВА X. Другой Профессор

— А мы вас искали! — воскликнула Сильвия и крепко вцепилась в Профессора, словно боялась снова потерять его. — Мы так сильно хотели вас видеть, что вы даже не представляете!

— А что такое, милые детишки? — спросил Профессор, одарив их совершенно иным взглядом, чем тот, который обычно получал от него Аггаг.

— Мы хотим, чтобы вы попросили Садовника вместо нас, — сказала Сильвия. Бруно тоже вцепился в Профессора с другой стороны, и детишки потащили старика в вестибюль.

— Он стал нам грубить! — печально добавил Бруно. — Они теперь все грубят нам, когда отец уехал. Лев и то был гораздо лучше.

— Но объясните же мне, дети, — с беспокойством сказал Профессор, — который из них Лев, а который — Садовник? Очень важно, чтобы мы их не перепутали. А такое легко может случиться — ведь оба они имеют пасть!

— А вы разве не умеете отличать животных друг от друга? — спросил Бруно.

— Боюсь, что у меня это не всегда получается, — честно признался Профессор. — Взять, например, клетку для кроликов и напольные часы. — Профессор указал на них пальцем. — Эти-то две вещи очень легко спутать: обе имеют дверцы, примечаете? Не далее как вчера, извольте видеть, я положил в часы немного салата, а потом попытался *завести* кролика!

— А кролик *пошёл*, когда вы его завели? — спросил Бруно.

Профессор схватился за голову и простонал:

— Пошёл? Ещё как пошёл! И куда только он ушёл, хотел бы я знать! Как только я его не искал! Даже полностью прочёл статью «Кролики» в толстенной энциклопедии. Войдите!

— Я всего лишь портной, сударь; у меня для вас небольшой счёт, — послышался из-за дверей кроткий голос.

— А, хорошо, я сейчас быстренько разберусь с ним, — сказал Профессор детям, — если вы подождёте минутку. Ну, сколько там у вас в этом году, любезный? — обратился он к портному, который в это время входил в вестибюль.

— Извольте видеть, за этот год счёт стал вдвое большим, — неприветливо ответил портной, — и я хотел бы получить деньги немедленно. Всего с вас две тысячи фунтов!

— О, ерунда какая! — беспечно откликнулся Профессор, копаясь у себя в кармане, как будто бы что-то, а *такую* сумму он всегда имел при себе. — Но не желаете ли подождать ещё годик, чтобы стало *четыре* тысячи? Рассудите-ка, насколько вы станете богаче! Вы сможете даже сделаться *Королём*, если вам этого захочется!

— Не знаю, как людям только удаётся — в *Короли*, — задумчиво проговорил портной, — а только это и вправду будет *знатная* куча денег! Что ж, я бы, пожалуй, и подождал...

— Ну конечно! — сказал Профессор. — Вот вы-то, как я вижу, обладаете здравым смыслом. Прощайте же, любезный!

— А вы хоть заплатите ему эти четыре тысячи фунтов? — спросила Сильвия, когда кредитор закрыл за собой дверь.

— *Никогда*, дитя моё! — со значением ответил Профессор. — Он будет удваивать свой счёт до самой смерти. Это очень мудро — всякий раз ждать ещё год, чтобы получить вдвое большую сумму денег. Ну, а чем вы намереваетесь заняться сейчас, мои маленькие друзья? Не навестить ли нам Другого Профессора? Самое время заглянуть к нему, — сказал он сам себе, взглянув на свои наручные часы. — Обычно в это

время он позволяет себе немного отдохнуть — ровно четырнадцать с половиной минут⁴⁴.

Бруно тут же обежал Профессора вокруг, чтобы оказаться рядом с Сильвией, и схватил сестрицу за руку.

— Пойти-то можно, — с сомнением сказал он. — Только я рядом с тобой. Ведь нужно держаться безопасной стороны, правда?

— Ты рассуждаешь, как будто бы ты *Сильвия*! — воскликнул Профессор.

— Да, я знаю, — скромно ответил Бруно. — Я совсем забыл, что я не Сильвия. Потому что я боюсь — а вдруг он будет свирепым.

Профессор от души расхохотался.

— Поверьте мне, он совсем не строгий. Не укусит. Он всего лишь... всего лишь немного *мечтательный*.

С этими словами Профессор взял Бруно за свободную руку и повёл детей долгим коридором, в который я прежде не заходил, — не то чтобы в этом коридоре не было ничего для меня интересного, а просто я всякий раз попадал во всё новые и новые покои и переходы этого необычного Дворца, и очень редко удавалось мне наткнуться на какое-нибудь место из ранее виденных⁴⁵.

В конце коридора Профессор остановился.

— Его комната здесь, — сказал он, ткнув пальцем в глухую стену.

— Но мы же тут не пройдем! — возмутился Бруно.

⁴⁴ Это замечание Профессора о своём коллеге наводит на предположение, что в образе Другого Профессора заключена пародия на Леонардо да Винчи, который, по воспоминаниям современников, в значительной степени сам являл собой как бы пародию на гения науки: он завёл себе обыкновение спать по пятнадцать минут каждые четыре часа и был столь же мало способен подолгу сосредоточиваться на каком-либо одном занятии.

⁴⁵ Интересно, сколько таких помещений, вновь посещённых Рассказчиком во Дворце, сможет указать читатель? Мы, со своей стороны, укажем дворцовую Библиотеку. Есть ли и впрямь иные?

Сильвия, перед тем как высказать своё мнение, внимательно обследовала стену — может, та где-нибудь да откроется. В конце концов девочка весело рассмеялась.

— Вы нас разыгрываете, милый Профессор! В этой стене нет двери!

— Но у комнаты Другого Профессора и нет дверей, — ответил Профессор. — Нам придётся влезать через окно.

Поэтому мы тут же отправились в сад и вскоре разыскали то окно, что вело в комнату Другого Профессора. Оно находилось в нижнем этаже и было гостеприимно распахнуто. Профессор сперва посадил обоих детишек, а уж после них в окно влезли и мы с ним.

Другой Профессор сидел за столом. Перед ним лежала огромная книга, и его лоб покоился прямо на раскрытых страницах, а руки обхватили книгу сомкнутым кольцом. Другой Профессор громогласно храпел.

— Он всегда так читает, — объяснил Профессор, — когда ему попадается очень интересная книга, и тогда его довольно трудно бывает оторвать от неё.

Сейчас, по-видимому, как раз и был такой трудный случай: Профессор пару раз приподнял своего коллегу за плечи и основательно его потряс, однако стоило того отпустить, как Другой Профессор тотчас же возвращался к своей книге, громким сопением давая понять, что она по-прежнему интересуется его больше всего на свете.

— Совсем зачитался, — вынес заключение Профессор. — Наверно, эта глава здорово его увлекла.

Тут он обрушил на спину Другого Профессора целый град тяжелых ударов, восклицая при этом: «Эй! Эй! Эй!»

— Ни за что не оторвать, когда он желает проникнуть в основу основ! — вынужден был объявить Профессор специально для Бруно.

— Раз он так сладко спит, — заметил Бруно, когда Профессор устал, — значит, он уже проник в... снов.

— Но всё-таки что нам-то делать? — недоумевал Профессор. — Он же совершенно зарылся в свою книгу!

— А может, нужно *закрыть* книгу? — предложил Бруно.

— Правильно! — восхищённо вскричал Профессор. — Так мы и сделаем! — И он проворно захлопнул книгу, прищемив ею нос Другого Профессора.

Другой Профессор мигом вскочил на ноги, схватил свою книгу и отнёс её подальше, в самый конец комнаты, где и поставил на полку рядом с другими книгами.

— Я читаю вот уже восемнадцать часов и три четверти часа, — объявил он, — а теперь собираюсь отдохнуть четырнадцать с половиной минут. Вы уже подготовились к Лекции?

— Почти, — уклончиво отозвался Профессор. — Я хотел просить вас дать мне один совет...

— Как вы говорите, задать Банкет?

— Ах, да! Сначала, разумеется, будет Банкет. Люди, как вы понимаете, не способны получать удовольствие от Абстрактной Науки, если они умирают с голоду. К тому же намечается Бал-маскарад. О, нас ждёт масса развлечений!

— А когда Бал закончится? — спросил Другой Профессор.

— На мой взгляд, ему бы лучше закончиться прямо к началу Банкета, чтобы все успели помаленьку собраться, не правда ли?

— Да, это правильная организация дела. Сперва Развлечение, а потом Лечение — ведь воистину любая Лекция, которой *вы* нас одарите, будет бальзамом для наших душ! — сказал Другой Профессор, который во всё время разговора стоял спиной к нам и был занят тем, что брал с полки книги одну за другой, а затем ставил их на то же место, только вверх ногами. Тут же рядом стоял пюпитр для чтения, на котором была водружена классная доска, и всякий раз как Другой Профессор ставил книгу вверх ногами, он сразу же чертил на этой доске мелом галочку.

— А как насчёт той истории с Поросячьим визгом, которой вы сами так любезно обещали нас порадовать? — продолжал Профессор, в нерешительности скребя подбородок. — Я думаю, Поросячий визг лучше оставить на конец Банкета — тогда люди спокойно смогут выслушать эту историю.

— Пропеть её вам? — спросил Другой Профессор, просяив от удовольствия.

— Если *сможете*, — осторожно ответил Профессор.

— Попробую, попробую, — сказал Другой Профессор и подсел к пианино. — Чтобы не слишком мудрить, давайте условимся, что песня начинается с ля-бемоль. — И он попытался ударить по соответствующей клавише. — Ля, ля, ля! Думаю, что попал в пределах октавы. — Он вновь ударил по клавише и обратился к Бруно, который стоял ближе всех. — Похоже я пропел эту ноту, мой мальчик?

— Нет, не похоже, — уверенно ответил Бруно. — Вы поёте всё равно как утка крякает.

— Ну да, одна нота часто вызывает подобные ассоциации, — со вздохом сказал Другой Профессор. — Я лучше спою вам начало:

У колонки день и ночь
Молодое Порося
Всё сидело в одиночку,
Громким криком голося.

Этот славный Поросёнок
Как никто и никогда
Был визглив, а также звонок,
И сильна его беда.

— Как полагаете, Профессор, прозвучит мелодично? — спросил он, закончив второй куплет.

Профессор немного подумал.

— На мой взгляд, — сказал он в конце концов, — некоторые ноты повторяются, другие — нет, но едва ли это можно назвать *мелодией*.

— Тогда я попробую ещё раз, — сказал Другой Профессор и принялся там и сям нажимать на клавиши. При этом он жужжал себе под нос, словно рассерженная муха.

— А вам понравилось его пение? — спросил Профессор детей, понизив голос.

— *Красивым* не назовёшь, — поколебавшись, ответила Сильвия.

— Назови крайне *гадким*, — сказал Бруно, ничуть не колеблясь.

— Все крайности плохи, — строго заметил Профессор. — Взять, к примеру, Трезвость: это очень хорошая вещь, если только предаваться ей *умеренно*: но если Трезвость доходит до крайности, получается один вред.

«Какой ещё вред?» — возник у меня в голове вопрос, но Бруно, как обычно, задал его за меня:

— А какой от Трезвости получается бред?

— А вот какой, — сказал Профессор. — Когда человек пьян (это, как ты понимаешь, одна крайность), он видит вместо одной вещи две. Но когда он *крайне* трезв (это будет другая крайность), то вместо двух вещей он видит одну. И то и другое положительно неудобно.

— А что значит «жительно неудобно»? — осмелился спросить Бруно.

— Это значит «неудобно для жизни», — поспешил влезть в разговор Другой Профессор. — Разницу между удобным и неудобным лучше всего показать на примере. Нужно только придумать какое-нибудь Стихотворение, в котором встречались бы эти слова... Сейчас подумаю...

Тут Профессор не на шутку встревожился, даже схватился за голову.

— Если только позволить ему начать читать *Стихотворение*, — прошептал он Сильвии, — он ни за что не закончит! Никогда!

— А разве он уже начинал читать Стихотворение и не заканчивал его? — спросила Сильвия.

— Целых три раза, — ответил Профессор.

Бруно встал на цыпочки, чтобы дотянуться губами до Сильвиного уха.

— А что стало с теми тремя Стихотворениями? — спросил он. — Он всё ещё читает их?

— Тсс! — перебила Сильвия. — Другой Профессор что-то хочет сказать.

— Я постараюсь *минимизировать* это Стихотворение. То есть сделать его поменьше, — потупив глаза, сообщил Другой Профессор печальным голосом, который совсем не вязался с его лицом, ведь он забыл, что всё ещё продолжает весело улыбаться. («Только это вряд ли была *улыбка*, — говорила впоследствии Сильвия, — просто, наверное, рот у него сделан такой формы».)

— Только бы получилось! — воскликнул Профессор. — *Впрочем, чему быть, того не миновать!*

— Запомни это! — прошептала Сильвия Бруно. — Очень хорошее правило на тот случай, если ты поранишься.

— И на тот случай, если я начну шуметь, — добавил маленький проказник. — Так что не забывай его тоже, сестрица!

— О чём это ты? — произнесла Сильвия, усиленно пытаясь нахмуриться (любопытство мешало ей).

— Я ведь постоянно, — продолжал Бруно, — слышу от тебя: «Можно поменьше шуметь?» И я всегда отвечаю тебе: «Нельзя». Потому что *чему быть, того не мини... зовать*».

ГЛАВА XI. Питер и Пол

— Как я уже говорил, — начал Другой Профессор, — нужно всего лишь придумать Стихотворение, в котором встречались бы эти слова, — ну вот такое хотя бы:

«Как беден Питер, — думал Пол. —
Но с ним дружба недаром мы.
И хоть я сам почти что гол,
Я дать готов ему взаймы.
Как меркантилен этот век!
Одним собою занят всяк.
Я НА ПОЛСОТНИ ФУНТОВ ЧЕК
Для Пита выпишу, вот так!»

В восторге Питер — наступил
В судьбе счастливый поворот!
Распиской Полу подтвердил,
Что всё до шиллинга вернёт.
И Пол сказал: «Не тратя слов,
Мы установим дату всё ж.
Ты деньги к маю приготовь —
Четвёртого числа вернёшь».

Но Пит ему: «Сейчас апрель!
Уж первое число, заметь.
Ты дал мне только пять недель —
Чихнуть, и то мне не успеть!
Поторговать бы мне хоть год;
Я здесь куплю, а там продам».
Но Пол ответил: «Не пойдёт.
Прости, ни дня ещё не дам!»

Ответил Питер: «Хоть бы так!
Тогда скорее чек давай.
Я выпущу пакет бумаг,
Чтоб заработать честный пай».
Но Пол ему: «Куда — скорей!
Тебя ссужу я, ты мне верь.
Вот через десять, скажем, дней,
Но неудобно мне теперь».

Летят недели, ходит Пит,
Но всё ни с чем идёт назад.
Ведь Пол одно ему твердит:
«Сегодня неудобно, брат!»
Прошли апрельские дожди,
К концу подходят пять недель,
А Пол заладил: «Жди да жди!»
Тянул, короче, канитель.

Пришло четвёртое, и Пол
С юристом входят к Питу в дом.
«За долгом я, вишь, сам зашёл,
Давай расплатимся добром».
От горя Питер сам не свой;
Он рвёт власы; растерян Пол.
Уж кудри скошенной травой
У ног друзей устлали пол.

Жалел беднягу сам юрист,
Бросал на Пита слёзный взор.
Что делать — вот он, этот лист;
Подписан Питом договор!
Юристу, впрочем, не впервой;
И взял он свой обычный тон:

«Платите лучше, милый мой,
Не то рассудит вас закон!»

Тут молвил Пол: «Ужасный час!
О Питер-друг, остановись!
Не рви ты кудри, горячась:
Богат не станешь — станешь лыс!
Приди в себя скорей, молю!
Ты в крайней горести своей
Не умножай печаль мою
И эти кудри пожалей!»

«Желал бы я вам отплатить, —
Ответил Пит, — от всей души.
Я верность дружбе оценить
Умею. Но к чему спешить?
Пускай и впрямь велит закон:
Чего не брал — отдай назад!
Такой расчёт, однако ж, — он
Уж больно неудобен, брат!

Пол благороден — я бы так
И про себя желал сказать.
(Тут Пол зарделся, словно рак,
И долу опустил глаза.)
Но всё поглотит этот долг,
Что я сумел за жизнь скопить!»
«Нет, нет, мой Питер! — молвил Пол. —
Судьбу не можешь ты хулить!

Ты уважаем там и здесь,
Не носишь рвань и вроде сыт;

Ещё и средства, вижу, есть
В цирюльне подзавить усы;
Хоть Благородством ты и впрямь,
Сказать по правде, обделён, —
Путь Чести короток и прям,
Хоть неудобен, точно, он!»

А Питер: «Да, я в свете свой,
И с голодухи мне не выть,
И ухитряюсь в выходной
Усы нафабрить и завить.
Но мой доход ничтожно мал,
Увы, совсем не по трудам.
А посягать на капитал
Так неудобно — знаешь сам!»

А Пол — своё: «Плати же долг!
Расписку сам же ты мне дал!
И что с того, не взять мне в толк,
Что он проглотит капитал?
Ты мне был должен час назад,
Однако, дружество любя,
На это я закрыл глаза
И НЕ ВОЗЬМУ ЛИХВЫ С ТЕБЯ!»

Воскликнул Пит: «Вот это друг!
Продам я галстук сей же миг!
Продам я пару лучших брюк
И выходной продам парик!»
Решил он с этим поспешить —
Распродав быстро что кому.
При этом становилось жить
Всё неудобнее ему.

Совсем поизносился Пит:

Скелет — да кожа лишь на нём.

В слезах он через год вопит:

«Ты обещал мне, Пол, заём!»

А Пол: «Смогу — так выдам чек;

Лишь соберу деньжат опять.

Ах, ты везучий человек!

Тебе ли, Питер, горевать!

Да, у меня живот большой,

Но я тому отнюдь не рад:

Давно уж нет охоты той,

Когда к обеду мне звонят.

Но ты счастливее, дружок:

Как мальчик, худенький на вид;

Приятно действует звонок

На твой здоровый аппетит!»

Ответил Питер: «Знаю сам,

Каких я преисполнен благ;

Их все я с радостью раздам,

Когда возьмёт какой дурак!

Ты мнишь — здоровый аппетит,

Скажи-ка лучше — волчий глад;

Такой тоской звонок звучит,

Когда не для меня звонят!

Одет я — нищему под стать,

Мои ботинки — просто стыд;

Ах, Пол, да мне бы фунтов пять,

Чтоб я обрёл приличный вид!»

А Пол: «С чего ты слёзы льёшь?
Какой упаднический тон!
Никак ты, видно, не поймёшь,
Что благодатью осенён!

Переедание не грозит,
Костюм так живописно рван!
А голова тогда болит,
Когда деньгой набит карман.
Воздержан ты — гордись собой,
Ведь это высшее из благ.
Признай же — образ жизни твой
Весьма удобен — что, не так?»

Ответил Пит: «Готов признать
Глубины мудрости в тебе.
Однако должен указать
Несообразность, даже две.
Ты мне ни шиллинга не дал,
Моей распиской заручась,
Когда ж расплаты срок настал —
Явился точно в день и час!»

«Несправедлив ты, — молвил Пол, —
Ведь тут вопрос в защите прав:
Когда вернуть мне нужно долг,
Я пунктуален, здесь ты прав.
Пусть каждый платит по счетам;
А кто поднакопил денег —
Тот, право, выбирает сам,
Когда удобнее ссужать!»

Раз Пит обедал сухарём
 (Давно он хлеба не держал),
Как Пол стремглав ворвался в дом
 И руку дружески пожал.
«Чужих не нужно, — молвил Пол, —
 Во избежание обид.
Хоть я юриста и привёл,
 Но он за дверью постоит.

Давно в нужду ты впал, мой друг!
 Но, сколько бедность ни являя,
Тебя чуждались все вокруг,
 А я тебя не оставляя!
С годами опустел твой дом,
 И столько слёз ты в нём пролил;
Но вспомни, брат, — при всём при том
 Как я к тебе благоволил!

Не просто так пришёл я, друг!
 Придумал я отличный ход.
Он стоит многих тех услуг,
 Что делал я за годом год.
Но про меня — ни-ни, молчок —
 Хоть много сделал я чего:
Сильнее, чем любой порок,
 Я ненавижу хвастовство!

Я столько тратил с детских лет,
 Чтоб помогать друзьям во всём!
Как и тебя — других от бед
 Я спас первоапрельским днём!
Ты был последним! Истощась,
 Уж мой закончился запас.

Но Благородство — это страсть!
ТЕБЯ СПАСУ И В ЭТОТ РАЗ!»

«Не надо, — добрый Пит сказал,
Стерев слезу, ему в ответ. —
Ведь ты и так меня спасал
На протяжении стольких лет!
Ты так любезен, что заём
Ты предлагаешь мне опять;
Но только, друг, удобства в нём
Большого нет — ни дать ни взять!»⁴⁶

— В этом-то и заключается разница между удобным и неудобным. Теперь, надеюсь, тебе понятно? — спросил Другой Профессор, ласково глядя на Бруно, который сидел на полу рядышком с Сильвией.

— Да, — очень тихо отозвался Бруно. Столь короткий ответ был совершенно не в его характере, просто в настоящую минуту, как мне показалось, мальчик был порядком утомлён. И в самом деле, он взобрался к Сильвии на колени, склонился головкой к её плечу и прошептал: — Как много в этом Стихотворении строчек!

ГЛАВА XII. Музыкальный Садовник

Другой Профессор с беспокойством посмотрел на него.

— Маленькое существо должно лечь в кровать, и лучше *сразу*, — авторитетно заявил он.

— Так уж и *сразу*! — отозвался Профессор.

— Именно, именно! Укладывать за два раза — лучше и не пытаться, — ответил Другой Профессор.

⁴⁶ Стихотворение (а у Кэрролла есть и ещё такие) написано в развёртывание расхожего среди англичан старинного речения «Обождать Питера, чтобы уплатить Полу».

Его коллега только руками всплеснул.

— Видала? — обратился он к Сильвии. — Кто ещё способен столь же ловко выдумать довод? Конечно, не нужно пытаться за два раза! Если разделить мальчика надвое, ему не поздоровится.

Это замечание резко вывело Бруно из оцепенения.

— Не хочу я, чтобы меня *делили*, — решительно заявил он.

— Нет-нет, достаточно будет просто показать это на *графике*, — сказал Другой Профессор. — Изобразю вам сию секунду, вот только мел немного притупился.

— Осторожнее! — в тревоге воскликнула Сильвия, когда он весьма неуклюже принялся его затачивать. — Вы себе палец отрежете, если будете так держать нож!

— А когда отрежете, дадите мне? — снова встрепнулся Бруно⁴⁷.

— Должно выглядеть примерно так, — сказал Другой Профессор, торопливо вычерчивая на классной доске длинную линию со стрелкой на конце и помечая её возле стрелки буквой *x*. Посередине линии он поставил жирную точку и обозначил её буквой *A*. — Сейчас объясню. Если ось «икс» разделить надвое в точке *A*, мы получим две полуоси, которые...

— Которые упадут на землю, — уверенно произнёс Бруно.

— *Что* упадёт на землю? — в замешательстве остановился Другой Профессор.

⁴⁷ Вероятно, Бруно вспомнилась детская песенка:

Папа Грейбёрд, уж простите,
Вы почти что без зубов.
Если пальчик подадите,
Я свой тоже дать готов!

Эта песенка входит в корпус «Стихов матушки Гусыни» по версии «The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes» (№ 149 по сборнику Демуровой).

— Две полуосы, конечно же! — сказал Бруно. — Ведь половинки осы не могут летать.

Пришлось Профессору поспешить на выручку коллеге, ибо Другой Профессор был совершенно сбит с толку и забыл, что хотел доказать своим графиком.

— Когда я сказал «не поздоровится», — пояснил Профессор, — я имел в виду просто-напросто нервную деятельность...

Другой Профессор моментально просиял.

— Нервная деятельность, — торопливо заговорил он, — является на удивление медленным процессом у некоторых людей. Был у меня друг — так если его обожжёшь раскалённой кочергой, годы пройдут, прежде чем он это почувствует!

— А что будет, если его только *ущипнуть*? — спросила Сильвия.

— Тогда он, представьте себе, почувствует ещё позже. Я даже сомневаюсь, что он успеет почувствовать это *сам*. Скорее всего — его правнук.

— Не хотел бы я быть правнуком ущипнутого дедушки. А *вы*, господин сударь? — прошептал Бруно мне. — Только-только захочется быть счастливым, а тут приходит дедушкин щипок!

Проговорив это, мальчик внезапно взглянул мне прямо в глаза, и мне стало неловко оттого, что на его замечание никто не спешит ответить.

— А тебе *всегда* хочется быть счастливым, Бруно? — спросил я у него.

— Не *всегда*, — твёрдо произнёс Бруно. — Иногда, когда я слишком счастливый, мне хочется побыть чуть-чуть несчастным. Тогда я говорю об этом Сильвии, и она задаёт мне какой-нибудь урок. И всё происходит.

— Мне жаль, что тебе не нравятся уроки, — сказал я. — Тебе следует брать пример с Сильвии. Она-то занята весь долгий день.

— И я тоже! — ответил Бруно.

— А вот и неправда, — вмешалась Сильвия. — Ты занят весь *короткий* день.

— А какая разница? — спросил Бруно. — Вот скажите, господин сударь, ведь день настолько же короткий, насколько и длинный?

Так как сам я ни разу ещё не рассматривал этот вопрос с подобной точки зрения, то предложил им спросить об этом Профессора, и дети тут же бросились тормошить своего доброго друга. От замешательства Профессор даже перестал протирать стёкла своих очков.

— Дорогие мои, — произнёс он спустя пару минут, — день имеет ровно такую же длину, как и любой предмет той же длины, что и *он*. — И Профессор вновь спокойно занялся нескончаемой процедурой протирания стёкол.

Дети вернулись ко мне, чтобы сообщить этот ответ.

— Наш Профессор, наверно, *слишком* умный, — произнесла Сильвия почтительным шёпотом. — Если бы я была такой же умной, у меня бы целый день голова болела, уж это точно.

— Вы, кажется, разговариваете с кем-то, кого здесь нет, — сказал Профессор, повернувшись к детям. — И с кем же это?

Бруно озадаченно посмотрел на него.

— Я никогда ни с кем не разговариваю, если его нет, — ответил он. — Это неприлично. Сперва нужно подождать, чтобы он пришёл, и тогда с ним разговаривать.

Профессор беспокойно воззрился в моём направлении, но, как мне почудилось, глядел сквозь меня, никого не видя.

— Тогда с кем же вы разговаривали? — спросил он. — Здесь нет никого, кроме Другого Профессора... но *его* здесь нет! — испуганно добавил он, закружившись на месте, как волчок. — Дети! Помогите же его найти! Скорее! Он опять потерялся!

Дети радостно вострепнулись.

— Где нам поискать? — спросила Сильвия.

— Ищите везде! — возбуждённо воскликнул Профессор. — Только скорее! — И он принялся суетиться по всей комнате, вскидывая стулья и встряхивая их.

Бруно достал с полки какую-то очень маленькую книжицу, раскрыл её и тоже потряс, подражая Профессору.

— Здесь его нет, — объявил он.

— Там его и не может быть, Бруно! — возмущённо сказала Сильвия.

— Конечно, не может, — ответил Бруно. — Если бы он там был, то бы выпал.

— Мы попали в сложное положение, — произнесла Сильвия вычитанную где-то фразу, пока приподнимала за уголок каминный коврик и заглядывала под него.

— В сложном положении, — сразу же отозвался Профессор, — главное — *найтись*. Однажды я не нашёлся в лесу, и тогда почувствовал себя совсем потерянным...

— А почему же вы не кричали «Ау!»? — спросил Бруно. — Вы бы слышали себя — и тогда бы сразу нашлись: не могли же вы отойти далеко!

— А давайте мы и сейчас покричим, — предложил Профессор.

— А что нам кричать *сейчас*? — спросила Сильвия.

— Если подумать, то и кричать не стоит, — сказал Профессор. — А то ещё Вице-премьер услышит. А он ужасно строгий.

При этих словах детишкам невольно припомнились все те обиды, от которых они и сбежали под защиту своего пожилого приятеля. Бруно сел на пол и заплакал.

— Он такой несправедливый! — хныкал мальчик. — Позволил Аггагу забрать все мои игрушки! И еда у них такая противная!

— А что вам давали сегодня на обед? — спросил Профессор.

— *Киселя*, — со всхлипом ответил Бруно.

— Он хотел сказать — кашу-размазню, — объяснила Сильвия.

— Нет, *киселя*, — настаивал Бруно. — Там был ещё яблочный пирог, только Аггаг его всего съел, и мне одна корка досталась. Я попросил апельсин, а мне не дали! — И бедный малыш уткнулся лицом в передник Сильвии, которая ласково погладила его по головке и произнесла:

— Да, дорогой Профессор, это правда! Они очень плохо обращаются с моим милым Бруно! Да и со мной тоже, — добавила она более тихим голосом, как будто последнее было уже не так важно.

Профессор вытащил огромный носовой платок красного шёлка и вытер им свои глаза.

— Как бы я хотел помочь вам, милые дети! — сказал он. — Но что я могу сделать?

— А мы знаем дорогу в Сказочную страну — туда отправился наш отец, — сказала Сильвия. — Если бы только Садовник выпустил нас...

— Он не хочет отпирать вам калитку? — спросил Профессор.

— *Нам* не хочет, — ответила Сильвия, — но *вам*, я думаю, захочет. Пойдёмте попросим его, дорогой Профессор!

— Хорошо, только подождите-ка минутку, — сказал Профессор.

Бруно, который всё ещё сидел на полу, распрямился и утёр глаза.

— Профессор добрый, правда, господин сударь?

— Да, он очень добрый, — сказал я. Но Профессор не слышал моих слов. Он надел красивую шляпу с кисточкой, свисающей на длинном шнурке, и выбрал одну из принадлежащих Другому Профессору тростей со стойки в углу комнаты.

— Толстая палка в руке — и ты уважаемый человек, — пробормотал он себе под нос. — Пойдёмте же, милые дети! — И мы вчетвером направились в сад.

— Перво-наперво я обращусь к Садовнику с игривыми замечаниями о погоде, — объяснил Профессор по пути. — Затем я спрошу его, не видал ли он Другого Профессора. От этого будет двойная выгода. Во-первых, у нас завяжется разговор. Вы ведь даже в башмаках ходить не сможете, не завязав предварительно шнурков. А во-вторых, если он видел Другого Профессора, то мы, таким образом, его найдём, а если он — нет, то и мы — нет.

По дороге в сад мы прошли мимо мишени, в которую стрелял Аггаг во время визита Посла.

— Поглядите! — сказал Профессор, указывая на дырку в самом яблочке. — Стрелу Его Имперская Тучность *выпустил оттуда*, а вошла точно *сюда*!

Бруно осмотрел дыру поближе.

— *Выпустила туда*, но не вошла бы *сюда*, — прошептал он мне. — Его Имперская Тучность слишком *толстая*.

Отыскать Садовника было совсем не трудно. Он хоть и был скрыт от нас деревьями, но знакомый пронзительный голос точно указал нам, в какой стороне его искать, и чем ближе мы подходили, тем отчётливее раздавались слова его песни:

Он думал, это Альбатрос

Отправился в полёт.

Он присмотрелся — нет, Ночник

И Марок хоровод.

Сказал он: «Дуйте по домам —

Сырая ночь грядёт!»

— Они что, могут схватить простуду? — спросил Бруно.

— Нет, просто если ночь будет *слишком* сырой, — ответила Сильвия, — они могут к чему-нибудь приклеиться.

— И тогда оно должно будет отправиться по почте! — не на шутку встревожился Бруно. — А вдруг это будет корова? Ужас что может произойти!

— Все эти вещи с *ним* и происходили, — подтвердил Профессор. — Вот отчего его песня имеет такой познавательный интерес.

— У него, наверно, была удивительная жизнь, — сказала Сильвия.

— Можешь не сомневаться, — с улыбкой ответил Профессор.

— Нет, она не может! — воскликнул Бруно.

Но мы уже высмотрели Садовника, который стоял в своей любимой позе на одной ноге и сосредоточенно поливал цветочную клумбу из абсолютно пустой лейки.

— У вас в лейке нет воды! — сразу же заявил Бруно Садовнику, дёрнув его за рукав.

— Ещё бы! Ведь без воды она намного легче, — ответил Садовник. — Держать на весу полную лейку — небось, рука заболит. — И он продолжил своё занятие, напевая себе под нос:

Сырая ночь грядёт!

— Роясь в земле (что порою требуется проделывать там и сям), — так начал Учитель свою речь, возвышая голос, — сгребая мусор в кучу (ведь вам же частенько приходится этим заниматься) или спихивая ногою с дороги всякий хлам (ибо этим занятием невозможно пренебречь), доводилось ли вам приметить ещё одного Профессора — человека вроде меня, и всё же другого?

— Никогда! — рявкнул Садовник с вызовом и так громогласно, что все мы чуть не отскочили от неожиданности. — В моём хламе такой не попадался!

— Попробуюсь спросить его о не столь животрепещущем предмете, — прошептал Профессор детишкам. — Если не ошибаюсь, вы просили меня...

— Мы просили *его*, чтобы он выпустил нас из сада, — сказала Сильвия. — Но *нам* он калитки не откроет. Может быть, он откроет *вам*?

Профессор очень почтительно и в изысканных выражениях изложил Садовнику просьбу.

— Не возражаю, *вы* можете выйти, — ответил Садовник. — Но детям я не стану открывать. Думаете, я нарушу *Правила*? Да ни за шиллинг!

Профессор осторожно протянул ему два шиллинга.

— Тогда другое дело! — рявкнул Садовник и, швырнув свою лейку через клумбу, вытащил из кармана целую пригоршню ключей, среди которых были один огромный и несколько маленьких.

— Послушайте, дорогой Профессор! — прошептала Сильвия. — А пусть он не открывает калитку для *нас*. Мы выйдем вместе с *вами*.

— А и правда, милое дитя! — одобрительно отозвался Профессор, пряча свои монеты в карман. — Это сэкономит нам два шиллинга! — И он взял детишек за руки, чтобы они втроём смогли выйти из сада, когда калитка откроется. Открыть калитку, однако, оказалось не так-то просто. Садовник перепробовал все свои маленькие ключи. В конце концов Профессор отважился высказать робкое предположение.

— Не попробовать ли *большим*? Я не раз наблюдал, что дверь легче всего открывается *своим собственным* ключом.

Первая же попытка с большим ключом удалась; Садовник отпер калитку и протянул руку за деньгами. Профессор отрицательно помотал головой.

— Вы всё сделали согласно *Правилу*, — сказал он, — отперев калитку для меня. А раз она отперта, мы и выйдем через неё согласно *Правилу* — *Правилу Трoих*⁴⁸.

Садовник растерянно воззрился на него, а мы тем временем прошмыгнули мимо; но вскоре мы вновь услышали, как он задумчиво напевает, запирая за нами калитку:

Он думал, это Горсть Ключей

И малых и больших.

Он присмотрелся — нет, Пример

⁴⁸ Имеется в виду так называемое в англоязычной математической литературе «правило трёх», или тройное правило. Неизбежная (и главнейшая!) принадлежность курса элементарной математики, всё ещё носившего в Кэрроллову эпоху сугубо утилитарный уклон (то есть предназначенного для начального и вместе завершающего образования «коммерческих классов» общества — торговцев и ремесленников) и допущенного в так называемые общественные школы (для детей высших классов, ранее изучавших почти исключительно классических писателей) и колледжи только к концу первой трети XIX века, да и то при полном отсутствии доказательной части, «правило трёх» представляет собой всего лишь способ решения и практического применения пропорции — правда, весьма громоздким образом, без иксов. Оно нередко поминается Кэрроллом в сочинениях самого разного жанра, причём в данном случае это особенно к месту. Суть комического эффекта заключается в самой ситуации гротескного «взаимозачёта», как о том говорится ещё в самой первой книге по теории расчётов, содержащей изложение тройного правила (издана в 1514 году в Аугсбурге; цит. по: Вилейтнер Г. Хрестоматия по истории математики. Вып. I. Арифметика и алгебра. М.; Л.: Гос. технико-теоретич. изд., 1932. С. 10; пер. П. С. Юшкевича): «Тройным правилом называется... золотое правило, с помощью которого совершаются все торговые расчёты всех ремесленников и купцов; оно называется так в гражданском обиходе... ибо содержит в себе три величины, при помощи которых можно вычислить всё».

На Правило Троих.

Сказал он: «Никогда задач

Я не решал таких!»

— Теперь мне нужно назад, — сказал Профессор, когда мы прошли несколько ярдов по дороге. — Понимаете, читать здесь совершенно невозможно, ведь все мои книги находятся в доме.

Но дети продолжали крепко-крепко держать его с двух сторон за руки.

— Нет, пойдёмте с нами! — со слезами на глазах и с мольбой в голосе проговорила Сильвия.

— Хорошо, хорошо! — ответил ей добрый старик. — Возможно, я и пойду с вами в другой раз. Но *сейчас* мне необходимо немедленно вернуться. Поймите, я остановился как раз на запятой, и мне не даёт покоя, чем кончается предложение! Кроме того, вам ведь придётся сперва пройти через Страну псов, а присутствие собак меня слегка нервирует. Но мне будет гораздо легче там пройти, как только я закончу своё новое изобретение — оно касается наилучшего способа держать себя в пути. Осталось чуть-чуть над ним поработать.

— Но когда приходится одновременно и идти по дороге, и держать себя, это, должно быть, очень тяжело? — спросила Сильвия.

— Ну, гм... как тебе сказать, милое дитя. Ведь тогда и устаёшь только наполовину! Ну, до встречи, дорогие мои! До встречи, сударь! — добавил он к величайшему моему изумлению и с чувством пожал мне руку.

— До встречи, Профессор! — откликнулся я, но голос мой прозвучал как чужой и словно издалека, а дети и вовсе не обратили внимания на наше прощание. Они, очевидно, больше не видели и не слышали меня, поскольку, нежно обнявшись, смело зашагали по дороге.

ГЛАВА XIII. Доглэнд — Страна псов⁴⁹

— Я вижу какую-то избушку — вон там, немного левее, — сказала Сильвия, когда мы отмахали, по моим подсчётам, миль пятьдесят. — Давайте пойдём туда и попросимся на ночлег.

— Это, наверно, гостеприимная избушка, — предположил Бруно, стоило нам свернуть на тропку, ведущую напрямик в ту сторону. — Может быть, собаки станут нашими друзьями, потому что я устал и хочу есть?

Перед самой дверью, словно часовой, расхаживал взад-вперёд Мاستифф в алом ошейнике и с мушкетом на плече. Завидя детей, он бросился им навстречу, на ходу вскидывая свой мушкет и направляя его прямо на Бруно, который от неожиданности побледнел лицом и застыл на месте, крепко сжав Сильвину руку. А страж, подойдя почти вплотную, принялся обходить детей вокруг, словно желал рассмотреть их со всех точек зрения.

— Р-рав ав-ав! — наконец рыкнул он. — У-у-бых, йа-вав у-у-вух! Боу бах-вах ву-у-бух? Боу-воу? — строго спросил он Бруно.

Бруно, конечно же, прекрасно понял всё, что сказал ему пёс. Ведь эльфы и феи способны понимать собак — то есть собачий язык. Но вам-то он наверняка даётся с трудом, особенно поначалу, так что лучше я перескажу нормальными словами.

— Люди, это верно и несомненно! Пара бродячих людишек! Вы какому Псу принадлежите? Что вам здесь нужно?

— Мы не принадлежим никакому *Псу*, — начал было Бруно, тоже на языке собак. — Люди же не принадлежат собакам! — прошептал он Сильвии.

Но Сильвия поспешила прервать его из боязни оскорбить чувства Мастиффа.

⁴⁹ Кэрролл обыгрывает слово «Докленд» — так называются обширные районы доков в Лондоне и других портовых городах Британии.

— Любезный Мاستифф, мы бы хотели немного поесть и устроиться на ночлег. Если, конечно, в этой избушке найдётся для нас свободное местечко, — робко добавила она. Сильвия вполне прилично говорила по-собачьи, но я всё же считаю, что лучше мне и дальше передавать их разговоры на человеческом языке — специально для вас.

— Ах, в *избушке*! — прорычал страж. — Вы что, ни разу в жизни не видели *Дворца*? Ступайте за мной! Его Величество сами решат, что с вами делать.

И дети последовали за Псом — сначала через вестибюль, затем длинным коридором и наконец пришли в сияющую парадную Залу, в которой тут и там стояли, разбившись на группки, собаки всех возможных размеров и пород. Две чистокровные Ищейки величественно восседали по обе стороны подушечки с возложенной на неё короной. Два или три Бульдога — я предположил в них Королевских Телохраниителей — в мрачном молчании ожидали приказаний поодаль, да и вообще в Зале раздавались всего лишь два голоса, и принадлежали они двум маленьким собачонкам, которые взобрались на канапе и живо что-то обсуждали, а скорее всего просто бранились.

— Это Камергеры и Камер-леди, а также прочие Придворные, — сурово поведал наш проводник, когда мы переступили порог этой Залы.

Меня-то Придворные не заметили вовсе, зато Сильвия и Бруно оказались мишенью множества вопросительных взглядов. По Зале прошелестел шёпот, из которого я уловил только одно замечание — сделанное какой-то Таксой с лукавой мордочкой своему соседу: «Бау вау вай-а-а ху-бах у-у-бух, хах бах?» («А эта Человечья Самочка просто милашка, правда?»)

Выведя новоприбывших на самый центр Залы, Страж прошёл к двери, что виднелась в её дальнем конце и над которой висела надпись, исполненная опять-таки по-собачьи: «Королевская Конура. Поскрести и провыть».

Но перед тем как поскрести и провить, Страж повернулся к детям и сказал:

— А мы не можем вам их дать, — воскликнул Бруно и потянул Сильвию назад, прочь из залы. — Они нам самим нужны. Давай уйдём отсюда, Сильвия! Скорее!

— Чепуха! — решительно отстранила его Сильвия и сообщила Стражу, как их зовут⁵⁰. Тогда Страж основательно поскрёб дверь с надписью и издал такой вопль, что Бруно с головы до пят покрылся мурашками.

— Ву-у-ау вау! — отозвался из-за двери низкий голос. (По-собачьи это значило: «Выхожу!»)

⁵⁰ Ср. следующий диалог между маленькой принцессой и её прабабушкой-королевой из сказочной повести современника Кэрролла и его близкого друга Джорджа Макдональда «Принцесса и гоблин»: «„Ты знаешь, малышка, как меня зовут?“ — „Нет, не знаю“, — ответила принцесса. — „Меня зовут Айрин“. — „Но это меня так зовут!“ — воскликнула принцесса. — „Я знаю. Это я позволила, чтобы тебя называли моим именем. Не я взяла твоё имя. Тебе дали моё“. — „Как это так? — озадаченно спросила принцесса. — Моё имя всегда у меня было“. — „Когда ты родилась, твой папа, король, спросил меня, не буду ли я возражать, чтобы тебе дали моё имя. Я, конечно же, не стала возражать. Я с удовольствием разрешила тебе носить его“. — „Это было очень любезно с вашей стороны, дать мне ваше имя — такое красивое имя!“ — ответила принцесса. — „Ну, не так уж и любезно! — сказала женщина. — Всё равно ведь имя — это такая вещь, которую можно одновременно и передать другому, и оставить у себя. У меня есть много таких вещей“».

Здесь, возможно, уместно замечание в духе Мартина Гарднера о предвосхищении науки по имени информатика. Как известно, обмен, при котором один из участников обмена передаёт нечто другому участнику, но сам в то же время этого не лишается, называется информационным обменом, а это нечто — информацией. Данное свойство нетривиально, оно резко отличает такой вид взаимодействия от обмена массой или энергией, поскольку не подпадает под универсальные законы сохранения.

— Сам Король! — произнёс Мاستифф благоговейным шёпотом. — Смиренно сложите ваши жизни к его лапам. — (По-нашему, значит «к его ногам».)

Сильвия собралась было очень вежливо объяснить, что они *не могут* проделать *такую* церемонию, потому что их жизни нельзя складывать на пол вроде охапок сена, но тут дверь Королевской Конуры отворилась, и оттуда высунул голову огромный Ньюфаундленд.

— Боу воу? — был его первый вопрос.

— Когда к тебе обращается Его Величество, — так Страж торопливо зашептал Бруно, — следует поставить уши торчком.

Бруно вопросительно взглянул на Сильвию.

— Я лучше не буду, — сказал он. — Это, наверно, больно.

— Ничуть не больно, — возмущенно отозвался Страж. — Вот смотри! Это делается так! — И он поднял свои уши, словно два железнодорожных шлагбаума.

Сильвия принялась разъяснять, в чём тут загвоздка.

— Боюсь, что это нам не по силам, — сказала она, понизив голос. — Мне очень жаль, но наши уши не имеют соответствующего... — она хотела сказать «механизма», но забыла, как это слово звучит на собачьем языке; в её голове крутилось лишь словосочетание «паровая машина».

Страж передал объяснение Сильвии Королё.

— Не могут поставить уши торчком без паровой машины! — изумился Его Величество. — Прелюбопытные же они создания! Я должен взглянуть на них поближе! — И Король, выйдя из своей Конуры, величественной походкой подошёл к детям.

И тут настал черёд изумиться — если не сказать, ужаснуться — всему собачьему собранию, потому что Сильвия взяла и *погладила Его Величество по голове*, в то время как Бруно схватил его длинные свисающие уши и попытался соединить их концами прямо под королевской челюстью!

Страж завизжал что было мочи; прекрасная Борзая — по-видимому, одна из фрейлин — упала в обморок, а все остальные Придворные в страхе подались назад, словно желали освободить побольше места для огромного Ньюфаундленда, который, по их ожиданиям, неминуемо бросится сейчас на дерзких чужаков и разорвёт их в клочья.

Вот только... он этого не сделал. Наоборот, Его Величество неожиданно *улыбнулся* — насколько собаки вообще способны улыбаться — и к тому же (все присутствующие Псы не поверили своим глазам) *завилял хвостом!*

— Йах! Вух йа-бух! — То есть: «Вот это да! Невиданно!»

Таков был единодушный возглас.

Его Величество строго посмотрел вокруг и издал лёгкое рычание, отчего мгновенно воцарилась тишина.

— Проводите *моих друзей* в пиршественный зал! — отдал он приказ, произнеся «моих друзей» с таким ударением, что несколько ближайших псов беспомощно перекатились на спину и принялись лизать Бруно ноги.

Мигом составила величественная процессия, церемонно двинувшаяся вперёд; я же осмелился проследовать вместе со всеми лишь до дверей пиршественного зала, таким устрашающим показался мне многоголосый лай, который оттуда доносился. Поэтому, когда все собаки ушли, я примостился возле оставшегося в одиночестве Короля, который, как мне показалось, сразу задремал. Я стал дожидаться возвращения детишек, чтобы пожелать им спокойной ночи. Стоило им появиться вновь, наевшимся и весёлым, как Его Величество встал на лапы и потянулся.

— Время ложиться спать! — объявил он, сонно зевая. — Слуги проводят вас в вашу комнату, — добавил он, обращаясь к Сильвии и Бруно. — Принесите свечей! — И со всем монаршим достоинством он протянул детям лапу для поцелуя.

Но оказалось, что дети совершенно не сведущи в придворных манерах. Сильвия просто погладила пёсью лапу, а Бруно обхватил её обеими руками и прижал к себе. Увидевший это Церемониймейстер пришёл в ужас.

Всё это время собаки-прислужники в великолепных ливреях вбегали в зал, неся зажжённые свечи, но как только одни ставили свечи на стол, следующие тут же подхватывали их и убегали прочь, так что ни одна свеча не досталась мне, и это несмотря на то, что Церемониймейстер всё подталкивал меня локтем и шептал: «Не могу же я позволить тебе спать здесь! Пойми же, ты не в *постели*!»

Я сделал огромное усилие и смог лишь выдавить из себя:

— Да-да, я в кресле. Очень удобно.

— Ну, хорошо, вздремни маленько, — сказал Церемониймейстер и оставил меня в покое. Я едва расслышал его слова, и неудивительно, ведь он прокричал их, перегнувшись через борт корабля, который успел уже на милое отдалиться от причала, на котором я стоял. Вскоре корабль исчез за горизонтом, а я с удовольствием развалился в своём кресле.

Следующее, что я помню, так это утро; завтрак на столе уже съеден, и Сильвия помогает Бруно выбраться из высоченного кресла, попутно отвечая Спаниелю, который взирает на них с доброжелательной улыбкой:

— Большое спасибо, нам было очень вкусно. Правда, Бруно?

— Да, только попадалось слишком много костей, — ответил Бруно, но тут Сильвия сделала страшные глаза и приложила палец к губам, ибо в эту минуту к ним подошёл напыщенный придворный Дог, который объявил, что ему предстоит, во-первых, проводить детей к Королю для прощания, и во-вторых, сопровождать их до самых границ Доглэнда. Огромный Ньюфаундленд принял детей как нельзя более любезно, но вместо того чтобы сказать им «До свидания», он трёхкратным рыком заставил перепуганного Дога отскочить подальше, давая тем самым

понять, что собирается сопровождать детей до пределов своей страны самолично.

— Но, Ваше Величество, это неслыханно! — воскликнул Дог, совершенно обалдевший от такой отставки, ведь по этому случаю он уже облачился в свой самый красивый мундир, пошитый сплошь из кошачьих шкурок.

— Я буду сопровождать их сам, — повторил Его Величество мягко, но твёрдо, сбрасывая свою королевскую мантию и вместо короны водружая себе на макушку небольшой венец, — а вы можете быть свободны.

— Вот здорово! — прошептал Бруно Сильвии, уловив момент, когда их не могли услышать. — Этот Дог был такой надутый! — Тут мальчик принялся трепать королевскую шею, а напоследок от избытка радости крепко-крепко обнял её, едва сумев полностью обхватить руками.

В дороге Его Величество весело помахивал своим королевским хвостом.

— Какое это облегчение, — сказал он, — хоть на короткое время покинуть Дворец! Королевские Псы, скажу вам по секрету, ведут такую скучную жизнь! Не составит ли вам труда, — несколько смущённо обратился он к Сильвии, — не составит ли вам труда бросить пару раз эту палку, чтобы я мог её вам принести?

Сильвия была так изумлена, что сначала не могла ничего ответить. Это прозвучало так необычно: *Король* желает побегать за палкой! Но *Бруно* оказался на высоте и с радостным воплем «Вперёд! За палкой, пёсик!» швырнул палку через кусты. В ту же минуту пёсий Монарх бросился за ней, подхватил палку зубами и галопом примчался назад к детям. Бруно смело вырвал палку из собачьей пасти.

— Пёсик, служи! — воскликнул он, и Его Величество встал на задние лапы.

— Дай лапу! — скомандовала Сильвия, и Его Величество дал лапу.

Короче говоря, торжественная церемония проводов до границ королевства превратилась в сплошную заливчатскую игру.

— Но долг есть долг! — произнёс наконец Король-Пёс. — Пора возвращаться; мне дальше нельзя, — добавил он, поглядев на часы, висевшие на цепочке у него на поясе. — Даже если бы впереди показался *Kom!*

Ребятишки сердечно простились с Его Величеством и медленно побрели дальше.

— Какой хороший был пёс! — вздохнул Бруно. — А далеко нам ещё идти, Сильвия? Я устал!

— Не очень далеко, милый братец, — ласково ответила Сильвия. — Видишь, там что-то блестит, прямо под теми деревьями? По-моему, это не что иное, как ворота в Сказочную страну! Отец рассказывал мне, что ворота, ведущие в Сказочную страну, все из золота, и так сияют, так сияют! — мечтательно проговорила она.

— Меня слепит! — сказал Бруно, прикрыв глаза ладошкой. Другой своей ручонкой он уцепился за Сильвию — было видно, что тон её голоса его встревожил.

Сильвия и вправду двигалась вперёд как в забытьи; её большие, словно блюдца, глаза смотрели куда-то вдаль, её дыхание участилось, будто от сильнейшего волнения. Сам я каким-то мистическим образом понимал, что с моей милой маленькой подругой (как я любил мысленно её называть) происходит что-то чудесное и она на моих глазах превращается из простой Сильфиды, обительницы Запределья, в настоящую сказочную Фею.

Бруно начал изменяться лишь некоторое время спустя, но к той минуте, как они достигли золотых ворот, через которые, я знал, мне пройти невозможно, превращение обоих детишек успело завершиться. Мне оставалось лишь постоять поодаль, чтобы бросить последний взгляд на сестру и брата, прежде чем они исчезнут за золотыми воротами и те захлопнутся у них за спиной.

И ворота хлопнули препорядочно!

— Ну не желают они закрываться, как нормальные буфетные дверцы, — поспешил объяснить Артур. — С петлями у них что-то не то. Впрочем, вот и вино с пирогом. Ну что, проснулся? А теперь, приятель, ступай-ка по-настоящему в постель! Больше ни на что ты сегодня не годен! Таково слово Артура Форестера, доктора медицины.

Но я уже окончательно пришёл в себя.

— Не совсем, чтобы так! — начал я оправдываться. — Мне и спать-то расхотелось. И до полуночи далеко.

— Что ж, тогда я ещё кое-что тебе скажу, — ответил Артур, немного смягчившись, ибо успешно всучил мне прописанный ужин. — А то я уж решил, что сегодня тебе не до этого.

Мы приступили к нашей ночной трапезе почти в полной тишине — заметно было, что моим другом овладело необычное смущение.

— Какова сегодня ночь? — спросил он, вставая и раздвигая занавески на окнах в очевидном желании хоть на минуту отвлечься от предмета своих дум. Я тоже подошёл к окну, и мы постояли вместе, молчаливо вглядываясь в ночную темень.

— Когда я в первый раз заговорил с тобой о... — начал Артур после долгого и гнетущего молчания, — то бишь когда мы с тобой впервые завели о ней речь, — ведь, насколько я помню, разговор начал *ты* — моё положение в обществе не позволяло мне ничего более, как только издали ей поклоняться; я даже серьёзно строил планы сбежать отсюда и поселиться где-нибудь там, где совершенно исключена была бы возможность повторной встречи. Это, казалось мне, будет единственным похвальным шагом в моей жизни.

— Но будет ли такой шаг мудрым? — спросил я. — Навсегда лишить себя надежды?

— Не было никакой надежды, — строго ответил Артур и взглянул вверх, в полночное небо, на котором среди бегущих облаков сверкала во всём своём великолепии одинокая звезда, роскошная Вега⁵¹.

— Она была для меня, как эта звезда — яркая, прекрасная и чистая, но увы — недостижимая!

Он вновь сдвинул занавески, и мы вернулись к нашим креслам у камина.

— Но я вот что хотел сказать, — продолжил он. — Этим утром я разговаривал с моим поверенным. Не буду вдаваться в подробности, но суть в том, что моё мирское богатство гораздо значительнее, чем я предполагал, и я сделался (или скоро сделаюсь) женихом, который не входя в расчёты может предложить руку любой достойной девушке, даже если она бесприданница. А я и не рассчитываю, что за ней что-либо дадут: граф, как мне кажется, беден. Но у меня будет достаточное для нас двоих состояние, даже если я потеряю здоровье.

— Желаю тебе всяческого счастья в твоей семейной жизни! — воскликнул я. — Поговоришь завтра с графом?

— Нет, не так скоро, — сказал Артур. — Он очень хорошо ко мне относится, но я не смею думать, чтобы он предполагал нечто свыше дружбы. И потом, что касается самой леди Мюриел, то, как я ни пытался, не смог прочесть в её глазах ничего относительно чувств ко мне. Если это любовь, она успешно её скрывает! Нет, нужно подождать, подождать!

⁵¹ Звезда под названием Вега появляется здесь не случайно. Всё лето, с поздней весны по осень, Вега является ярчайшей звездой северного неба (вместе с Денебом и Альтаиrom она образует так называемый Летний Треугольник). Вега входит в созвездие Лиры (согласно греческим мифам, это лира Орфея, которая была перенесена на небо Музами как вечное напоминание об Орфеевой любви и верности), но для нас интересно то, что древние бритты называли это созвездие Артуровой Арфой.

Не хотелось мне и дальше обременять друга своими советами, тем более что его рассуждения, как я чувствовал, были гораздо трезвей и вдумчивей, чем мои собственные; мы расстались, отложив разговор о предмете, которым были полны его мысли, сама его жизнь.

А на следующее утро пришло письмо от *моего* поверенного; оно призывало меня в Лондон по важному делу.

ГЛАВА XIV. Фея Сильвия

Дело, ради которого я вернулся в Лондон, удерживало меня там целый месяц, да и по прошествии этого срока один лишь настоятельный совет моего врача вынудил меня оставить его незавершённым и ещё раз нанести визит в Эльфстон.

В течение этого месяца Артур писал мне один или два раза, но ни в одном из своих писем не упомянул он о леди Мюриел. Я вовсе не считал это плохим предзнаменованием: наоборот, мне казалось естественным, что влюблённый, чем громче его сердце поёт: «Она моя!» — тем большее будет испытывать отвращение от одной мысли о том, чтобы разложить своё счастье холодными фразами по листу бумаги, но зато он с нетерпением ждёт случая поведать обо всём живыми словами. «Ничего, — думал я, — мне ещё предстоит услышать песнь торжества из его собственных уст!»

Тем вечером, когда я вновь объявился у Артура, мы много говорили о том и о сём, но, усталый с дороги, я не стал засиживаться, и к тому времени, как я отправился в постель, счастливая тайна всё ещё оставалась невысказанной. Однако на следующее утро, когда мы болтали за завтраком обо всём остальном, я отважился задать вопрос напрямую.

— Вот что, друг мой, ты ещё ни слова не сказал мне о леди Мюриел; и вообще, когда ты собираешься вступить во владение своим счастьем?

— Моё счастье, — сказал Артур, неожиданно помрачнев, — всё ещё в туманном будущем. Нам нужно узнать... вернее, *ей* нужно узнать *меня* получше. Мне-то известна её прекрасная натура, совершенно известна. Но я не решаюсь высказаться, пока не уверюсь окончательно, что она отвечает мне взаимностью.

— Ожидание затягивается, — весело отозвался я. — Пословица говорит: робкому сердцу не завоевать прекрасной дамы!

— Может, у меня и впрямь «робкое сердце». Только я всё ещё не отважился объяснить с ней.

— А вдруг нежданно-негаданно, — не отставал я, — возникнет опасность, о которой ты, верно, даже не подумал. Какой-нибудь другой мужчина...

— Нет, — твёрдо сказал Артур. — Сердце её свободно, в этом я уверен. Впрочем, если она полюбит кого-то более достойного, что ж... Не собираюсь мешать её счастью. Моя тайна умрёт со мной. И всё же она моя первая — и моя единственная любовь.

— Это, конечно, прекрасное *чувство*, — возразил я, — но *смысла* в нём нет. Да и не похоже на тебя.

Видать, судьба того страшит,
Заслуг недостаёт,
Кто бросить жребий не спешит
И ринуться вперёд⁵².

⁵² Рассказчик цитирует хрестоматийное стихотворение маркиза Монтроза «Моя бесценная и единственная любовь», написанное в 1642 году. Маркиз Монтроз — знаменитый генерал роялистской армии эпохи революционных войн и поэт тоже, хорошо известный читателю по роману Вальтера Скотта «Легенда о Монтрозе».

— Не могу заставить себя спросить, есть ли у неё кто, — с болью в голосе отвечал он. — Положительный ответ разобьёт мне сердце!

— Но разумно ли оставаться в неведении? Нельзя же губить свою жизнь из страха перед «если»!

— Говорю тебе, я не в силах!

— Тогда не мог бы я выяснить для тебя этот предмет? — спросил я с прямотоушием старого друга.

— Что ты! — не на шутку испугался он. — Умоляю, не говори им ни слова. Лучше подождём.

— Как хочешь, — отозвался я, понимая, что не стоит пока продолжать этот разговор. «Но сегодня после обеда, — сказал я себе, — нужно будет навестить графа. Возможно, и без прямых расспросов увижу, что за этим стоит!»

День выдался очень жарким — слишком жарким для прогулки или какой-либо иной деятельности, — зато будь иначе, не случилось бы ни одного из тех событий, которые ожидали меня впереди.

Начну с того, мой милый Малыш, читающий эти строки, что мне всегда хотелось знать, почему это Феи полагают, будто им непременно следует учить *нас* хорошим манерам и *нас* отчитывать, когда мы поступаем не так, как от нас требуют, а вот мы никогда их ничему не учим и никогда не отчитываем? Ты ведь не хочешь сказать, что Феи никогда не бывают жадными или эгоистичными, или нечестными? Конечно, бывают! Так не думаешь ли ты, что частенько стоило бы задавать им небольшой урок, а порой и встрёпку?

Я и в самом деле не вижу причины, почему не попробовать, и почти уверен, что если поймать какую-нибудь Фею, поставить её в угол и денёк-другой не давать ей есть ничего кроме хлеба и воды, то её характер непременно улучшится — во всяком случае, у неё поубавится чванства.

Тогда весь вопрос в том, какое время следует выбрать, если хочешь встретить Фею. Думаю, что могу тебе подсказать.

Правило первое: день должен быть *очень* жарким — это можно считать за неперемное условие, — а тебе следует быть *чуть* сонным — только не слишком, чтобы глаза у тебя не слипались. Так, а ещё ты должен чувствовать себя, как бы это сказать... словно под действием «чар». Наверно, это состояние называется «наваждение», и если ты не знаешь, что это такое, боюсь, не смогу объяснить; лучше подожди, пока тебе действительно не повстречается Фея, и тогда сам поймёшь.

И ещё одно правило: чтобы кузнечики не стрекотали. Не могу сейчас останавливаться на этом подробнее, так что поверь пока мне на слово.

Так вот, если все эти условия выполнены, у тебя появляется отличная возможность повстречать Фею — по крайней мере, гораздо лучшая возможность, чем при другой погоде.

Самое первое, что я заметил, пока едва передвигая от жары ноги тащился через лесную прогалину, был большущий Жук, лежавший на спине и отчаянно сучивший лапками. Я опустился на одно колено, желая помочь бедолаге перевернуться. Иногда, знаешь ли, заранее и не угадаешь, что насекомому понравится, а что нет; к примеру, не могу даже сказать, держался бы я подальше от свечи, будучи мотыльком, или сиганул бы прямо в пламя, как не уверен я и в том, что, будь я паук, мне бы *так уж* понравилось, когда рвут мою паутину, выпуская на свободу муху. С другой стороны, ничуть не сомневаюсь, что, превратись я в жука, который перевернулся на спину, я был бы рад любой помощи.

Итак, опустился я на одно колено и только-только тронул Жука веточкой, чтобы перевернуть его, как увидел нечто такое, от чего прямо-таки отпрянул и сразу же затаил дыхание из боязни наделать шуму и спугнуть эту малютку. Не то чтобы она выглядела чрезмерно пугливой, — наоборот, она показалась мне такой миловидной и нежной, что вовсе могла не опасаться, будто кто-то вознамерится

причинить ей зло. Росточком она была всего лишь несколько дюймов, одета в зелёное платьице, так что ты едва ли заметил бы её среди высокой травы, и была она такой изящной и хрупкой, что казалась каким-то чудным цветком, выросшем прямо здесь, среди своих собратьев. Кроме того, скажу тебе, у неё не было крылышек (и не верю я в Фей с крылышками), зато у неё были густые и длинные каштановые волосы и огромные серьёзные голубые глаза.

Сильвия (что её именно так зовут, я узнал позже) опустилась на колени (точно как и я давеча), желая помочь Жуку, однако чтобы поставить его на ноги, ей явно недостаточно было простой веточки; она изо всех сил напрягала ручонки, пытаясь перевернуть тяжеленное насекомое, и всё приговаривала, одновременно и браня и утешая его, словно няня упавшего ребёнка:

— Сейчас, сейчас! И не надо плакать. Ты пока ещё не убился, хотя если бы ты убился, то и не смог бы плакать вовсе, так что не хнычь, дорогой мой! И как только тебя угораздило? Вижу, вижу сама, и спрашивать тут нечего — ты, верно, шёл по краешку песчаного карьера, как обычно задирая нос. А если ты ходишь таким манером по краю песчаного карьера, то жди, что свалишься. Под ноги надо было смотреть.

Жук пробормотал что-то вроде «Я и смотрел», но Сильвия продолжала:

— Ничего ты не смотрел! Ты никогда не смотришь, куда идёшь! Вечно задираешь голову, такой самодовольный. Ну что ж, посмотрим, сколько ног ты переломал на этот раз. Ух ты, ни одной! И какая польза, скажи ты мне, от целых шести ног, если ты только и можешь, что дрыгать ими в воздухе? Ноги существуют, чтобы ходить, понятно? Подожди, подожди, не доставай ещё своих крылышек. Мне ещё нужно тебе кое-что сказать. Сходи-ка сейчас к лягушке, что живёт вон за тем лютиком, и передай ей от меня наилучшие пожелания. Ты хоть можешь произнести «наилучшие пожелания»?

Жук попытался, и мне показалось, что ему вполне это удалось.

— Вот и порядок. И скажи ей, чтобы она дала тебе немного той целебной мази, которую я вчера у неё оставила. И пусть она как следует тебя ею натрёт. Правда, у неё холодные руки, но ты уж потерпи.

Кажется, Жук при этих словах вздрогнул, потому что Сильвия продолжала уже более строгим тоном:

— Ну-ну, не будь таким привередой и не делай вида, будто лягушка недостойна чести натереть тебя мазью. Совсем даже наоборот, говорю тебе, это ты будешь ей весьма обязан. А если бы это была не лягушка, а жаба, как бы тебе понравилось, а?

Немного помолчав, Сильвия добавила:

— Ну вот, теперь можешь идти. Будь же хорошим жуком, и не задирай носа.

Тут началась эта неизбежная какофония пыхтения, жужжания и неугомонного тарахтения, как будто жуки, всякий раз как собираются взлететь, обдумывают маршрут под звуки собственной музыки. В конце концов он оторвался от земли и, совершив один из своих неуклюжих зигзагов, ухитрился ринуться прямо мне в лицо. К тому времени, как я оправился от неожиданности, маленькая Фея исчезла.

Я рыскал взглядом по сторонам в надежде разглядеть малютку среди травы, но её и след простыл — к тому же моё состояние «наваждения» совершенно улетучилось, а кузнечики вовсю застрекотали вновь; я понял, что моей Феи здесь больше нет.

А теперь самое время разъяснить тебе условие касательно кузнечиков. Они всегда прекращают свой стрёкот, когда поблизости появляется Фея, — наверно потому, что она для них вроде королевы, во всяком случае не чета простому кузнечику, так что когда ты идёшь себе, а кузнечики вдруг перестают стрекотать, уж будь уверен — Фея где-то рядом.

Как ты понимаешь, дальше я отправился сильно опечаленный. Однако я утешал себя такой мыслью: «Как бы то ни было, а сегодня

день чудес. Буду идти потихоньку, глядя себе под ноги, и, вполне возможно, набреду где-нибудь на ещё одну Фею».

Приглядываясь таким образом, я завидел какое-то растение с закруглёнными листьями, а в середине каждого листа были прорезаны странные маленькие дырочки. «Ага, листоед поработал», — беспечно отметил я: ты ведь помнишь, что я вполне искущён в Естественных Науках (мне, например, всегда удаётся отличить кошку от курицы с первого взгляда), — и я уже прошёл было мимо, как вдруг внезапная мысль заставила меня остановиться и повнимательнее приглядеться к этим листьям.

И тогда я весь затрепетал от возбуждения, ибо заметил, что эти дырочки слагаются в буквы; да-да, три выстроившихся в одну шеренгу листика несли на себе буквы «Б», «Р» и «У», а поискав ещё чуть-чуть, я обнаружил поблизости два листика с буквами «Н» и «О».

И тут мгновенная вспышка внутреннего света вновь высветила те минуты моей жизни, которые уже канули в забвение, — те образы, которыми я грезил во время моего первого путешествия в Эльфстон, и, вновь затрепетав, я подумал: «Этим видениям суждено воплотиться наяву!»

На меня снова нахлынуло моё «наваждение»; я внезапно понял, что кузнечики больше не стрекочут, и твёрдо уверился, что Бруно должен быть где-то поблизости.

Да он и был тут как тут: я едва через него не перешагнул — ужасная потеря, будь Эльфы и Феи такими существами, через которые можно перешагнуть; по моему личному убеждению, они сродни блуждающим огонькам, которых никому ещё не удавалось не то чтобы перегнать, но хотя бы настигнуть.

Вспомните какого-нибудь знакомого вам прелестного мальчика, у которого есть розовые щёчки, большие темные глаза и спутанные каштановые волосы, а затем представьте, будто он такой маленький,

что без труда может уместиться в кофейной чашечке, и вы поймёте, что представлял собой Бруно.

— Как тебя зовут, малыш? — начал я самым что ни на есть приветливым тоном. А кстати, чего это мы начинаем разговор с маленькими детьми, непременно спрашивая их имя? Не оттого ли, что воображаем, будто имя поможет нам увидеть их немного более взрослыми? Но разве настоящего взрослого человека вы сразу же спрашиваете об имени? Как бы то ни было, а я почувствовал настоятельную необходимость узнать его имя; и так как он не отвечал на мой вопрос, я задал его вновь и погромче: — Как тебя зовут, мой маленький человечек?

— А тебя как зовут? — спросил мальчик, не поднимая головы.

Я охотно назвал ему своё имя, ведь он был слишком мал, чтобы на него можно было сердиться⁵³.

— Ты Герцог Чего-нибудь? — спросил он, на секунду взглянув на меня, а затем вернулся к своему занятию.

— Я вовсе не Герцог, — ответил я, немного стыдясь в этом признаться.

— Ты такой большой, как два Герцога, — сказала маленькое существо. — Тогда ты, наверно, какой-нибудь Лорд?

— И не Лорд, — ответил я, стыдясь ещё сильнее. — У меня нет никакого титула.

Мой Эльф, казалось, решил, что в таком случае со мной и разговаривать не стоит: он преспокойно продолжил вырывать цветы из земли и ломать руками их стебли, словно меня не было вовсе.

Спустя пару минут я попытался вновь:

— Скажи мне, как тебя зовут, *ну пожалуйста!*

⁵³ В раннем варианте этой и следующей глав — то есть в сказке «Месть Бруно», упомянутой в Предисловии, — рассказчик прямо называет здесь своё имя: «Меня зовут Льюис Кэрролл».

— Бруно, — без промедления ответил малыш. — Почему же ты раньше не говорил «пожалуйста»?

«Как будто мы снова в детской, и мне дают наставления», — подумал я, бросая взгляд сквозь долгую череду лет (целую сотню, если хотите) на то далёкое время, когда я и сам был ребёнком. Но тут мне в голову пришла забавная мысль, и я спросил его:

— А ты, случаем, не один из тех Эльфов, что учат детей хорошим манерам?

— Да, иногда мы этим занимаемся, — сказал Бруно, — только это ужасно скучно! — Говоря так, он яростно разорвал цветок анютиных глазок надвое и тут же растоптал его.

— А что ты делаешь здесь, Бруно? — спросил я.

— Порчу Сильвин садик, — охотно объяснил малыш. И, продолжая всё так же вырывать цветы, он забормотал себе под нос: — Дурацкое занятие... Вместо того чтобы отпустить меня поиграть сегодня утром... Говорит, что я должен сначала закончить уроки... Уроки, ничего себе! Сейчас ты у меня позлишься!

— Не нужно этого делать, Бруно! — вскричал я. — Ты разве не знаешь, что это называется «месть»? А месть — это дурная, отвратительная, опасная штука!

— Мечь? — переспросил Бруно. — Место? Это место безопасное, зато скоро станет отвратительным.

— Нет, не место, — принялся объяснять я. — Мечь.

— Ага, — ответил Бруно, широко раскрывая глаза, но не отваживаясь повторить слово.

— Ну же, Бруно, скажи-ка это слово, — весело настаивал я. — Мечь! Мечь!

Но Бруно только вскинул свою маленькую головку и заявил, что не может, что у него рот другой, неподходящий для таких слов. Я не удержался от смеха, и мой маленький приятель сразу же надулся.

— Прошу прощения, не обращай на меня внимания, малыш! — сказал я. — Не могу ли я помочь тебе в твоём занятии?

— Пожалуйста, помоги, — сказал Бруно, утешившись. — Только мне хочется придумать что-нибудь такое, чтобы она разозлилась ещё сильнее. Ты даже не представляешь, как трудно её разозлить!

— Выслушай же меня, Бруно, и я научу тебя одной замечательной мести!

— А это будет что-то такое, что её наверняка разозлит? — спросил Бруно, и глаза у него загорелись.

— Да, кое-что такое, что её наверняка разозлит. Для начала мы повыдергаем в её саду все сорняки. Погляди-ка, сколько их на этой стороне — совершенно скрыли собой цветы.

— Но это же её не разозлит! — возмутился Бруно.

— Затем, — продолжал я как ни в чём не бывало, — мы польём вон ту возвышающуюся клумбу. Не видишь разве, какая она сухая и пыльная?

Бруно пытливо посмотрел на меня, но на этот раз ничего не сказал.

— А после этого... — добавил я. — Видишь ли, дорожки нуждаются в небольшой расчистке, и я думаю, что тебе стоило бы посрезать вон ту крапиву — она так близко подобралась к садику, что совершенно загораживает...

— Да что ты такое говоришь? — не в силах был дальше сдержаться Бруно. — Всё это её нисколечко не разозлит!

— Разве? — с невинным видом поинтересовался я. — И наконец, давай-ка выложим землю вон теми разноцветными гольшами — просто чтобы разграничить клумбы с разными цветами, понимаешь? Будет выглядеть — просто загляденье!

Бруно завертел головой по сторонам, а затем опять с любопытством уставился на меня. Но вот в его глазах забегали огоньки, и он сказал уже совершенно другим тоном:

— Будет красиво. Давайте сложим их рядами — красные с красными, синие с синими.

— Отлично выйдет! — воскликнул я. — И затем... А какие цветы Сильвии нравятся больше всего?

Бруно сунул палец в рот и немного поразмыслил.

— Фиалки, — сказал он наконец.

— Там у ручья как раз есть прекрасная клумба с фиалками.

— Ой, давай нарвём их! — воскликнул Бруно, даже подпрыгнув от восторга. — Идём! Дай мне руку, и я тебя туда проведу, а то здесь трава слишком густая.

Я не мог сдержать улыбки, видя, что он совершенно позабыл, с каким великаном разговаривает.

— Погоди-ка, Бруно, — сказал я. — Мы должны подумать, что нам следует сделать в первую очередь. Ты же видишь, сколько у нас дел.

— Хорошо, давай подумаем, — ответил Бруно, вновь засунув палец в рот и усевшись прямо на какую-то дохлую мышь.

— А что здесь делает эта дохлая мышь? — спросил я. — Лучше закопай её или брось в ручей.

— Нет, она нужна мне для измерения! — закричал Бруно. — Как же тогда размечать садик? Мы делаем каждую клумбу длиной три с половиной мыши и шириной в две мыши.

Тут он ухватил свою мышь за хвостик, чтобы показать мне, как ею пользоваться, но я поспешил остановить его, так как начал опасаться, что моё «наваждение» может улетучиться ещё до того, как мы закончим наведение в садике порядка, и тогда я уже не увижу больше ни Бруно, ни Сильвии.

— Я думаю, лучше всего будет, если *ты* примешься за прополку клумб, а я в это время разложу гольши по цвету, чтобы потом можно было окаймлять ими проходы.

— Так и сделаем! — воскликнул Бруно. — А пока мы будем это делать, я расскажу тебе про двух гусениц.

— Хорошо, послушаем про гусениц, — проговорил я и начал отбирать голыши, складывая их в кучи разных цветов.

Бруно быстро и едва внятно затараторил, словно обращался сам к себе.

— Вчера я видел двух маленьких гусениц, когда сидел у ручья, там где можно выйти в лес. Они были совершенно зелёные и с жёлтыми глазами, и *меня* они не видели. А у одной было крылышко мотылька — большое коричневое крылышко мотылька, да? — такое сухое, с прожилками. Она хотела унести его. Мне кажется, она не хотела его съесть, а может, она хотела сделать из него себе пальтишко на зиму?

— Может быть, — сказал я, потому что Бруно взглянул на меня в ожидании ответа. Этих двух слов оказалось малышу достаточно, и он весело продолжал:

— Вот, а так как она не хотела, чтобы другая гусеница увидела, что у неё есть крылышко мотылька, то она, когда уходила, держала его всеми своими левыми ножками, а шла только правыми. Но она сразу же перевернулась после этого.

— После чего? — спросил я, уловив только последние слова, потому что, сказать по правде, я не особенно прислушивался.

— Она перевернулась, — очень серьёзно повторил Бруно, — и если бы ты видел, как гусеницы переворачиваются, то знал бы, как ей трудно, и не смеялся бы сейчас.

— Поверь мне, Бруно, я вовсе и не думал смеяться. Посмотри — я снова совершенно серьёзен.

Но Бруно только скрестил руки на груди и проговорил:

— Не надо мне. Я сам видел, что у тебя в одном глазу что-то мелькнуло — как на луне.

— Почему ты думаешь, что я похож на луну, Бруно? — спросил я.

— Твоё лицо большое и круглое, как луна, — ответил Бруно, пристально в меня вглядываясь. — Только оно не светится так ярко, зато оно чище.

Я снова не смог сдержать улыбки.

— Я ведь иногда умываю своё лицо, Бруно. А луна никогда не умывается.

— Никогда не умывается? — удивился Бруно. Он весь подался ко мне и таинственным шёпотом добавил: — Лицо луны становится каждую ночь всё грязнее и грязнее, пока не сделается совсем чёрным. И тогда, когда оно всё загрязнится, тогда... — тут он провёл ладошкой по своим собственным розовым щёчкам, — тогда она умывается.

— И снова становится чистой, верно?

— Не вся сразу, — сказал Бруно. — Чему только тебя учили! Она умывается понемножку, только начинает это делать с другой стороны, понятно?

Всё это время он преспокойно сидел на своей дохлой мыши, сложив руки на груди, а сорняки ничуть не были потревожены. Поэтому в конце концов мне пришлось ему сказать:

— Сначала работа, а забавы потом. Никаких разговоров, пока не закончим эту клумбу.

ГЛАВА XV. Месть Бруно

Несколько минут мы молчали; в течение этого времени я сортировал голыши и втихаря с интересом наблюдал, как Бруно занимается садоводством. И в самом деле, это был невиданный способ: перед тем как прополоть клумбу, он сначала её вымеривал, словно опасался, как бы она не съёжилась от прополки; один раз даже, когда клумба против ожиданий вышла длиннее, он принялся дубасить маленькими кулачками свою дохлую мышь, приговаривая при этом:

— Вот тебе! Опять всё испортила! Почему ты не держишь хвост прямо, как тебе говорят?

Затем он с таинственным видом обратился ко мне:

— Слушай, что я придумал. Ты ведь любишь Фей и Эльфов?

— Конечно, — ответил я, — конечно, люблю, иначе меня бы здесь не было. Если бы я их терпеть не мог, то отправился бы в какое-нибудь другое место, где никаких Фей и Эльфов нет.

Бруно презрительно засмеялся.

— Ты ещё скажи, что отправишься в такое место, где нет никакого воздуха, потому что терпеть не можешь воздуха!

Я не совсем понял, что он хочет сказать. Поэтому я попытался сменить предмет.

— Вообще-то, ты первый Эльф, которого я встречаю в жизни. А вот, скажем, *ты* — видел ли ты в своей жизни других людей, кроме меня?

— Ещё сколько! — отозвался Бруно. — Мы встречаем их, когда ходим по дороге.

— Но они не могут заметить *вас*. Как же получается, что они никогда на вас не наступают?

— На *нас* наступить нельзя, — ответил Бруно, очень удивившись моему невежеству. — Сам подумай: ты идёшь... вот здесь... — Он прочертил по земле небольшую линию. — А вот тут Эльф — то есть я... он идёт *здесь*. Тогда получается, что ты ставишь одну свою ногу сюда, а другую ногу сюда. Поэтому ты никогда не наступишь на Эльфа.

Объяснение вышло на славу, но меня оно не убедило.

— А почему я не поставлю ногу прямо *на* Эльфа? — спросил я.

— Не знаю, *почему*, — задумчиво ответило маленькое существо. — Только знаю, что не поставишь. Ещё никто и никогда не наступал на Эльфа или Фею. Теперь я скажу тебе, что я придумал, раз ты так

любишь Фей. Я раздобуду для тебя приглашение на званый ужин к Сказочному королю. Я знаком с одним из старших блюдоносов.

Тут мне снова не удалось сдержать смеха.

— Разве блюдоносы приглашают гостей?

— Конечно, приглашают, но только не *ужинать*, а *прислуживать*! — как ни в чём не бывало разъяснил Бруно. — Неплохо, правда? Разносить блюда и наливать в бокалы вино.

— Неплохо, неплохо, но всё равно это не так здорово, как самому сидеть за столом, верно?

— Эх, — сказал Бруно таким тоном, словно ему стало жаль моего невежества. — Если ты даже не Лорд Чего-нибудь, то, сам понимаешь, нельзя ожидать, что тебя пригласят на королевский ужин сидеть за столом.

Мягко, как только смог, я заметил ему, что вовсе не ожидал, что меня пригласят сидеть за столом, просто это единственный способ присутствовать на званом ужине, который мне по-настоящему нравится. Тут Бруно вскинул голову и обиженно сказал, что если я не хочу, то и не надо — вокруг и так полным-полно таких, которые отдадут всё на свете, чтобы только попасть на ужин к Королю.

— Да сам-то ты, Бруно, бывал на ужине у Короля?

— Они пригласили меня один раз, на той неделе, — с изрядной долей гордости отвечивал Бруно. — Чтобы мыть подносы из-под супа... нет, тарелки из-под сыра, хотел я сказать. Это была большая честь. А потом я прислуживал за столом. И сделал всего *одну* ошибку.

— А какую? — спросил я. — Уж расскажи, будь любезен.

— Подал ножницы, когда кому-то потребовалось разрезать свой бифштекс, — беспечно ответил Бруно. — Но самое главное — я поднёс Королю стакан сидра.

— Да уж, это самое главное! — отозвался я, кусая себе губы, чтобы вновь не рассмеяться.

— Правда же? — самодовольно переспросил Бруно. — Не каждый может удостоиться *такой* чести.

Эти слова заставили меня задуматься обо всех тех подозрительных вещах, которые мы в нашем мире именуем «честью», но в которых тем не менее присутствует не больше чести, чем та, которую вообразил себе Бруно, поднося стакан сидра своему Королю.

Даже не знаю, как долго бы я грезил по этому поводу, если бы голос Бруно внезапно не вынудил меня вновь обратить внимание на его персону.

— Сюда, скорее! — возбуждённо закричал он. — Хватай её за второй рог, а то мне больше не удержать!

Он отчаянно боролся с огромной Улиткой: ухватившись за один из её рогов, он немислимо изогнулся спиной назад в потугах стащить её с травинки.

Я понял, что нам больше не придётся заниматься садиком, если позволить Бруно потратить силы на всяких улиток, поэтому я просто снял её с листа травы и переложил на кучу земли, откуда мальчик не мог её достать.

— Поохотимся за ней позднее, Бруно, — сказал я, — если ты и в самом деле хочешь взять её в плен. Только какая тебе от неё польза?

— А тебе какая бывает польза от лисиц? — спросил в ответ Бруно. — Я знаю, что вы, большие существа, тоже за ними охотитесь.

Я попробовал придумать причину, по которой нам, большим существам, нужно охотиться на лисиц, а ему не нужно охотиться на улиток, но так ничего и не придумал, поэтому в конце концов сказал:

— Ладно; думаю, одно другого стоит. Я как-нибудь и сам отправлюсь ловить улиток.

— Надеюсь, ты не будешь настолько глупым, — сказал Бруно, — чтобы отправиться на ловлю улиток в одиночку. Тебе её ни за что не удержать, если кто-нибудь не схватит её за другой рог!

— Ну конечно! В одиночку — не пойду! — заверил я малыша. — Кстати, неужели лучшая охота — на улиток? А как насчёт кого-нибудь без ракушки на спине?

— Ну нет, мы никогда не ловим таких, что без ракушки, — произнёс Бруно, слегка поёжившись. — Они тогда раздражаются, и к тому же такие липкие, когда их хватаешь!

К этому времени мы почти покончили с нашей работой по обустройству садика. Я сорвал несколько фиалок, и Бруно уже помогал мне сделать из них букет, когда внезапно он опустил руки и произнёс:

— Я устал.

— Тогда отдохни, — ответил я. — Закончу без тебя.

Повторять было излишне — Бруно сразу же принялся раскладывать свою мышь на земле на манер дивана.

— Я спою небольшую песенку, — предложил он, перекатывая мышь с боку на бок.

— Спой, спой, — ответил я. — Песни я слушать люблю.

— А какие песни тебе больше нравятся? — спросил он и за хвост оттащил мышь на то место, откуда мог хорошо меня видеть. — Самая лучшая песня — это «Дин, дин, дин».

Против такого откровенного намёка возразить было нечего, но всё же я сделал вид, будто размышляю. Затем я сказал:

— Да, песню «Дин, дин, дин» я люблю больше всего.

— Это говорит о том, что ты знаешь толк в музыке, — с довольным видом ответил Бруно. — Сколько желаешь колокольчиков? — И он сунул палец в рот, чтобы помочь мне думать.

Так как поблизости росла всего одна веточка с колокольчиками, я напустил на себя важный вид и заявил, что на сей раз, по-моему, одной веточки будет достаточно; я даже сорвал её и подал ему. Бруно разок-другой пробежал по веточке ручонкой — ну точно музыкант, настраивающий свой инструмент, — и при этом произвёл самое что ни

на есть нежное и мелодичное позвякивание. Я не слыхивал, как цветы издают музыку (и не думаю, чтобы слышал кто-нибудь другой, если только он не был во власти «наваждения»), и я совершенно не представляю, как мне описать вам её звучание; могу лишь сообщить, что оно похоже на колокольный перезвон с расстояния в тысячу миль. Когда Бруно совершенно удовлетворился настройкой своей цветочной веточки, он уселся на дохлую мышь (казалось, что только верхом на ней он чувствует себя вполне комфортно) и, взглянув на меня снизу вверх глазами, в которых плясали весёлые искорки, начал играть. Мелодия, кстати сказать, оказалась весьма чудной; вы и сами можете сыграть её — вот вам ноты: <...>

Меркнет свет! И сна уж нет —

Мы хороводим, дин, дин, дин!

Поскорей будите фей,

А эльфы здесь уж, как один!

И спешит к нам Оберон,

Дин-дон, дон, дон.

Первые четыре строки он пропел весело и живо, одновременно вызванивая мелодию колокольчиками, но две последние строки он спел медленно и плавно, просто покачивая при этом веточкой вперёд-назад. После этого он прервал пение и принялся объяснять:

— Оберон — это и есть Король эльфов и фей, он живёт за озером и иногда приплывает в маленькой лодочке, а мы приходим и встречаем его, и тогда мы поём эту песенку, понятно?

— И вы вместе с ним ужинаете? — спросил я, подыгрывая ему.

— Не разговаривай, — запальчиво приказал Бруно. — А то мы и так прервали песенку.

Я пообещал, что больше не буду.

— Я никогда не разговариваю, когда пою, — строго продолжал Бруно. — И ты не должен. — Тут он опять настроил свой инструмент и запел:

Стрекоза во все глаза
Глядит, и мы глядим, дин, дин!
Как плывёт по глади вод
Всех фей и эльфов господин!
Королю приветный звон,
Дин-дон, дон, дон.

Светлячки! На все сучки
Мы вас посадим, дин, дин, дин!
До зари как фонари
Светите с елей и осин!
Королю с ветвей привет
И свет, свет, свет.

Ужин ждёт — нектар и мёд;
Мы на траве сидим, дин, дин!
Не спеши и от души...

— Тсс, Бруно! — предостерегающим шёпотом перебил я. — Она уже идёт!

Бруно замолк, и в то время, как Сильвия медленно пробиралась сквозь густую траву, он внезапно бросился к ней, наклонив голову вперёд, словно маленький бычок.

— Смотри в другую сторону! Смотри в другую сторону!

— В какую сторону? — испуганно спросила Сильвия, озираясь по сторонам в поисках неизвестной опасности.

— В *ту* сторону! — сказал Бруно, торопливо повернув её за плечи, чтобы её взгляд оказался направлен в сторону леса. — Теперь иди спиной вперёд — ступай медленно, не бойся, не споткнёшься!

Всё же Сильвия то и дело спотыкалась, ведь, по правде говоря, Бруно и сам торопился, ведя её за руку по всем этим веточкам и камешкам; даже удивительно, как бедное дитя вообще смогло устоять на ногах. Но Бруно был слишком возбуждён, чтобы осторожничать.

Я молча указал Бруно пальцем на удобное место, откуда он мог бы показать Сильвии весь сад сразу, — это было небольшое возвышение, почти на высоту картофельного кустика; и когда они взобрались на него, я отступил в тень, чтобы Сильвия меня не заметила. Тогда я услышал, как Бруно торжествующе воскликнул:

— Теперь можешь смотреть! — Затем послышались аплодисменты; их, правда, сам же Бруно и произвёл. Сильвия не издала ни звука — она лишь стояла и смотрела, сложив ручонки; я уже забеспокоился, что ей наша работа отнюдь не нравится.

Бруно и сам с беспокойством взглянул на неё, и когда она спрыгнула с холмика и заметалась взад-вперёд по проложенным нами дорожкам, он предупредительно последовал за ней, опасаясь, что без подсказок с его стороны садик произведёт на Сильвию неправильное впечатление. А когда наконец она глубоко вздохнула и произнесла свой приговор (торопливым шёпотом и путаясь в грамматике): «Красивее этого как я ещё никогда в жизни не видела!» — малыш просиял, словно бы этот вердикт вынесли все судьи и присяжные Англии, собравшиеся вместе.

— И ты сделал всё это сам, Бруно? — промолвила Сильвия. — Для меня?

— Мне немножко помогли, — начал объяснять Бруно, с облегчением рассмеявшись при виде её удивления. — Мы работали весь день... Я думал, тебе понравится... — И тут губы бедного мальчика

искривились, и он разрыдался. Бросившись к Сильвии, он страстно обхватил ручонками её шею и спрятал лицо у неё на плече.

Голос Сильвии тоже слегка дрожал, когда она прошептала: «Что такое, милый мой, в чём дело?» — и попыталась приподнять его голову, чтобы поцеловать.

Но Бруно словно прилип к ней; он шмыгал носом и едва находил в себе силы вымолвить:

— Я хотел... испортить твой садик... сначала... но я никогда... никогда... — тут последовал новый взрыв рыданий, в котором утонуло окончание фразы. В конце концов он выдавил из себя: — Мне понравилось... собирать букет... для тебя, Сильвия... и я никогда ещё не был так счастлив. — И покрасневшее маленькое личико наконец поднялось навстречу поцелую, всё мокрое от слёз.

Сильвия тоже тихонько плакала; она ничего не говорила, кроме как: «Мой милый Бруно!» и «Я никогда ещё не была так счастлива», — хотя для меня лично оставалось загадкой, почему двое детишек, которые никогда ещё не были так счастливы, никак не могут наплакаться.

Я и сам почувствовал себя счастливым, только, разумеется, я не плакал: «большие существа», как ты понимаешь, не плачут — это мы оставляем для Фей и Эльфов. Я лишь подумал, что, наверно, начинается дождь, ибо у меня на щеках вдруг оказались две капли.

Затем они вновь обошли весь садик, цветок за цветком.

— Теперь знаешь, какая у меня... эта, как её... — начал было Бруно.

Сильвия весело рассмеялась.

— О чём ты говоришь, Бруно?

Обеими руками она отбросила назад свои густые каштановые волосы и взглянула на брата искрящимися глазами.

Бруно сделал глубокий вздох и с усилием продолжал:

— Я говорю... какая у меня... месть. Теперь ты понимаешь?

И он принял такой довольный и гордый вид, оттого что отважился наконец-то произнести это слово, что я ему даже позавидовал. Однако мне подумалось, что Сильвия всё же не «понимает», но она поцеловала его в обе щеки, так что беспокоиться было не о чем.

А потом они прохаживались среди лютиков, нежно обнявшись, разговаривая и смеясь на ходу, и хоть бы раз повернули голову, чтобы взглянуть на меня, бедолагу. Нет, всё-таки один раз, перед тем как окончательно пропасть из виду, Бруно обернулся и беззаботно кивнул мне через плечо. Вот и вся благодарность за *мои* труды. Последнее, что я увидел, глядя им вслед, — это как Сильвия остановилась, обняв брата за шею, и просительно прошептала ему на ухо:

— Знаешь, Бруно, я совсем забыла это странное слово. Скажи мне его ещё раз. Давай! Только разок, мой милый!

Но Бруно и пытаться не стал.

ГЛАВА XVI. Укороченный Крокодил

Тут всё Чудесное — всё Волшебное — улетучилось из моей души, и снова в ней безраздельно воцарилась Обыденность. Я двинулся по направлению к дому графа, ведь уже наступал «колдовской час»⁵⁴ — пять пополудни, и я точно знал, что найду графа с дочерью собирающимися выпить по чашке чаю и скоротать время в неторопливой беседе.

Леди Мюриел и её отец приветствовали меня с восхитительным радушием. Они не принадлежали к тому сорту людей, которые, встречая нас в светских гостиных, стремятся подавить все подобные чувства, стоит им самовольно зашевелиться под непроницаемой личиной общепринятой безмятежности. «Человек в Железной маске» в

⁵⁴ Выражение восходит к Шекспиру («Гамлет», акт III, сцена 2), у которого, разумеется, оно означает иное — полночь.

своё время, несомненно, был несусветным дивом, но в современном Лондоне никто при встрече с ним и головы бы не повернул! Нет, мои хозяева были *живыми* людьми. Если у них на лицах сияла радость, это значило, что радость была и в их душе, и когда леди Мюриел произнесла со светлой улыбкой: «Как я рада снова вас видеть!» — я не сомневался, что так оно и есть.

Всё же я не отважился преступить запретов — какими бы они не казались мне безумными — снедаемого любовью молодого Доктора далее простого упоминания о его существовании на свете; но только лишь после того, как хозяева посвятили меня во все детали намечающегося пикника, на который я тут же был приглашён, леди Мюриел воскликнула, как будто вспомнив в последнюю минуту: «И обязательно приводите с собой доктора Форестера! Ему будет полезно побыть денёк на природе. Небось, читает свои трактаты до умопомрачения...»

Так и завертелась «на кончике моего языка» цитата: «Одно ему знакомо чтение — лишь юной девы лицемерье»⁵⁵, — но я вовремя спохватился. В этот миг я почувствовал себя точно уличный пешеход, который едва успел отскочить от вылетевшего наперерез фаэтона.

— ...Да и жизнь у него ужас какая одинокая, — продолжала леди Мюриел с той нежной серьёзностью, которую невозможно заподозрить в неискренности. — Обязательно приводите его! Не забудьте же — через неделю во вторник. Вы поедете с нами. Жалко будет, если вам придётся ехать по железной дороге — просёлками столько чудесных видов! А у нас открытый четырёхместный экипаж.

— Постараюсь уговорить его во что бы то ни стало, — доверительно пообещал я, думая про себя: «Удержать его от поездки — вот что мне точно не удалось бы!»

⁵⁵ Из стихотворения Томаса Мура «Время, потраченное мною на ухаживание», входящее в цикл «Ирландские мелодии».

До пикника оставалось ещё десять дней, и хотя Артур с готовностью принял приглашение, которое я ему передал, мне, как я ни пытался, не удалось уговорить его нанести визит — со мной ли, без меня — в дом графа до назначенного срока. Куда там! — он боялся «злоупотребить их гостеприимством», они-де и так слишком часто принимали его у себя, «чтобы лезть туда раньше времени», — и когда наконец наступил день поездки, Артур выглядел настолько по-детски возбуждённым и суевливым, что я подумал: а не лучше ли мне устроить так, чтобы мы добирались до графа по отдельности, — у меня зародилось намерение поотстать и явиться после него, чтобы дать ему время прийти в себя в обществе возлюбленной.

С этой целью по пути в «Усадьбу» (как мы называли графский дом) я сделал добрый крюк, и если бы только мне удалось немножко заблудиться, думал я по дороге, это бы меня вполне устроило!

Я и заблудился, причём даже скорее, чем сам отваживался надеяться. Дорога через лес давно сделалась мне знакомой благодаря одиноким прогулкам, которыми я часто развлекался в период моего предыдущего гостения в Эльфстоне, и как мне удалось столь внезапно и основательно сбиться с пути — это осталось для меня полной загадкой, даже если принять во внимание, что я был настолько погружён в размышления об Артуре и предмете его любви, что не замечал ничего вокруг. «Впрочем, та залитая солнцем прогалина, — сказал я самому себе, — кажется мне смутно знакомой, хоть я не могу точно припомнить... Ах да, это же то самое место, где я повстречал в тот раз этих сказочных детишек! Надеюсь, поблизости нет змей!» И я подумал вслух, усаживаясь на упавшее дерево: «Не люблю змей, честно говоря, и мне кажется, *Бруно* их тоже не любит!»

— Да, он их *не* любит, — серьёзным тоном промолвил около меня тонкий голосок. — Не то чтобы он их *боялся*, понимаете? Просто он их *не любит*. Он говорит, что они слишком волнистые.

Словами не описать прелести маленькой компании, на которую наткнулся мой заматавшийся взор. Она расположилась на мшистом лоскутке, устилавшем ствол поваленного дерева: Сильвия, лежащая на боку, утопив локоток прямо в мох, в то время как её розовенькая щёчка покоилась на раскрытой ладони, и Бруно, растянувшийся у её ног, прислоняясь головкой к её коленям.

— Слишком волнистые? — только и смог я произнести от неожиданности.

— Я не привереда, — беззаботно сказал Бруно, — но мне больше нравятся *прямые* животные.

— Но ты же любишь, когда собаки виляют хвостом, — возразила Сильвия. — Признайся, Бруно!

— Но в собаке всё равно есть ещё много прямого, правда, господин сударь? — обратился Бруно ко мне. — *Вам* же не хочется иметь собаку, у которой нет ничего, кроме головы и хвоста?

Я согласился, что такая собака была бы совершенно неинтересной.

— Таких собак в природе и не существует, — заверила Сильвия.

— Они будут существовать, — возразил Бруно, — если Профессор укоротит одну для нас!

— Укоротит одну? — переспросил я. — Это что-то новенькое. А как он это сделает?

— У него есть такая замечательная машина... — начала объяснять Сильвия.

— Укоротительная машина, — встрял Бруно, который не мог допустить, чтобы такой интересный рассказ оказался у него похищен, — и если вы кладёте в неё что-нибудь с одной стороны, да? — а он покрутит ручку и это выходит с другой стороны, то оно получается короче!

— Короче-прекороче! — подтвердила Сильвия лучше всякого эха.

— И один раз, когда мы ещё были в Запределье, — ну, вы знаете, перед тем, как мы пришли в Сказочную страну, мы с Сильвией принесли ему большого Крокодила. И он его для нас укоротил. И Крокодил стал таким забавным! Он всё оглядывался по сторонам и приговаривал: «Куда подевалось остальное?» И глаза у него с лоба глядели так печально...

— Не говори «лоба»! — перебила Сильвия.

— Сильвия права, — по-взрослому отвечал Бруно, — я не говорил «оба». Только один тот глаз, который *не мог* увидеть, куда девалось остальное. А тот глаз, который *мог* видеть, куда...

— И насколько же коротким получился Крокодил? — перебил я, потому что рассказ детишек становился всё запутаннее.

— Наполовину коротким, чем когда мы его словили, — сказал Бруно. — Вот такой, — добавил он и расставил руки, насколько смог.

Я попытался вычислить, что же тогда от него осталось, но понял, что эта задача слишком сложна для меня.

— Но вы же не бросили несчастное животное, так сильно укороченное той машиной, а, дети?

— Нет, не бросили. Мы с Сильвией отнесли его назад к Профессору и там его растянули... Насколько он стал длиннее, Сильвия?

— В два с половиной раза и ещё чуточку, — ответила Сильвия.

— Боюсь, это понравилось ему не больше, чем когда его укоротили.

— Нет, это ему больше понравилось! — поспешил заверить меня Бруно. — Он стал гордиться своим новым хвостом. Вы ещё не встречали крокодила, который так сильно гордится своим хвостом! Посудите сами: теперь он мог развернуться и пойти гулять по своему хвосту до самого кончика, а потом назад по всей спине до самой головы.

— Не до *самой* головы, — сказала Сильвия. — До самой головы он не смог бы дойти.

— А он доходил! — победно вскричал Бруно. — Вы не видели, а вот я видел собственными глазами. И он прохаживался, качаясь из стороны в сторону, словно никак не мог проснуться, потому что он думал, что спит. Обе свои передние лапы он поставил себе на хвост и всё ходил и ходил у себя по спине. А потом он гулял у себя по лбу. А потом он немножко прогулялся у себя по носу. Вот так!

Я снова попытался представить, каким же Крокодил сделался теперь, но эта задачка была почище первой.

— Ни за что на свете нет таких крокодилов не ходят они по своей голове неправда! — заверещала Сильвия, слишком задетая за живое, чтобы заботиться о грамотности своих восклицаний.

— Вы просто не знаете, *из каких соображений* он так ходил! — презрительно отмахнулся Бруно. — Это было очень веское соображение. Я сам его слышал: «*Почему бы* мне не прогуляться у себя по голове?» И вот он взял и прогулялся!

— Ну разве это *веское* соображение, Бруно? — спросил я. — Почему бы тебе не взобраться на дерево?

— И заберусь, — ответил Бруно, — мы ещё даже не кончим разговаривать, как я буду наверху. Только не можем же мы спокойно разговаривать, когда один лезет на дерево, а второй не лезет!

Мне подумалось, что мы не сможем «спокойно» разговаривать, даже если одновременно станем влезать на дерево, но я понимал, как опасно спорить с теориями Бруно, так что решил не развивать эту тему, а лучше расспросить насчёт машины, которая способна удлинять вещи.

На этот раз Бруно стал в тупик и предоставил отвечать Сильвии.

— Она похожа на каток для глажки, — сказала Сильвия, — и когда в неё кладут вещи, они там пропихиваются...

— И притесняются, — вставил Бруно.

— Да, — Сильвия не стала возражать против употребленного Бруно технического термина, но повторить его не смогла. Возможно,

она слышала его впервые. — Они там... стесняются... и затем выходят — такие длинные!

— Один раз, — снова начал Бруно, — мы с Сильвией починили Детскую Песенку...

— Сочинили, — шёпотом поправила его Сильвия.

— Да, сочинили Детскую Песенку, и Профессор раскатал её для нас. Это была вот такая песенка:

Жил-был маленький старик
С маленьким ружьишком,
Он по улицам привык
Бегать как мальчишка;
Подзывал он голубей:
«Гули, гули, гули!» —
И пускал по ним скорей
Маленькие пули.

А потом бежал к жене,
Понабив карманы,
Чтобы птички на огне
Жарились румяны;
Звал он курочек своих:
«Цыпа-цыпа-цыпа», —
И пшена скорей для них
Не жалея сыпал.

А потом бежал на пруд,
На года не глядя,
Там ведь уточки снуют
По зеркальной глади.

Звал он уток-малышей:
«Утя, утя, утя», —
И метал из камышей
Дротиками прутья.

Как-то селезень привлёк
Видом непоседу,
И подумал старичок:
«Подстрелю к обеду!»
Торопливо он навёл
Дуло, дуло, дуло —
Грянул выстрел, дым пошёл,
Птичка упорхнула.

— Значит, это вы её сочинили? — спросил я⁵⁶. — Понятно... Но вы говорите, она стала длиннее? После того, как вышла из катка?

— А мы попросим Профессора спеть её для вас, — сказала Сильвия. — Если её пересказать, то она испортится.

— Хотел бы я встретиться с этим вашим Профессором, — сказал я. — А ещё мне вот что пришло в голову: хорошо бы взять вас троих с собой, чтобы вы познакомились с моими друзьями, которые живут неподалёку. Не желаете ли пойти со мной в гости?

— Мне кажется, *Профессор* не захочет идти, — сказала Сильвия. — Он такой застенчивый! Но *нам* очень хочется пойти. Только лучше нам не ходить туда, пока мы не станем *другого* роста.

⁵⁶ Эта песенка тоже входит в собрание «Стихи матушки Гусыни» (в сборнике Демуровой имеется сокращённый вариант — № 308). Вообще же, герои Кэрролла не в первый раз «признаются» в авторстве этих песенок, см. поэму «Фантасмагория».

А ведь она права, подумал я: Общество, когда я представляю ему столь маленьких друзей, несомненно придёт в лёгкое замешательство.

— А какого вы можете стать роста? — удивлённо спросил я.

— Мы лучше сделаемся, как... обычные *дети*, — подумав, ответила Сильвия. — Для нас это самый лёгкий рост.

— А вы сможете сделаться такого роста сегодня? — спросил я, думая между тем: «Тогда бы мы могли взять вас на пикник».

Сильвия с минуту размышляла.

— Не *сегодня*, — наконец сказала она. — У нас не всё для этого приготовлено. Мы придём... в следующий вторник, если хотите. А сейчас, Бруно, ты должен отправиться делать уроки.

— Надоело мне слышать «А сейчас, Бруно»! — простонал малютка и надул губки, отчего стал ещё милее. — Только его услышу, сразу знаю, что дальше будет что-нибудь дурацкое. — Он тут же развернулся и зашагал прочь.

Сильвия обратила ко мне своё смеющееся личико.

— Так мы придём во вторник?

— Отлично! — ответил я. — Пусть будет следующий вторник. Но как насчёт Профессора? Он разве тоже пришёл с вами в Сказочную страну?

— В тот раз нет, — сказала Сильвия. — Но он обещал, что обязательно нас навестит. Когда-нибудь. Ведь он ещё должен подготовиться к Лекции. Так что ему нужно было остаться дома.

— Дома? — в полусне повторил я, не совсем вникая в то, что она мне говорит.

— Да, сэр. Его сиятельство и леди Мюриел дома. Входите, пожалуйста.

ГЛАВА XVII. Три Барсука

Всё ещё в полусне я повиновался этому высокомерному приглашению и в следующее мгновение очутился в комнате, где сидели граф, его дочь и Артур.

— Ну вот *наконец!* — сказала леди Мюриел тоном игривого упрёка.

— Задержался по дороге, — промямлил я. Но я совершенно не представлял себе, как мне объяснить им причину своей задержки! К счастью, вопросов не последовало.

Экипаж тотчас подали; корзина с крышкой, заключающая в себе все наши пожертвования пикнику, должным образом была куда-то упрятана, и мы пустились в дорогу.

С *моей* стороны не было никакой необходимости поддерживать разговор. С первого взгляда было ясно, что между леди Мюриел и Артуром установились те восхитительные отношения, когда собеседникам совершенно незачем взвешивать свои мысли, прежде чем они словами сорвутся с губ, из боязни, что «*этого* не оценят, а *то* может обидеть, *это* звучит с претензией, а *то* не по делу...

» — иными словами, они совершенно спелись, словно давние друзья.

— А почему бы нам не забыть про пикник и не отправиться куда-нибудь в другую сторону? — неожиданно предложила леди Мюриел. — Разве наша команда из четырех человек не самодостаточна? А что до *еды*, так наша корзина...

— *Почему бы не?* Вот уж истинно *женский* довод! — рассмеялся Артур. — Других доводов им не нужно: захотелось — того и достаточно!

— А разве мужчинам недостаточно? — поинтересовалась она.

— Одно-единственное исключение, насколько мне известно, — доктор Уоттс, задавшийся несуразным вопросом:

«Почему бы не оставить

Вещи их хозяевам?»⁵⁷

И представьте себе, это довод в пользу Честности! Видимо, позиция его заключается вот в чём: «Я честен единственно потому, что не вижу причины красть». Тогда ответ *вора* будет, разумеется, простым и сокрушительным: «Я забираю чужое имущество, потому что оно мне самому нужно. А против воли хозяев это выходит потому, что склонить их к согласию мне всё равно не удастся!»

— Мне известно ещё одно исключение, — вмешался я. — Этот довод я слышал не далее как сегодня, и *не* от женщины. «Почему бы мне не прогуляться у себя по голове?»

— Что за необычный предмет для такого вопроса! — изумилась леди Мюриел. Она обернулась ко мне, и её глаза так и брызгали весельем. — Нельзя ли узнать, кто предложил этот вопрос на обсуждение? И прогулялся ли он всё-таки у себя по голове?

— Не помню точно, *кто* так сказал, — в замешательстве проговорил я. — И даже где именно я это слышал!

— Кто бы это ни был, надеюсь, мы встретим его на пикнике! — воскликнула леди Мюриел. — Уж этот вопрос гораздо интереснее всяких там «Ну разве не живописны эти развалины?» или «Разве не милы эти оттенки осени?» Сегодня, я чувствую, мне раз десять придётся отвечать на такие вопросы!

— Такова одна из прелестей Общества, — сказал Артур. — Почему, в самом деле, нельзя спокойно любоваться красотами Природы

⁵⁷ Исаак Уоттс (1674—1748) уже знаком читателям гарднеровско-демуровских изданий «Алисы». Напомним, что он был духовным писателем, автором Катехизиса и церковных гимнов. Здесь у нас цитата из его гимна «Вор», начинающегося так:

Почему бы не оставить

Вещи их хозяевам?

Руки созданы доставить

Честным делом радость нам.

без того, чтобы тебя поминутно об этом не спрашивали? Жизнь — это что, допрос или катехизис?

— Это даже ужаснее, чем художественная галерея, — вступил в разговор граф. — В мае я посетил Королевскую Академию с одним тщеславным молодым художником — так он совсем меня замучил! Я и не подумал бы возражать против *его* критики, направленной на сами картины, но он понуждал *меня* соглашаться с ним или даже приводить свои доводы в поддержку — а это было гораздо досаднее!

— И критика была *уничтожающей*, не так ли? — спросил Артур.

— Безо всякого «не так».

— Да знаком ли вам хоть один тщеславный человек, который отважился бы похвалить какую-нибудь картину? Ведь единственное, чего страшится такой человек (не считая полного игнорирования собственной персоны), так это *сомнения в своей непогрешимости!* Стоит вам хоть разок *похвалить* картину, как ваша репутация *непогрешимого* повисает на волоске. Допустим, это будет портрет, и вы отважитесь сказать: «Хорошо очерчен». А кто-нибудь обмерит его и найдёт, что в одном месте нарушена пропорция на восьмую долю дюйма. И вы кончены как критик. «Вы сказали, очерчен *хорошо?*» — саркастически вопрошает ваш приятель, а вы краснеете и опускаете голову. Нет уж. Единственный *безопасный* путь — это если кто-нибудь вдруг скажет: «Хорошо очерчен», тут же пожать плечами. «Хорошо очерчен? — в раздумье повторяете вы. — *Хорошо?* Гм!» Вот способ сделаться великим критиком.

Непринуждённо беседуя о подобных материях, мы совершили приятное путешествие в несколько миль по живописной местности и наконец прибыли к месту встречи — развалинам замка, где уже собрались остальные участники пикника. Час-другой мы посвятили гулянию по развалинам, а потом, с общего согласия разбившись на несколько группок случайного состава, расселись на склоне насыпи,

обеспечив себя прекрасным видом на старый замок и его окрестности⁵⁸.

Последовала кратковременная тишина, которую неожиданно захватил — а точнее выразиться, взял под приставы — какой-то Голос, и голос столь размеренный, столь нудный, столь претенциозный, что каждый из нас, вздрогнув, почувствовал, что никакие другие разговоры в настоящую минуту невозможны, и если не прибегнуть к

⁵⁸ Скорее всего, в роман оказались перенесены замковые развалины Гилфорда (Guildford) — городка, в котором большое семейство Доджсонов обосновалось в октябре 1868 года, поскольку вследствие кончины архидьякона Доджсона, произошедшей 21 июня 1868 года, оно оказалось вынуждено покинуть ректорский дом в Крофте, в котором провело почти двадцать пять лет, чтобы в него могла вселиться семья нового ректора. Тогда-то Чарльз Лютвидж, став главой семьи и тем самым взвалив на себя опеку над семьёю незамужними сестрами и тремя младшими братьями, после некоторого периода раздумий остановил свой выбор на Гилфорде, где Доджсоны и сняли за 73 фунта стерлингов в год первую же приглянувшуюся им усадьбу в викторианском стиле — «Честнатс» («Каштаны»), непосредственно примыкавшую к землям, на которых расположены древние руины. Вопрос о том, почему выбран был именно Гилфорд, обсуждался в ряду других на выездном собрании в Гилфорде членами Североамериканского общества Льюиса Кэрролла в июле 2010 года, отчёт о котором был опубликован в № 85 журнала *Knight Letter*. Роджер Аллен, докладчик по этому вопросу, высказал соображения насчёт невозможности для Чарльза Лютвиджа уделять родственникам надлежащее количество времени в случае, если бы они жили с ним в непосредственном соседстве, и разорительности квартирования в Лондоне; в то же время Кэрролла привлекли красоты городка и окрестных меловых холмов графства Суррей, а также удобство проезда по железной дороге как из Лондона, так и из Оксфорда. Вероятно, было принято в расчёт и то, что в окрестных сёлах проживали друзья и знакомые Кэрролла. В Гилфорде же и сам Кэрролл уйдёт из жизни во время очередного посещения родных.

какому-то отчаянному средству, то нам суждено выслушать ни много ни мало Лекцию, которая Бог весть когда закончится.

Говорящий оказался крепко сбитым человеком, чьё широченное, плоское и бледное лицо было обрамлено с севера бахромой волос, с запада и востока бахромой бакенбард, а с юга бахромой бороды — и всё это образовывало единый ореол нестриженной бурой шевелюры. Черты его лица были настолько лишены выражения, что я невольно сказал себе с тем чувством беспомощности, которое вы испытываете, находясь в когтях ночного кошмара: «Лицо лишь намечено карандашом и ещё ждёт последнего штриха!» Он имел обыкновение завершать каждую фразу внезапной улыбкой, которая возникала словно рябь на обширной и пустой поверхности и тут же исчезала, оставляя после себя незыблемую серьёзность, побуждавшую меня всякий раз вновь бормотать: «Нет, это не он; улыбается кто-то другой!»

— Примечаете? — Таким словцом беспардонный лектор начинал каждое предложение. — Примечаете, с каким безупречным изяществом эта осыпавшаяся арка — вон там, на самом верху развалин — выделяется на фоне чистого неба? Она помещена в самое нужное место и имеет самые подходящие очертания. Немного правее или немного левее, и всё было бы совершенно испорчено!

— Какой одарённый зодчий! — проворчал Артур, не слышимый никем кроме леди Мюриел и меня. — Он, оказывается, предвидел тот эффект, который будет производить его работа, когда спустя столетия после его смерти здесь останутся одни развалины!

— А примечаете вон там, где эти три дерева на склоне холма, — и наш лектор указал на них мановением руки с покровительственным видом человека, который сам приложил руку к преобразованию ландшафта, — как туман, поднимающийся от реки, заполняет в точности те промежутки, где нам *нужна* расплывчатость в целях художественного эффекта? Здесь, на переднем плане, несколько чётких

штрихов вполне кстати, но *фон* без тумана — нет, знаете ли! Это просто варварство! Да, нам *нужна* расплывчатость!

Произнеся эти слова, оратор с таким значением взглянул на *меня*, что я почувствовал обязанность ответить, и пробормотал то-сё насчёт эффекта, который лично *мне* едва ли был нужен, заметив под конец, что всё-таки гораздо интереснее смотреть на вещи, если можешь их видеть.

— Именно так! — тотчас подхватил величественный лектор. — С *вашей* точки зрения сформулировано безупречно. Но с точки зрения любого, у кого душа предана *Искусству*, этот взгляд нелеп. *Природа* — это одно. *Искусство* — это другое. *Природа* показывает нам мир, каков он есть. Но *Искусство*, как говорит один древний автор, *Искусство*, знаете ли... Из головы выскочило...

— *Ars est celare Naturam*⁵⁹, — подсказал Артур. Как всегда, он был на высоте.

— Именно так! — отозвался оратор с видимым облегчением. — Благодарю вас. *Ars est celare Naturam* — но это не так. — И в продолжение нескольких минут тишины лектор размышлял, нахмутив лоб, над этой проблемой. Такая благоприятная возможность не пропала даром, и в тишину вторгся другой голос.

— До чего *милы* эти древние развалины! — воскликнула девица в очках, олицетворённое Прозабение Человеческого Ума, и взглянула на леди Мюриел, словно та была признанным ценителем истинно *оригинальных* замечаний. — И как *не* залюбоваться этими оттенками осени, в которые окрашена листва деревьев? Я просто в восторге!

⁵⁹ «Искусство служит сокрытию природы» (*лат.*). Артур опять озорничает. «Латинскому автору», а именно Овидию, принадлежит несколько иная мысль («Метаморфозы», книга X, стих 252, или, например, «Наука любви», книга II, стих 313). Кратко она звучит как «*Ars est celare Artem*»: «(настоящее) искусство заключается в сокрытии искусства».

Леди Мюриел бросила на меня многозначительный взгляд, однако ответила с замечательной серьёзностью:

— О да! Вы *совершенно* правы!

— Не странно ли, — продолжала девица, с обескураживающей внезапностью переходя от Сентиментальности к Научной Ментальности, — что простое попадание определенным образом окрашенных лучей на сетчатку способно дарить нас таким изысканным удовольствием?

— Так вы изучали Физиологию? — вежливо осведомился некий молодой Доктор.

— Изучала. Правда, *прелестная* Наука?

Артур чуть заметно улыбнулся.

— Как вы относитесь к тому парадоксу, — продолжал он, — что изображение на сетчатке получается перевёрнутым?

— Это ставит меня в тупик, — чистосердечно призналась девица.
— И почему мы тогда не видим все вещи перевёрнутыми?

— Скажите, вам не знакома теория, согласно которой в голове тоже всё вверх дном?

— Да что вы? *Прекрасный* факт! Но как это доказали?

— Очень просто, — ответил Артур с важностью десяти профессоров, уложенных в одного. — То, что мы называем *верхушой* нашего мозга, в действительности есть его *доньшко*, а то, что мы называем *доньшком*, в действительности есть *верхушка*: простой вопрос *номенклатуры*.

Последнее научное выражение закрыло дело.

— Восхитительно! — с воодушевлением вскричала прекрасная Физиолагиня. — Я спрошу нашего преподавателя, почему он никогда не рассказывал нам об этой *изящной* теории!

— Многое я бы дал, чтобы присутствовать при таком вопросе, — прошептал мне Артур, когда по знаку леди Мюриел мы направились к нашим корзинам, чтобы погрузиться в более *насущное* занятие.

«Обслуживали» мы себя сами, поскольку варварский обычай (совмещающий в себе две добрые вещи с целью пустить в ход недостатки обеих и достоинства ни одной) устраивать пикники с участием слуг, которые возвышались бы у вас с тылу, не достиг ещё этих мест, лежащих вдали от больших дорог, — и джентльмены, разумеется, даже не подумали садиться, пока дамы любовно раскладывали земные блага. Вскоре я завладел тарелкой кое-чего твёрдого, стаканом кое-чего жидкого и примостился возле леди Мюриел.

Это место оставили незанятым — явно для Артура как важного гостя; но он застеснялся и присел возле девицы в очках, чей тонкий и резкий голосок пару раз уже разнёс по всему нашему Собранию зловещие фразы вроде «Человек есть сгусток Качеств!» и «Объективность достигается только через Субъективность!». Артур храбро всё сносил, однако на некоторых лицах уже появилась тревога, поэтому я понял, что самое время покончить с метафизическими вопросами.

— В раннем детстве, — начал я, — когда погода не благоприятствовала пикникам на открытом воздухе, нам позволялось устраивать пикники особого рода, которые мне ужасно нравились. Мы расстилали скатерть не на столе, а *под* столом, садились вокруг неё на пол и, смею сказать, получали больше удовольствия от такого чрезвычайно неудобного способа принятия пищи, чем когда нам сервировали общепринятым образом.

— Не сомневаюсь, — откликнулась леди Мюриел. — Всего сильнее дети ненавидят распорядок. Мне кажется, что любой мальчуган, утомлённый надзором со стороны взрослых, с огромным удовольствием будет заниматься хоть Греческой Грамматикой — но только если ему

разрешат при этом встать на голову. К тому же ваши обеды на ковре избавляли вас от одной особенности пикника, которая, на мой взгляд, является его главным недостатком.

— Вероятность ливня? — предположил я.

— Нет, вероятность того... или даже неизбежность того, что к пище примешаются *живые* существа! *Пауки* для меня — это пугало. Но мой отец не сочувствует такому отношению — верно, папа? — добавила она, ибо граф услышал слово «отец» и обернулся.

— «Своя всем язва: люди мы»⁶⁰, — проговорил он ровным печальным голосом, который, казалось, был для него совершенно естествен. — У каждого имеется свой предмет нелюбви.

— Но вы ни за что не угадаете *его* предмета! — произнесла леди Мюриел с тем чудесным серебряным смешком, который звучал для моего уха настоящей музыкой.

Я подтвердил, что ни за что не угадаю.

— Он не любит *змей*! — произнесла она театральным шёпотом. — Скажете, законное отвращение? Но как можно не любить такое милое, такое льстиво и облегающе ласковое создание, как змея!

— Не любить *змей*! — воскликнул я. — Неужели такое возможно?

— И слышать о них не желает, — повторила она, мило напустив на себя суровость. — Не то чтобы он их *боится*... Просто не *любит*. Говорит, они слишком волнистые.

Я встревожился, причём гораздо сильнее, чем желал показать. Было что-то настолько *поразительное* в этом отзвуке тех самых слов, которые я только недавно слышал от маленького лесного духа, что лишь огромным усилием воли мне удалось беззаботно проговорить:

— Давайте оставим эту неприятную тему. Не споёте ли вы нам что-нибудь, леди Мюриел? Всем известно, что вы умеете петь без музыкального сопровождения.

⁶⁰ Из стихотворения Томаса Грея «Ода Итон-колледжу, вид с отдаленья» (1742).

— Все песни, которые я знаю — без музыкального сопровождения
— боюсь, *ужасно* сентиментальные! Слёзы у вас наготове?

— Наготове! Наготове! — донеслось со всех сторон, и леди Мюриел
— а она отнюдь не была одной из тех поющих дамочек, которые
считают приличным уступить мольбам только с третьего или четвёртого
раза, да и то прежде сошлутся на провалы в памяти, потерю голоса и
другие решительные причины соблюдать тишину, — сразу начала:

Сидели на взгорочке три Барсука —

Совсем, ну совсем короли!

Их чахлый отец не вставал с лежака

Вдали от них, вдали,

Но жизнь, что привольна была и легка,

Вели они, вели.

Слонялись там три молодые Трески —

Хотелось им рядом присесть;

Про вкусоности пели они от тоски,

Про честь, про лесть, про месть;

Трещали как прутики их голоски:

Всё тресь, да тресь, да тресь.

Мамаша Треска на солёной волне

Глядела по всем сторонам.

Папаша Барсук всё взывал в тишине

К далёким сыновьям:

«Я дам вам пирожных, вернитесь ко мне,

Я дам, я дам, я дам!»

Сказала Треска: «Знать, ошиблись путём

Они в чуждедалних краях».

Ответил Барсук: «Лучше впредь их запрём

И станем на часах».

Вот так старики рассуждали вдвоём

В слезах, в слезах, в слезах.

Здесь Бруно внезапно произнёс:

— Для той песенки, Сильвия, которую пели три Трески, нужна немножко другая мелодия. Но её я не смогу спеть, если ты не подыграешь.

Сильвия тут же уселась на крошечный грибок, который по чистой случайности рос рядышком с маргариткой, словно самый обычный в мире стульчик перед самым обычным в мире музыкальным инструментом, и принялась наигрывать на лепестках, как будто это были клавиши органа. Зазвучала музыка, такая восхитительная маленькая музыка! Просто крошечная!

Бруно склонил головку на бок и несколько секунд очень внимательно вслушивался, пока не сумел ухватить мотива. И тогда снова зазвенел мелодичный детский голосок:

Чудеснее сказок об эльфах и слаще

Ночных сновидений в таинственной чаще —

Для шумного пира, для тихой минуты,

Ночная ли тьма или блещут салюты —

Отбрось ты любые сомненья —

Подходит одно угощенье:

Ты пудинг Ипвергис себе нарежай,

Затем Аззигума в бокал наливай!

И если когда-то найдутся причины

Приюта искать на цветочках чужбины,

И спросят меня, приглашая обедать:
«Какого ты блюда желаешь отведать?» —
То нет никакого сомненья —
Отвечу я без промедленья:
«Мне пудинг Ипвергис скорей подавай,
Затем Аззигума в бокал наливай!»

— Теперь можешь не играть, Сильвия. Ту первую мелодию я гораздо лучше пою без комплимента.

— Он имел в виду без *аккомпанемента*, — прошептала Сильвия, улыбнувшись при виде моего удивлённого лица. Затем она сделала руками движение, словно задвигала регистры органа.

Никак не признают рыбят Барсуки;
Трескучий противен им всхлип.
Они отродясь не едали ухи,
Не то б любили рыб.
И только щипают их за плавники,
Всё щип, да щип, да щип.

Должен заметить, что всякий раз, когда Бруно пел последнюю строку куплета, запятые он вычерчивал в воздухе указательным пальцем. Мне ещё в первый раз подумалось, что он это ловко придумал. Ну в самом деле, для них же не предусмотрено никакого *звука* — точно как и для вопросительного знака.

Предположим, вы сказали приятелю: «Тебе сегодня лучше» — и вам нужно показать ему, что вы задали вопрос. Тогда что может быть проще, чем начертить в воздухе пальцем знак вопроса? Вы тотчас же будете поняты!

Вдруг старший промолвил: «Не рыбы ль они,

Чья Мать с чешуёй и хвостом?»
Второй отвечает: «Они! — и одни,
А где их отчий дом?»
А младший воскликнул: «Вдали от родни
Втроём, втроём, втроём!»

Потопали к берегу три Барсука —
К полоске, где плещет прибой;
У каждого в пасти живая Треска
Счастливая с лихвой.
Звенят голосочки: «Зверята, пока!
Домой, домой, домой!»

— Короче говоря, они все отправились по домам, — сказал Бруно, подождав с минуту, не собираюсь ли я чего спросить, — он, очевидно, чувствовал, что хоть какое-то пояснение сделать всё же нужно. А мне, в свою очередь, сильно захотелось, чтобы в Обществе тоже было принято какое-нибудь такое правило, согласно которому в заключение каждой песни исполнитель сам бы высказывал направляющее замечание, не морща понапрасну лбы слушателям. Предположим, что некая юная леди закончила щебетать (голоском, что «трещал, как пруттик») утончённое стихотворение Шелли «В сновиденьях о тебе прерываю сладость сна...», — насколько было бы приятнее, если бы не *вы* должны были тотчас же разражаться словами *искренней* благодарности, но сама певица, покуда натягивает перчатки, а в ваших ушах ещё дребезжат страстные слова «Ты прижми его к себе и разбиться не позволяй», обязана была бы пояснить: «Должна заметить, что она не выполнила эту просьбу. Так что оно в конце концов разбилось»⁶¹.

⁶¹ Речь идёт о стихотворении «Индийская серенада». Начальные строки, которыми его обозначает Рассказчик, даны в переводе Бориса Пастернака, а вот заключительные Кэрролл цитирует неточно, вплоть до искажения смысла

— Так я и знала, — прозвучал спокойный женский голос, когда я встрепенулся от звона бьющегося стекла. — Сначала вы всё сильнее наклоняли его, пока шампанское не пролилось, а потом... Мне показалось, что вы засыпаете. Очень сожалею, что моё пение произвело на вас такое действие!

ГЛАВА XVIII. Дом номер сорок, не все дома

Это произнесла леди Мюриел — и это было единственным, в чём я был уверен в ту минуту. Но как она здесь оказалась — и как я сам здесь оказался — и как тут очутился бокал с шампанским — всё это были вопросы, которые я счёл за благо втихаря обдумать потом, не ограничивая себя какими-либо суждениями до тех пор, пока ситуация не начнёт проясняться.

— Сначала накопим необходимое количество Фактов, а уж *затем* сформулируем Теорию. — *Таков*, полагаю, по-настоящему Научный Метод. Я, всё ещё сидя на земле, распрямил спину, протёр глаза и принялся накапливать Факты⁶².

(вероятно, в интересах повествования), поэтому их перевод также дан соответственно контексту. «Оно» в объяснении исполнительницы — это сердце влюблённого.

⁶² Здесь начинается Кэрроллова ирония (далее переходящая почти в издевательство) по адресу Герберта Спенсера (см. следующее примеч.), а с другой стороны, возможно, и Чарльза Дарвина. Первый рассказывает в своей «Автобиографии», что факты накапливаются у него в мозгу до тех пор, пока сами послушно не сложатся в обобщение. Дарвин пишет о себе в несколько ином ключе: «Я работал в истинно бэконовской манере: никакой теории, просто набирал как можно больше фактов» (цит. по книге У. Ирвина, с. 93). И всё-таки именно Герберт Спенсер был мастером безудержного теоретизирования, не ведавшего ни малейших сомнений, и современники отмечали, что даже в старости его лоб был практически лишён морщин,

Гладкий, поросший травой склон, увенчанный полускрытыми плющом почтенными развалинами и окаймленный снизу речушкой, поблескивавшей сквозь нависающую крону деревьев; дюжина ярко разодетых людей, которые расселись там и сям небольшими группками; несколько корзин с отброшенными крышками; остатки нашего пикника — таковы оказались Факты, накопленные Учёным Исследователем. Ну а теперь? Какую глубокую и богатую выводами Теорию должен он сформулировать, опираясь на эти Факты? В тупике оказался Исследователь. Но постойте! Один Факт он выпустил-таки из виду. В то время как все остальные кучковались по двое и по трое, *Артур* сидел в одиночестве; в то время как все языки без умолку болтали, его рот был закрыт; в то время как все лица были веселы, его лицо выглядело мрачным и упадническим. Вот это Факт что надо! Исследователь почувствовал, что Теорию нужно формулировать без проволочек.

Леди Мюриел встала и удалилась от прочих. Не *это* ли оказалось причиной подавленности Артура? Теория со скрипом поднялась повыше — на уровень Рабочей Гипотезы. Фактов опять не достало.

Исследователь вновь огляделся, и тут Факты посыпались на него в таком сногсшибательном количестве, что Теория среди них совсем затерялась. Ибо сначала леди Мюриел шла навстречу незнакомому джентльмену, чья фигура едва маячила в отдалении, а теперь они вдвоём возвращались, весело беседуя и то и дело перебивая друг друга, точь-в-точь старые друзья, встретившиеся после долгой разлуки! Ещё минута — и леди Мюриел уже переходит от группы к группе, представляя нового героя дня, а он, молодой, высокий и красивый, с благородной грацией вышагивает рядом с ней, сохраняя прямую осанку и твёрдую поступь военного. Теория по всему выходит

которые могли бы свидетельствовать о мало-мальски напряжённой мыслительной работе (см. с. 38 той же книги).

неутешительной для Артура! Наши глаза встретились, и мой друг присоединился ко мне.

— Он довольно красив, — сказал я.

— Отвратительно красив, — пробормотал Артур и усмехнулся собственным горьким словам. — Хорошо хоть, никто кроме тебя не слышит.

— Доктор Форестер, — сказала леди Мюриел, подведя к нам своего спутника, — позвольте представить вам моего кузена Эрика Линдона — *капитана* Линдона, следовало сказать.

Мгновенно стряхнув с себя раздражение, Артур встал и подал руку молодому военному.

— Наслышан, — сказал он. — Очень рад знакомству с кузеном леди Мюриел.

— Да уж, это единственное, чем я могу похвастаться, *пока что!* — ответил Эрик (как мы вскоре стали его называть) с обезоруживающей улыбкой. — Не знаю даже, — добавил он, бросив взгляд на леди Мюриел, — приравнивается ли это хотя бы к значку за прилежную службу? Но с чего-то ведь надо начинать!

— Ты должен поздороваться с моим отцом, Эрик, — напомнила леди Мюриел. — Он гуляет где-то среди развалин. — И юная пара удалилась.

К Артуру вернулось выражение подавленности, и единственно ради того, как я понял, чтобы отвлечься, он вновь занял место подле склонной к метафизике девицы, возобновив с ней прерванную беседу.

— Насчёт Герберта Спенсера, — начал он. — Вы в самом деле не видите *логической* неувязки во взгляде на Природу как на процесс инволюции, берущий начало в дефинитной когерентной гомогенности и завершающийся индефинитной некогерентной гетерогенностью?⁶³

⁶³ Герберт Спенсер (1820—1903) — знаменитый во второй половине XIX века английский философ-позитивист и социолог, обязанный своей славой

Позабавленный той изобретательной мешаниной, в которую Артур превратил цитаты из Спенсера, я тем не менее сохранял лицо серьёзным, насколько мог.

— Не вижу *физической* неувязки, — убеждённо ответила девица, — но *Логикой* я не занималась глубоко. Вы способны *установить* неувязку?

— Ну... — протянул Артур; — а как самоочевидность не примете? Ведь это настолько же тривиально, как, ну, скажем, что «вещи, большие, чем точно такие же, будут больше одна другой»?

общедоступной форме изложения собственных идей. Пользовался популярностью накануне появления дарвинизма и последующих интеллектуальных битв. Статья «Теория популяции, выведенная из общего закона плодovitости у животных», появившаяся за семь лет (1852) до «Происхождения видов», излагала теорию социальной эволюции, основанную на положениях, близких к принципу естественного отбора. Именно у Герберта Спенсера Дарвин перенял столь же скандальную, сколь и легковесную максиму о выживании наиболее приспособленных. Впрочем, десятилетиями предаваясь самым дерзким рассуждениям об эволюции, Герберт Спенсер, по словам Уильяма Ирвина, не вызвал «и десятой доли такого шума, волнений, преданности, злобы, вражды, как Дарвин», «самая осмотрительность которого, строгость, презрение к необоснованным заключениям сделали <Дарвина> в викторианской Англии интеллектуальной и полемической силой, не знающей себе равных» (с. 103). Герберта Спенсера Кэрролловы герои помянут ещё не раз. Вот как выражает суть его вышучиваемых здесь воззрений на природу советский энциклопедический словарь по философии: «Сводил понятие эволюции к непрерывному перераспределению телесных частиц и их движения, протекающего в направлении к соединению (интеграции) их самих и рассеянию (дезинтеграции) движения, что приводит в конечном счёте к равновесию. Под это механистическое понимание Спенсер пытался подвести все явления — от неорганических до нравственных и социальных» (Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989).

— На *мой* взгляд, — сдержанно ответила девица, — это *вполне* тривиально. Я интуитивно схватываю справедливость того и другого. Но *иные*, пожалуй, не смогут обойтись без логического... Забыла этот технический термин.

— Чтобы провести *полное* логическое обоснование, — хмуро, но серьёзно начал Артур, — начнём с двух Дефиниций...

— Вот-вот, теперь вспомнила! — перебила его собеседница: — Логическое беснование! И эти *Девиции* приводят нас к...

— Злоключению.

— Да-а? — с сомнением протянула учёная леди. — Мне казалось, что звучало иначе. Но как называется это беснование *в целом*?

— Хилогизм.

— Ах, да! Вспомнила. Но мне-то, как вы понимаете, не нужен Хилогизм, чтобы убедиться в справедливости приведённой вами математической аксиомы.

— Как и в справедливости того, что «все углы равны»⁶⁴, я полагаю?

— Ну конечно! Столь простые истины можно просто принимать на веру!

Здесь я отважился перебить их и предложил девице блюдо клубники со сливками. По правде говоря, я здорово опасался, что она всё же почувствует подвох, а потому счёл долгом, незаметно для неё, укоризненно покачать головой этому псевдо-философу. Всё так же незаметно для неё Артур слегка пожал плечами да развёл руками, словно бы говоря: «А как ещё прикажете с ней разговаривать?» — и

⁶⁴ Игра слов: по-английски звучит как «все ангелы равны». Последнее действительно согласуется с *верой* англиканцев, хоть и несправедливо для православия и католичества, где ангелы соотносятся с разными чинами. В то же время из курса начальной школы, где геометрия излагается по Евклиду (как в викторианской Англии), хорошо известна аксиома «все *прямые* углы равны».

отошёл, предоставляя ей возможность поработать языком в одиночестве, только не над проблемами философии, а над инволюцией клубники⁶⁵.

К этому времени экипажи, которым предстояло развести пирующих по домам, начали собираться у ограды замкового парка, и тут выяснилось — вспомните, ведь к нашей компании присоединился кузен леди Мюриел, — что нужно как-то решить проблему доставки в Эльфстон пяти человек в экипаже, вмещающем только четверых.

Достопочтенный Эрик Линдон, который теперь прохаживался взад-вперёд по склону в компании леди Мюриел, смог бы, несомненно, решить эту проблему, если бы объявил о намерении вернуться пешком. Но на то, что такое решение воспоследует с его стороны, не было ни малейшей надежды.

Другое достойное решение я увидел в том, чтобы отправляться пешком самому. В этом смысле я и высказался.

— Вы уверены, что вам всё равно? — спросил граф. — Боюсь, экипаж не выдержит нас всех, но я не хочу и думать, что Эрику придётся так скоро покинуть свою кухню.

— Не только всё равно, — ответил я, — но так для меня даже лучше. У меня будет время сделать пару набросков с этих живописных древних развалин.

— Я составляю тебе компанию, — неожиданно сказал Артур. И тут же добавил, понизив голос, в ответ, как я понял, на появившееся у меня в лице изумление: — Я *действительно* этого хочу. В экипаже я буду скорее лишним.

— Тогда я тоже пройду, — сказал граф. — Придётся тебе удовольствоваться *Эриком* в качестве эскорта, — добавил он, обращаясь к леди Мюриел, которая в эту минуту приблизилась к нам.

⁶⁵ У Спенсера и философствующих биологов термин «инволюция» означал дегенерацию, распад.

— Тогда тебе придётся развлекать меня, словно ты Цербер, — «три человека, слитых воедино»⁶⁶, — сказала леди Мюриел, обращаясь к своему спутнику. — Это будет подвиг почище, чем на войне!

— Вроде Безнадёжного Дела? — смиренно предположил капитан.

— Хороши же твои комплименты! — засмеялась его прелестная кузина. — Счастливо вам добираться, трое джентльменов — а вернее сказать, трое дезертиров! — Тут молодая парочка взобралась в экипаж и отправилась своей дорогой.

— Сколько времени займут у тебя твои наброски? — спросил Артур.

— Как тебе сказать. Я бы потратил часок. Вряд ли вам стоит меня дожидаться. Я приеду поездом. Кажется, ближайший подойдёт через час.

— Вероятно, так нам и следует поступить, — сказал граф. — Станция неподалёку.

Словом, я оказался предоставленным самому себе и вскоре отыскал удобное местечко у подножия большого дерева, где уселся и смог отлично обозреть развалины.

— Сонный сегодня день, — сказал я себе, лениво разбирая этюдник в поисках чистого листа. — Э, братцы! Я думал, что вы уже не меньше мили прошагали! — Ибо, к моему изумлению, двое пешеходов опять были тут как тут.

— Я вернулся, чтобы напомнить тебе, — проговорил Артур, — что поезда ходят каждые десять минут.

— Чепуха! — отозвался я. — Это не столичное направление.

⁶⁶ «Слитых воедино» (то есть приблизительно «в одном лице») — выражение, расхожее в английском; и все же скорее всего леди Мюриел сознательно цитирует стихотворение драматурга и автора юмористических стихов Джорджа Кольмана («младшего») «Дом с квартирами для холостяков» из сборничка 1797 года «Моя ночная рубашка и тапочки» (только у Кольмана «два человека, слитых воедино» — об одном очень толстом господине).

— Это именно столичное направление, — подтвердил граф. — Кенсингтонский участок.

— И хватит разговаривать с закрытыми глазами, — добавил Артур. — Просыпайся!

— Это, наверно, от жары меня так разморило, — ответил я, надеясь, хоть без особой уверенности, что говорю достаточно членораздельно. — Теперь я проснулся?

— Не думаю, — тоном судьи произнёс граф. — А вы как считаете, доктор? Пока он открыл только один глаз.

— И храпит по-прежнему, — воскликнул Бруно. — Ну проснись же, приятель! — И вдвоём с Сильвией они принялись за работу, поворачивая тяжеленную голову вправо-влево, словно забыли, что она хоть как-то да крепится к плечам.

Наконец Профессор открыл глаза и сел прямо, уставившись на нас с видом безмерного удивления.

— Не будете ли вы так любезны напомнить мне, — промолвил он, адресуясь ко мне со своей неизменной старомодной учтивостью, — где мы сейчас находимся, и кто есть кто, начиная с меня?

Я счёл, что начать всё-таки следует с детишек.

— Это Сильвия, сударь, а вот *это* — Бруно.

— Ах да! *С ними* я давно знаком! — пробормотал старик. — Больше меня волнует вопрос, кто же я-то такой? Вы, вероятно, не сочтёте за труд объяснить, как я здесь оказался?

— В отношении *меня* загадка даже посерьёзней, — позволил себе заметить я. — Она звучит так: как ты собираешься отсюда выбираться?

— Точно, истинно! — вскричал Профессор. — Это Загадка, нет никаких сомнений. И как *Загадка*, отвлечённо говоря, она довольно-таки любопытна. Но в качестве события Биографии, должен признать, она не утешительна! — Он уныло вздохнул, но сразу же прибавил, смущённо хихикнув: — А насчёт *меня*, мне слышалось, вы сказали...

— Вы — *Профессор*! — прокричал ему в самое ухо Бруно. — Вы что, забыли? Вы пришли к нам из *Запределья*! Это очень далеко отсюда!

Профессор с ловкостью мальчишки вскочил на ноги.

— Тогда нельзя терять времени! — озабоченно вскрикнул он. — Вот только спрошу у этого простодушного крестьянина, который тащит своё ведро, заключающее в себе (вне всякого сомнения) обыкновенную воду, не будет ли он так любезен, чтобы указать нам направление. Эй, простодушный крестьянин! — продолжал он, возвысив голос. — Не подскажешь ли нам дорогу в *Запределье*?

Простодушный крестьянин обернулся с глуповатой ухмылкой.

— Ась? — только и сказал он.

— Дорога — в — За — Пределье, — повторил Профессор.

Простодушный крестьянин поставил своё ведро и призадумался.

— Дык, эта...

— Должен предупредить, — торопливо перебил Профессор, — что всё, что ты скажешь, будет использовано против тебя.

Простодушный крестьянин тут же подхватил своё ведро.

— Ну так нет вам! — огрызнулся он и скорым шагом пошёл прочь.

Детишки печально глядели на удаляющуюся фигуру.

— Очень уж быстро он ходит! — со вздохом сказал Профессор. — Но вы не волнуйтесь, я знаю, как нужно правильно вести разговор. Я изучал ваши *Английские Законы*. Однако спросим же у этого нового человека. Он выглядит не таким простодушным и не таким крестьянином, но я не могу сказать, насколько жизненно необходимо нам первое или второе.

Это был не кто иной, как почтенный Эрик Линдон, который, несомненно, выполнил свою задачу по сопровождению леди Мюриел и сейчас не спеша вышагивал взад-вперёд по дорожке, в одиночестве наслаждаясь сигарой.

— Позвольте побеспокоить вас, сударь! Не покажете ли нам ближайшую дорогу в Запределье?

Потешный на первый взгляд, Профессор по существу своей натуры, которую не могла заслонить чудаковатая внешность, являлся настоящим джентльменом. Эрик Линдон тотчас же признал в нём такового. Он вынул свою сигару изо рта и благопристойно стряхнул пепел, размышляя над ответом.

— Не припомню, чтобы слышал такое название, — сказал он. — Боюсь, не смогу вам помочь.

— Неподалёку от *Сказочной страны*, — попытался подсказать Профессор.

При этих словах брови Эрика Линдона поползли вверх, а на его красивом лице промелькнула улыбка, которую он вежливо попытался скрыть.

— Слегка *помешанный*, — пробормотал он. — Но он забавный, этот папаша. — И Эрик обратился к детям. — А *вы* разве не можете подсказать ему, маленький народец? — сказал он с такой добротой в голосе, что их сердца сразу же расположились к нему. — Ведь вы знаете ответ, правда? — Тут он игриво продекламировал:

Сколько миль до Вавилона?

Три десятка и пяток.

Хватит свечки мне дотуда?

И останется чуток⁶⁷.

⁶⁷ Эрик Линдон заигрывает с детьми, рассказывая им стишок, с детства известный каждому англичанину (тоже из корпуса «Стихи матушки Гусыни»; № 26 по сборнику Демуровой). Заканчивается этот стишок так:

Будет пяткам горячо —

Добежишь с одной свечой!

Удивительно, но Бруно подбежал прямо к нему, точно к давнему приятелю, схватил своими обеими ручками его свободную руку и повис на ней — и теперь этот высокий офицер стоял посреди дороги, с незыблемым достоинством качая малыша вправо-влево, в то время как Сильвия подталкивала братца рукой, словно это были взаправдашние качели, во мгновение ока воздвигнутые тут специально для того, чтобы дети могли покачаться.

— Но нам не нужно в *Вавилон*, — на лету объяснял Бруно.

— И нам не нужна *свечка*; сейчас *светло*, — добавила Сильвия, так сильно поддавая качелям, что те едва не утратили равновесия.

В эту минуту мне стало ясно, что Эрик Линдон совершенно не догадывается о моём присутствии. Даже Профессор и дети, казалось, совсем обо мне позабыли, а ведь я стоял посреди всей компании, безучастный словно призрак, видимый, но незамечаемый.

— Потрясающе изохронно! — в умилении воскликнул Профессор. Он держал перед собой часы и внимательнейшим образом отмерял колебания, проделываемые Бруно. — Он отсчитывает время с точностью маятника!

— Но даже маятники, — заметил пришедший в хорошее настроение молодой военный, осторожно высвобождая руку из захвата Бруно, — не могут получать удовольствие от качаний *вечно*! Ну же, достаточно для первого раза, малыш! В другой раз продолжим. А сейчас ты лучше проведи этого пожилого джентльмена на улицу Головоломки⁶⁸...

Эрик в шутку называет Сильвию и Бруно «маленьким народцем» — так в английском фольклоре называют лесных эльфов и фей, — не подозревая, что они ими и являются.

⁶⁸ Английское идиоматическое выражение «Queer Street» означает 'неважные дела; трудности'. Здесь оно обыгрывается как настоящее название улицы; такое возможно также благодаря его созвучию с иным, реально

— Не бойтесь, найдём, — нетерпеливо воскликнул Бруно, когда дети потащили Профессора прочь.

— Премного вам обязаны! — проговорил Профессор через плечо.

— Не за что! — отозвался офицер, салютуя в знак прощания приподнятием шляпы.

— Какой номер на улице Головоломки, вы сказали? — издали крикнул Профессор.

Эрик рупором приложил руки ко рту.

— Сорок! — выкрикнул он громовым голосом. — *Вороны не в счёт*, — добавил он себе под нос. — Сумасшедший, вообще-то, мир, сумасшедший! — Эрик раскурил новую сигару и зашагал по направлению к своей гостинице.

— Какой чудесный день! — сказал я, когда он поравнялся со мной.

— Чудесный, чудесный, — ответил он. — А вы откуда взялись? С облаков упали?

— Нам по пути, — отозвался я; других объяснений давать было незачем.

— Сигару?

— Спасибо, не курю.

— Разве поблизости есть психиатрическая лечебница?

— Ничего об этом не знаю.

— Думаю, должна быть. Только что я встретил сумасшедшего. Точно не все дома.

Так, дружески беседуя, мы шли восвояси и у самых дверей его гостиницы пожелали друг другу спокойной ночи.

существующим названием: улицы с именем «Quarry Street» имеются в некоторых британских городах, в том числе и в Гилфорде. Означает это название нечто вроде «улица Каменоломни». Нами сделан перевод по игровому созвучию.

Оставшись наедине с собой, я вновь почувствовал, как меня охватывает «наваждение», и обнаружил, что стою у дома номер сорок, а рядом — три такие знакомые фигуры.

— Может, это не тот дом? — спрашивал Бруно.

— Да нет, дом как раз тот, — весело отвечал Профессор, — а не та улица. Вот в чём наша ошибка! И самый лучший план в нашем положении, это...

Всё исчезло. Улица была пуста. Вокруг оказалась самая что ни на есть Обыденность, да и «наваждения» как не бывало.

ГЛАВА XIX. Как создать Флизз

Остаток недели миновал без каких-либо сношений с «Усадьбой», ибо Артур, как и раньше, опасался «злоупотреблять их гостеприимством»; но когда утром в воскресенье мы отправились в церковь, я охотно согласился на его предложение сделать крюк и проведать графа, который, по слухам, был нездоров.

В саду перед домом прогуливался Эрик; он сделал нам обстоятельный доклад о состоянии больного, который в этот час ещё находился в постели под присмотром леди Мюриел.

— Пойдёте с нами в церковь? — спросил я.

— Нет, благодарю, — вежливо ответил он. — Это, видите ли... не совсем в моих правилах. Церковь, конечно, превосходный институт — для бедных. В своём полку я, разумеется, посещаю церковь. Чтобы показать пример солдатам. Но здесь меня всё равно никто не знает, так что, думаю, смело могу освободить себя от проповеди.

Артур молчал, пока мы не отошли настолько, что нас не могли услышать посторонние. Только тогда он едва слышно пробормотал: *«Где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них»*⁶⁹.

⁶⁹ Евангелие от Матфея, 18:20.

— Да, — кивнул я. — Это, несомненно, есть тот принцип, на который опирается обычай посещения церкви.

— И когда он всё же идёт в церковь, — продолжал Артур (наши мысли бежали в такой прочной сцепке, что разговор изобиловал фигурами умолчания), — ведь повторяет же он слова: «*Верую в Сообщество Святых*»?

Мы подошли к небольшой церквушке, в которую в этот час вливался внушительный поток прихожан, состоящий главным образом из местных рыбаков и их семейств.

Стоит услышать объявление службы из уст какого-нибудь современного эстетствующего ханжи — или ханжащего эстета, сразу не разберёшь, — и тотчас становится ясно, что такая служба будет непродуманной и безжизненной; зато нынешняя показалась мне, только-только улизнувшему от неизменно передовых преобразований, сотрясающих Лондонскую церковь, под опеку так называемого «ортодоксального» приходского священника, непередаваемо живительной.

Никакой вам театральной процессии притворно застенчивых крошек-хористов, до потери сознания пытающихся сдержать глупые ухмылки под умилёнными взглядами членов конгрегации; миряне сами, без посторонней помощи выполняли свою часть службы, разве что несколько добрых голосов, со знанием дела расставленных там и сям среди прихожан, толково направляли пение в нужное русло. Никто не совершал надругательства над величественным звучанием псалмов и литургии — потому что никто не долдонил их с той убийственной монотонностью, в которой не больше бывает выразительности, чем в механической кукле, «умеющей» разговаривать.

Нет, здесь молящиеся именно *молились*, отрывки Писания *читались*, и, что всего сильнее восхищало, проповедь *произносилась*; я обнаружил даже, что, покидая церковь, повторяю слова Иакова — когда он «*пробудился от сна своего и сказал: истинно Господь*

*присутствует на месте сем! Это не иное что, как дом Божий, это врата небесные»*⁷⁰.

— Так оно и есть, — сказал Артур в ответ, несомненно, на мои мысли, — все эти «высокие» службы (службы по высокому обряду) быстро становятся чистейшим формализмом. Люди всё больше начинают относиться к ним как к «спектаклям», на которых они только «присутствуют» во французском смысле. А для маленьких мальчиков это особенно вредно. Им бы поменьше изображать из себя эльфов, как на рождественском представлении. Все эти маскарадные костюмы, театральные выходы и уходы, всегда всё *en evidence*⁷¹... Не диво, что их снедает тщеславие, маленьких крикливых шутов!

Проходя на обратном пути Усадьбу, мы завидели графа и леди Мюриел, которые вышли посидеть в саду. Эрика с ними не было — он отправился на прогулку.

Мы подошли к ним и завели беседу; она быстро свернула на проповедь, которую мы давеча прослушали, её темой был «эгоизм».

— Какое изменение претерпели наши кафедры, — заметил Артур, — с тех пор как Пэйли⁷² дал своё в высшей степени эгоистическое

⁷⁰ Бытие, 28:16—17.

⁷¹ на виду (*фр.*).

⁷² Уильям Пэйли (1743—1805) — английский теолог, предтеча так называемого утилитаризма, ставшего широко популярным в Англии в XIX веке благодаря сочинениям Бентама. Утилитаризм, собственно, есть теория полезности моральных норм; иными словами, он трактует пользу как основу нравственности и критерий различения добра и зла. Осуждение цитированного положения Пэйли (из главы XXXI его «Принципов моральной и политической философии», 1785) резко выделяет Кэрролла из ряда английских мыслителей и морализаторов XIX века. Даже знаменитый своим свободомыслием Уильям Хэзлитт писал в «Застольных беседах»: «Едва ли не единственное безыскусственное и смелое суждение, которое можно найти в „Моральной философии“ Пэйли... таково: подавая милостыню обыкновенным нищим, нужно думать не столько об их пользе, сколько об ущербе,

определение добродетели: *«Делать добро человечеству, повинуюсь воле Господа и ради вечного блаженства»*.

Леди Мюриел вопросительно взглянула на него, но, как мне показалось, она давно интуитивно поняла то, что я постиг лишь по прошествии долгих лет опыта, — если хочешь ухватить смысл самых затаённых Артуровых дум, не следует ни поддакивать, ни переспрашивать, но просто *слушать*.

— В его время, — продолжал Артур, — людские души захлестнула мощная волна эгоизма. Правда и Неправда как-то незаметно превратились в Прибыль и Убыток, а Религия сделалась родом коммерческой сделки. И мы должны радоваться, что наши проповедники всё же приобретают более высокие понятия о жизни.

— Но не почерпывают ли они снова и снова такие взгляды из *Библии*? — отважился спросить я.

— Не из Библии как *целого*, — ответил Артур. — Несомненно, что в Ветхом Завете награды и наказания неизменно рассматриваются в качестве мотивов для поступков. Это наилучшая тактика по отношению к *детям*, а израильтяне, похоже, в умственном плане были *совершенные* дети. Мы ведь тоже поначалу руководим нашими детьми, но мы как можно раньше начинаем обращаться к их врождённому чувству Правды и Неправды, и когда *эта* фаза благополучно пройдена, мы обращаемся к высочайшему мотиву из всех — желанию приблизиться и соединиться с Высшим Благom. Я думаю, вы поймёте, что именно в этом и заключается учение Библии как *целого*, начиная со

понесённом теми, кто им в милосердии отказал» (*Хэзлитт У. Застольные беседы*. М.: Наука; Ладомир, 2010. С. 441; пер. М. В. Куренной). Из тех, чьи взгляды полностью совпадали с Кэрролловыми в этом вопросе, мы можем, однако, назвать великие имена Шелли, жившего в довикторианскую эпоху (утонул в 1822 г.), и — на континенте — Шопенгауэра (ум. в 1860 г.).

слов «*чтобы продлились дни твои на земле*»⁷³, и кончая словами «*будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный*»⁷⁴.

Некоторое время мы молчали, затем Артур продолжал в ином ключе.

— А теперь взгляните на церковные гимны. Насколько они все заражены эгоизмом! Не много можно найти столь же убогих образчиков людского творчества, как некоторые современные гимны.

Я процитировал строфу:

Коль мы своё Тебе дадим —
Сторицей дашь Ты нам самим,
И вот мы радостно дарим,
Даритель наш!

— Вот именно, — мрачно отозвался Артур. — Типичное стихотворение. Этим же была пропитана последняя проповедь на тему милостыни, которую я слышал. Приведя много толковых доводов в пользу милостыни, священник закончил словами: «И за все ваши деяния вам воздастся сторицей!» **Низменнейший** из мотивов, который только можно предложить людям, знающим, что такое самопожертвование, и могущим оценить великодушие и героизм! Толковать о Первородном *Грехе*! — продолжал он с умножающейся горечью. — Можно ли представить себе более сильное доказательство Первородного Блага, которое несомненно присутствует в нашем народе, чем тот факт, что Религия вот уже сотню лет преподносится

⁷³ Исход, 20:12. Фрагмент одной из Десяти заповедей («Почитай отца твоего и мать...»), данных Моисею на горе Синай впервые представшим перед ним Богом «в третий месяц по исходе сынов Израиля из земли Египетской».

⁷⁴ Евангелие от Матфея, 5:48. Из первой изложенной в Евангелии проповеди Иисуса перед учениками (Нагорной).

нам как коммерческая спекуляция, и тем не менее мы всё ещё верим в Бога?

— Долго это не продлилось бы, — задумчиво проговорила леди Мюриел, — если бы Оппозиция не оказалась практически безгласной — находясь, как говорят французы, в пределах *la clôture*⁷⁵. Ведь в любом лекционном зале или в компании нас, мирян, такое учение очень скоро освистали бы.

— Верю, что так, — сказал Артур, — и хотя я и не желаю видеть «ссоры в церкви» узаконенными, должен сказать, что наши священнослужители наслаждаются воистину *огромными* привилегиями — которые они едва ли заслужили и которыми они ужасно злоупотребляют. Мы предоставляем такому человеку кафедру и фактически говорим ему: «Можешь стоять здесь и проповедовать нам целых полчаса. Мы ни словом тебя не перебьём. Выскажи всё, что сочтёшь нужным!» И что же мы получаем от него взамен? Пустую болтовню, которая, будучи адресована вам за обеденным столом, заставит вас возмутиться: «Он что, держит меня за *дурака*?»

Возвращение Эрика с прогулки остановило прилив Артурова красноречия, и, поговорив минуту-другую на более светские темы, мы стали прощаться. Леди Мюриел проводила нас до ворот.

— Вы так много рассказали мне, о чём стоит подумать, — с чувством произнесла она, подавая Артуру свою руку. — Я так рада, что вы приходили! — И от её слов бледное измождённое лицо моего друга засветилось радостью.

А во вторник, когда Артур казался не расположенным побродить подольше даже со мной, я предпринял дальнюю прогулку в одиночестве, но предварительно взял с него слово, что он не станет торчать над книгами *весь день*, а лучше встретит меня близ Усадьбы, когда подойдёт время чаепития. На обратном пути я проходил станцию и как раз заметил приближающийся дневной поезд, поэтому сбежал по

⁷⁵ монастырской ограды (*фр.*).

лестнице на перрон, чтобы поглазеть на приезжих. Никто из них не вызвал у меня особого интереса, и когда поезд опустел, а платформа очистилась, я обнаружил, что надо бы поспешить, если я желаю попасть в Усадьбу к пяти.

Когда я дошёл до конца платформы, с которого в верхний мир вела крутая лестница с неравномерно устроенными деревянными ступенями, я заметил двух приезжих, очевидно только что сошедших с поезда, но которые каким-то чудным образом совершенно ускользнули ранее от моего взгляда, хотя пассажиров было совсем немного. Это были молодая женщина и маленькая девочка; первая, насколько можно было определить по её виду, являлась няней, а может, и гувернанткой, присматривающей за девочкой, чьё милое личико даже ещё более, чем её наряд, указывало на особу более высокого класса, чем взрослая спутница.

Лицо девочки было милым, но в то же время имело утомлённый и печальный вид, оно рассказывало повесть (по крайней мере, я читал её) многих болезней и страданий, перенесённых терпеливо и безропотно. При ходьбе девочка опиралась на небольшой костылик; теперь она, правда, стояла, грустно глядя вверх на высокую лестницу — словно бы собиралась с духом, чтобы начать трудный подъём.

Бывают в жизни такие мгновения, когда вдруг человек начинает что-то *говорить*, — и бывают мгновения, когда вдруг человек начинает нечто *совершать* — вполне машинально, как рефлекторное действие, по выражению физиологов (которые имеют в виду, надо думать, как раз действие без рефлексии, наподобие того как слово «лысый» некоторые производят от указания на факт, что данная возвышенность лишена «леса»). Так, мы зажмуриваемся при малейшей опасности, что в глаз что-то влетит, и так же мы говорим: «Давайте поднесу ребёнка по лестнице». Произошло нечто похожее: не то чтобы сначала мне в голову пришла мысль предложить помощь, а уж *потом* я высказался, нет, первым толчком к оказанию помощи был звук моего собственного

голоса, а также осознание того, что я уже попросился помогать. Спутница девочки замерла, с сомнением переводя взгляд со своей питомицы на мою персону и назад на ребёнка.

— Ты согласна, милая?

Но ни тени сомнения не шевельнулось в головке девочки — она только нетерпеливо протянула ручки, чтобы её подняли.

— Пожалуйста! — только и сказала она, и на её маленьком страдальческом личике промелькнула слабая улыбка. Я как можно бережнее поднял её на руки, и её тоненькие ручки тут же доверчиво обвили мою шею.

Она почти ничего не весила; она была настолько невесома, что у меня на мгновение появилась пресмешная мысль, будто с ней на руках мне даже легче будет подниматься по лестнице, чем без неё; и когда мы достигли проходящей поверху дороги с её колеями от телег и выпирающими из-под земли валунами — а ведь всё это были труднопреодолимые препятствия для моей хромоножки, — у меня невольно вырвалось: «Давайте уж пронесу её немного дальше», — и произнёс я это даже до того, как *мысленно* установил какую-то связь между корявостью дороги и моей нежной ношей.

— Не хотелось бы затруднять вас, сударь! — воскликнула няня. — На ровном месте она сама справится.

Но ручонка, обвивавшая мою шею, при няниных словах ухватилась за меня ещё крепче, и я поспешил заверить женщину:

— Она совсем ничего не весит. Просто пронесу её немного дальше. Нам по пути.

Няня больше не возражала, и следующий голос, который я услышал, принадлежал шумному босоногому мальчугану с метлой на плече, который выбежал на дорогу и притворился, будто собирается вымести перед нами совершенно сухой участок земли.

— Дайте полпенни! — пропищал сорванец с широченной ухмылкой на чумазом лице.

— Никаких ему полпенни! — воскликнула девчушка у меня на руках. Слова были резки, а вот в *тоне* звучала сама нежность. — Он *ленивый* мальчик! — И она рассмеялась смехом, в котором разлилась такая звонкая мелодичность, какую я не слышал ещё ни у кого, кроме Сильвии. К моему изумлению, мальчуган *присоединился* к её смеху, а потом побежал по дороге вперёд и исчез в проломе изгороди.

Но спустя минуту он появился вновь, уже избавившись от своей метлы и каким-то чудесным способом раздобыв роскошный букет цветов.

— Купите букетик, купите букетик! Всего за полпенни! — припевал он, монотонно растягивая слова, — заправский нищий!

— Не покупайте! — вынесла эдикт Её Величество, глядя сверху вниз на шумное существо у своих ног с надменной презрительностью, которая, как мне показалось, удивительным образом смешивалась с заботливым интересом.

Но теперь я взбунтовался и проигнорировал монарший приказ. Не смог я отказаться от таких чудесных цветов, к тому же по виду совершенно диких, из-за требования какой-то девчонки, хотя бы и самой властной. Я купил букет, и мальчишка, спрятав полпенни себе за щеку, перекувырнулся через голову, словно желал удостовериться, является ли человеческое существо столь же надёжным хранилищем, как и обычный кошель.

Со всё возрастающим изумлением я крутил в руках свой букет и рассматривал цветок за цветком, всякий раз убеждаясь, что не способен припомнить, видел ли хоть какой-то из них когда-либо в жизни. В конце концов я решил обратиться к няне: «Неужели эти цветы прямо здесь и растут?» — но слова замерли у меня на языке. Няня пропала!

— *Теперь* вы, если хотите, можете опустить меня на землю, — как ни в чём не бывало промолвила Сильвия.

Я молча повиновался, только и подумал: «Это всё сон?» — как Сильвия и Бруно обступили меня с двух боков и с доверчивой готовностью детства завладели моими руками.

— А вы будете побольше, чем когда я встретил вас в том лесу! — пробормотал я. — Мне даже думается, что нам нужно знакомиться по-новому. Ведь бóльшую часть вас я раньше не видел.

— Замечательно! — весело откликнулась Сильвия. — Вот это Бруно. Коротко, правда? У него всего одно имя!

— Есть и *другое*! — запротестовал Бруно, неодобрительно глядя на свою Церемониймейстершу. — Это имя — *Эсквайр*!

— Ах, верно, я и забыла, — поправилась Сильвия. — Бруно, *Эсквайр*!

— Неужели вы нарочно пришли, чтобы повидаться со мной, детишки? — спросил я.

— Мы же *обещали*, что придём во вторник, — объяснила Сильвия. — Подходящего мы сейчас роста? Как обыкновенные дети?

— Для *детей* — совершенно подходящего роста, — ответил я (мысленно добавив: «И всё же — какие *необыкновенные* дети!»). — А что стало с няней?

— *Исчезла*! — горестно ответил Бруно.

— Она, значит, не такая прочная — не то что вы с Сильвией?

— Да. Её нельзя *трогать*, понимаете? Если на неё натыкаешься, то проходишь насквозь.

— Я уже думала, что вы и сами это поняли, — сказала Сильвия. — Бруно случайно толкнул её на телеграфный столб. И она разломалась на две половинки. Но вы не туда смотрели.

Я почувствовал, что и вправду упустил случай видеть такое событие, как «разламывание» няни на две половинки, а ведь второй раз в жизни этого не произойдёт у вас на глазах!

— А когда вы догадались, что это Сильвия? — спросил Бруно.

— Я и не догадался, пока она не *стала* Сильвией, — сказал я. — Но где вы раздобыли такую няню?

— Бруно создал, — ответила Сильвия. — Её звали Флизз.

— И как же ты создал эту Флизз, Бруно?

— Меня Профессор научил, — сказал Бруно. — Набираете в грудь побольше воздуха...

— Ой, *Бруно!* — перебила Сильвия. — Профессор же не велел никому рассказывать!

— Но *голосом* её кто наделил? — не мог я успокоиться.

— Не хотелось бы затруднять вас, сударь! На ровном месте она сама справится.

Бруно весело рассмеялся, когда я завертел головой вправо-влево, высматривая, кто говорит.

— Это же я! — радостно объявил он уже своим собственным голосом.

— На ровном месте ей и впрямь ничего не грозит, — сказал я. — А вот я сел в лужу.

Тем временем мы подошли к Усадьбе.

— Здесь и живут мои друзья. Не хотите ли зайти выпить с ними чаю?

Бруно запрыгал от радости, а Сильвия сказала:

— Мы бы не прочь. Тебе ведь хочется чаю, правда, Бруно? Он был лишён *чая*, — объяснила она мне, — с тех пор как мы покинули Запруделье.

— Да и там был не очень хороший чай! — вставил Бруно. — Сильно слабый.

ГЛАВА XX. На Нет и Суда нет

Леди Мюриел не смогла совершенно укрыть за улыбкой приветствия того удивления, с которым она разглядывала моих новых друзей. Я представил их по всей форме.

— Это *Сильвия*, леди Мюриел. А это — *Бруно*.

— А фамилии есть? — спросила она, и в её глазах засверкали весёлые огоньки.

— Нет, — веско ответил я. — Фамилий нет.

Она рассмеялась — она подумала, что я её разыгрываю; и склонилась одарить детишек поцелуями — ритуал, которому *Бруно* подчинился с неохотой, а что до *Сильвии*, так она вернула долг с процентами.

И пока леди Мюриел, которой помогал Артур (пришедший ранее), готовила детям чай и нарезала пирог, я пытался занять графа разговором; однако он был невнимателен и рассеян, и дело не двигалось. Наконец внезапным вопросом он выдал причину своего беспокойства (истинный английский джентльмен, он, видимо, долго с собой боролся).

— Не позволите ли взглянуть на цветы, что у вас в руке?

— С удовольствием! — сказал я, передавая ему букет. Я отлично знал, что Ботаника — его страсть, а эти цветы казались такими необычными и загадочными, что мне самому было интересно узнать мнение ботаника.

Его беспокойство нисколько не ослабело. Наоборот, граф что ни секунда, то более возбуждался, разглядывая букет со всех сторон.

— Вот это — цветы из Центральной Индии! — промолвил он, откладывая часть цветов в сторону. — Это очень редкие цветы даже для тех мест, и я никогда не встречал их в других частях света. Эти два — из Мексики, а этот... — он вскочил и подбежал с цветком к окну, чтобы обследовать его при лучшем освещении, и даже кожа на его лбу

ходуном заходила от возбуждения, — этот, я готов поклясться... Но у меня же имеется книга по Индийской Флоре... — Тут он снял с полки том и дрожащими пальцами стал перелистывать страницы. — Так и есть! Сравните его сами с этим рисунком! Копия! Это цветок анчара, который обычно растёт в самой чаще, а его цветы, стоит их сорвать, так быстро вянут, что не успеваешь даже выйти из лесу, а они уже совершенно потеряли свой вид и цвет! А этот ещё сохраняет всю свою свежесть! Где раздобыли вы эти цветы? — спросил он, едва способный от волнения говорить.

Я взглянул на Сильвию, которая ни словом мне не ответила, но с тревожным видом приложила палец к губам, затем движением головы приказала Бруно следовать за ней и выбежала в сад. Я почувствовал себя подсудимым, у которого внезапно дали дёру два самых важных свидетеля.

— Позвольте мне подарить вам эти цветы, — промямлил я наконец, совершенно не видя выхода из тупика. — Вы всё равно лучше в них разбираетесь.

— Принимаю с величайшей благодарностью! Но вы так и не ответили мне... — решился было настаивать граф, но тут его прервало, к моему несказанному облегчению, появление Эрика Линдона.

Для Артура, однако, новоприбывший, как я заметил, не был желанным. Его лицо потемнело, он несколько подался назад из нашего кружка и больше не принимал участия в разговоре, который в последующие минуты всецело принадлежал леди Мюриел и её бодрому кузену, — а обсуждали они кое-какие новые музыкальные сочинения, только-только дошедшие из Лондона до этих мест.

— Попробуй-ка вот это, — попросил Эрик. — Ноты, на первый взгляд, не слишком сложные, а сама песня как нельзя лучше подходит к случаю.

— Тогда это наверно вот такая песня:

Чашку чай в пять часов
Так люблю, что нету слов!
Выпить я всегда готов
Чашку чая в пять часов! —

со смехом говорила леди Мюриел, садясь за пианино и беря парую другую аккордов.

— Не совсем, эта песня на старую тему «вечно верна, вечно одна». Про несчастную влюблённую парочку: *он* пересекает солёные воды, *она* оплакивает своё одиночество.

— Подходящая к случаю, ничего не скажешь, — поддразнила она его, в то время как он ставил перед ней ноты. — Я, значит, оплакиваю одиночество? И кто же это меня так разобидел, позвольте спросить?

Она разок-другой проиграла мелодию, сначала бегло, потом помедленнее, и наконец исполнила перед нами саму песню, притом с такой элегантной непринуждённостью, словно знала её с детских лет:

Сошёл он с трапа как герой,
Удачами богат,
К её щеке приник щекой,
Она же прячет взгляд.
Молчит она — «Кому нужна
Чреда моих скорбей?
Неужто он любил меня,
Плывя за семь морей?»

«Тебе жемчужину я вёз,
Пересекал моря —
Узнай же свет глубинных звёзд,
Любимая моя!»

Суёт в ладонь, в глазах — огонь,
А сердце шепчет ей:
«Любил меня, любил меня,
Плывя за семь морей!»

Сверкает искрами в глаза
Прибрежная волна;
Вдали сокрылись паруса,
И вновь она одна.
Но, боль поглубже затая,
Верна мечте своей —
«Любя меня, любя меня,
Поплыл за семь морей!

Меж ним и мной простор морской,
Но не порвалась нить;
И нет помех сближенью тех,
Кто может так любить.
Готова ждать, любовь храня,
Немало лет и дней —
Любя меня, любя меня,
Плывёт он средь морей!»

Выражение недовольствия, которое появилось на Артуровом лице, стоило молодому капитану в таком легкомысленном тоне заговорить о Любви, во время исполнения песни совершенно исчезло, и слушал он с видимым восхищением. Но лицо его вновь потемнело, когда Эрик с притворной скромностью промолвил:

— Я же говорил: подходит к случаю — ведь и я *капитан*.

Желая прекратить мучения моего друга, я поднялся, чтобы откланяться, тем более что граф снова начал свои в высшей степени обременительные расспросы насчёт цветов: «Вы ещё не...»

— Нет, нет, благодарю, *чаю* с меня достаточно! — поспешно отозвался я. — Нам и в самом деле пора. Доброго вечера, леди Мюриел! — Мы распрощались и сбежали, пока граф неотрывно рассматривал свой букет.

Леди Мюриел проводила нас до дверей.

— Вы не представляете, какой приятный подарок сделали моему отцу, — с теплотой в голосе сказала она. — Он страстный ботаник. Сама я, боюсь, не сильна в классификации, но отцовский Сухой Сад стараюсь содержать в порядке. И сейчас мне нужно подготовить несколько листов промокательной бумаги, чтобы засушить его новые сокровища, пока они не начали вянуть.

— Это нисколько не поможет, — сказал Бруно, поджидавший нас в саду.

— Почему не поможет? — спросил я. — Знаешь ли ты, что мне пришлось подарить букет, чтобы пресечь расспросы?

— Пользы от этого никакой, — подтвердила Сильвия. — Они только огорчатся, когда увидят, что цветы исчезли.

— Как исчезли?

— Не знаю, *как*. Но они исчезнут. Наша няня и та оказалась всего лишь *Флииз* — помните, которую Бруно создал?

Последние слова она произнесла шёпотом, не хотела, видимо, чтобы Артур слышал. Но этого можно было не опасаться; маловероятно, чтобы он вообще замечал детишек, — шагал себе, молчаливый и отсутствующий, и когда на опушке леса дети торопливо попрощались с нами и побежали прочь, он, казалось, пробудился от сна наяву.

Букет исчез, как Сильвия и предсказывала, и когда пару дней спустя мы с Артуром вновь посетили Усадьбу, то нашли графа с

дочерью в саду, где они вместе со старой экономкой обследовали задвижки на окне гостиной.

— Ведём следствие, — сообщила леди Мюриел, поспешив нам навстречу. — И позволяем вам, как Соучастникам до События Преступления, выложить всё, что вы знаете об этих цветах.

— Соучастники до События Преступления на вопросы отвечать отказываются, — внушительно проговорил я. — И они оставляют за собой право на защиту.

— Так-так. Требуем назвать Сообщников с целью облегчить свою участь. Цветы исчезли ночью, — сказала она, обращаясь к Артуру, — и мы *совершенно* уверены, что никто в доме к ним не притрагивался. Должно быть, кто-то проник через окно...

— Но задвижки не повреждены, — заметил граф.

— Это случилось, должно быть, когда вы ужинали, миледи, — сказала экономка.

— Вот именно, — согласился граф. — Вор, скорее всего, видел, как вы несли букет, — обернулся он ко мне, — и обратил внимание, что вы не уносили его. Он, вероятно, понимал огромную ценность цветов — а они просто *бесценны!* — Граф явно начинал горячиться.

— К тому же вы так и не сказали нам, где вы их взяли, — напомнила леди Мюриел.

— Когда-нибудь, — промямлил я, — меня, возможно, освободят от запрета рассказывать. А пока извините меня, ладно?

Граф едва имел силы скрыть разочарование за вежливостью:

— Ничего не поделаешь, оставим расспросы.

— И запомним, что облегчить свою участь вы не пожелали, — шутливо добавила леди Мюриел, когда мы входили в беседку. — Мы обвиняем вас в соучастии, и мы приговариваем вас к одиночному заключению. На хлебе и... масле. Сахару хотите?

— Но всё же это довольно неудобно, — продолжала она, когда «земные блага» были как подобает расставлены на столе, — знать, что в доме побывал вор, — места у нас всё-таки глухие. Вот если бы цветы были чем-то *съестным*, можно было бы заподозрить воришку совершенно иного рода...

— Вы имеете в виду это универсальное объяснение всех загадочных исчезновений — «кошка съела»? — спросил Артур.

— Да, — ответила она. — Как было бы удобно, если бы все воришки имели один и тот же облик! Это так всё запутывает, когда одни из них четвероногие, а другие двуногие!

— Я вижу в этом, — сказал Артур, — любопытную проблему из области Телеологии... науки о Конечной Причине, — добавил он в ответ на вопросительный взгляд леди Мюриел.

— И что же такое эта ваша Конечная Причина?

— Скажем так: последнее событие из ряда событий, связанных одно с другим, когда каждое предыдущее событие ряда является причиной последующего, ради которого, собственно, и имело место самое первое событие.

— Но тогда последнее событие фактически является *следствием* самого первого, не так ли? А вы называете его *причиной*!

Артур на минуту задумался.

— Допускаю, что слова немного сбивают с толку, — произнёс он. — Дело тут вот в чём. Последнее событие является следствием первого, однако *необходимость наступления* этого последнего события есть причина *необходимости появления* первого.

— Вполне понятно, по-моему, — сказала леди Мюриел. — И как это применить к нашему случаю?

— Очень просто. Какую цель, по нашим понятиям, может иметь тот порядок вещей, согласно которому всякое живое существо определённого размера (грубо говоря) имеет определённый облик? Взять, например, человеческое племя; его представители — двуногие

существа. Другая совокупность живых существ, начиная львом и заканчивая мышью, четвероноги. Спускаемся ещё на шаг или два и видим насекомых с шестью ногами — гексаподов, красивое название, правда? Но красота, в нашем смысле слова, на глазах пропадает, чем дальше мы идём вниз: существа становятся всё более... Не хочу сказать «отвратительными», всё-таки Божье творение, но более чуждыми. А когда мы берём микроскоп и спускаемся ещё на несколько шагов ниже, то находим тварей ужасно нескладных и с ужасным количеством ног!

— Можно придумать альтернативу, — сказал граф. — Ряд из повторяющихся *diminuendo*⁷⁶ особей одного и того же типа. Оставим пока вопрос о скучном однообразии такой последовательности, просто давайте взглянем, как это действует. Начнём с человеческих существ и тех животных, в которых они имеют нужду, — лошадей, коров, овец и собак — ведь пауки и лягушки нам не слишком-то нужны; верно, Мюриел?

Леди Мюриел аж передёрнуло — слишком болезненным был предмет.

— Обойдёмся без них, — со знанием дела ответила она.

— Так вот, получим вторую человеческую расу, высотой в пол-ярда...

— ...у которой будет один источник возвышенного наслаждения, которого лишены обычные люди, — вмешался Артур.

— Какой источник? — спросил граф.

— Ну как же — величественность ландшафта! Судите сами: величественность горы — для *меня* — зависит от её *размера* по отношению ко мне. Удвойте высоту горы, и величественности ей тоже прибавится вдвое. Уменьшите наполовину *меня* — эффект будет таким же.

⁷⁶ Здесь: постепенно уменьшаясь (*итал.*).

— Счастлив, счастлив Малышок! — захлопала в ладоши леди Мюриел. — Лишь тот, кто мал, лишь тот, кто мал, понять Высот величье смог!⁷⁷

— Но позвольте продолжить, — сказал граф. — Дальше у нас будет третья раса людей, пять дюймов высотой; четвёртая раса, в один дюйм...

— Они не смогут питаться обычной говядиной или бараниной, сам посуди! — вмешалась леди Мюриел.

— Верно, дочка, я и забыл. Каждая такая раса должна иметь собственных коров и овец.

— И собственную растительность, — добавил я. — Разве управится корова высотой в дюйм с травой, что колышется у неё над рогами?

— И то правда. У нас должны быть пастбища, так сказать, на пастбищах. Обычная трава послужит нашим дюймовым коровам таким пальмовым лесом, в то время как вокруг каждого высокого стебля расстелется крохотный коврик микроскопический травки. Думаю, такая схема будет действовать превосходно. Наш контакт с низшими расами окажется прелюбопытным! Какими милашками должны быть бульдоги высотой в дюйм! Думаю, что даже *Мюриел* при виде их не сбежит.

— А ты не думаешь, что нам следует также иметь ряд *crescendo*⁷⁸? — спросила леди Мюриел. — Только представь человека в сто ярдов

⁷⁷ Леди Мюриел переиначивает Первый припев из пиндарической оды Джона Драйдена «Пир Александра, или Власть музыки. Ода ко дню св. Цецилии» (1697; на сюжет оды написаны два крупных произведения Генделя — «Праздник Александра» и «Ода ко дню св. Цецилии»):

Счастлив, счастлив наш герой!

Лишь тот, кто храбр,

Лишь тот, кто храбр,

Обласкан девою-красой!

высотой! Ему понадобится слон в качестве пресс-папье и крокодил вместо пары ножниц!

— А ваши расы столь разных размеров будут друг с другом общаться? — спросил я. — Скажем, воевать или заключать договоры?

— *Войны* нам следует исключить, полагаю. Когда вы способны одним махом стереть в порошок целый народ, вы не можете вести войну на равных. Но вот стычки *умов* в нашем идеальном мире вполне будут возможны, ведь мы, разумеется, должны будем признать *мыслительные* способности у всех безотносительно к размеру. Наверно, честнейшим правилом будет такое: чем меньше раса, тем выше её умственное развитие!

— Не хочешь ли ты сказать, — спросила леди Мюриел, — что эти карлики ростом в дюйм способны будут *перечить* мне?

— Именно, именно! — воскликнул граф. — Ведь логическая сила доводов не зависит от роста существа, которое эти доводы высказывает.

Леди Мюриел с негодованием замотала головой.

— Я не стану вступать в пререкания ни с кем, в ком меньше шести дюймов росту! — воскликнула она. — Я лучше засажу его за *работу*!

— За какую работу? — спросил Артур, с улыбкой восхищения слушая эту нелепицу.

— За вышивание! — не моргнув глазом ответила леди Мюриел. — Какая *прелестная* вышивка будет у них получаться!

— Однако если они сделают что-нибудь не так, — сказал я, — то вы не сможете им ничего доказать. Не знаю *почему*, но согласен с вами: сделать это будет совсем нелегко.

— А вот почему, — ответила она. — Нельзя же настолько поступаться своим *достоинством*.

⁷⁸ Здесь: постепенно увеличивающихся (существ) (*итал.*).

— Конечно нельзя, — эхом откликнулся Артур. — Точно бьёшь, простите за каламбур, ниже пояса. Своего, собственного. Как с картошиной пререкаешься!

— Не уверен, — сказал я. — Даже буквально понятые каламбуры меня не *вполне* убеждают.

— Ну хорошо, если это не причина, — сказала леди Мюриел, — то какова она должна быть по-вашему?

Я изо всех сил попытался понять смысл её вопроса, но меня всё время отвлекало неотвязное жужжание какой-то пчелы, а в воздухе разливалась такая дремотность, что каждая мысль застревала на полпути, да и поворачивала восояси спать; потому всё, что я смог из себя выдавить, ограничилось словами: «Это должно зависеть от *веса* картошины».

Я-то чувствовал, что моё замечание не настолько осмысленно, как мне бы хотелось. Однако леди Мюриел восприняла его как натуральный ответ на свой вопрос.

— В таком случае... — начала она, но внезапно смолкла и обернулась, прислушиваясь. — Вы его не слышите? — спросила она. — Он плачет. Надо выяснить, в чём дело.

А я сказал себе: «Как странно! Я был совершенно уверен, что это *леди Мюриел* со мной разговаривает. Но это всё время была *Сильвия!*» И я сделал ещё одно тяжкое усилие сказать что-нибудь, что имело хотя бы какой-нибудь смысл:

— Что-то случилось с картошиной?

ГЛАВА XXI. За Дверью из Слоновой Кости

— Не знаю, — сказала Сильвия. — Тише! Мне нужно подумать. Я бы, конечно, и одна могла сходить к нему. Но мне хочется, чтобы вы пошли со мной.

— С большим удовольствием, — обрадовался я. — Думаю, что смогу идти так же скоро, как и ты.

Сильвия весело рассмеялась.

— Что за нелепость! Так вы и шагу не сделаете. Вы же лежите, растянувшись на спине! Вы что, сами не чувствуете?

— Я могу идти так же скоро, как и *ты*, — повторил я. И попытался изо всех сил сделать пару шагов, однако почва ровно с той же скоростью заскользила назад, так что я ни капельки не продвинулся. Сильвия вновь засмеялась.

— Ну вот, я же говорила! Вы и не представляете, как забавно двигаете в воздухе ногами, словно ходите! Подождите-ка. Я спрошу Профессора, как нам лучше поступить. — И она постучала в дверь его кабинета.

Дверь тут же отворилась, и Профессор выглянул из-за неё.

— Чей это плач я только что слышал? — спросил он. — Это плачет человеческий детёныш?

— Это плачет мальчик, — ответила Сильвия.

— Надо полагать, ты его дразнила?

— Да *нет* же, — нетерпеливо ответила Сильвия. — Я *никогда* его не дразню!

— Хорошо, хорошо, мне нужно расспросить об этом Другого Профессора. — Он нырнул обратно в кабинет, и мы услышали его бубненье. — Маленький человеческий детёныш... говорит, что не дразнила его... вид, называемый «Мальчик»...

— Спросите её, что это за *Мальчик такой*, — произнёс иной голос. Голова Профессора вновь появилась в дверях.

— Что это за *Мальчик — такой*, что ты его даже не дразнила?

Сильвия сверкнула мне глазами.

— Мой милый старичок! — воскликнула она и встала на цыпочки, желая поцеловать его, в то время как он степенно склонился, чтобы

милостиво принять этот знак приветствия. — Всегда вы меня запутываете! Я ведь *вообще* не дразню мальчиков.

Профессор вернулся к своему коллеге, и тогда второй голос произнёс: «Скажите ей, пусть ведёт их сюда, всех *разом!*»

— Я не могу, да и не хочу я! — воскликнула Сильвия в ту секунду, как Профессор вновь появился в дверях. — Тот, кто плакал, это был *Бруно*, он мой брат, и сейчас мы хотим пойти к нему, *оба*, только *он* не может, понимаете? Он слишком *мечтательный*, — это она произнесла полущёпотом из боязни, что я могу обидеться. — Позвольте нам пройти через Дверь из Слоновой Кости!

— Я спрошу, — сказал Профессор и опять исчез, чтобы столь же молниеносно вернуться. — Он говорит, что вы можете пройти. Следуйте за мной, только на цыпочках.

Но для меня загвоздка была не в том, на цыпочках идти или нет. Я вообще не в состоянии был дотянуться ногами до пола, пока Сильвия тащила меня через кабинет.

Профессор забежал вперёд, чтобы отомкнуть нам Дверь из Слоновой Кости. Мне только на одно мгновение удалось бросить взгляд на Другого Профессора, который читал, сидя к нам спиной, как Профессор уже выпроводил нас в пресловутую Дверь, вошёл сам и запер её за собой. А за Дверью стоял Бруно, спрятав лицо в руки и горько плача.

— Что случилось, мой милый? — спросила Сильвия, обнимая его за плечи.

— Я сильно-пресильно поранился, — всхлипнул бедный малютка.

— Какая жалость, мой милый! Как же ты ухитрился?

— Потому что я хитрый! — ответил Бруно, улыбнувшись сквозь слёзы. — Что думаешь, только одна ты такая хитрая?

Ого, Бруно принялся рассуждать — значит, дело пошло на поправку!

— Ну, давайте послушаем, что же произошло, — предложил я.

— Я поскользнулся на склоне и полетел вниз. И налетел на камень. И ударил об камень ногу. А потом я наступил на Пчелу. А Пчела ужалила меня в пальчик! — И бедный Бруно опять принялся всхлипывать. Выложив полный перечень своих бед, он вновь пал духом. — Она же знала, что я *нечаянно* на неё наступил! — добавил он, обозначив кульминацию всей драмы.

— Пчеле должно быть стыдно, — возмущённо отозвался я, а Сильвия нежно обняла и принялась целовать раненого героя, пока его слёзы не просохли.

— Теперь мой пальчик почти не жгёт, — сообщил Бруно. — Для чего на свете существуют камни? Господин сударь, вы не знаете?

— Они нужны... для *чего-то*, — ответил я, — даже если мы не знаем, для чего именно. Для чего, например, нужны одуванчики?

— Как для чего? О-диванчики — ведь они и есть диванчики, потому что они мягкие-премягкие, а камни всегда такие твёрдые-претвёрдые! А вы любите собирать о-диванчики и складывать из них диванчики, господин сударь?

— Бруно! — укоризненно зашептала Сильвия. — Ты должен говорить либо «господин», либо «сударь», а не то и другое одновременно! Запомнишь ты когда-нибудь?

— Но ты всё время твердишь мне, чтобы я говорил «господин», когда говорю *о нём*, и «сударь», когда говорю *с ним*.

— Но одновременно ты же этого не делаешь!

— А вот и одновременно, сестрица! — победно воскликнул Бруно. — Сейчас я говорю с *Джен... меном*, и я спрашиваю о *Джен... мене*. Что же мне и говорить, кроме «господин сударь»?

— Ты всё делаешь правильно, Бруно, — заверил я его.

— Конечно, правильно! — подхватил Бруно. — Сильвия в этом не разбирается.

— Такого нахала ещё свет не видывал! — произнесла Сильвия, нахмутив брови до такой степени, что они совсем укрыли её глаза.

— Такой непонимаки ещё свет не видывал! — ответил Бруно в том же духе. — Пойдём собирать о-диванчики. *Только на это она и годна!* — добавил он в мою сторону очень громким шёпотом.

— Не «о-диванчики», Бруно. Правильно будет «одуванчики».

— Это всё потому, что он постоянно подпрыгивает, — сказала Сильвия и засмеялась.

— Да, поэтому, — не стал возражать Бруно. — Сильвия говорит мне слова, но потом я начинаю прыгать, и они все перебалтываются у меня в голове.

Я заверил его, что это, конечно же, всё объясняет.

— Ну, идите же да сорвите для меня парочку о-диванчиков!

— Сорвём, сорвём! — восторженно воскликнул Бруно. — Айда, Сильвия! — И счастливые дети вприпрыжку понеслись по траве с быстротой и грацией молодых антилоп.

— А вы так и не отыскали дорогу назад в Запределье? — спросил я Профессора.

— Разумеется, отыскал! — отвечал тот. — Правда, мы не попали на Людную улицу, но я нашёл другую дорогу. С тех пор я уже несколько раз сбегал туда и назад. Я, видите ли, должен был присутствовать на Выборах — как автор нового Финансового Закона. Император был так добр, что доверил это дело мне. «Будь что будет» (я помню императорскую речь слово в слово), «и если дело повернётся так, что Правитель *всё-таки* жив, *вы* засвидетельствуете, что изменения в чеканке монеты были предложены Придворным Профессором, а я ни при чём!» Ну меня и возвеличили в тот момент, скажу я вам! — При этих воспоминаниях, не совсем, по-видимому, приятных, по его щекам заструились слёзы.

— Так Правителя сочли умершим?

— Да, таково было официальное *заявление*, но, между нами, лично я никогда в это не верил! Подтверждений как таковых не было — одни только слухи. Бродячий Шут со своим Танцующим Медведем

(которого как-то раз даже допустили во Дворец) — так он толковал встречному и поперечному, что идёт, дескать, из Сказочной страны и что наш Правитель там скончался. Я пожелал, чтобы Вице-премьер хорошенько порасспросил его, но, к большому сожалению, они с миледи всегда отлучались из Дворца, когда Шут крутился поблизости. Вот все и решили, что Правителя нет больше в живых, — и по его щекам опять ручьём потекли слёзы.

— А что нового внёс в жизнь Финансовый Закон?

Услышав такой вопрос, Профессор просиял.

— Инициатива принадлежала Императору, — пустился он в объяснения. — Его Величество пожелали, чтобы каждый житель Запределья стал вдвое богаче — ну, просто ради популярности нового Правительства. Однако в Казне не оказалось достаточно для этого денег. Вот я и предложил увеличить вдвое достоинство каждой монеты и каждой банкноты в Запределье. Простейшая штука. Удивляюсь, почему никто раньше до этого не додумался! А такой всеобщей радости вы ещё не видывали. Магазины были с утра до вечера полны народом. Все всё покупали!

— А как они вас возвеличили?

Весёлое лицо Профессора омрачилось.

— Это произошло, когда я возвращался домой после Выборов, — печально ответил он. — У них в мыслях не было ничего плохого, но мне всё равно пришлось не сладко! Они махали вокруг меня флагами, пока я почти не ослеп, звонили в колокола, пока я не оглох, и усыпали дорогу таким толстым слоем цветов, что я всю дорогу увязал в них и падал! — Бедный старик скорбно вздохнул.

— А далеко ли отсюда до Запределья? — спросил я, чтобы сменить предмет.

— Примерно пять дней пути. Но туда *приходится* возвращаться — время от времени. Понимаете, я, как Придворный Учитель, всегда

должен быть к услугам Принца Аггага. Императрица *очень* сердится, если я оставляю его хотя бы на час.

— Но ведь всякий раз, как вы отправляетесь сюда, вы отсутствуете по крайней мере десять дней?

— О, даже больше! — воскликнул Профессор. — Бывает и по две недели. Но я, разумеется, всегда записываю, в какой момент я отлучаюсь из Дворца, так что могу потом вернуться в ту же секунду по Дворцовому времени!

— Простите, не понял.

Профессор, не говоря ни слова, вытащил из кармана квадратные золотые часы с шестью или восемью стрелками и протянул мне для обозрения.

— Вот это, — начал он, — Запредельные Часы...

— Так я и подумал.

— ...особенность которых заключается в том, что это не *они* идут соответственно *времени*, а *время* идёт *по ним*. Теперь, надеюсь, вы поняли?

— Не очень, — признался я.

— Позвольте объяснить. Предоставьте эти часы самим себе, и они будут идти своим ходом. Время *не* влияет на них.

— Мне известны такие часы, — заметил я.

— *Идут* Часы, разумеется, обычным темпом. Время всего лишь идёт *вместе с ними*. Следовательно, стоит мне передвинуть стрелки, и я изменю ход времени. Забежать *вперёд*, сдвинув стрелки на более *позднее* время, невозможно, но зато я могу передвинуть их хоть на месяц *назад* — это, правда, предел. И все события пройдут перед вашими глазами повторно, вы даже сможете придать им другое, более желательное направление.

— Такие часы — просто спасение, сударь мой! — вслух возликовал я. — С ними человек способен оставить произнесённым какое-нибудь

неосторожное слово или отменить какой-нибудь опрометчивый поступок! Могу я взглянуть, как это делается?

— С удовольствием покажу! — сказал отзывчивый старик. — Если я передвину *эту* стрелку назад вот сюда, — он указал пальцем, — История тоже вернётся на пятнадцать минут назад.

Дрожа от возбуждения, я наблюдал, как он вслед за объяснением переводит стрелку.

— Я сильно-пресильно поранился.

От этих слов, снова зазвучавших у меня в ушах, я вздрогнул и закрутил головой в поисках говорившего, более изумлённый, чем позволяли приличия.

Так и есть! Это был Бруно, по лицу которого вновь катились слёзы (каким я и увидел его четверть часа назад) а рядом стояла Сильвия, обнимающая его за плечи!

У меня сердце разрывалось от вида детишек, вторично переживающих одно и то же несчастье, поэтому я немедленно попросил Профессора вернуть стрелку в прежнее положение. В секунду Сильвия с Бруно унеслись прочь, и я смог разглядеть их только в отдаленье, где они собирали «о-диванчики».

— Вот это да! Замечательно! — воскликнул я.

— У них есть и другая особенность, ещё более чудесная, — продолжал Профессор. — Видите эту головку? Она называется «Обратная головка». Если вы нажмёте на неё, события следующего часа будут следовать в обратном порядке. Только сейчас не будем её трогать. Я одолжу вам Часы на пару дней, и вы сможете экспериментировать, сколько захотите.

— Премного вам обязан! — сказал я, принимая от него Часы. — Буду беречь их пуще глаза — а вот и детишки!

— Мы нашли всего шесть о-диванчиков, — сообщил Бруно, суя их мне в руку, — потому что Сильвия сказала, что пора возвращаться. И эта большущая ежевичина — тоже вам! Мы нашли всего две.

— Благодарю вас, мне *очень* приятно, — произнёс я. — Другую, я полагаю, ты сам съел, Бруно?

— Нет, не съедал, — беспечно ответил Бруно. — А наши одиванчики вам нравятся, господин сударь?

— Они просто прекрасны; но почему ты хромаешь?

— Снова повредил ногу! — скорбно сообщил Бруно. Он сел на траву и принялся потирать больное место.

Профессор схватился за голову — я уже знал, что он всегда поступал так в минуты душевной сумятицы.

— Приляг на время — тогда полегчает, — забормотал он. — Или станет хуже. Если бы я имел при себе мои лекарства! Я, видите ли, Придворный Врач, — добавил он специально для меня.

— Хочешь, я схожу и принесу тебе ещё ягод ежевики, мой дорогой? — пролепетала Сильвия, погладив братца по головке.

Лицо Бруно тут же просветлело.

— Было бы здорово! — провозгласил он. — Мне кажется, что если я поем ежевики, то моя нога снова сделается невредимой... две-три ягодки... шесть-семь ягодок...

Сильвия заторопилась.

— Лучше я пойду, — сказала она, обращаясь ко мне, — пока он не перешёл к двузначным числам!

— Позволь тебе помочь, — предложил я. — Ведь я смогу достать повыше, чем ты.

— Да, помогите, пожалуйста, — ответила Сильвия, всовывая свою руку в мою ладонь. Мы отправились. — Ежевику Бруно *любит*, — сообщила она, пока мы не спеша брели вдоль высокой изгороди, где вполне могли укрываться ежевичные ягоды, — и это было так *мило* с его стороны, уговорить меня съесть ту ягоду.

— Значит, это ты её съела? Мне показалось, что Бруно не очень-то хотел об этом упоминать.

— Да, я видела, — сказала Сильвия. — Он всегда боится, что его начнут хвалить. Но он *заставил* меня съесть её, да! Я говорила ему, чтобы он сам... А это что такое? — и она испуганно вцепилась в мою руку, когда нам на глаза попался заяц, лежащий на боку прямо у лесной опушки.

— Это *зайчик*, дитя моё. Он, наверно, спит.

— Нет, он не спит, — сказала Сильвия, боязливо подходя к нему, чтобы взглянуть поближе. — У него глаза открыты. Он... он... — её голос дрогнул и понизился до испуганного шёпота. — Он *умер*, вы не видите?

— Верно, умер, — подтвердил я, наклонясь над зайцем. — Бедный! Его, наверно, до смерти загнали охотники. Вчера здесь носилась свора гончих. Но они не тронули его. Может быть, они заметили ещё одного зайца и оставили этого умирать от страха и истощения.

— Загнали *до смерти*? — машинально повторила Сильвия, не смея в такое поверить. — Я думала, что охота — это люди так *играют*, как в игру. Мы с Бруно охотимся на улиток, но когда мы их ловим, то не причиняем им вреда!

«Милый мой ангел! — подумал я. — Как мне довести до твоего невинного сознания идею „Спорта“?» И пока мы так стояли, держась за руки, и, склонив головы, разглядывали лежащего у наших ног зайца, я попытался преподать предмет в таких словах, которые она в состоянии была бы уразуметь.

— Знаешь ли ты, какими свирепыми бывают дикие животные — львы или тигры? — Сильвия кивнула. — И в некоторых странах людям даже *нужно* их убивать, чтобы спасти собственную жизнь.

— Да, — ответила Сильвия. — Если бы кто-то пытался убить *меня*, Бруно убил бы его самого... если бы смог.

— А люди-охотники делают это ради удовольствия. Видишь ли, все эти погони, борьба, стрельба, опасность — сами по себе заманчивые штуки.

— Да, — сказала Сильвия. — Бруно любит опасность.

— Вот видишь, только в *этой* стране нету ни львов, ни тигров, разгуливающих на воле, поэтому люди охотятся на других зверей, понимаешь? — Я произнёс это с надеждой, но, видимо, напрасной, что моё объяснение окажется доходчивым и она не будет больше задавать вопросов.

— Они охотятся на *лисиц*, — задумчиво произнесла Сильвия. — И мне кажется, что потом они их тоже *убивают*. Лисы очень свирепы. Мне кажется, что люди с ними враждуют. Но разве зайчики свирепы?

— Нет, — ответил я. — Зайчик — это безобидный, робкий, скромный зверёк, почти как ягнёнок.

— Но тогда если люди *любят* зайчиков, то почему... почему... — голос её задрожал, а печальные глаза до краёв наполнились слезами.

— Боюсь, не так уж они их и любят, дитя моё.

— Все *дети* любят зайчиков, — пролепетала Сильвия. — И все *леди* тоже их любят.

— Боюсь, что даже *леди* выезжают иногда поохотиться на них.

— Нет, только не *леди*! — с вызовом выкрикнула Сильвия. — Леди Мюриел не станет!

— Ну, она-то не станет никогда, это точно... Но это зрелище слишком мучительно для тебя, дитя моё. Давай-ка лучше поищем...

Но Сильвия всё ещё не в состоянии была оторваться от зайчика. Склонив головку и всплеснув ручонками, скорбным и подавленным тоном она выставила свой последний вопрос:

— А Бог любит зайчиков?

— Любит! — заверил я. — *Конечно*, Он их любит! Он любит всякое живое существо. Даже грешников *людей*. А уж как Он любит животных, которые вообще не способны грешить!

— А что значит «грешить»? — спросила Сильвия, но я и не пытался объяснять.

— Пойдём, дитя моё, — сказал я, стремясь увести её отсюда. — Простимся с бедным зайчиком и пойдём искать ежевику.

— Прощай, бедный зайчик! — покорно промолвила Сильвия, и пока мы отходили, всё оглядывалась через плечо. И вдруг её самообладание разом улетучилось. Выхватив свою руку из моей, она бросилась назад к тому месту, где лежал зайчик, и упала рядом с ним, уткнувшись лицом прямёхонько в траву. Моему взору предстали такие муки отчаяния, которые я едва ли мог предположить в столь юном ребёнке.

— Милый, милый зайчик! — стенала она. — Ведь Бог уготовил тебе такую прекрасную жизнь!

Время от времени она, всё не поднимая лица с травы, протягивала ручонку, чтобы расшевелить бездыханное животное, после чего вновь хваталась за голову, словно у неё разрывалось сердце.

Я начал опасаться, не приключилось бы с ней горячки, но всё-таки решил, что будет лучше, если она сразу же выплачет первый пароксизм горя; а спустя несколько минут рыдания начали понемногу стихать и Сильвия встала наконец на ноги, безмолвно глядя на меня, хотя слёзы продолжали струиться по её щекам.

Даже тогда я всё ещё не отваживался заговорить, а просто протянул ей руку, чтобы увести её от этого печального места.

— Да, пойдёмте, — согласилась она. Но сначала она почти благоговейно опустилась на колени и поцеловала зайчика. Затем она встала, подала мне руку, и мы молча побрели прочь.

Дети горюют бурно, но недолго, поэтому минуту спустя девочка заговорила почти совсем ровным голосом:

— Ой, постойте, постойте! Здесь есть *чудесные* ягоды ежевики!

Мы набрали полные пригоршни ягод и торопливо возвратились к тому месту, где, сидя на склоне, нас ожидали Бруно с Профессором.

Но ещё до того, как мы приблизились к ним настолько, что они могли нас услышать, Сильвия попросила меня:

— Не говорите, пожалуйста, о зайчике *Бруно*.

— Ладно, не скажу. Но почему?

Слёзы вновь заблестели в этих милых глазах, и она отвернулась, поэтому я едва расслышал её ответ.

— Потому что... потому что он так *любит* всех робких зверюшек. И он... он так огорчится! А я не хочу, чтобы он огорчился.

«А *твои* страдания, значит, не в счёт, моя бескорыстная малютка?» — подумал я. Но больше мы не сказали друг другу ни слова, пока приближались к нашим друзьям, а сам Бруно был слишком поглощён лакомством, которое мы ему принесли, чтобы заметить необычную понурость своей сестры.

— Поздновато становится, а, Профессор? — сказал я, когда Бруно покончил с ежевикой.

— И в самом деле, — ответил Профессор. — Я должен отвести вас всех назад за Дверь из Слоновой Кости. Вы пробыли здесь всё отмеренное вам время.

— Нельзя ли побыть здесь *ещё* немножко? — взмолилась Сильвия.

— Только *одну* минуточку! — присоединился к ней Бруно.

Но в Профессоре пробудилась настойчивость.

— Это и так великая привилегия, — сказал он, — пройти сквозь Дверь из Слоновой Кости. Мы должны возвращаться. — И нам ничего не оставалось, как покорно проследовать за ним к пресловутой двери, которую он распахнул перед нами и сделал мне знак проходить первым.

— Ты ведь тоже идёшь, правда? — обратился я к Сильвии.

— Правда, — ответила она. — Только вы больше не сможете видеть нас, когда пройдёте сквозь Дверь.

— Но я ведь подожду вас с другой стороны Двери, — возразил я, ступая в проём.

— В таком случае, — отозвалась Сильвия, — и картошине, я полагаю, извинительно будет спросить вас самих о *вашем* весе. Вполне могу представить себе такую *сверх*-картошку надменного нрава, которая ни за что не станет вступать в препирательства с кем-то, кто весит менее *ста килограммов*!

Я изо всех сил попытался выпрямить ход моих мыслей.

— Быстро же мы впадаем в бессмыслицу, — произнес я.

ГЛАВА XXII. Происшествие на станции

— Так давайте выпадем обратно, — сказала леди Мюриел. — Ещё чаю? *Это*, я надеюсь, звучит осмысленно?

«И всё моё необыкновенное приключение, — подумал я, — заняло место одной-единственной запятой в речи леди Мюриел! Той самой запятой, на которой учителя декламации требуют „отсчитать *раз*!“» (Профессор, видимо, был так любезен, что специально для меня вернул время назад, к той самой секунде, когда я приснул.)

А когда несколько минут спустя мы покидали дом графа, Артур неожиданно высказал престранное замечание. А именно:

— Мы пробыли там не более *двадцати минут*; я только тем и был занят, что слушал вашу с леди Мюриел беседу, и тем не менее меня не покидает чувство, будто это я разговаривал с ней, и не меньше *часа*!

Так оно и было, мой друг, мне ли сомневаться! Просто, когда Часы были переведены назад, к началу вашего *tête-à-tête*⁷⁹, его целиком постигло забвение — он, можно сказать, обратился в ничто! Однако я слишком дорожил своей репутацией здравомыслящего члена общества, чтобы пускаться в разъяснения насчёт произошедшего.

По какой-то причине, недоступной в тот момент моему разумению, всю дорогу домой Артур был необыкновенно молчалив и подавлен. Это не было связано с Эриком Линдоном, решил я, поскольку

⁷⁹ разговора с глазу на глаз (*фр.*).

тот уже несколько дней отсутствовал — уехал в Лондон; поэтому, имея леди Мюриел практически «всю для себя» — ведь мне так приятно было слышать их воркование, что и мысли не приходило встречать, — он бы *должен* был, теоретически говоря, особенно наслаждаться жизнью и лучиться радостью. «Не услышал ли он какую-нибудь неприятную новость?» — спрашивал я себя. И, словно угадав мой мысленный вопрос, Артур заговорил.

— Он приезжает последним поездом. — Мой друг словно бы продолжал начатый ранее разговор.

— Ты имеешь в виду капитана Линдона?

— Да... капитана Линдона, — ответил Артур. — Я сказал «он», потому что мне показалось, что мы о нём говорим. Граф сказал мне, что он приезжает сегодня вечером, хотя я не понимаю — ведь только *завтра* решится вопрос о назначении, которое он так надеется получить. Странно, что он не захотел подождать всего один день, чтобы узнать результат, раз уж он так сильно заинтересован в нём, как утверждает граф.

— Ему могут послать телеграмму, когда решение будет вынесено, — предположил я, — но это и впрямь выглядит недостойно солдата — бежать из боязни неприятного известия!

— Он достойный человек, — возразил Артур, — но должен признать, что лично для меня *приятным* известием будет, что он получил своё назначение, да заодно и приказ выступать. И всяческих ему успехов — за *одним* исключением. Спокойной ночи! — (Мы подошли уже к дому.) — Сегодня вечером я неподходящая компания, побуду лучше один.

То же и на следующий день. С утра он объявил, что не годен для Общества, и пришлось мне в одиночестве совершать послеобеденную прогулку. Я избрал путь на станцию, и в том месте, где мою тропу пересекала дорога, ведущая в «Усадьбу», приостановился, разглядев в отдаленье моих друзей, направлявшихся, по-видимому, к той же цели.

— Нам, кажется, по пути? — сказал граф, после того как я обменялся приветствиями с ним, с леди Мюриел и с капитаном Линдоном. — Этот нетерпеливый молодой человек ждёт не дожждётся телеграммы, и мы идём за ней на станцию.

— В деле замешана также одна нетерпеливая молодая особа, — добавила леди Мюриел.

— Это подразумевается, дитя моё, — сказал её отец. — Женщины *всегда* нетерпеливы.

— Уж коль речь заходит о том, чтобы оценить по достоинству чьи-то личные качества, — с сарказмом заметила его дочь, — с отцами никто не сравниться, не так ли, Эрик?

— Только если не считать кузенов, — отвечивал Эрик, и после этого беседа сама собой распалась на два отдельных речитатива, причём молодёжь шествовала впереди, а двое пожилых мужчин не столь торопливым шагом тащились вслед.

— А когда же мы снова увидим ваших маленьких приятелей? — спросил меня граф. — Очаровательные детишки!

— Буду счастлив привести их при первой же возможности, — заверил я. — Только я и сам не знаю, когда они мне опять встретятся.

— Не хочу вас расспрашивать, — сказал граф, — но должен заметить, что Мюриел просто сгорает от любопытства. Мы знаем почти всех в округе, и она всё пытается угадать, у кого из наших соседей живут эти детишки.

— Когда-нибудь, возможно, я всё ей объясню, но пока что...

— Благодарю. Придётся ей это пережить. Я, со своей стороны, внушаю ей, что это великолепная возможность поупражняться в *терпении*. Только едва ли она способна смотреть на вещи под таким углом. Э-э, да вот и они!

Это и вправду были наши детишки, ожидающие (со всей несомненностью, *нас*) на переходном мостике, куда взошли, видимо, всего пару секунд назад, — леди Мюриел и её кузен миновали его, не

приметив их. Завидя наше приближение, Бруно бросился навстречу, желая скорее похвастаться рукояткой от складного ножика (лезвие было отломано), которую он подобрал на дороге.

— И какая же тебе от неё будет польза, а, Бруно? — спросил я.

— Ещё не знаю, — беззаботно ответил Бруно. — Надо подумать⁸⁰.

— Вот он, самый первый детский взгляд на жизнь, — заметил граф со знакомой улыбкой светлой грусти. — В этот период они больше заняты накоплением движимого имущества. Годы идут, и такой взгляд меняется. — И он протянул руку Сильвии, которая старалась держаться меня, немного перед ним робея.

Но приветливый пожилой джентльмен был не из тех, кого мог долго робеть какой бы то ни было ребёнок, будь он человек или фея, и очень скоро Сильвия освободила мою ладонь, чтобы завладеть его рукой, — Бруно один остался верен своему первому другу. Мы нагнали молодую пару уже на станции, и оба они — леди Мюриел и Эрик —

⁸⁰ Джон Падни рассказывает в своей книге, что когда в 1950 году перестраивали пасторский дом в Крофте (в этом доме, куда семья пастора Доджсона переехала из графства Чешир в 1843 году, Чарльз Лютвидж жил — с перерывом на время учёбы в Ричмондской школе и в Регби — до 1851 года, когда навсегда осел в Оксфорде), то «под половицами бывшей детской на втором этаже был обнаружен тайник. Из более чем столетнего заточения на белый свет извлекли перочинный нож, роговой гребень, осколки фарфора, а главное — левый детский башмак, напёрсток и маленькую детскую перчатку, нимало не пострадавшую от долгого невостробования... Задолго до того, как тайник был открыт, некоторые из его сокровищ уже сверкнули в поэзии Кэрролла. У Белого Кролика, разумеется, было „несколько пар крошечных перчаток“. Под общие рукоплескания Додо дарит Алисе её собственный напёрсток со словами: „Мы просим тебя принять в награду этот изящный напёрсток!“... В песне Белого Рыцаря есть и ботинок с левой ноги» (*Падни Дж. Льюис Кэрролл и его мир. С. 43*). А что тут главное для нас, так это «перочинный нож» (интересно, он был целый или тоже обломанный?), «сверкнувший» в этой главе.

приветствовали детишек как своих давних приятелей, последний даже промолвил: «Ну что, хватило вам одной свечки до Вавилона?»

— Да, и чуток осталось! — как ни в чём не бывало ответил Бруно.

Леди Мюриел в полнейшем изумлении глядела то на одного, то на другого.

— Как, Эрик, *ты* с ними знаком? — воскликнула она. — С каждым днём загадка становится всё таинственнее! Что за представление вы разыгрываете?

— Сейчас мы находимся где-то в середине Третьего акта, — подхватил Эрик. — Ты же не ждёшь, что загадка разрешится до наступления Пятого акта, не так ли?

— Слишком *длинная* пьеса, — последовал заунывный ответ. — Немедленно подавайте нам Пятый акт!

— Третий, Третий, говорю тебе, — безжалостно ответил молодой военный. — Сцена представляет собой железнодорожную платформу. Гаснет свет. Входит Принц (переодетый, разумеется) и его верный Слуга. *Вот* он, наш Принц, — Эрик взял Бруно за руку, — а здесь его покорный Слуга! Каково будет следующее приказание Вашего Королевского Высочества? — и он отвесил поклон на придворный манер своему сбитому с толку маленькому приятелю.

— Вы *не* Слуга! — возмутился Бруно. — Вы *Дже... льмен!*

— Слуга, Слуга, уверяю Ваше Королевское Высочество! — почтительно настаивал Эрик. — В подтверждение позвольте сослаться на мои разнообразные должности — в прошлом, настоящем и будущем.

— С чего начнём? — спросил Бруно, входя в роль. — Вы были чистильщиком сапог?

— И ещё ниже, Ваше Королевское Высочество! Несколько лет назад я даже предлагал себя в качестве *Раба* — «*Доверенного Раба*», так это, кажется, называется? — спросил он, обратившись к леди Мюриел.

Но леди Мюриел не слушала его — у неё что-то приключилось с перчаткой, и теперь она была полностью занята ею.

— И вы получили место? — спросил Бруно.

— Стыдно сказать, Ваше Королевское Высочество, — нет, не получил! Поэтому я заделался... заделался *Просителем*, который уходит ни с чем, — это называется *Ухажёр*. Являюсь таковым по сию пору — не правда ли? — И он снова бросил взгляд на леди Мюриел.

— Да помоги же мне, Сильвия, застегнуть эту перчатку! — леди Мюриел нетерпеливо склонилась к девочке и оставила вопрос без внимания.

— А *дальше*? — спросил Бруно.

— А дальше я надеюсь допроситься до *Жениха*. А уж после этого...

— Не дури ты голову ребёнку! — не выдержала леди Мюриел. — Хватит вздор нести!

— ...После этого, — преспокойно продолжал Эрик, — я уж рассчитываю занять место *Домоправителя*, и вот тут... *Четвёртый акт*! — провозгласил он, внезапно изменяя голос. — Свет ярче! Красные огни! Зелёные! В отдаленье слышен грохот.

И в следующую минуту поезд подкатил к платформе, на которую тотчас же из билетной кассы и зала ожидания выплеснулся поток пассажиров.

— А пробовали вы когда-нибудь превратить свою жизнь, ну вот эту, *реальную*, в драматическое представление? — спросил граф. — Так давайте попробуем. Лично я всегда находил в этом развлечение. Вот платформа: пусть она будет нашей сценой. Приличные входы и выходы, как видите, с *обеих* сторон. На заднем плане — настоящий паровоз, катающийся взад-вперёд. Всё в движении, и люди, прохаживающиеся по платформе, основательно отрепетировали свои роли! Только посмотрите, как у них натурально выходит! Ни единого взгляда в сторону зрителей. И группируются всякий раз по-новому, не повторяясь!

И впрямь, выходило забавно, стоило только посмотреть на «сцену» с подобной точки зрения. Носильщик и тот подвернулся, прокатив

тележку с чьим-то багажом, и настолько реалистично выглядел, что поневоле тянуло заплодировать. За ним двигалась разъярённая мамаша с жарким красным лицом, тащившая за собой двух орущих детишек и непрестанно зовущая кого-то, кто, по-видимому, должен был идти следом: «Джон! За мной!» Вошёл и Джон, очень смирный, очень тихий, весь обвешанный пакетами и свёртками. А за ним, в свою очередь, маленькая испуганная гувернантка, несущая толстого карапуза, который тоже не желал умолкать. Все дети голосили.

— Мимическая интерлюдия — на загляденье! — произнёс сбоку от меня пожилой граф. — Замечаете это выражение ужаса на лице гувернантки? Оно *безупречно!*

— Вы попали на совершенно новую жилу, — сказал я. — Большинству из нас Жизнь с её радостями предстаёт таким рудником, который близок к истощению.

— К истощению! — воскликнул граф. — Да для любого, у кого есть хоть малейшие драматические наклонности, то, что мы видели минуту назад, — всего лишь Увертюра. Вот-вот начнётся настоящее действо. А вы идёте в театр, платите ваши десять шиллингов за кресло в партере и что получаете за свои деньги? Какой-нибудь диалог между парой фермеров, карикатурно обряжённых в фермерское платье, принимающих не менее карикатурные, неестественные позы, и уж просто абсурдных в своих потугах держаться свободно и непринуждённо вести беседу. Сходите-ка вместо этого на станцию да садитесь в третий класс, и вы услышите тот же самый диалог *в натуре!* Сидите в первом ряду, никакой оркестр не загораживает вида, и платить не нужно!⁸¹

⁸¹ И эта новая, впервые высказанная здесь в такой форме идея, как очень скоро оказалось, вела к значительным последствиям. Таковых оказалось три; два касались искусства театра. «Требуют, чтобы были герой, героиня, сценические эффекты. Но ведь в жизни люди не каждую минуту стреляются, вешаются, объясняются в любви. И не каждую минуту говорят умные вещи.

Они больше едят, пьют, волочатся, говорят глупости. И вот надо, чтобы это было видно на сцене. Надо создать такую пьесу, где бы люди приходили, уходили, обедали, разговаривали о погоде, играли в винт... но не потому, что так нужно автору, а потому, что так происходит в действительной жизни <...> Не надо подгонять ни под какие рамки. Надо, чтоб жизнь была такая, какая она есть, и люди такие, какие они есть, а не ходульные». Наш источник: Чехов А. П. Полн. собр. соч.: в 30 тт. Т. 12. М.: Наука, 1986. С. 315; слова, обращённые Чеховым Д. М. Городецкому. Итак, первое и основное следствие понимания явной вторичности театрального искусства конца столетия по отношению к жизни реализовалось в России, на столь полюбившейся Кэрроллу русской сцене (а он, как мы помним, особо выделял частную, провинциальную сцену), созданием «эффекта максимального приближения к реальности, сцены — к партеру; сценическая условность разрушалась». Эффект удался совершенно, и вот характернейший рассказ очевидца (здесь и далее мы будем цитировать комментарии составителей данного чеховского тома без указания страницы): «Я убаюкан созерцанием, исчезла рампа <...> нет этого округлённого рта, зычной речи и маршировки <...> всё развивается непритязательно, как в жизни». Что же произошло? С начала девяностых годов в столицах разрешено было открывать частные театры, и в декабре 1898 года вновь созданный Художественный театр поставил «Чайку». Однако Чехов, театральный мир, критики и публика начали к этому свой путь ещё десятилетием раньше, примерно с конца 1888 года, с создания «Иванова». Правда, «дикости и несообразности» этой первой пьесы «били в глаза», хотя успех на премьере в конце января следующего года был «громадный, шумный, блестящий». Но и замечания: «несценичность», необычность драматургической формы и словно бы отсутствие художественной выделки. «С самого начала действия зритель чувствует себя в недоумении. Он ещё не привык ко всему тому, что творится на сцене. Это всё так ново, так необычно», — писала в феврале газета «Неделя». «Мы привыкли видеть в пьесе непременно какую-то интригу, ряд хитросплетений <...> но не привыкли к изображению на сцене нашей *серенькой жизни*, без прикрас, исключительных явлений и всяких интриг, — настолько не привыкли, что видим в жизненных, без всякого подъёма, типах, живущих на подмостках театра настоящею общественною жизнью, — нечто

неинтересное, непонятное, скучное», — писал И. Н. Ге в «Одесском листке» (курсив автора). И тут же снова критика — о несовершенстве драматической формы пьесы, её несценичности и т. п., отчего весь последующий успех пьесы в России, по слову Немировича-Данченко, был ещё неровным. Далее появился «Леший» (то была первая редакция «Дяди Вани»), декабрь 1889 года, и — пятилетний перерыв в деятельности Чехова как драматурга.

Но пьесы Чехова не были лишены и драматических коллизий, критики корили его напрасно. Проницательные зрители поняли, что в чеховских пьесах «драматические коллизии естественно должны были уйти из сферы внешних общений героев в сферу их духовной жизни, а интрига с острыми событиями уступала месту внутреннему, психологически насыщенному действию». «Чайка», поставленная сначала в Императорском Александринском театре (17 октября 1896 года), потерпела провал; в решении Театрально-художественного комитета от 14 сентября того же года пояснялось, что в «Чайке» сцены «как бы кинуты на бумагу случайно, без строгой связи с целым, без драматической последовательности». «И чего только нет в этой дикой „Чайке“, — писал «Петербургский листок». — <...> Нельзя же о всяком вздоре подробно говорить с нашими читателями!» И всё-таки сразу зазвучали и иные голоса. Суворин, одобрительно: «Нет разделения действующих лиц на известные разряды, начиная с *ingénue* и кончая благородными отцами»; действие развивается «просто <...> как и в жизни у нас, без эффектов, без кричащих монологов, без особенной борьбы». Либо А. Ф. Кони: «Это сама жизнь на сцене, с её трагическими союзами, красноречивым бездумьем и молчаливыми страданиями, — жизнь обыденная, всем доступная и почти никем не понимаемая в её внутренней жестокой иронии, — жизнь, до того доступная и близкая нам, что подчас забываешь, что сидишь в театре, и способен сам принять участие в происходящей перед тобой беседе». Но эта же «особенность чеховской манеры, которая позже расценивалась как одна из основных и новаторских — расчёт на активность, „сотворчество“ читателя, эта особенность рассматривалась как „чрезмерное требование работы фантазии не только от читателя, но и от слушателя“» (всё это уже т. 13 названного издания; здесь, на с. 375, комментарий цитирует «Московские ведомости»).

Новое понимание драматического искусства состоялось, лишь когда произошло соединение искусства Чехова-драматурга с театральным коллективом созданного Немировичем-Данченко Художественного театра и завершением развития русского театрального искусства в так называемой системе Станиславского. Две свои следующие после «Дяди Вани» пьесы, «Три сестры» и «Вишнёвый сад», Чехов написал уже прямо по просьбе руководителей Художественного театра. В разговорах Чехов подчёркивал свою сознательную установку на предельное упрощение интриги: в его последней пьесе уже не прозвучало «ни одного выстрела». Зато — «бросалась в глаза прежде всего невиданная до сих пор на сцене простота и жизненность драматургических сюжетов, отсутствие в них театральной фальши». «Как это непохоже на всё, что мы привыкли видеть на сцене!» — откликнулась публика на премьеру «Чайки». О «Дяде Ване» писали: «Все улицы переполнены этими простыми людьми, и частицу такого существования носит в себе каждый...» Вместе с тем, отметим ещё раз, реализм не был самоцелью как таковой. «Дядя Ваня» и «Чайка» быстро были поняты, по словам современника, как «новый род драматического искусства, в котором реализм возвышается до одухотворённого и глубоко продуманного символа». Интересно, что иной раз Чехов даже негодовал по поводу преобладания «бытовых» элементов в постановке над остальными — условно-символическим, поэтическим и проч. Немирович-Данченко вспоминал слова писателя: «В следующей пьесе я сделаю ремарку: действие происходит в стране, где нет ни комаров, ни сверчков, ни других насекомых, мешающих людям разговаривать».

Второе следствие было вначале только литературным, и лишь долгое время спустя появились отдельные попытки создания некоторого рода шоу. Распространяться о таких попытках незачем; читатель поймёт, в чём дело, если мы кратко расскажем об одном только этом литературном начале — книжице «Хроники Бустоса Домека» совместного авторства Хорхе Борхеса и Адольфо Биоя Касареса. Она содержит рассказ «Универсальный театр», в котором однажды сто единомышленников вразнобой проходятся по улицам Лозанны, занимаясь по пути незначущими делами или ничем не занимаясь и внушая себе, что тем самым играют пьесу нового вида, которая должна нанести «смертельный удар театру реквизита и монологов». Граф, быть может, назвал бы подобную нарочитость излишней.

Но высказанная здесь Кэрроллом идея вела и к третьему последствию — правда, минуя череду подготовительных мероприятий. Нужно вспомнить, что, по крайней мере на континенте, публику в конце XIX века приглашали в своего рода «театр будущего», такой театр, где вместо декораций присутствовал настоящий городской или иной ландшафт, а в представлении были задействованы живые существа и механизмы, невозможные на обычной сцене. Темы соответствовали. Вновь прибегнем к цитатам из академического собрания сочинений Чехова и попросим у читателя прощения за длинное цитирование. На страницах 477—478 тома 22 мы встречаем отрывок из статьи Суворина в номере газеты «Новое время» от 24 мая 1891 года. Со слов того же Чехова, побывавшего несколько ранее в Париже, Суворин рассказывает о парижском Ипподроме: «Театр на 10—15 000 зрителей <...> с громадной сценой, на которой можно было бы давать и обыкновенные представления цирка, с его лошадьми, наездницами, фокусниками, гимнастами, и феерии, исторические, этнографические (быт народов, обычаи, предрассудки и проч.) пьесы во всей реальной обстановке и картинности сюжетов. В обыкновенном театре, как бы он ни был велик, невозможно изобразить жизнь во всей её полноте и разнообразии; улица современного города или площадь на сцене будет ложью, ибо на ней не будет ни экипажей, запряжённых лошадьми, ни конок и проч. Невозможно представить и дома с его жильцами, парохода, железной дороги и проч. Невозможно даже вполне изобразить иное драматическое положение, если момент его сложен. Возьмите сцену в корчме в „Борисе Годунове“ <...> Я набрасываю это в общих чертах, но мне думается, что будущий театр — театр демократический, удовлетворяющий спросу массы населения, будет, конечно, чем-нибудь подобным. Форма римского Колизея, созданная гениальными зодчими, будет когда-нибудь осуществлена снова, с теми изменениями и усовершенствованиями, которые найдёт новая техника и потребуют климатические условия разных стран. Применение железа и стекла найдёт тут полное своё выражение. Такой театр создаст свою драму, свою комедию, свою оперу или, вернее, он соединит на своей сцене все элементы драматического искусства, начиная с мимики, и приблизит драму к роману, как к такой художественной форме, которая наиболее свободна от всяких условных пут» (с. 477—478). Чехов, правда, спохватился и стал

уверять Суворина, что в Москве этой статьи не поймут: «деревянная Ермолова» играть с лошадьми не сможет! Это вновь неслестно характеризует русскую императорскую сцену; мы же отметим: подобный театр, по мнению Суворина, оказывался пригоден не только к художественным постановкам, но и в некотором роде к «документалистике».

Как бы то ни было, а театр вроде парижского Ипподрома состоялся лишь как краткий эпизод в истории зрелищного искусства. Чаемая героями Кэрролла фиксация жизни таковой «как она есть» произошла уже не на подобного рода арене. Вскоре в мир пришёл кинематограф, и начал он едва ли не с «фиксации» прибытия поезда на железнодорожную станцию!

Связь кэрролловского письма первоначально с фотографической фиксацией реальности, а под конец и с нарождающейся кинематографической недавно была отмечена западными кэрролловедами. Специальную статью в «Неовикторианских штудиях» этому вопросу посвятила Кара Мэннинг из университета Южного Миссисипи (*Manning K. M. "That's the Effect of Living Backward": Technological Change, Lewis Carroll's Alice Books and Tim Burton's Alice in Wonderland // Neo-victorian Studies. 2011. 4:2. P. 154—179*), развивая суждения Брайана Уинстона из книги «Техника виденья: фото, кино и телепередачи» (*Bryan Winston. Technologies of Seeing: Photography, Cinematography and Television. London, 1996*). Готовность викторианского общества вслед за фотографией увлечься кинематографом, пишет Кара Мэннинг, произрастала «из трёх взаимосвязанных особенностей, каждая из которых проявляла себя на протяжении всей истории британцев: эстетической тяги к реализму, перформативной ориентации на повествовательную манеру и быстрому росту массовой аудитории. В продолжение XIX столетия эти три национальные особенности сплелись воедино на зримых пространствах театра и мюзик-холла, где зрителей неуклонно подготавливали для кинематографа и настраивали желать его прихода». Далее Кара Мэннинг напоминает, что сценические представления в конце века помимо традиционного театрального действия основывались и на технических новинках, таких как проекционный фонарь, панорама и диорама. «Сцена была подготовлена (то есть почти в прямом смысле слова оборудована) для трансформации различных и многочисленных прототипов

киноаппарата в устройство, способное „согласно изобретению“ создавать и проектировать движущиеся изображения. Братья Люмьер не были единственными, кто откликнулся на требование общества предоставить методику получения движущегося изображения; создавать соответствующие устройства пытались и другие изобретатели». Премьера «синематографа» братьев Люмьер состоялась 28 декабря 1895 года — за два года до смерти Кэрролла.

Работа Кары Мэннинг посвящена доказательству того, что приход эры кинематографического *видения* подготавливался и литературными средствами, в частности Кэрроловым письмом. Встав на точку зрения исследовательницы, мы дополним её наблюдения нашими собственными. Фотографией Льюис Кэрролл начал заниматься с 1856 года; примерно тогда же её технология надолго установилась, и соотечественники Доджсона приобрели, по слову исследовательницы, неизменное на протяжении XIX века «восхищение способностью фотокамеры остановить жизнь, схватить моментальный снимок реальности и сделать его неподвижным для последующего сохранения, изучения и разглядывания». И вот, создавая менее чем через десятилетие «Алису в Стране чудес», Кэрролл вставляет в неё парадоксальный эпизод. Пожалуй, в мировой литературе нет более *фотографического* фрагмента, чем сцена Безумного чаепития: действие происходит в остановленном времени — словно бы *внутри фотографической карточки!* «Зазеркалье», написанное ещё семь лет спустя, благодаря некоторым своим эпизодам знаменует, на взгляд Кары Мэннинг, переход от «фотографической повествовательной манеры» к «кинематографической», — а мы укажем и на предчувствие мультипликации — первоначально, как и положено, кукольной — в самой первой сцене За Зеркалом, где нас встречают самостоятельнодвигающиеся и переговаривающиеся шахматные фигуры: чего стоит один только Белый Конь, съезжающий по кочерге! Глава «Происшествие на станции» в «Сильвии и Бруно» завершает эту тенденцию в Кэрроловом творчестве: её персонажи-викторианцы, подобно Алисе развлекающиеся зрелищем свободно группирующихся и подающих друг другу реплики «актёров», словно бы выказывают, как назвала это Кара Мэннинг, «растущую — и нетерпеливую — заинтересованность» в приходе кинематографа.

— Вы мне напомнили, — сказал Эрик. — При получении телеграммы платить не нужно. Ну что, справимся в почтовом отделении? — И он, взяв леди Мюриел под руку, зашагал в направлении телеграфного пункта.

— Наверняка Шекспир держал в голове ту же мысль, — сказал я, — когда писал: «Весь мир — театр»⁸².

Пожилой граф вздохнул.

— Так оно и есть, как ни взгляни. Жизнь прямая драма, — драма, в которой всего пару раз вам прокричат «бис», а уж bouquets⁸³ и не ждите! — в глубокой задумчивости добавил он. — И вторую половину жизни мы проводим в сожалениях о том, чего натворили в первую половину!

— А весь секрет получения *удовольствия*, — продолжил он прежним бодрым тоном, — заключается в *напряжённости* чувства!

— Только не в современном эстетическом смысле, я полагаю? Помните ту девицу из «Панча», что неизменно начинает разговор словами: «Скажите, вы *чувственны*?»⁸⁴

⁸² «Как вам это понравится», акт II, сцена 7. Дословно: «Весь мир — театр, и все мужчины и женщины — простые актёры». Персонаж этой пьесы, Жак, уподобляет каждую индивидуальную человеческую жизнь пьесе в семи действиях, соответствующих семи возрастам.

⁸³ букетов (*фр.*).

⁸⁴ Как Рассказчик и подразумевает, подобные девицы встречаются не только в «Панче». Читателя позабавит следующее место из мемуаров Ирины Одоевцевой «На берегах Сены» (М.: Худ. лит-ра, 1989. С. 75): «Хозяйка дома действительно выражала свои чувства и мысли оригинально и красочно. Так, встретившись с Георгием Ивановым на набережной, она задала ему неожиданный вопрос: „Скажите, вы очень чувственный? Не правда ли? — Он опешил, а она, приняв его молчание за согласие, пояснила: — А я сама безумно чувствена. Иногда, глядя на закат, я просто слёз удержать не могу. Но вы поэт и, конечно, ещё чувственнее меня“».

— Ни в коем случае! — подхватил граф. — Единственное, что я имел в виду, так это напряжение *мысли* — концентрированного *внимания*. Мы упускаем добрую половину того удовольствия, которое могли бы получить от жизни, фактически по *невнимательности*. Возьмите любой пример: не имеет значения, *насколько* тривиальным может оказаться данное удовольствие, — принцип везде одинаков. Положим, X и Y читают один и тот же второсортный роман, взятый в библиотеке. X совершенно не даёт себе труда вникнуть в отношения характеров, от которых, возможно, и зависит интерес рассказа; он перескакивает через все описания обстановки или пейзажа и бегло пролистывает места, которые кажутся ему скучными, а тем пассажирам, которые всё-таки прочитывает, едва ли уделяет достаточно внимания. Он продолжает читать просто от неспособности найти иное занятие — несколько часов подряд, пока не вынужден отложить наконец книгу: он достиг «финиша» в состоянии изнеможения и подавленности! Y вкладывает всю свою душу в данную вещь, исходя из того принципа, что «раз уж стоит что-то делать, то стоит это делать *хорошо*»: он вдумывается в заглавие, «мысленным взором»⁸⁵ оглядывает место действия, коли уж автор затеял его описание; и, что лучше всего, он решительно захлопывает книгу в конце главы, даже находясь на пике интереса, и обращается к другим делам. А когда в следующий раз он выкроит для чтения часок-другой, то примется за книгу словно голодный, сажающийся за стол, и когда чтение закончено, он возвращается к дневным трудам «как бы подкрепившийся исполин»!⁸⁶

— Но что если написанное в той книге — *чепуха* и не заслуживает ни малейшего внимания?

⁸⁵ Англичане употребляют это выражение вслед за Шекспиром; оно неоднократно встречается в «Гамлете» (первый раз: акт I, сцена 2).

⁸⁶ Псалтырь, 78:66; здесь счёт псалмов и перевод согласно Библии короля Иакова, поскольку в Синодальном переводе это место звучит несколько иначе.

— Допустим, что так, — ответил граф. — И в этом случае моя теория срабатывает, уверяю вас! Читатель *X* ведь ни за что не обнаружит, что это чепуха, но дотащится до самого конца и постарается уверить себя, что получил удовольствие. *Y* спокойно захлопнет книгу, прочитав дюжину страниц, пойдёт в библиотеку и возьмёт себе лучшую! У меня есть и *другая* теория в дополнение к теории о радостях Жизни... Я не утомил вас своими рассуждениями? Боюсь, вы сочтёте меня просто говорливым стариканом.

— Вовсе нет! — поспешил ответить я. Да и кого, в самом деле, могла бы утомить светлая печаль, звучащая в этом спокойном голосе?

— Моя теория заключается в том, что нам следовало бы научиться переживать радости *быстро*, а страдания — *медленно*.

— А зачем? Сам-то я поступаю как раз наоборот.

— А вы научитесь переживать медленно *искусственное* страдание — ведь оно может быть самым ничтожным, по вашему вкусу, — и тогда, стоит подступить *настоящему* страданию, сколь угодно жестокому, всё, что от вас потребуется, так это не торопить своих чувств — и от страдания следа не останется!

— Весьма похоже на правду, — сказал я. — Как насчёт удовольствий?

— Переживая удовольствия быстро, можно вкусить их в жизни гораздо больше. Оперой вы наслаждаетесь три с половиной часа. Допустим, что вместо этого я прослушаю её за полчаса. Тогда я смогу получить удовольствие от *семи* опер, пока вы слушаете только *одну*!

— Но это лишь при условии, что у вас есть оркестр, способный так для вас *сыграть*, — возразил я. — Такой оркестр ещё сыскать надо!

Пожилой граф улыбнулся.

— Мне уже довелось слышать, как была сыграна музыкальная пьеса, и отнюдь не короткая, сыграна от начала до конца со всеми переходами и вариациями — в три секунды!

— Когда? И как? — вырвалось у меня. Мне вновь почудилось, будто я начинаю грезить.

— Была у меня музыкальная шкатулка, — преспокойно ответил граф. — Когда её завели, регулятор, или что там у неё, сломался, и вся пьеса пронеслась, как я сказал, за три секунды. При этом были сыграны все ноты до единой!

— Но доставило ли это вам *удовольствие*? — продолжал я расспрашивать со всей настойчивостью следователя, ведущего перекрёстный допрос.

— Нет, не доставило, — искренне признался граф. — Но ведь, сами посудите, я же не приучен к такого рода музыке!

— Мне бы очень хотелось опробовать ваш метод⁸⁷, — сказал я, а так как именно в этот момент Сильвия с Бруно подбежали к нам, то я оставил их в компании с графом и зашагал по платформе, упиваясь тем, что каждое положение этой *неписанной* пьесы сейчас разыгрывается ради меня одного.

— Как, разве граф уже устал от вас? — спросил я, когда детишки меня нагнали.

— Нет! — выпалила Сильвия. — Он хочет купить вечернюю газету. Поэтому Бруно собирается сыграть роль мальчишки-разносчика!

— Запросите же хорошую цену! — крикнул я им вслед.

Пройдя несколько шагов, я вновь наткнулся на Сильвию.

— Ну как, дитя моё, где же твой мальчишка-разносчик? Не смог раздобыть вечерней газеты?

⁸⁷ Изложенный графом Эйнсли «метод» на деле представляет собой предложение по практической реализации (и, возможно, некоторое уточнение) теории античного философа Эпикура, знаменитого исследователя способов вести счастливую жизнь. Известно учение Эпикура о том, что если страдание является сильным, то оно кратковременно, если же оно будет продолжительным, то не может быть сильным (неоднократно изложено в сочинениях Цицерона, а также у некоторых других древних авторов).

— Он побежал через пути к газетному ларьку, — ответила Сильвия, — и вон уже бежит с газетой назад. Ой, Бруно, тебе следовало пойти на мостик! — Ведь уже раздавалось «чух-чух» приближающегося экспресса. Внезапно выражение ужаса появилось на лице девочки. — Ой, он упал на рельсы! — крикнула она и ринулась вперёд с такой скоростью, что у моей попытки задержать её не оставалось шанса.

Но тут рядом появился страдающий одышкой пожилой Станционный Смотритель; не на многое он был способен, бедняга, но тут оказался на высоте, и покуда я ещё только оборачивался к Сильвии, он всей лапицей схватил девочку за платице, чем и спас её от неминуемой гибели, навстречу которой та устремилась. Моё внимание настолько было поглощено этим событием, что я едва заметил метнувшийся силуэт в лёгком сером костюме, который оторвался от заднего края платформы и в следующий момент уже оказался на путях. Если только можно в такую ужасную минуту уследить за бегом времени, то в распоряжении бросившегося, пока экспресс не налетел на него, оставалось полных десять секунд, чтобы пересечь пути и подхватить Бруно. Удалось ему это или нет, совершенно невозможно было угадать — экспресс уже пронёсся мимо, и всё было кончено, жизнью или смертью. Когда рассеялось облако пыли, вновь открыв взгляду железнодорожные пути, мы с замиранием сердца увидели, что ребёнок и его спаситель невредимы.

— Полный порядок! — весело бросил нам Эрик, пробираясь к платформе. — Он больше напуган, чем поврежден.

Эрик поднял малыша к протянутым рукам леди Мюриел и бодро, будто ничего не случилось, взобрался на платформу; однако он был словно смерть бледен и тяжело опёрся на руку, которую я ему поспешно предложил, опасаясь, что капитан не устоит на ногах.

— Я просто... присяду на минутку... — машинально проговорил тот. — А Сильвия где?

Сильвия подбежала к нему и обхватила руками за шею, рыдая в голос.

— Ну-ну, не надо, — пробормотал Эрик с непривычным выражением глаз. — Ничего не произошло такого, что нужно оплакивать. Ты сама чуть не погибла ни за что.

— За Бруно! — вскрикнула девчушка. — И он бы сделал то же для меня. Правда, Бруно?

— Конечно, сделал бы! — откликнулся Бруно, ошеломленно оглядываясь.

Леди Мюриел молча поцеловала его и опустила на землю. Затем велела Сильвии подойти, взяла её за руку и сделала детям знак возвращаться туда, где сидел граф.

— Скажем ему, — дрожащими губами прошептала она, — скажем ему, что всё хорошо! — Тут она обернулась к герою дня. — Я подумала: вот она, смерть. Благодаренье Богу, ты не пострадал! Понимаешь ли ты, как был к этому близок?

— Я понимал, что нельзя было терять времени, — просто ответил Эрик. — Солдат всегда обязан держать свою жизнь в кулаке. Да успокойся: я цел и невредим. Не сходить ли снова на телеграф? Полагаю, самое время.

А я присоединился к графу и детям, и мы принялись ждать — почти в полной тишине, поскольку никто из нас не был расположен разговаривать, а Бруно дремал на коленях у Сильвии, — пока наши друзья не вернулись. Телеграммы не было.

— Я, пожалуй, провожу детей до дому, — сказал я, чувствуя, что мы стали лишними, — а позже вечером загляну к вам.

— Теперь нам нужно вернуться в лес, — сказала Сильвия, когда мы порядком отошли. — Больше мы не сможем оставаться такого роста.

— Значит, когда мы с вами увидимся в следующий раз, вы опять будете просто маленьким народцем?

— Да, — ответила Сильвия, — но когда-нибудь мы снова сделаемся детьми, если вы не против. Бруно не терпится вновь встретиться с леди Мюриел.

— Она хорошая, — подтвердил Бруно.

— Буду рад снова отвести вас к ним, — заверил я. — Мне, наверно, не стоит отдавать вам Часы Профессора? Ведь когда вы снова уменьшитесь, они окажутся для вас слишком тяжелы.

Бруно весело рассмеялся. Мне радостно было видеть, что он почти пришёл в себя после пережитой ужасной минуты.

— Нет, нам не будет тяжело! — воскликнул он. — Когда *мы* станем маленькими, *они* тоже уменьшатся!

— И, кроме того, они сразу же сами собой вернутся к Профессору, — добавила Сильвия, — и вы больше не сможете ими пользоваться, так что торопитесь! Нам *нужно* будет уменьшиться, как только солнце зайдёт. До свидания!

— До свидания! — крикнул Бруно. Но их голоса прозвучали уже словно издалека, и пока я оглядывался вокруг, малыши исчезли.

— Так, до захода солнца осталось всего два часа, — сказал я, ускоряя шаг. — Используем это время с толком.

ГЛАВА XXIII. Запредельные Часы

Едва я ступил на городскую мостовую, как мне навстречу попались две женщины, рыбацкие жёны, только-только обменявшиеся словами прощания, за которыми, как вы понимаете, никогда не следует прощания, и мне пришло в голову немедленно произвести эксперимент с Волшебными Часами — дождаться конца этой сценки, а затем запустить её на «бис».

— Ну, добре, до свидания! Так не забудешь сказать нам словцо, когда твоя Марта пришлёт весточку?

— Не, не забуду. А если ей там не понравится, так сама вернётся. Ну, добре, до свидания.

Случайный зритель мог бы счесть, что «тут и сказке конец». Но он ошибся бы, этот случайный зритель.

— Да не бойся, понравится! *Они* ничего ей плохого не сделают. Народ там спокойный. Ну, добре!

— А кто их *там* знает. Ну, покойной ночи!

— До свидания. Так расскажешь нам, что она напишет?

— Покажу письмецо, не волнуйся. Ну, добре.

Наконец-то расстались. Я подождал, пока они не отойдут друг от друга ярдов на двадцать, затем перевёл Часы на одну минуту назад. Поразительно! Две кумушки ринулись на свои места.

— ...не понравится, так сама вернётся. Ну, добре, до свидания, — произнесла одна из них, и весь диалог повторился. Когда они снова разошлись, я позволил им отправляться своей дорогой, а сам зашагал через город.

«Но настоящую пользу принесёт волшебная сила Часов, — думал я, — когда потребуется избежать какого-нибудь вреда, какого-нибудь неприятного события или несчастного случая...» И мне не пришлось долго ждать, ибо не успела данная мысль пронестись у меня в голове, как произошёл именно такой несчастный случай. У дверей Эльфстоновского отделения компании «Оптовая торговля женскими головными уборами» стояла лёгкая двуколка, гружённая картонными коробками, которые возница одну за другой вносил в магазин. Одна из коробок упала на дорогу, но едва ли стоило из-за этого беспокоиться и убирать её — носильщик и так должен был сейчас возвратиться. Однако в этот момент из-за угла лихо вывернул юноша на велосипеде и, стремясь избежать наезда на коробку, потерял равновесие и грохнулся головой вперёд прямо под колёса ехавшего навстречу рессорного экипажа. Водитель экипажа выскочил, чтобы оказать помощь, и мы вместе с ним подняли невезучего велосипедиста и внесли

его в магазин. Голова у него была вся в крови, и основательно разбито колено; мы не колеблясь пришли к заключению, что лучше всего немедленно доставить парня к единственному местному аптекарю. Я помог разгрузить двуколку и обустроить её парой-другой подушек для удобства раненому, и лишь только тогда, когда возница взобрался на своё место и тронулся в путь, я вспомнил о той чудодейственной силе, обладатель которой с лёгкостью мог исправить подобное несчастье.

— Моё время настало! — сказал я себе и передвинул стрелку Часов назад, наблюдая при этом — на сей раз почти без удивления, — как все вещи устремляются в те самые места, на которых они находились в ту критическую минуту, когда я впервые заметил упавшую картонную коробку.

Не теряя времени, я вступил на проезжую часть, поднял коробку и положил её назад в двуколку, и в следующую секунду из-за угла вылетел велосипедист, беспрепятственно промчался мимо и исчез в облаке пыли.

«Восхитительная сила волшебства! — ликуя думал я. — Сколько страданий я не только облегчил, но вообще свёл на нет!» И зардевшись от сознания собственной добродетели, я принялся наблюдать разгрузку двуколки, всё ещё держа Часы в руке, так как любопытствовал видеть, что произойдёт, когда вновь наступит та секунда, в которую я перевёл стрелку назад.

А произошло то, что я и сам мог бы предугадать, стоило мне как следует поразмыслить: как только стрелка Часов коснулась соответствующего деления циферблата, рессорный экипаж, который в момент перевода стрелки тоже откатился назад по улице, теперь снова оказался рядом со входом в магазин и собирался двигаться дальше, в то время как — о горе золотому сну о благодеяниях по всему миру, что затмил мой бредовый разум! — раненый юноша снова возлежал на груди подушек, и его бледное лицо покрылось суровыми складками, говорящими о нешуточной боли, переносимой с решительностью.

— Насмешка, а не волшебство! — бормотал я, скорым шагом покидая городок и выбираясь на дорогу, ведущую к морю — а по пути и к моему нынешнему жилищу. — Всё добро, которое я, как воображал, мог бы принести людям, пропало как сон: зло в этом суетном мире есть единственная прочная реальность!

А теперь я должен увековечить опыт столь необычный, что считаю справедливым вначале освободить моего долготерпеливого читателя от обязательства верить этой части моего рассказа, — я ведь и сам не поверил бы, если бы всё это не случилось у меня перед глазами; так как же я могу ожидать веры от читателя, который, скорее всего, ничего подобного не видел никогда?

Я проходил мимо живописного дома, стоящего несколько поодаль дороги в глубине прелестного сада. Перед входом были разбиты яркие клумбы, а стены скрывались под выющимися растениями, что гирляндами нависали над окнами с выступом. На лужайке перед домом стояло забытое кресло-качалка с газетой на сиденье, около него находился маленький мопс в позе «кушан»⁸⁸, настроенный охранять это сокровище даже ценою жизни. И самая дверь, приветливо приоткрытая. «Вот и мой шанс, — подумал я, — произвести опыт с обратным действием Волшебных Часов!» Я нажал на «обратную головку» и двинулся вперёд. В другом-то доме появление постороннего вызвало бы удивление хозяев, даже их гнев, под воздействием которого они, пожалуй, могли бы и силой выставить чужака, но здесь, я знал, ничего похожего случиться не должно. *Обычный* ход событий, когда поначалу они ещё не подозревают о моём приходе, затем слышат шум шагов и выглядывают посмотреть, кто идёт, наконец справляются, какое у меня здесь дело, — действием моих Часов будет изменён на обратный. *Сначала* люди в доме поинтересуются, кто я, *затем* увидят меня, затем подойдут к окну посмотреть — и больше обо мне и не вспомнят. А вот насчёт оказаться выставленным силой, *такое* событие в нашем случае

⁸⁸ В лежачем положении с поднятой головой (геральдический термин).

с необходимостью произойдёт *первым*. «Так что если мне сразу удастся войти, — решил я, — опасность *выдворения* будет исключена!»

Мопс приподнялся с земли и сел, тем самым подав сигнал предупреждения, когда я проходил мимо; но поскольку я никак не покусился на охраняемое сокровище, он позволил мне идти своей дорогой. Ни разочка не гавкнул. «Тот, кто отбирает мою жизнь, — казалось, говорило его сопение, — получает хлам, но тот, кто покушается на “Дейли телеграф”...» Но я не подал повода к ужасному возмездию.

Компания, собравшаяся в гостиной — именно туда я и прошёл, как вы понимаете, без звонка или другого какого объявления о своей персоне, — состояла из четверых смеющихся румяных девчушек от десяти до четырнадцати лет, которые, вне всякого сомнения, в ту минуту направлялись к двери (сразу бросилось в глаза, что *задом наперёд*), в то время как их мамаша, сидящая у огня с вышиванием на коленях, говорила им: «Ну а теперь, дочки, можете одеваться на прогулку».

К моему крайнему изумлению — ибо я ещё не свыкся с действием Часов, — на этих четырёх личиках «вмиг исчезли все улыбки» (как говорит Браунинг), девочки взяли своё вышивание и расселись по местам. Ни одна меня не замечала, пока я потихоньку выбирал себе стул, чтобы тоже сесть и понаблюдать за ними.

Когда девочки развернули свои изделия и приготовились вышивать, их мать произнесла: «Ну вот, наконец, и готово! Можете сворачивать работу, дети». Но дети не обратили внимания на такие слова, наоборот, тогда-то они и принялись за вышивание — если только это подходящее слово для обозначения действий, которых лично я доселе не видывал. Каждая из них продела в иголку торчавший из шитья кончик нити, и тогда словно невидимая сила потянула нить сквозь материал, так что она повлекла за собой и иголку; шустрые пальчики маленьких швей поймали иглы с обратной стороны, но лишь

для того, чтобы в следующий же момент выпустить и снова поймать их с лицевой стороны. И так продолжалась работа, неуклонно уничтожая самоё себя, а опрятные стежки на платьях или каких-то иных предметах домашнего обихода неуклонно распадались на отдельные обрывки. По временам то одна, то другая из девочек останавливалась, потому что высвобожденная нить становилась слишком длинной, наматывала её на катушку и начинала вновь с другим коротким концом.

Спустя некоторое время вся распавшаяся на фрагменты вышивка окончательно была удалена, и мать направилась в соседнюю комнату, опять же двигаясь задом наперед и сделав по пути бессмысленное замечание: «Нет ещё, дорогие мои, сначала нужно заняться шитьём». А затем я уже и не удивлялся вовсе, когда увидел, как дети вприпрыжку задом наперёд устремились за ней, попутно восклицая: «Мама, мама, такой чудесный день, чтобы погулять!»

Там была столовая, и на столе стояли одни только грязные тарелки и пустые блюда. Однако моя компания — пополненная неким джентльменом, столь же добродушным, сколь и румяным под стать девчушкам, — с очень довольным видом уселась за стол.

Видели вы когда-нибудь людей, которые едят вишневый пирог, причём каждый из них аккуратно препровождает вишнёвые косточки из уст на тарелку? Так вот, что-то похожее происходило и на этом дивном, если не сказать диком, пиршестве. Пустая вилка поднималась к губам, оттуда на неё выскакивал аккуратно отрезанный кусочек баранины, и вилка тут же опускала его на тарелку, где он моментально прирастал к большому куску, уже там лежащему. Вскоре одна из тарелок с цельным куском баранины и двумя картофелинами была передана председательствующему джентльмену, который преспокойно приладил кусок к бараньему боку, а картофелины вернул на большое блюдо.

Застольный разговор изумлял, если такое возможно, даже сильнее, чем самый способ принятия пищи. Он был внезапно начат самой младшей из девочек, которая обратилась к своей старшей сестрице без всякого повода с её стороны: «Ах ты выдумщица *противная!*»

Я ожидал от старшей сестры резкого ответа, но вместо того она с весёлым видом повернулась к отцу и очень громким театральным шёпотом произнесла: «Стать невестой!»

Отец, чтобы не упустить *своей* очереди в обмене репликами, которые, на мой взгляд, годились разве что для сумасшедших, тут же отозвался: «А ты скажи мне шепотом, моя милая».

Но она *не* сказала шёпотом (эти девочки вообще ни разу не сделали того, о чём их просили) — а сказала в полный голос: «Конечно, нет! Всем известно, чего хочет *Долли!*»

А маленькая Долли передёрнула плечиками и с милой обидчивостью произнесла: «Не нужно дразниться, папа! Вы же знаете, что я не хочу быть подружкой невесты *ни у кого!*»

«И Долли будет четвёртой», — был дурацкий ответ отца.

Тут Номер Третий «вставила своё весло»: «О, всё уже обговорено, дорогая мамочка, полностью и окончательно! Мэри нам всё рассказала. В следующий вторник будет четыре недели, и трое её кузин уже назначены подружками невесты, и...»

«Она это Минни припомнит, — со смехом встряла мать. — Пусть бы скорей обговорили сроки! Не люблю долгих помолвок».

И Минни подвела беседе итог — если только вся эта хаотичная последовательность реплик заслуживает названия беседы — своим: «Только подумайте! Утром мы проходили „Кедры“, и Мэри Дэйвенант как раз стояла в воротах, прощаясь с мистером... Забыла, как его. Мы, конечно же, сделали вид, будто смотрим в другую сторону».

К этому времени я был столь безнадёжно сбит с толку, что бросил их слушать и отправился вслед за обедом прямо на кухню.

Но что нужды рассказывать тебе, о сверхкритичный читатель, настроившийся не верить ни единому эпизоду моего жуткого приключения, о том, что баранина была помещена на вертел, что она медленно переходила от состояния румяного жаркого к сочащейся кровью свеженине, что картофель сначала вновь обёртывался кожурой, а затем попал в руки садовнику, который отправился его закапывать, и что, когда баранина вновь срослась с содранной кожей, огонь в очаге, из яркого и жаркого постепенно превратившийся в слабый-слабый, угас так внезапно, что повар едва успел подхватить последний его проблеск кончиком спички, а его помощница, сняв барана с вертела, вынесла его (двигаясь, разумеется, задом наперёд) из дома навстречу мяснику, подошедшему (опять же спиной к ней) с улицы.

Чем дальше я размышлял над этим невероятным приключением, тем безнадежнее запутывался⁸⁹, и с огромным облегчением разглядел я

⁸⁹ «Сверхкритичный читатель», вероятно, выскажет недоумение: в вышеописанных сценах люди двигаются задом наперёд, а вот слова, произносимые ими, звучат как положено, не наоборот. То же и с отдельными фразами: за первым словом следует второе, третье и так далее, но не в обратном порядке. Читателю следует вспомнить, что при запуске часов «обратным ходом» Профессор предрекал всего лишь обратный ход *событий*, то есть неких элементарных актов, далее, вероятно, не делимых на составные части. Произнесение законченной фразы следует, очевидно, считать *событием*. Впрочем, практически аналогичным приёмом воспользовался в одном из своих последних творений и Марк Твен спустя совсем немного времени после смерти Кэрролла. Правда, в каждой фразе, повторенной при прокрутке часов в обратную сторону, в сочинении Марка Твена слова тоже произносились в обратном порядке, но как таковые — целиком. «„Слушай, Август, часов стрелки на смотри“, — сказал в обратном порядке Сорок четвёртый. „Илежуен?“ — отозвался я. [Всё-таки единственный случай, когда и слово произнесено задом наперёд. — А. М.] И Сорок четвёртый заметил (его слова заглушал бой больших башенных часов): „Одиннадцать бьёт снова, началось и вот ну! Слово даю (голос его звенел, креп, нарастал; исполненный

на дороге Артура, в компании которого и отправился в Усадьбу, чтобы выяснить, какие же новости принёс телеграф. Пока мы шли, я рассказал ему, что произошло на станции, однако о своих дальнейших приключениях счёл за лучшее умолчать и на этот раз.

Когда мы вошли, граф сидел в одиночестве.

— Очень рад, что вы забрели составить мне компанию, — приветливо сказал он. — Мюриел отправилась в постель — на неё сильно подействовала эта ужасная сцена, а Эрик поспешил в гостиницу собирать вещи, чтобы выехать в Лондон утренним поездом.

— Так телеграмма всё-таки пришла! — воскликнул я.

— А вы не знали? О, я и забыл — она пришла, как только вы увели детей со станции. Всё в порядке: Эрик получил назначение, и теперь, поскольку у них с леди Мюриел всё сговорено, ему осталось только покончить с делами в городе.

— Что вы имеете в виду под словом «сговорено»? — Сердце моё упало, когда я задал этот вопрос, ибо мне тут же пришли на ум разбитые надежды Артура. — Вы хотите сказать, что они обручились?

— Они и были обручены — в определённом смысле — уже года два, — спокойно произнёс старик. — Вернее, Эрик получил моё слово признать помолвку, как только он сможет обеспечить себе постоянную и прочную жизненную стезю. Я не мог бы быть счастлив, если бы моя дочь вышла замуж за человека без цели в жизни — без цели, я бы сказал, за которую стоит умереть!

высоких чувств, он звучал проникновенно и выразительно), ничуть, усилиях затраченных о пожалею не ничуть я, красочное менее не другое, что-нибудь устрою...“» (*Марк Твен. № 44, таинственный незнакомец*. М.: Издательство политической литературы, 1989. С. 247). Правда, у Марка Твена тут — монолог, а у Кэрролла — диалог, и потому Кэрроллу удобнее было ставить в обратном порядке именно законченные фразы, а слова внутри них не переставлять.

— Надеюсь, они будут счастливы, — произнёс посторонний голос. Говорящий находился, несомненно, в комнате, но я не слышал, чтобы дверь отворялась, и в недоумении огляделся вокруг. Граф, казалось, удивился не менее моего.

— Кто говорит? — вырвалось у него.

— Да я, — ответил Артур, поднимая на нас усталое, осунувшееся лицо. Казалось, свет жизни угас в его глазах. — Позвольте мне пожелать счастья и *вам*, мой друг, — глядя графу в глаза, добавил он тем же глухим голосом, который так нас поразил.

— Благодарю, — просто и сердечно ответил старик.

Наступило молчание; я поднялся, уверенный, что Артур жаждет одиночества, и пожелал нашему доброму хозяину спокойной ночи. Артур протянул ему руку, но не сказал ничего, и он ничего не говорил вплоть до той минуты, как мы оказались дома и зажгли свечи в моей спальне. Только тогда он произнёс, больше обращаясь к себе самому, чем ко мне:

— *Сердце знает горе души своей*⁹⁰. Лишь теперь я понял смысл этих слов.

Несколько последующих дней прошли скучно и однообразно. Мне больше не хотелось посещать Усадьбу одному, а тем более предлагать Артуру сходить со мной, — казалось, лучше уж подождать, пока Время, этот кроткий лекарь наших тягчайших скорбей, не поможет ему оправиться от первого удара разочарования, вторгшегося в его жизнь.

Дела, однако, вскоре потребовали моего присутствия в Лондоне, и я объявил Артуру, что вынужден на время его покинуть.

— Но надеюсь вернуться сюда в течение месяца, — добавил я. — Поживём ещё вместе. Не думаю, что одиночество тебе будет полезно.

— Нет, — одиночества, да ещё здесь, я долго не снесу, — сказал Артур. — Но не беспокойся обо мне. Сейчас мне уже ничто не

⁹⁰ Книга притчей Соломоновых, 14:10.

препятствует принять должность в Индии, которую мне давно предлагают. Надеюсь, что вдали отсюда я обрету то, ради чего стоит жить, а в настоящее время ничего такого не вижу. *«Не страшно потерять мне жизнь мою, / Которую хранил я от напастей / И горестей, как высший Божий дар»*⁹¹.

— Вот-вот, — подхватил я: — твой тёзка был поражён столь же тяжким ударом судьбы и пережил его.

— Много более тяжким, чем пережитый мной, — возразил Артур. — Женщина, которую он любил, оказалась вероломной. Подобного пятна не останется на моей памяти о... о... — Не в силах произнести имя, он торопливо продолжал: — Но ты-то вернёшься сюда, ведь так?

— Да, я обязательно ещё раз ненадолго сюда наведаюсь.

— Возвращайся, — сказал Артур, — и потом напиши мне о наших друзьях. Я пришлю тебе свой адрес, когда обоснуюсь на месте.

ГЛАВА XXIV. Лягушьи Именины

Не прошло и недели с того дня, как мои маленькие волшебные друзья явились в образе Детей, как я совершал прощальную прогулку по лесу в надежде вновь повстречать их. И стоило мне прилечь на ровном месте, на мягкой траве, как «наваждение» оказалось тут как тут.

— Пригните пониже ухо, — зашептал Бруно, — и я скажу вам секрет! Мы устраиваем праздник в честь Лягушьи Именин — а ещё мы потеряли Ребёнка!

— Какого Ребёнка? — спросил я, ошарашенный этой мешаниной новостей.

⁹¹ Идиллия «Гиньева» из цикла «Королевских идиллий» Альфреда Теннисона (пер. В. Лунина). Фраза из горестного монолога короля Артура, укоряющего свою жену королеву Гиньевру (иначе Гвиневра, Гвиневера) за любовную связь с Ланселотом Озёрным.

— *Королевиного* ребёнка, какого ж ещё! — ответил Бруно. — Ребёнка Титании. Мы все очень расстроены, а Сильвия, она... она так расстроена!

— А *как* она расстроена? — с озорством спросил я.

— Как три четверти ярда! — с замечательной важностью отвечал Бруно. — Я и *сам* немного расстроен, — добавил он, прикрывая глаза и вздымая брови, чтобы не показалось, будто он собирается рассмеяться.

— Почему же вы его не ищете?

— Как не ищем? *Солдаты* повсюду его ищут — бегают тут и там, везде.

— *Солдаты!* — вырвалось у меня.

— Ну да, солдаты! — подтвердил Бруно. — Когда не нужно ни с кем воевать, солдаты выполняют разную мелкую работёнку.

Ничего себе «разная мелкая работёнка» — поиски Королевского Дитяти!

— Но как вас угораздило его потерять? — не отставал я.

— Мы положили его в цветочек, — объяснила Сильвия, присоединившаяся в эту минуту к нам. Её глаза были полны слёз. — Только не можем вспомнить, в *какой!*

— Она говорит, *мы* положили его в цветочек, — вмешался Бруно, — потому что не хочет, чтобы меня наказывали. Но ведь это я положил его туда. *Сильвия* в это время собирала о-диванчики.

— Опять говоришь «о-диванчики», — сурово заметила Сильвия.

— Ну, как же его... поддеванчики! — поправился Бруно. — А вы знали, господин сударь, что в холодную погоду их пух можно поддевать под одежду?

— Давайте я помогу вам в ваших поисках, — предложил я. Тут же мы с Сильвией предприняли «поисковую экспедицию» среди окрестных цветов, но никакого Ребёнка не обнаружили.

— А где же Бруно? — поинтересовался я, когда мы прервали поиски.

— Сбежал в ту ямку, — ответила Сильвия, — побаловать маленького Лягушонка.

Я стал на четвереньки, чтобы разглядеть его там, куда указывала Сильвия, потому что мне сделалось не на шутку любопытно, как балуют лягушат. Порыскав с минуту глазами, я увидел Бруно, сидящего на краю ямки вместе с малюсеньким Лягушонком. Вид у Бруно был безутешный.

— Что случилось, Бруно? — спросил я, подмигнув ему, когда он поднял на меня глаза.

— Не могу больше его баловать, — страдальческим голосом ответил Бруно. — Он не говорит, чего бы ему ещё хотелось! Я уже показал ему всю заячью капусту и живого червяка, но он ничего мне не сказал! Ну, чего бы ты ещё хотел? — закричал он прямо в ухо Лягушонку, но малютка сидел не двигаясь и не обращал на Бруно ни малейшего внимания. — Мне кажется, он глухой, — заключил Бруно и со вздохом отвернулся. — И вообще, пора устраивать Театр.

— Театр? А кто будет у вас зрителями?

— Лягушки, кто ж ещё, — ответил Бруно. — Но они ещё не собрались. Желают, чтобы их тащили как баранов.

— А давай, чтобы не терять времени, — предложил я, — *мы* с Сильвией обойдём вокруг и поприводим Лягушек, пока *ты* будешь сооружать Театр.

— Отличный план! — обрадовался Бруно.

— А что за представление у вас сегодня в Театре? — спросил я.

— Сначала угощение на Именины, — объяснила Сильвия, — потом Бруно исполнит Разности из Шекспира, а в конце расскажет им Сказку.

— Всё-таки, я думаю, Лягушкам больше всего понравится угощение. Не так ли?

— Не знаю... От них же слова не добьёшься. У них рты всегда так крепко закрыты! Это, наверно, оттого, — добавила она, — что Бруно предпочитает готовить для них угощение сам, и готовит он *по-своему*. Но вот и собрались. Не поможете ли мне посадить их головами в нужную сторону?

Кое-как мы справились с этой задачей, несмотря на непрерывное протестующее кваканье.

— Что они говорят? — спросил я Сильвию.

— Говорят: «Кашу варит!» Может и не кашу. Лучше держите рты широко раскрытыми, — назидательно произнесла она, — и Бруно сам положит туда то, что для вас приготовил.

Тут и Бруно появился в маленьком белом передничке, показывая всем, что он всамделишный повар; и он нёс супницу, полную весьма странно выглядящего супа. Я внимательно наблюдал, как он двигался со своей супницей вдоль рядов лягушек, но я так и не увидел, чтобы хоть *одна* из них разинула на эту еду рот, — за исключением одного очень маленького Лягушонка, да и то мне показалось, что сделал он это случайно — просто зевнул не вовремя. Но Бруно тут же влил ему в рот огромную ложку супа, и бедный малютка ещё долго надсаживался в кашле.

В общем, мы с Сильвией вынуждены были разделить суп между собой и *притвориться*, что очень этим довольны, — а суп и вправду был сварен не на всякий вкус. Только я отважился зачерпнуть одну ложку этого варева («Летнего Супа Сильвии», — это по словам Бруно), как мне сразу стало ясно, что он не *вполне* был пригоден для еды, поэтому я невольно присоединился к протесту гостей, ни за что не желавших раскрывать рта.

— Из чего у тебя этот суп, а, Бруно? — спросила Сильвия, поднеся ложку ко рту и сразу же скривившись.

Ответ Бруно очень нас обнадѣжил:

— Из разностей!

Празднество должно было продолжиться «Разностями из Шекспира», как это назвала Сильвия⁹² — их предстояло исполнить Бруно, поскольку его сестрица была неотлучно занята тем, что поворачивала головы Лягушек в направлении сцены; а напоследок Бруно намеревался выступить в своём настоящем образе и рассказать Сказку собственного сочинения.

— А у этой Сказки будет в конце Мораль? — спросил я Сильвию, пока Бруно пропадал за загородкой, наряжаясь для первого «кусочка».

— *Думаю, да,* — с сомнением произнесла Сильвия. — Обычно там бывает Мораль, только он слишком быстро мимо неё проскакивает.

— Что же, он будет *декламировать* эти Разности из Шекспира?

— О нет, только *играть*! Слов он почти никогда не знает! Когда я увижу, в кого он переоделся, мне нужно будет сообщить Лягушкам, как зовут этого Персонажа. Им всегда не терпится об этом узнать. Слышите, они уже выкрикивают: «Как? Как?» — В самом деле, так оно и было; правда, это звучало как самое обычное кваканье, но когда Сильвия объяснила, я сразу понял, что они говорили не «Квак!», а «Как?»

— Слишком уж торопятся знать, — подтвердил я. — Послушай, а им вправду так интересно?

— А вы как думали? — ответила Сильвия. — Иногда они начинают спрашивать даже за несколько недель до представления!

(Уж теперь-то, когда услышите озабоченное кваканье лягушек, будьте уверены: это они интересуются новыми шекспировскими «Разностями» в исполнении Бруно. Здорово, правда?)

⁹² В книге «Льюис Кэрролл и его мир» Дж. Падни рассказывает, что в ту эпоху, когда Кэрролл обосновался в Оксфорде и только-только стал посещать театры, существовало обыкновение ставить Шекспира в отрывках. Эти отрывки, а точнее, тот «основательный вздор», который из них выходил, вероятно, крепко запал в Кэрроллову ироничную память.

Но в конце концов этот хор был прерван самим мальчиком, который внезапно выскочил из-за кулис и с разбегу ринулся в ряды зрителей, чтобы навести в них порядок.

Потому как самая старая и самая толстая Лягушка, которая ни за что не давала повернуть себя головой к сцене, отчего и не могла увидеть, что на ней будет происходить, безостановочно копошилась на своём месте и уже опрокинула нескольких своих соседок, а другие по её милости развернулись в обратную сторону. А ведь что пользы, говорил Бруно, исполнять «Разности» Шекспира, когда никто на это не смотрит (вы же понимаете, меня он считал за никого). Так что он принялся орудовать прутиком, чтобы расшевелить лягушек и принудить их скорее поднять мордочки — точно как вы, бывает, черпаете ложечкой чай в чашке, — пока у большинства из присутствующих по крайней мере по *одному* большущему тупому оку не уставилось на сцену.

— Лучше сядь вместе с ними, Сильвия, — сказал он почти с отчаянием. — Вот этих двух я столько раз усаживал рядышком, чтобы они смотрели в одну сторону, но они всё время поворачиваются лицом к соседям!

Сильвия подчинилась и заняла место в качестве «Церемониймейстерши», а Бруно снова исчез за сценой, чтобы закончить одевание для первой «разности».

— Гамлет! — внезапно объявила девочка тем чистым и звонким голосом, который я так хорошо знал. Кваканье моментально смолкло; я и сам тотчас повернулся к сцене, любопытствуя видеть, как Бруно намеревается изобразить перед нами лучшего Шекспировского Персонажа.

Согласно этому выдающемуся интерпретатору данной Драмы, Гамлет был облачён в короткий чёрный плащ (который он постоянно прикладывал к лицу, словно крепко страдал зубами) и при ходьбе необычайно выворачивал носки. «Быть или не быть!» — радостно

сообщил Гамлет, после чего пару раз перекувырнулся через голову, в результате уронив свой плащ.

Я почувствовал лёгкое разочарование: на мой взгляд, в траковке Бруно этой роли недостаало достоинства.

— А дальше он не будет произносить текста? — шёпотом спросил я Сильвию.

— *Думаю*, нет, — пролепетала Сильвия. — Он всегда скачет через голову, когда не знает слов.

Но Бруно своими действиями сам ответил на мой вопрос — он попросту сбежал за кулисы, а Лягушки сразу же принялись выспрашивать имя следующего Персонажа.

— Сейчас узнаете! — прикрикнула на них Сильвия и усадила на место двух-трёх Лягушат, которые изо всей мочи пытались повернуться к сцене спиной. — Макбет, — пояснила она, когда Бруно появился вновь.

Макбет был завернут во что-то непонятное — оно огибало одно плечо, устремлялось под мышку другой руки и, как мне подумалось, должно было сойти за шотландский плед. В руке Макбет держал колючку, при этом он сильно отставил руку вперёд, словно сам немного боялся об неё уколоться.

— Похоже на кинжал? — спросил Макбет несколько смущённым голосом, и тут же все Лягушки хором воспряли: «Слабо! Слабо!» (Я уже вполне научился понимать их кваканье.)

— Это *похоже* на кинжал! — объявила Сильвия не допускающим возражений тоном. — Лучше придержите язычки! — И кваканье вновь смолкло.

Насколько я знаю, Шекспир нигде не сказал, будто Макбет имел в частной жизни какую-нибудь эксцентричную привычку вроде кувыркания через голову, но Бруно, похоже, считал такое обыкновение существенной частью характера свой новой роли, поэтому, покидая сцену, проделывал одно за другим ловкие сальто. Спустя пару секунд

он вернулся, приладив на подбородок клочок шерсти (вероятно, оставленный на той самой колючке какой-нибудь проходившей мимо овечкой), из которой получилась замечательная борода, спускавшаяся почти до земли.

— Шейлок! — объявила Сильвия. — Нет, прошу прощения, — быстренько поправилась она, — король Лир! Я короны не заметила. — (И точно: у Бруно на голове была корона — одуванчик с вырезанной точно по размеру его головы сердцевинкой.)

Король Лир скрестил руки на груди (чем подверг свою бороду серьёзной опасности) и тоном терпеливого объяснения произнёс: «Король, и до конца ногтей — король!»⁹³; затем сделал паузу, словно в раздумье, как бы это поубедительнее доказать. Здесь, при всём моём уважении к Бруно как Шекспироведу, я *обязан* высказать мнение, что Поэт никак не помышлял, будто все три его великих трагических героя будут настолько схожи в своих привычках; кроме того, не думаю, что он принял бы дар ловко совершать кувырки через голову в качестве хоть малейшего доказательства королевского происхождения. Но оказалось, что король Лир, поразмышляв пару минут, не смог придумать другого довода в поддержку своего королевского сана; к тому же это была последняя «разность» Шекспира («Мы никогда не показываем больше трёх», — шёпотом объяснила Сильвия), поэтому прежде чем покинуть сцену, Бруно исполнил перед зрителями длинную серию кувырканий, отчего восхищенные Лягушки разом закричали: «Мало! Мало!» — это они так бисировали, по моему разумению. Но больше Бруно не появлялся, пока не счёл, что самое время приступить к Сказке.

Когда он вышел в своём *натуральном* виде, я отметил замечательную перемену в его поведении. Он, видимо, держался того взгляда, что привычка кувыраться должна быть всецело принадлежностью таких незначительных личностей, как Гамлет или

⁹³ «Король Лир», акт IV, сцена 6; пер. Б. Пастернака.

король Лир, а что до *Бруно*, то ему никак не следует настолько ронять своё достоинство. В то же время мне сразу бросилось в глаза, как он страшно застеснялся, выйдя на сцену без театрального костюма, который бы скрывал его, и хотя он несколько раз начинал: «Жила-была Мышка...» — но его глаза беспомощно метались то вверх и вниз, то в разные стороны, словно он искал, с какой стороны света ему лучше рассказать свою Сказку. У одной оконечности сцены возвышался стебель наперстянки, отбрасывавшей на сцену густую тень. Вечерний ветерок легонько раскачивал его из стороны в сторону, и это место показалось рассказчику самым удобным пристанищем. Остановив свой выбор на именно этой части света, он, не раздумывая ни секунды, вскарабкался по стеблю, словно маленькая белочка, и уселся на самой верхней ветке, где чудесные колокольчики ближе всего жались друг к дружке и откуда он мог обозревать своих слушателей с такой высоты, что вся его робость улетучилась. Тогда он начал.

— Жила-была Мышка, потом ещё Крокодил, Человек, Козёл, Лев... — Я, признаться, не слыхивал, чтобы «действующие лица» вводились в рассказ с такой беспорядочной лихостью и в таком количестве; я, сказать по правде, онемел от неожиданности. Сильвия и сама изумлённо раскрыла рот, чем и воспользовались три Лягушки, которых представление и так уже изрядно утомило, — они беспрепятственно упрыгали назад в свою яму.

— Мышка нашла Башмак, и подумала, что это Мышеловка. Поэтому она вошла в него и сидела всё дольше и дольше...

— Отчего же она там *оставалась*? — поинтересовалась Сильвия. Я даже решил, что на неё была возложена задача вроде той, которую с успехом выполнял Хор в Греческой Трагедии, — при помощи целого ряда вовремя сделанных вопросов она должна была то поощрять рассказчика на дальнейшее изложение дела, то сдерживать его разглагольствования.

— Потому что думала, что больше не сможет оттуда выбраться, — пояснил Бруно. — Это была умная Мышка. Она знала, что из Мышеловки выбраться нельзя.

— Но зачем тогда она в неё полезла? — снова спросила Сильвия.

— ...и она всё прыгала, прыгала, прыгала, — продолжал Бруно, не обращая внимания на вопрос, — и наконец выпрыгнула из Башмака. Тогда она взглянула на бирку, что была на Башмаке. На ней было написано имя одного Человека. Так Мышка узнала, что это был не её Башмак.

— А так она думала, что её? — продолжала расспросы Сильвия.

— Ты что, не слышала? — рассердился рассказчик. — Она же думала, что это *Мышеловка*! Пожалуйста, господин сударь, скажите ей, чтобы она слушала внимательно. — Сильвия умолкла и вся превратилась в слух; на самом-то деле мы с ней составляли почти всю аудиторию, так как Лягушки продолжали потихоньку улепётывать, и теперь их осталось две или три.

— Тогда Мышка отдала Человеку его Башмак. Человек очень обрадовался, потому что он очень устал искать на одной ноге.

Здесь я отважился задать вопрос:

— Как ты сказал — «искать» или «скакать»?

— Ага, и то и другое, — как ни в чём не бывало ответил Бруно. — И тогда Человек достал Козла из Мешка. — («Про Мешок ты нам раньше не говорил», — сказал я. — «И позже не буду», — ответил Бруно.) — Человек сказал Козлу: «Будешь гулять тут, покуда я не вернусь». Он пошёл и провалился в глубокую нору. А Козёл всё гулял и гулял. И забрёл под Дерево. И всё время вилял хвостом. Он посмотрел наверх на Дерево. И спел печальную Песенку. Вы никогда ещё не слышали такой печальной Песенки!⁹⁴

⁹⁴ «Песня козла» по-гречески называется трагедией. Наверно, потому она такая печальная.

— Ты можешь нам её спеть, Бруно? — спросил я.

— Могу, — охотно сообщил Бруно, — но не буду. А то Сильвия ещё расплачется.

— Я не расплачусь! — с негодованием вмешалась Сильвия. — Мне вообще не верится, что Козёл её спел!

— Он спел! Спел всё правильно. Я сам видел, как он пел со своей длинной бородой.

— Он не мог петь со своей *бородой*, — возразил я, думая озадачить своего маленького приятеля. — У бороды нет *голоса*.

— Тогда и вы не можете ходить с корзинкой! — завопил Бруно с торжеством. — У корзинки нету *ног*!

Я решил, что лучше всего последовать примеру Сильвии и слушать молча. Для нас Бруно был слишком уж скор на ответ.

— И когда он пропел всю Песенку до конца, то пошёл дальше — поискать того Человека. А за ним пошёл Крокодил — ну, чтобы покусать его, понимаете? А Мышка побежала за Крокодилом.

— Крокодил, наверно, *побежал*, — сказала Сильвия. Затем спросила, обратившись ко мне. — Крокодилы ведь бегают, разве нет?

Я возразил, что больше подходит слово «ползают».

— Он не побежал, — сказал Бруно. — И не пополз. Он с трудом тащился, как тяжёлый чемодан. А свой подбородок держал поднятым кверху.

— Но зачем? — спросила Сильвия.

— Затем, что у него зубы не болели! Без моих объяснений ты и шагу не ступишь! Будь у него зубная боль, он, конечно же, опустил бы свою голову вниз — вот так, — и укутал бы подбородок множеством тёплых одеял!

— Да какие у него одеяла! — возразила Сильвия.

— Были, были! Ты думаешь, что Крокодилы выходят на прогулку без одеял? И ещё он всё время хмурил брови. А Козёл очень боялся его бровей!

— Я бы не стала бояться каких-то *бровей*! — воскликнула Сильвия.

— Как миленькая забоялась бы, если это такие брови, к которым приделан Крокодил! А Человек всё прыгал, прыгал и, наконец, выпрыгнул из норы.

И опять Сильвия в изумлении разинула рот: у неё даже дыхание спёрло от такого стремительного перепрыгивания с одного героя на другого.

— И он побежал оттуда, чтобы посмотреть, как поживает его Козёл. Потом он услышал хрюканье Льва...

— Львы не хрюкают, — вновь возразила Сильвия.

— Этот хрюкал, — повторил Бруно. — А рот у него был как большущий шкаф. У него во рту было очень много места. И Лев побежал за Человеком — ну, чтобы съесть его. А Мышка побежала за Львом.

— Но Мышка уже бежала за *Крокодилом*, — встрял я. — Не могла же она бежать за *обоими*!

Бруно вздохнул, видя такую тупость своих слушателей, однако собрался с силами и терпеливо разъяснил:

— Она и побежала за *обоими* — они ведь бежали в одну и ту же сторону! И первым она сцапала Крокодила, поэтому не смогла сцапать Льва. И когда она сцапала Крокодила, то угадайте, что она сделала! Подсказываю: в кармане у неё были щипцы.

— Сдаюсь, — сказала Сильвия.

— Никто не сможет угадать! — очень довольный сообщил Бруно. — Она выдернула у Крокодила этот зуб!

— Какой «этот»? — отважился спросить я.

Ответ был у Бруно наготове.

— Зуб, которым Крокодил собирался укусить Козла!

— Но как же Мышка узнала, что это именно тот зуб? — возразил я. — Ей пришлось бы выдернуть у Крокодила все зубы.

Бруно весело засмеялся и принялся раскачиваться на своей веточке, припевая:

— Она — выдернула — у — него — *все* — зубы!

— Зачем же Крокодил дожидался, пока у него выдернут все зубы? — спросила Сильвия.

— Пришлось подождать, — ответил Бруно.

Я задал ещё один вопрос:

— Но что стало с Человеком — тем, который сказал: «Можешь погулять здесь, пока я не вернусь»?

— Он не сказал «можешь», он сказал «будешь». Так же как и Сильвия говорит мне: «Будешь делать уроки до двенадцати часов». Хотел бы я, — со вздохом добавил он, — чтобы Сильвия говорила мне: «*Можешь* делать уроки».

Сильвия почувствовала, что беседа принимает опасное направление. Она поспешила повернуть её назад к Сказке.

— И что стало с тем Человеком?

— Лев на него бросился. Только очень медленно, поэтому провисел в воздухе три недели...

— И всё это время Человек его ждал? — поинтересовался я.

— Конечно нет! — ответил Бруно, съезжая вниз головой по стеблю наперстянки, — очевидно, Сказка уже подошла к концу. — Он продал свой дом и упаковал вещи, пока Лев к нему летел. А потом он уехал и поселился в другом городе. Поэтому Лев съел неверного человека.

Тут, очевидно, должна была последовать Мораль, поэтому Сильвия сделала последнее объявление Лягушкам:

— Сказке конец! А вот чему там она *учит*, — тихонько добавила она мне, — лично *мне* это неизвестно!

Мне тоже ничего не пришло в голову, поэтому я смолчал; но Лягушки выглядели вполне удовлетворёнными с Моралью или без Морали и заверещали хриплым хором: «Кватит! Кватит!» — поскорее упрыгивая прочь.

ГЛАВА XXV. Привет тебе, Восток!

— Сегодня ровно неделя, — сказал я Артуру три дня спустя, — как мы узнали о помолвке леди Мюриел. Полагаю, что мне-то, во всяком случае, следует зайти и поздравить их. Со мной не сходишь?

На его лице промелькнуло страдальческое выражение.

— Когда ты думаешь покидать нас? — спросил он.

— В понедельник, первым поездом.

— Значит... да, я схожу с тобой. Странно бы это выглядело и не по-дружески, если бы я отказался. Но сегодня всего лишь пятница. Завтра, завтра вечером. А я тем временем оправлюсь.

Прикрыв глаза рукой, словно устыдясь появившихся в их уголках слёз, он протянул другую руку мне. Я схватил её, она дрожала. Я попытался сочинить пару фраз сочувствия, но они выходили холодными и жалкими, поэтому я смолчал.

— Спокойной ночи, — только и сказал я напоследок.

— Спокойной ночи, мой друг! — ответил он. В его голосе преобладала решительность, убедившая меня, что он противостал — и вышел победителем — великой скорби, едва его не уничтожившей, и что с этой ступени своего опустошённого существования он непременно воспрянет к чему-то высшему!

Когда в субботу вечером мы отправились в Усадьбу, я утешался мыслью о том, что уж хоть Эрика-то мы не встретим, поскольку на следующий день после объявления о помолвке он вернулся в город. Его присутствие могло бы нарушить то почти неестественное спокойствие,

с которым Артур предстал перед владычицей своего сердца и пробормотал несколько приличествующих случаю слов.

Леди Мюриел буквально светилась счастьем; печаль не могла обитать в сиянии такой улыбки, и даже Артур просветлел под лучами её взгляда, а когда она произнесла: «Смотрите, я поливаю цветы, хотя сегодня и суббота», — его голос тоже зазвенел весельем, почти как встарь, когда он отвечал ей:

— Даже в субботу разрешается проявлять милосердие⁹⁵. Но уже не суббота. Суббота закончила своё существование⁹⁶.

— Я знаю, что уже не *суббота*, — сказала леди Мюриел. — Но ведь именно воскресенье зовётся «христианской субботой»!

— Я полагаю, оно зовётся так из уважения к духу иудейского установления, согласно которому один день из семи должен быть днём отдыха. Но считаю, что христиане освобождены от буквального соблюдения Четвёртой заповеди.

— Тогда какие у нас основания наблюдать воскресенье?

— Ну, во-первых, седьмой день по нашим понятиям «освящён» тем, что Бог отдыхал в этот день от труда Творения. Это пример нам, кто *верует*. Кроме того, «Господень день» — это *христианское* установление. А уже это обязывает нас как *христиан*.

— Каковы же ваши рекомендации?

— Во-первых, поскольку мы веруем, то обязаны чтить *святость* этого дня и, насколько возможно, делать его днём отдыха. Во-вторых, нам, как *христианам*, следует посещать в этот день церковь.

⁹⁵ Основание — разъяснение Иисуса в Евангелии от Матфея, 12:12, из которого следует вывод: «Можно в субботы делать добро».

⁹⁶ Артур намекает на то, что коль скоро леди Мюриел в шутку принимает точку зрения иудаизма на субботу как на такой день, в который не следует заниматься чем бы то ни было, то логично будет придерживаться иудейского же представления, что новый день, то есть новые сутки, начинаются сразу после захода солнца.

— А как насчёт *развлечений*?

— Я бы ответил, что независимо от рода *деятельности*, если что-либо безвредно в любой день недели, то оно безвредно и в воскресенье, при условии не мешать выполнению насущных обязанностей.

— Так вы позволили бы детям *играть* в воскресенье?

— Конечно, позволил бы. С какой стати заставлять их беспокойные натуры скучать в какой-либо день недели?

— У меня где-то есть письмо, — сказала леди Мюриел, — от одной моей давней подруги. В нём она описывает, как она, будучи ребёнком, обычно проводила воскресные дни. Сейчас найду.

— Я слышал нечто похожее несколько лет назад, — сказал Артур, когда леди Мюриел вышла. — Мне маленькая девочка рассказывала. Воистину трогательно было слышать её меланхолический голос, когда она жаловалась: «По воскресеньям я не должна была играть со своей куклой! Мне нельзя было бегать в дюнах! Мне запрещалось играть в саду!» Бедный ребёнок! Она имела полное право ненавидеть воскресенья!

— Вот оно, это письмо, — сказала леди Мюриел, вернувшись. — Позвольте, прочту кусочек.

Когда, будучи ребёнком, я воскресным утром открывала глаза, овладевавшее мной ещё в пятницу мрачное предчувствие достигало высшей точки. Я прекрасно понимала, что меня ждёт, и криком моей души, только что не срывавшимся с губ, было: «Господи, хоть бы уже наступил вечер!» Никакой это не был день отдыха, а день Библейских текстов, день катехизиса (Уоттса⁹⁷), брошюр об обращённых

⁹⁷ Вновь речь идёт о том самом Исааке Уоттсе, богослове и поэте конца XVII — начала XVIII века, два назидательных стихотворения которого Кэрролл пародирует во второй и десятой главах «Алисы в Стране чудес». См. также примеч. 57 к данному разделу.

богохульниками, благочестивых подёщицах и назидательной смерти спасённых грешников.

От первых жаворонков до восьми утра мы должны были заучивать наизусть гимны и главы Писания, затем следовали семейные молитвы и завтрак, от которого я совсем не получала удовольствия, частично из-за того, что мы уже подвергались посту, частично из-за ненавистной перспективы.

В девять наступало время воскресной школы; я ненавидела, когда меня наравне с другими деревенскими детьми вводили в класс, и до смерти боялась, как бы из-за какой-нибудь оплошности меня не сочли ниже их.

Но истинным Божьим наказанием была церковная служба. Мои мысли блуждали, я изо всех сил стремилась водрузить скинию своих дум на подстилке, что была положена поверх широченной семейной скамьи, и терпеливо сносила суетливые телодвижения меньших братьев, а также ужас осознания того, что в понедельник мне предстоит по памяти делать выписки из неподготовленной и бессвязной проповеди, у которой вообще не было текста, и в зависимости от решения этой задачи заслужить поощрение или кару.

Далее нас ожидал остывший обед в час (слугам возбранялось выполнять свои обязанности), опять воскресная школа с двух до четырёх, и вечерняя служба в шесть. Промежутки были даже ещё большим испытанием для нас из-за тех усилий, которые я прилагала — дабы оставаться не более грешной, чем в обычные дни, — читая книги и проповеди, бессодержательные как Мёртвое море. Сейчас, с дальнего расстояния, вспоминается только один радостный момент — «время ложиться спать», которое никогда не наступало так рано, как нам бы хотелось!

— Такая манера обучения была, несомненно, задумана с самыми лучшими намерениями, — сказал Артур, — но она довела многих своих жертв до того, что они вообще с тех пор избегают церковных служб⁹⁸.

⁹⁸ Как читатель уже не раз имел возможность убедиться, Кэрролла беспокоили многие стороны церковной жизни. В частности, его очень заботила тема «дети в церкви», он не раз к ней возвращался. А потому неудивительно, что этому вопросу он посвятил своё последнее сочинение для детей и их родителей, написанное им под Рождество 1897 года, почти перед кончиной. Это предисловие к книжке «Пропавший кекс с изюмом» Э. Аллен (*Allen E. G., Mrs. The Lost Plum-Cake: A Tale for Tiny Boys. London: Macmillan and Co., Limited, 1897*); оно достойно того, чтобы привести его вслед за письмом, прочитанным леди Мюриел, описание воскресного дня в котором, как признаёт Кэрролл в самом начале предисловия к «Сильвии и Бруно», «заимствовано... *дословно* из речи, произнесённой специально для меня одним моим маленьких приятелем, и из письма, присланного мне одной моей взрослой приятельницей».

«Автор предисловия к книге, если он не является в то же время автором этой книги, обладает одним своеобразным преимуществом: он способен распространяться о её достоинствах с той свободой, на которую не многие авторы могут отважиться, ведь сколь бы сладостно не звучало „дуденье в собственную дуду“, чужим ушам оно быстро приедается. Так позвольте уж мне воспользоваться этим преимуществом и сказать, что, по моему мнению, миссис Эджертон Аллен обладает весьма особенным даром писать книги для очень маленьких детей. Её диалогам присуща живописность фотографии, и я уверен, что все *настоящие* дети, т. е. дети, не избалованные повышенным к себе вниманием и оттого не имеющие привычки напускать на себя вид маленьких мужчин и маленьких женщин, с удовольствием прочтут рассказ о крошке Джой и позабавятся умными и полными сочувствия зарисовками, которыми украсила его миссис Шьют. И ещё я считаю настоящей потерей для тысяч читателей-детишек, для которых написано так много чудесных книг, что первая книжка миссис Аллен — „Приключения маленького Хамфри“ — попустительством издателей, которые держат на неё права, исчезла из продажи. Книжка эта стопроцентно детская, и я верю, что Общество

продвижения христианских знаний в скором времени найдёт возможность выпустить её новое издание.

Но на этот раз порадует не один автор данного предисловия: *читатель* этой небольшой книжицы *также* награждён своеобразным преимуществом — оно связано с *обложкой*, разработанной для данного случая мисс Е. Гертрудой Томсон. Если взять эту книгу обеими руками посередке с каждой стороны и поворачивать до тех пор, пока свет (которому надлежит падать *из-за спины*) не заставит заблестеть такие малюсенькие пупырышки на красном фоне, а затем покрутить её из стороны в сторону — чему легко можно будет наловчиться, — то золотой орнамент словно бы воспарит на полдюйма над обложкой, и *глаз* наблюдателя, если не самый разум, легко поверит, что стоит только подвинуть книжку, как орнамент упадёт на соседнюю часть красного фона обложки. Довольно любопытная оптическая иллюзия.

Позвольте не упустить случая и сказать одно веское слово матерям, в чьи руки может попасть эта книжица и которые имеют обыкновение брать детей с собой в церковь. Сколь бы ни были эти малютки приучены вести себя пристойно и почтительно, нет никаких сомнений, что столь долгий период вынужденного бездействия есть слишком жестокая дань со стороны их терпения. Гимны, возможно, в меньшей степени подвергают его испытанию, и какую патетическую красоту мы находим в нежных свежих голосах детишек, и с какой серьёзностью они поют! Однажды я взял с собой в церковь девочку шести лет; мне сказали, что она почти совсем не умеет читать, — однако она заставила меня найти ей все те места, где ей полагалось вступать! После я сказал её старшей сестре: „С чего вы взяли, будто Барбара не умеет читать? На моих глазах она присоединилась к пению и участвовала в нём от начала до конца!“ А маленькая сестрёнка напыщенно заявляет: „Она знает *мелодию*, но не знает *слов*!“ Ну хорошо, вернёмся к нашей теме — дети в церкви. Они вполне могут снести как уроки, так и молитвы; частенько они способны ухватить то небольшое, что уместается в пределах их маленького разума. Но проповеди! Сердце болит, когда видишь (а со мной это случается нередко) прелестных малюток пяти или шести лет, принуждённых сиднем высидеть утомительные полчаса, не смея

— Боюсь, я сегодня избежала, — сокрушённо согласилась леди Мюриел. — Должна была написать Эрику письмо. Не знаю... сказать ли вам, что он думает о *молитвах*? Представил мне всё в таком свете...

— В каком свете? — спросил Артур.

— Что всё, происходящее в Природе, совершается согласно незыблемым, вечным законам — и Наука доказывает это. Поэтому просить о чём-нибудь Бога (за исключением, разумеется, тех случаев, когда мы молимся о ниспослании *духовных благ*) — значит требовать чуда; а *этого* мы не вправе делать. Я никогда не смотрела на этот вопрос под *его* углом, может быть поэтому мне стало вдруг грустно-грустно. Скажите же мне, прошу вас, что бы вы на это ответили?

пошевелинуться и слушая речь, из которой они не способны уразуметь ни слова. Я искренне сочувствую маленькой девочке из приюта, которая, как мне рассказывали, писала своему другу: „Мне кажется, что когда я вырасту, то больше никогда не стану ходить в церковь. Я, мне кажется, на всю оставшуюся жизнь наслушалась проповедей!“ Неужто так и должно быть? Так ли уж *ззорно* позволить своему дитяти иметь при себе книжку сказок — почитать во время проповеди, чтобы скоротать эти невыносимые полчаса и превратить посещение церкви в яркое и счастливое воспоминание, а не предаваться мыслям вроде: „Больше никогда не пойду в церковь“? Думаю, нет. Мне, со своей стороны, очень хотелось бы увидеть осуществление такого опыта. Совершенно уверен, он будет успешным. Мой совет таков: специально держать кое-какие книжки для этой цели — я бы назвал их „Воскресным развлечением“, — и тогда ваш мальчик или девочка с нетерпеливой надеждой станут ожидать прихода того получаса, который раньше казался им невыносимым. Будь я священником, разбирающим какую-то тему, чересчур тяжкую для своих маленьких слушателей, я бы только порадовался, видя, как они развлекаются своими книжками. И если *эта* небольшая книжица тоже когда-нибудь послужит в качестве „воскресного развлечения“, то я полагаю, что она выполнит свою задачу наилучшим образом».

— Я не расположен обсуждать затруднения *капитана Линдона*, — сурово ответил Артур, — тем более в его отсутствие. Но если это *ваши* затруднения, — уже более спокойно закончил он, — то я выскажусь.

— Это *мои* затруднения, — произнесла она, вся подаваясь к нему.

— Тогда начнём с вопроса: «Почему вы ожидаете ниспослания *духовных благ*?» Разве ваш разум не часть Природы?

— Да, но ведь нужно учесть Свободу Воли — я способна *выбрать* это или то, и Бог может повлиять на мой выбор.

— Так вы не фаталистка?

— Нет, нет! — с горячностью воскликнула она.

— Благодаренье Богу! — сказал Артур, обращаясь к самому себе и так тихо, что я один расслышал⁹⁹. — Тогда вы согласитесь, что я могу,

⁹⁹ Вопрос Артура, ответ леди Мюриел и дальнейшие рассуждения Артура возвращали английского читателя к спорам о сущности сознания и свободе воли. Поиски ответов начались в конце XVIII века, при Пэйли (см. примеч. 72 к данному разделу), но с большей силой возобновились в связи с успехами естествознания в середине XIX века. Последнее с неизбежностью повлекло и первое, ведь англиканская церковь, во-первых, внушала строгую «викторианскую» нравственность и, во-вторых, придерживалась концепции рабства воли, а столпы естествознания поставили себе целью бороться с авторитетом церкви в вопросе происхождения живого на Земле; как же было обминуть вопрос о природе человеческого сознания и человеческой воли?

Рядовым викторианцам было от чего потерять голову, ведь даже мнения светил науки разделились. В 1874 году Гексли, уже добившийся всемирной славы, признал, что связь между движением молекул и сознанием пока ещё не найдена (в XX веке наука уточнит, что сознание связано с движением не молекул, но зарядов). В докладе «Гипотеза о том, что животные есть автоматы, и её история» Гексли указывал, что идея автоматов (или старая идея животных-машин, высказанная ещё французским просветителем Ламетри) испытала второе рождение благодаря открытию рефлекторной деятельности и при этом оказалась распространённой и на человека (чем Ламетри также не гнушался). Затем, в работе «Автоматизм у

животных», Гексли высказывает идею автоматов уже в самой крайней форме, как будто отрицая не только способность мысли влиять на моторную деятельность организма, но и саму возможность возникновения мысли в мозгу. Иными словами, деятельность человека, по Гексли, имеет только физическую природу, психическая отрицается. Как пишет Уильям Ирвин в книге «Обезьяны, ангелы и викторианцы», желая «избавить психологию и нравственность от скверны пагубного влияния невидимого... Гексли отбросил сознание, дабы во всей чёткой и резкой нетронутости сохранить мозг» (с. 340).

Однако почему бы науке не привнести свои методы, доказавшие свою всесильность в сфере материального, также и в нравственность, — осторожно возражал этому «научному Вельзевулу» и «педагогическому монарху» его коллега из Оксфорда, сам «советник целой империи» и «великий тьютор», как его титуловали студенты, Бенджамин Джоветт. «Мне отраднo, — писал он в письме Гексли, — что Вы не окончательно отвергаете моё предположение. Кажется, Вам тоже приходило на ум, что теперь, когда нравственность вот-вот окажется погребена под физикой, Вам следовало бы попытаться найти для неё новое основание... Люди спрашивают, где тот принцип, на котором им строить теперь свою жизнь, и желают получить ответ...» (с. 368 книги У. Ирвина).

Сам Дарвин склонялся к иной точке зрения. В книге «Происхождение человека и половой отбор» (1871) он даже не упоминает о нервах и рефлексах, хотя признаёт автоматизм многих типов моторных действий человека. Но воля и сознательный выбор занимают в его книге центральное место; при этом Дарвин считал сознание неким ярко выраженным свойством, присущим не только человеку, но и животным (последним — в виде неких «зачатков сознания»). В противовес дерзким и безапелляционным заявлениям Гексли его учитель подходил к этой проблеме осмотрительно.

И только Уильям Джемс (в книге «Основы психологии», завершённой в 1890 году), вероятно, первым высказал истину, которая уже никогда не будет оспорена: человек не машина и животное не машина, и человек не животное; удовольствия и боль он воспринимает по-иному, нежели животное, более

путём свободного выбора, передвинуть эту чашку, — и он сопровождал слова действием, — в *ту* сторону или в *эту* сторону.

— Я согласна.

— Что ж, давайте посмотрим, как далеко простирается действие «незыблемых законов». *Чашка* сдвигается, потому что приложила к ней определённую механическую силу моя *рука*. Рука также двигается вследствие того, что некие определённые силы — электрические, магнитные или какие ещё там силы оказываются в конце концов «нервическими» — приложены к ней моим *мозгом*. Впоследствии, когда завершится построение данной науки, эти запасённые мозгом нервические силы, вероятно, сведут к химической энергии, поставляемой мозгу кровью и в конечном счёте извлекаемой из пищи, которую я ем, и из воздуха, которым я дышу.

— Но не будет ли это самым настоящим Фатализмом? Где же тогда искать Свободу Воли?

— В выборе *нервных путей*, — ответил Артур. — Нервическая энергия мозга, вполне естественно, может быть пущена как по одному нервному пути, так и по другому. И чтобы решить, *какой* нерв её заполучит, нам требуется нечто большее, чем «неизменный Закон Природы». Это «нечто» и есть Свобода Воли.

Глаза леди Мюриел заблестели.

— Я поняла, что вы хотите сказать! — радостно вскричала она. — Человеческая Свобода Воли есть исключение в системе неизменных Законов. Эрик говорил что-то похожее. Он, как я теперь думаю, указывал на то, что Бог способен и на Природу повлиять, но только через влияние на Человеческую Волю. Так что мы вполне *можем* обращаться к Нему с молитвой: «*Хлеб наш насущный дай нам на сей день*», — поскольку множество тех причин, от которых зависит

остро, поскольку к чисто физическим ощущениям человека примешиваются ещё нравственные соображения о связанных с ними пользе и вреде.

производство хлеба, находится в ведении Человека. А молить о дожде или о хорошей погоде так же нелепо, как... — она остановилась, словно из боязни непочтительного слова.

Тихим, низким голосом, дрожащим от переполнявших его чувств, и с торжественностью человека, находящегося один на один со смертью, Артур медленно проговорил:

— *Будет ли состязающийся со Вседержителем ещё учить?*¹⁰⁰ А мы, «полуденным лучом рождённый рой»¹⁰¹, даже чувствуем мы в себе силу направить энергию Природы в ту или в эту сторону, — *Природы*, в структуре которой мы занимаем такое незначительное место, — разве сможем мы, со всем нашим безграничным высокомерием, со всем нашим жалким чванством, *отказать* в этой способности Предвечному? Говоря нашему Создателю: «До сих и не далее. Ты сотворил, но править не можешь!»?

Леди Мюриел спрятала лицо в ладонях и сидела не шевелясь. Только шептала:

— Благодарю, благодарю, благодарю!

Мы поднялись для прощания. Артур с видимым усилием произнёс:

— Ещё одно слово. Если пожелаете *узнать* силу Молитвы — обо всём и вся, в чём только Человек имеет нужду, — испытайте её. *Просите, и дано будет вам*¹⁰². Я — испытал. Знаю, что Бог отвечает на мольбу!

¹⁰⁰ Книга Иова, 39:32.

¹⁰¹ Томас Грей (1716—1771), «пиндарическая ода» «Бард», с которой читатель вновь встретится в дальнейшем.

¹⁰² Часто повторяющийся в Евангелиях призыв (например, Евангелие от Матфея, 7:7 и от Луки, 11: 9).

Возвращались мы молча, пока не подошли к нашему дому, и тогда я услышал Артуров шёпот, словно эхо моих собственных мыслей: «Почему ты знаешь, жена, не спасёшь ли мужа?»¹⁰³

Больше мы этого предмета не касались. Сидели и беседовали, час за часом провожая этот последний совместный вечер, незаметно утекающий в небытие. Артур имел много чего рассказать мне об Индии, о той новой жизни, что ожидала его впереди, и о предстоявшей ему деятельности. Его широкая и щедрая душа казалась вся исполнена благородным честолюбием, чтобы в ней хватило места пустым сожалениям или обидам на несправедливость судьбы.

— Ну вот и утро! — сказал наконец Артур, вставая и направляясь к лестнице, ведущей наверх. — Через несколько минут покажется солнце. Я коварно лишил тебя возможности отдохнуть в эту последнюю ночь, но ты меня прости — всё *не мог* принудить себя сказать тебе «Спокойной ночи». И Бог знает, увидишь ли ты меня когда-нибудь вновь или услышишь обо мне!

— Услышать-то услышу, не сомневаюсь в этом! — как можно сердечнее отозвался я и тут же процитировал заключительные строки этой загадочной поэмы Роберта Браунинга «Уоринг»:

Звезда не гибнет, исчезая —
Вдали взошла, горит, живая!
Где Вишну возрождался встарь,
Любой способен к Аватаре.
Взгляни в неверье на Восток —
Ты зришь ли новых звёзд приток?

¹⁰³ Из слов апостола Павла (Первое послание к Коринфянам, 7:13—14, 16): «И жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его. Ибо неверующий муж освящается женою верующею... Почему ты знаешь, жена, не спасёшь ли мужа?»

— Да, взгляни на Восток! — подхватил Артур, останавливаясь у лестничного окошка, из которого открывался захватывающий вид на море и восточный горизонт. — Запад — вот подходящая могила для тоски и печали, для всех ошибок и глупостей Прошлого, для его увядших надежд и схороненной Любви! С Востока приходит новая сила, новые стремленья, новая Надежда, новая Жизнь, новая Любовь! Здравствуй, Восток! Привет тебе, Восток!

Его последние слова всё ещё звучали в моей голове, когда я входил в свою комнату и раздвигал на окне занавески, ибо как раз в эту минуту солнце во всём своём великолепии вырвалось из водяной тюрьмы океана и осенило мир светом нового дня.

— Пусть так и случится с ним, со мной и со всеми нами! — проговорил я в раздумье. — Всё, что есть злобного, мертвящего, безнадёжного, да исчезнет с прошедшей Ночью! И пусть всё, что есть доброго, живительного и дарящего надежду, восстанет с рассветом Дня!

Исчезайте с Ночью, холодные туманы и вредоносные испарения, мрачные тени и свистящие ветры, и заунывное уханье совы; просыпайтесь с появлением Дня, неудержимые стрелы света и целебный утренний бриз, рвение пробуждающейся жизни и безумная музыка жаворонка! Привет тебе, Восток!

Исчезайте с Ночью, облака невежества, губительное влияние греха и тихие слёзы печали; выше, выше поднимайтесь в свете Дня, сияющая заря знания, свежее дыхание чистоты и трепет всемирного вдохновения! Привет тебе, Восток!

Исчезайте с Ночью, память умершей любви и сухие листья погибших надежд, слабый ропот и унылые сожаления, от которых цепенеют лучшие движения души; вставайте, расширяйтесь, вздымайтесь выше живительным приливом, мужественная решимость, бесстрашная воля и устремлённый к небесам горячий взгляд веры,

которая есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом!¹⁰⁴

Привет тебе, Восток! Да здравствует Восток!¹⁰⁵

¹⁰⁴ Так толкует веру апостол Павел в Послании к Евреям, 11:1.

¹⁰⁵ Последние пассажи данной главы способны поразить читателя, показав ему какого-то нового, неизвестного Кэрролла. Как они перекликаются с разъяснениями персонажа одного русского романа: «Истинный масон не может представить себе полного уничтожения самосознательного и мыслящего существа, и потому об умерших братьях мы говорим: „Они отошли в вечный восток“, то есть чтобы снова ожить»! В самом деле, здесь мы вступаем на почву нового, недавно открытого раздела в кэрролловедении: «Кэрролл и мистицизм». Мистицизму в «Сильвии и Бруно» ныне посвящены разделы в монографии: *Sherry L. Ackerman. Behind the Looking Glass. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2008.*

ОКОНЧАНИЕ ИСТОРИИ

Сны не даются суматошной хватке,
Но что же руки? неподвижны обе;
Не холят сына и не полют грядки,
А сложены на матушке во гробе...
Не так ли я пытаюсь понемножку
Рассказ к концу вести? О фея-крошка!
Хоть сорванец тебе не даст покою —
Всерьёз ты любишь, злишься понарошку
На братца Бруно! Кто, знаком с тобою,
Не влюбится, как сам я, невзначай?
Но здесь мы скажем Сильвии: «Прощай!»¹⁰⁶

Предисловие

Позвольте выразить мою искреннюю благодарность тем многочисленным критикам, которые отметили — всё равно, с теплотой или без, — выход предыдущего тома. Все их замечания были более или менее справедливы: критические, вероятно, более, а доброжелательные, скорее, менее. Но оба рода замечаний, вне всякого сомнения, послужили к вящей известности книги и помогли читающей публике сформировать о ней своё мнение. Позвольте мне также заверить этих критиков, что хотя я тщательно избегал читать *какие бы то ни было* отзывы, но это вовсе не от недостатка уважения к их стараниям. Я твёрдо стою на том, что автору совершенно не стоит читать отзывов о своих книгах: недоброжелательные высказывания почти наверняка его

¹⁰⁶ Как и вступительное стихотворение к Первой части, данное стихотворение — акrostих; его структура здесь также не воспроизводится. Третьи буквы каждой строки в оригинале слагаются в имя Enid Stevens (см. примеч. 3 к данному разделу) — последнему ребёнку, по её собственным словам, с которым Кэрроллу ещё удалось подружиться.

разозлят, тогда как доброжелательные наградят самодовольством; ни то ни другое не желательно¹⁰⁷.

Тем не менее критика добралась до меня со стороны друзей и знакомых; вот некоторым из них я, пожалуй, отвечу.

Один такой критик жалуется, что Артуровы суждения по поводу проповедей и хористов чересчур суровы. В ответ позвольте заметить, что сам я не несу ответственности ни за какие суждения, высказанные героями моей книги. Это всего-навсего суждения, которые, как мне кажется, вполне могли высказать те персонажи, в чьи уста я их вложил, и которые было бы уместно обсудить.

Другие критики недоумевают, видя новшества в правописании: откуда, мол, все эти «са'n't», «wo'n't», «traveler»?¹⁰⁸ В ответ я могу только сослаться на мою твёрдую убеждённость, что общепринятое написание *ошибочно*. Взять, например, «са'n't»: ведь никто не станет спорить, что во всех *остальных* словах, оканчивающихся на «n't», эти буквы есть сокращение от «not»¹⁰⁹; тогда совершенно абсурдно предполагать, что в этом единственном случае «not» представлено как «'t»! На самом деле «can't» есть *правильное* сокращение для «can it»¹¹⁰, точно как «is't» для «is it». Опять же в «wo'n't» первый апостроф появляется оттого, что здесь слово «would» *сокращено* до «wo»; хотя я считаю совершенно правильным писать «don't»¹¹¹ только с *одним* апострофом, ведь слово

¹⁰⁷ Кэрролл не только не читал никакой критики — он, согласно свидетельствам, отказывался даже обсуждать со взрослыми собеседниками свой роман и выбегал из комнаты всякий раз, как о нём заходила речь.

¹⁰⁸ Соответственно 'не мочь, не уметь', *'вспом. гл. для обр-я нек-х отриц. видоврем. форм'*, 'путешественник'; общепринятое написание — can't, wouldn't, traveller.

¹⁰⁹ 'не'.

¹¹⁰ 'может ли это...'; следующее выражение — 'разве это...'

¹¹¹ 'не делать чего-л.'.

«do»¹¹² здесь пишется *полностью*. Что же касается такого слова, как «traveler», то правильный путь, на мой взгляд, следующий: *удваивать* согласную, если на данный слог падает ударение, в противном случае оставлять её *одинарной*. Это правило соблюдается во множестве случаев (например, мы удваиваем «r» в слове «preferred», но оставляем его одинарным в слове «offered»¹¹³), так что я всего лишь расширяю действие существующей закономерности на остальные случаи. Согласен, я не пользуюсь этим правилом при написании слова «parallel»¹¹⁴, но здесь оставить двойное «l» нас вынуждает этимология.

В Предисловии к Первой части были предложены две задачи, на которых мои читатели могли поупражняться в смекалке. Одна из них заключалась в обнаружении двух строк «набивки», которую мне пришлось впихнуть в кусок текста с начала 42-й до середины 45-й страницы. Это 23-я и 24-я строки на странице 44. Согласно второй задаче нужно было определить по песне Садовника (см. с. 61, 69, 72, 76, 88, 93, 122, 125), в каких случаях (если таковые случаи были) куплет подогнан под обрамляющий текст и в каких (если таковые были) текст подогнан под куплет Песни. Только в одном случае куплет был подогнан под текст: «Горсть Ключей и малых и больших» заменила собой Попугая, который «заучивал стих». На с. 69, 88 и 122 текст подгонялся под куплет. А на с. 76 ни куплет, ни текст не подверглись изменению: связь между ними оказалась счастливой случайностью.

В Предисловии к Первой части, на с. 2—5, я объяснил, как был выстроен сюжет «Сильвии и Бруно». Некоторые дополнительные детали возможно, будут нелишними для моих читателей.

Шёл 1873 год (так мне кажется *теперь*), когда меня в первый раз посетила мысль, что небольшая сказка, написанная ещё в 1867 году для

¹¹² ‘делать’.

¹¹³ Соответственно ‘предпочтённый’ и ‘предложенный’.

¹¹⁴ ‘параллель; параллельный; сравнивать, уподоблять’.

«Журнала тётушки Джуди» и названная мною «Месть Бруно», может послужить ядром более обширного рассказа. Такой вывод мне подсказывает найденный черновик последнего абзаца Второй части, который помечен 1873 годом. Как бы то ни было, а этот абзац ждал случая попасть в печать целых двадцать лет, что, кстати, более чем вдвое превышает срок, так предусмотрительно рекомендованный Горацием для «обуздания» собственных литературных достижений!

И вот в феврале 1885 года я вступил в переговоры с мистером Гарри Ферниссом на предмет иллюстраций к книге. Основной корпус обеих частей тогда уже существовал в рукописи, и моим первоначальным намерением было опубликовать книгу сразу *целиком*. В сентябре 1885 года я получил от мистера Фернисса первый набор рисунков — те четыре, что иллюстрировали «Питера и Пола»; в ноябре 1886 я получил второй набор — три рисунка, иллюстрировавших песню Профессора про «маленького старика с маленьким ружьишком»; и в январе 1887 года я получил третий набор — четыре иллюстрации к «Поросячьему визгу».

Так дело и шло: мы иллюстрировали сначала один отрывок, затем другой без всякой последовательности. Только с наступлением марта 1889 года, подсчитав количество страниц, в которое укладывалась вся книга, я решил разделить её на *две* части и опубликовать их по отдельности. Это повлекло необходимость написать для первого тома своего рода *заключение*, и *большинство* моих читателей, как мне кажется, приняли его за *настоящее* окончание книги, когда этот том вышел в свет в декабре 1889 года. Во всяком случае, среди тех писем, которые я после того получил, только в *одном* содержалось *некоторое* подозрение, что это не есть *окончательный* конец. Письмо было от девочки. Она писала: «Мы очень обрадовались, когда поняли, дочитав книжку до конца, что дело этим не оканчивается, потому что тогда вы будете писать продолжение».

Возможно, кое-кого из моих читателей заинтересует *теория*, на которой основан сюжет. Эта книга — попытка показать, какие бы нас ждали приключения, если бы феи и эльфы существовали в действительности и время от времени делались видимы для нас, а мы для них, и если бы порой они способны были принимать человеческий облик, а людям иногда удавалось подсмотреть за происходящим в Сказочном мире в минуты чудесного проникновения в него своей нематериальной сущностью, наподобие того как мы это находим в «Эзотерическом Буддизме».

Я предположил, что человеческие существа способны пребывать в разных психических состояниях с различающимися уровнями сознания. Они суть следующие:

- а) обычное состояние без осознания присутствия фей;
- б) состояние «наваждения», в котором, при полном осознании реального окружения, человек *также* сознаёт присутствие фей;
- в) вид транса, в котором, *не* осознавая своего реального окружения и фактически пребывая в забытии, человек (то есть его нематериальная сущность) проникает в иные сферы, в иную реальность, или Сказочную страну, и осознаёт присутствие её жителей.

Я предположил к тому же, что и феи с эльфами способны проникать в наш реальный мир из Сказочной страны и принимать, по желанию, человеческий облик; они также способны пребывать в разных психических состояниях:

- а) обычное состояние без осознания присутствия человеческих существ;
- б) своего рода состояние «наваждения», в котором они, если находятся в нашем реальном мире, сознают присутствие реальных человеческих существ, а если находятся у себя в Сказочной стране — то присутствие нематериальных сущностей человеческих существ.

В Предисловии к Первой части, на с. 2—5, я объяснил *происхождение* некоторых идей, воплощённых в книге. Возможно, моим читателям будут интересны дополнительные подробности.

I <часть>, с. 146. Весьма необычное применение дохлой мыши пришло из жизни. Однажды я набрёл в саду на двух весьма малолетних мальчуганов, игравших в микроскопическую игру «Крикет с одними воротами». Бита была, кажется, величиной со столовую ложку, а самая дальняя дистанция, которую смог покрыть шар при самом дерзком перелёте, достигала четырёх или пяти ярдов. *Точное* расстояние являлось, разумеется, предметом исключительной важности, и оно тщательно измерялось (игрок с битой и игрок с шаром делили этот труд на равных) дохлой мышью!

I, с. 183. Квазиматематические Аксиомы, приведенные Артуром на данной странице Первой части («Вещи, большие, чем точно такие же, будут больше одна другой» и «Все углы равны»), в действительности были совершенно серьёзно сформулированы студентами одного Университета, находящегося не далее ста миль от Или¹¹⁵.

II, с. 299. Реплика Бруно («Конечно, *нравиться* я могу») была на самом деле произнесена одним маленьким мальчиком.

II, с. 300. То же с репликой «Я знаю, как это *не* читается». А слова «Я просто покрутил глазами» я услышал из уст маленькой девочки, которая в это время решала предложенную мной головоломку.

II, с. 327. Разговор Бруно с самим собой («Конь тут за *nanu* и проч.») я взаправду слышал от одной маленькой девочки, глядевшей в окно железнодорожного вагона.

II, с. 377. Реплика, поданная на прощальном приёме одним из гостей, который просил блюда с фруктами («Они мне уже так давно захотелись»), как мне рассказывали, была произнесена великим Поэтом-

¹¹⁵ То есть студентами Кембриджа, от которого городок Или отстоит на двадцать четыре мили севернее по реке Кем.

Лауреатом, потерю которого весь читающий мир ещё так недавно горестно оплакивал¹¹⁶.

II, с. 395. Рассуждения Бруно по поводу возраста «Майн Герра» воспроизводят ответ маленькой девочки на вопрос: «Твоя бабушка старая женщина?» Эта юная особа осмотрительно ответила: «Не знаю, старая ли она; ей *восемьдесят три*».

II, с. 422. Речь по поводу Обструкции — отнюдь не плод моего воображения! Она списана *дословно* из колонки газеты *Standard* и была произнесена сэром Уильямом Харкортom, в то время членом «Оппозиции», в «Национальном либеральном клубе» 16 июля 1890 года¹¹⁷.

¹¹⁶ Так называлась должность придворного поэта, на которую назначали за незаурядные литературные заслуги. В обязанности поэта-лауреата входило сочинять стихи на события придворной жизни и по торжественным случаям. Здесь имеется в виду Альфред Теннисон (1809—1892), поэт-лауреат с 1850 года. До него это звание носили Роберт Саути (с 1813 по 1843 год) и Уильям Вордсворт (с 1843 по 1850 год).

¹¹⁷ Этот сэр Уильям Вернон Харкорт был двоюродным братом Августа Вернона Харкорта (1834—1919), учёного-химика и обитателя Крайст Чёрч, который заместил Роберта Дакворта во время лодочной прогулки с тремя сестричками Лидделл 6 августа 1862 года, то есть месяц спустя после такой же прогулки 4 июля. Во время этой второй прогулки, как отмечал Кэрролл в дневнике, дети требовали «продолжать мою бесконечную сказку о приключениях Алисы» (см.: Демурова Н. М. Льюис Кэрролл. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 151). «Вероятно, на этот раз ему удалось её закончить», — добавляет Демурова.

День 6 августа был пасмурным и дождливым; вероятно, популяризаторы творчества Кэрролла путают с этим днём день 4 июля, утверждая, что и сам Кэрролл, и Роберт Дакворт, и повзрослевшая Алиса — все ошибаются, называя час рождения сказки о приключениях Алисы «золотым полднем». 4 июля, вероятно, тоже шёл дождь, но — примерно с двух часов пополудни.

II, с. 497. Замечание Профессора по поводу хвостовой части собаки, что «с *этой* стороны она не кусается», было на самом деле высказано ребёнком, предупреждённым об опасности, которой он подвергается, тягая собаку за хвост.

II, с. 524, две последние строки, и с. 525, первые пять строк. Разговор между Сильвией и Бруно, занимающий эти строки, есть *дословная* запись подслушанного разговора двух детей¹¹⁸.

За один эпизод из настоящей части — «Пикник Бруно» — я могу поручиться, что он пригоден для рассказывания детям, поскольку сам проверял это не раз и не два; состояла ли моя аудитория из дюжины маленьких девочек в деревенской школе, либо из тридцати — сорока человек в лондонской гостиной, либо из целой сотни в Высшей школе, — всякий раз я убеждался, что слушатели чрезвычайно внимательны и тонко воспринимают ту весёлость, которой изобилует этот эпизод.

Напоследок позвольте воспользоваться случаем и обратить внимание на успешный, льщу себя надеждой, пример имитаторства на с. 47 первого тома. Не правда ли, имя «Себемет» прекрасно передаёт характер Под-правителя? Благосклонный читатель, несомненно, понимает, насколько бесполезным в хозяйстве предметом является медная труба, пока она просто лежит у вас на полке и вы в неё не дуете!¹¹⁹

¹¹⁸ Переводчик, в свою очередь, может сделать прибавление к этому перечню. В первой главе Второй части, сразу после «Песни Королька» (с. 303), в оригинале следует диалог между Сильвией и Бруно, основанный, как это часто случается в романе, на тонкостях словоупотребления. По-русски он непередаваем, поэтому переводчик заменил его другим диалогом; при этом реплики, «подаренные» им Бруно, переводчик на самом деле слышал от своего малолетнего сына.

¹¹⁹ Далее в тексте Предисловия Кэрролл предлагает читателям новое упражнение на смекалку: определить по стихотворению Другого Профессора «Поросячий визг», случайно или намеренно тот или иной из «Вступительных

Напоследок я приберёг одну-две более серьёзные темы.

В данном Предисловии я сначала намеревался более подробно, чем в предыдущем томе, обсудить вопрос «Нравственности Спорта», даже привести ссылки на письма, полученные мной от поклонников Спорта, в которых они указывают на множество замечательных преимуществ, получаемых человеком от Спорта, и пытаются доказать, что мученья, на которые обрекает животных это человеческое увлечение, слишком пустячные, чтобы о них вспоминать.

Но когда я обдумал этот вопрос и рассмотрел все доводы «за» и «против», то пришёл к выводу, что тема слишком значительна, чтобы заниматься ею здесь. Когда-нибудь я надеюсь опубликовать специальную статью¹²⁰. Теперь же я ограничусь изложением конечного вывода, к которому пришёл.

А суть его в том, что Бог предоставил Человеку абсолютное право забирать *жизни* других живых существ по *любой* разумной причине, например ради обеспечения себя пищей, но Он *не* давал Человеку права причинять *боль* кроме как по *необходимости*; и что жажда удовольствия или превосходство ещё не образуют такую необходимость, и, следовательно, боль, причиняемая ради *Спорта*, есть жестокость и потому зло. Но я нахожу этот вопрос гораздо более сложным, чем предполагал вначале, а «иск» со стороны Спортсмена более весомым, чем я предвидел. Так что на этот раз ничего больше не добавляю.

куплетов» содержит намёк на определённые события и персонажей романа. Переводчик вынужден был перестроить структуру «Поросячьего визга», отчего задача, к сожалению, отчасти лишилась смысла. Пытливого читателя мы вынуждены также с прискорбием предупредить, что в некоторых местах мы выпустили отдельные пассажи из разговоров Сильвии с Бруно как совершенно не поддающиеся художественному переводу.

¹²⁰ Такая статья не была написана.

Волну неодобрения вызвало тот суровое обличение проповедей, которое я вложил в уста Артура на с. 196, а также певческой службы и хористов на с. 193 и 195—196.

Я уже возражал против того, что будто бы сам готов подписаться под суждениями персонажей моего рассказа. Но в этих двух случаях, сознаюсь, я весьма сочувствую взглядам Артура. Я считаю, что наши священники чересчур обременены проповедями, и как следствие проповедуется много такого, чего вовсе не стоит слушать, а уж вследствие сего мы и приучаемся *не* слушать. Читатель данного абзаца, вероятно, присутствовал в это воскресенье на проповеди? Тогда пусть он назовёт, если сможет, её тему и попытается вспомнить, как проповедник с ней справился.

Теперь насчёт хористов и других вспомогательных средств — музыки, риз, процессий и проч., что вошло в моду всё разом. Откровенно признавая, что «ритуальное» течение явилось весьма кстати и что оно преобразило к лучшему нашу церковную службу, которая дошла до последней степени сухости и мертвенности, я всё же считаю, что, подобно многим другим достойным сочувствия течениям, оно далеко отнесло нас в противоположную сторону и породило новые опасности.

В отношении Конгрегации¹²¹ это новое течение вызывает ту опасность, что люди приучаются думать, будто богослужения созданы исключительно ради них, и телесное их *присутствие* — достаточный вклад с их стороны. Равным образом для клира и Конгрегации опасность заключается в том, что эти богослужения, проводимые по указке, будут видаться *самоцелью* (люди позабудут, что эти церемонии только

¹²¹ То есть преподавательского и административного состава Оксфордского университета. Подробнее о деятельности Конгрегации будет рассказано в тексте «Придинок оксфордского прохожего» и примечаниях к ним.

средство) и едва ли не фарсом, коль скоро не приносят плода при нашей жизни.

В отношении хористов — это опасность появления в них самодовольства, как описано на с. 193; опасность того, что они станут считать те части службы, когда их помощь не требуется, не заслуживающими внимания; риск сделать вывод, будто служба — всего лишь внешняя форма, последовательность притворных поз и слов, которые следует либо произнести, либо пропеть, в то время как *мысли* могут быть где угодно, — а также вероятие того, что фамилльярность породит презрение к священным предметам.

Позвольте проиллюстрировать последние два вида опасностей примерами из собственного опыта. Не так давно я присутствовал на службе в соборе, место моё было как раз позади шеренги мужчин, участников хора, поэтому я волей-неволей обратил внимание, что, когда наступило время чтения отрывков Священного Писания, у них был такой вид, будто это их не касается, а всего лишь предоставляет им несколько минут, чтобы разобраться со своими нотами. Кроме того, мой взгляд то и дело упирался в строй деток-хористов, которые, торжественно прошествовав к своим местам, встали на колени, будто бы для молитвы, и, с минуту повертев головой по сторонам, вновь поднялись на ноги. Было слишком очевидно, что отношение их смешливое. Неужели такая привычка *притворяться*, будто они молятся, не несёт для детей опасности? Как пример непочтительного отношения к священным вещам я назову один обычай, который многие мои читатели, несомненно, наблюдали в тех церквях, где духовенство и хор появляются торжественной процессией, а именно: по окончании личных молитв, которые творятся в ризнице и поэтому, разумеется, не слышны Конгрегации, финальное «Аминь» *выкрикивается*, чтобы его слышали все в церкви. Это сигнал для Конгрегации приготовиться встать, когда появится процессия; никому и в голову не придёт, будто этот выкрик производится с иной целью. Если мы вспомним, к Кому

обращено это «Аминь» в действительности, и примем во внимание использование в аналогичных целях церковного колокола, мы тут же убедимся, что перед нами пример вопиющей непочтительности. Для меня это всё равно что использовать Библию вместо скамеечки для ног.

Как пример опасности для самого клира, вызванной этим новым течением, позволю себе привести тот факт, подсказанный мне собственным опытом, что священнослужители данного направления особенно склонны пересказывать анекдоты, в которых предметом осмеяния служат самое священные имена и слова, а иногда и подлинные библейские тексты. Множество таких анекдотов подаются как первоначально сказанное *детьми*, чья незапятнанная невинность в вопросах зла должна, вне всякого сомнения, оправдать их в глазах Господа от любой вины; но не так с теми, кто *сознательно* использует подобные невинные огрехи как материал для своего кощунственного веселья.

Позвольте, однако ж, *совершенно серьёзно* добавить: я более чем уверен, что такая профанация во многих случаях *неосознанна*: «среда» (как я попытался объяснить на с. 366—368) производит в людях различие, и мне утешительно думать, что множество таких профанирующих историй — а мне их больно слышать и стыдно повторять — их ушей не режут и их совести не ранят и что они не менее искренне, чем я сам, произносят две молитвы: «*Да святится Имя Твоё*» и «*От ожесточения сердца и презрения к Твоему слову и заповеди, Господи, избавь нас*». К этому я желал бы ещё добавить, в интересах их и себя самого, прекрасную мольбу Кибла¹²²: «*Дай на каждый нам из дней Круг собратьев потесней!*» На самом деле над этой привычкой духовенства профанировать в повседневных разговорах я скорблю

¹²² Джон Кибл (1792—1866) — английский проповедник и религиозный поэт, один из отцов Оксфордского движения. В июне 1870 года Кэрролл присутствовал на торжественном открытии колледжа Кибла в Оксфорде, а в апреле 1876 года — на открытии Кибловской часовни.

исключительно из-за *последствий* — из-за серьёзной опасности, подстерегающей как говорящего, так и слушающего. *Верующего* слушателя подстерегает опасность утраты почтительности к святому, и это уже в результате того, что он всего лишь выслушает и посмеётся подобным шуткам, — а также искушение пересказать их для забавы других. *Неверующему* слушателю такое зрелище уполномоченных защитников веры, откровенно её предающих, приносит чаемое подтверждение его теории, будто религия — это сказка. А самому говорящему это неминуемо угрожает *утратой веры*. Ибо если кто-то произносит такие шутки, не осознавая их вреда, он также не осознаёт в тот момент *реального* существования Бога как *живого существа*, слышащего всё, что мы говорим. И тот, кто потворствует своей склонности отзываться подобным образом о священных предметах, не задумываясь об их значимости, едва ли не обнаружит, что Бог в его представлении обратился в миф, а небеса — в поэтическую фантазию — иначе говоря, что свет жизни для него померк, и в глубине души он атеист, потерявшийся в «*осязаемой тьме*»¹²³.

Я опасаясь, что в настоящее время усиливается тенденция непочтительного отношения к имени Господа и вещам, связанным с религией. Некоторые из наших театров способствуют этому покатному движению, выводя на сцене непристойные карикатуры на священников; некоторые из наших священников сами ему способствуют, показывая всем, что они умеют отложить в сторону дух почтительности вместе со своим стихарём и *вне* церковных стен подшучивать над именами и предметами, к которым они же питают почти суеверное благоговение *внутри*; «Армия спасения», боюсь, из самых лучших намерений много помогла этому упадку посредством той грубой фамильярности, с которой она третирует священные предметы; и теперь каждый, кто желает *жить в духе* молитвы «*Да святится Имя*

¹²³ Выражение из Библии: Исход, 10:21. «Осязаемая тьма», другое название «тьма египетская», — одна из десяти «казней египетских».

Твоё», должен прилагать все силы, сколь бы мало их у него ни было, чтобы с нею сверяться. Итак, рад был воспользоваться этой редкой возможностью, как бы предмет разговора ни шёл вразрез с Предисловием к книге такого рода, выразить некоторые мысли, которые долгое время тяготили мой разум. При написании Предисловия к Первой части я не ждал, что оно будет прочитано в том или ином существенном объёме, но мне приятно думать, основываясь на достигших меня свидетельствах, что значительную его часть всё же читали, и надеяться на то же в отношении данного Предисловия; думаю, среди прочитавших найдутся такие, кто с сочувствием встретят изложенные мной взгляды и будут готовы помочь, как молитвой, так и личным примером, возрождению в Обществе угасающего духа благоговения.

1893 г., Рождество.

ГЛАВА I. Бруно делает Уроки

В течение последующих двух месяцев я жил одними воспоминаниями, настолько невыносимо скучной и унылой казалась мне теперь моя одинокая городская жизнь. Я тосковал по милым моему сердцу друзьям, которых оставил в Эльфстоне, по нашим чаепитиям, во время которых мы неспешно рассуждали об учёных материях, по тому взаимопониманию, которое придавало рождавшимся при этом идеям живую и чёткую убедительность; но чаще всего я вспоминал свои встречи с двумя сказочными существами — а может, видениями из сна, ибо я так и не решил загадки, кем или чем те детишки были на самом деле, — чья непосредственная шаловливость волшебным светом озарила моё существование.

Сидение в конторе, которое, как я подозреваю, низводит большинство людей до умственного состояния кофемолки или стиральной доски, проходило своим чередом — именно в такие жизненные пробелы, в такие вот часы опустошения, когда

пресыщенному аппетиту уже несносны книги и газеты и когда истомлённый унылой созерцательностью человек силится — причём безуспешно — населить пустое пространство милыми лицами отсутствующих друзей, горечь настоящего одиночества ощущается сильнее всего.

Однажды вечером, чувствуя себя особенно изнурённым такой жизнью, я прямо из конторы отправился в свой клуб — не то чтобы в надежде повидаться с кем-либо из приятелей, ибо весь Лондон к этому времени «переехал в деревню», но в предвкушении хотя бы услышать «сладкие слова человеческой речи» и принять участие в простом человеческом обмене мнениями.

Тем не менее первый же человек, которого я там повстречал, оказался именно приятелем. Эрик Линдон, откинувшись в кресле, с довольно-таки «скучным» видом читал газету. Мы тотчас же предались беседе, даже не пытаясь скрывать обоюдного увлечения.

Спустя некоторое время я всё-таки отважился перейти к главному предмету, который завладел моими мыслями, стоило мне увидеть Эрика.

— А что же наш Доктор? — Это имя, принятое нами по молчаливому согласию, было удобным компромиссом между официальным «доктор Форестер» и фамильярным «Артур» — на последнее Эрик Линдон едва ли имел в моих глазах право. — К этому времени он, я полагаю, уже прибыл на новое место? Адрес его вам известен?

— Я думаю, он всё ещё в Эльфстоне, — ответил Эрик. — Только я не бывал там с тех пор, как мы с вами последний раз виделись.

Какой части этого сообщения было сильнее удивиться?

— А позвольте спросить — если только это не будет нескромностью с моей стороны, — когда же прозвенят для вас свадебные колокола? Или, быть может, они *уже* прозвенели?

— Нет, — отвечал Эрик ровным голосом, не выдающим и тени эмоций, — с *тем* соглашением покончено. Я всё ещё «Бенедикт-холостяк»¹²⁴.

Тут уж на меня нахлынули такие лучезарные мечты о возможности нового счастья для Артура, что дальше я всё равно не смог бы связно вести беседу, поэтому был рад первому же приличному предлогу, чтобы уединиться в тишине.

На следующий день я написал Артуру, сделав ему суровейший выговор за долгое молчание, который только смогло вывести моё перо, и потребовал, чтобы он без промедления написал мне, как у него обстоят дела.

Ответ должен был прийти только через три или четыре дня, если не позже, и никогда ещё дни мои не тащились от утра к вечеру с такой несносной медлительностью.

Однажды после полудня я, чтобы скоротать время, отправился в Кенсингтонские сады¹²⁵ и, бесцельно бродя по всем

¹²⁴ Герой комедии Шекспира «Много шума из ничего» — убеждённый холостяк, под конец всё-таки женившийся.

¹²⁵ Кенсингтонские сады — лесистый парк в западной части Лондона, примыкающий одной стороной к Гайд-парку, а другой стороной к старому Кенсингтонскому дворцу (в нём родилась королева Виктория). Английская беллетристика любит обращаться к теме «феи в Кенсингтонских садах». Первым это сделал, если мы не ошибаемся, Томас Тикелл (Tickell, 1685—1740) в поэме «Кенсингтонский сад» (sic! — 1722), ныне считающейся напыщенной и уж во всяком случае «книжной». В поэме описывается жизнь в Садах фей и эльфов во главе с Обероном. А уже в эпоху, следующую за Кэрролловой, в Кенсингтонские сады, на остров, расположенный посреди обширного пруда, общего для Садов и Гайд-парка, улетает через окно младенец Питер Пэн, герой повести Дж. М. Барри «Питер Пэн в Кенсингтонских садах» (1906; более известная повесть о Питере Пэне и Венди вышла в свет пятью годами позже). В 1912 году на берегу кенсингтонского пруда на средства самого Барри была даже установлена статуя Питера Пэна — «мальчика, который не

подворачивающимся дорожкам без разбору, вскоре почувствовал, что случайно забрёл на совершенно не знакомую мне тропку. К этому времени я и помнить не помнил ни о каких «наваждениях», и думать забыл о возможности встречи с моими сказочными друзьями. И вот, представьте себе, я замечаю маленькое существо, снующее в траве, окаймляющей мою тропинку. Это существо не походило на лягушку или насекомое, или какую-либо иную живую тварь, которую всякий узнает с первого взгляда. Осторожно опустившись на колени и сложив ладони крышечкой, я изловил непоседу — и тут же затрепетал от изумления и радости. Моим пленником оказался *Бруно* собственной персоной!

Тот воспринял своё пленение совершенно хладнокровно, и когда я поставил его на землю возле себя, чтобы легче было с ним разговаривать, он тотчас же затараторил, словно мы расстались всего несколько минут назад.

— Знаешь, какое *Правило* будет у тех, кто отыщет Эльфа, — сам, без подсказки?

— Нет, — ответил я. — Я даже не знал, что существуют какие-то правила для ловцов Эльфов.

— Мне *кажется*, ты имеешь *Правило* меня *съесть*, — сказал малыш, с ухмылкой превосходства глядя на меня снизу вверх. Как и прежде, его словоупотребление *слегка* отличалось от общепринятых норм. — Только я не совсем проверен. Ты пока не ешь, мы лучше спросим.

Что ж, подумал я, весьма разумно — не совершать неотменимого поступка, особенно *такого*, пока не наведёшь справок.

— Разумеется, я сначала спрошу, — заверил я. — К тому же я ещё не знаю, стоишь ли ты вообще того, чтобы тебя ели.

захотел стать взрослым». Тем не менее литературным героям могут встретиться в Садах и настоящие привидения — см., например, рассказ Уилки Коллинза «Прикосновение призрака».

— Стою, стою, я ведь очень вкусный, — убеждённо сообщил Бруно, словно этим стоило гордиться.

— А что ты здесь делаешь, Бруно?

— Не *так* ты меня зовёшь! — заявил маленький проказник. — Разве ты не знаешь, что меня зовут «Ох, Бруно!»? Сильвия меня так всегда зовёт, когда я отвечаю уроки.

— Так что ты здесь делаешь, Ох, Бруно?

— Уроки делаю, что ж ещё! — Ответ сопровождался плутовским блеском глаз — как всегда, когда Бруно знал, что его ответ поставит собеседника в тупик.

— Ого, значит вот как ты делаешь свои уроки? Наверно, так тебе лучше запоминается?

— *Мои* уроки легко поминаются, — сказал Бруно. — Вот уроки *Сильвии*, так те просто *ужас* как поминаются! — Он нахмурился, словно мучительно пытался что-то обмозговать, и постучал себе по лбу костяшками пальцев. — Не могу так сильно думать, чтобы их выучить! — в отчаянии признался он. — Тут, наверно, нужно думать *вдвойне*!

— А куда подевалась Сильвия?

— Хотел бы я это знать! — расстроено произнёс Бруно. — Что за польза сажать меня за уроки, когда она уходит и не может объяснить мне трудные места?

— Так я поищу её. — Встав с колен и склоняясь пополам, я обошёл вокруг дерева, высматривая Сильвию в траве. Прошла всего минута, и вновь я заметил необычное существо, рыскающее среди травы. Опустившись на колени, я нос к носу столкнулся с бесхитростным личиком Сильвии, которое при виде меня осветилось радостным удивлением, и услышал так хорошо знакомый мне мелодичный голосок. Мне показалось, что это было окончанием предложения, начало которого я пропустил:

— ...и теперь, наверно, он уже должен всё выполнить. Давайте к нему вернёмся. Ведь вы идёте со мной? Он с той стороны — надо только обойти вокруг дерева.

Ну, *мне* на это потребовалась бы всего пара шагов, но для Сильвии путь был неблизок, поэтому каждый шаг я делал медленно-медленно, чтобы малютка не отстала и не потерялась из виду.

Найти задания Бруно было проще простого: они были написаны чётким почерком на широких и гладких листьях плюща, беспорядочно разбросанных на пятачке голой земли, с которого повыщипали всю траву, вот только нигде не было видно самого изнурённого школяра, который, вообще-то, в данную минуту должен был над ними корпеть; мы искали его тут и там, и долгое время безуспешно, пока наконец острые глазки Сильвии не высмотрели братца, раскачивающегося на усике плюща, и тогда она строгим голосом приказала ему немедленно возвращаться к terra firma¹²⁶ и заняться насущными делами.

— Теперь, Бруно! — укоризненно продолжала она. — Я разве не говорила, что тебе нужно заниматься уроками, пока не услышишь иное?

— А я сразу услышал иное! — заявил Бруно с озорным блеском в глазах.

— *Что* ты услышал, озорник эдакий?

— А, просто сотрясение воздуха, — ответил Бруно. — Словно его взболтали. Вы такое когда-нибудь слышали, господин сударь?

— Но *спать* всё равно на них не надо, маленький ты ленивец! — Ибо Бруно завернулся в самое большое «задание», а другое приспособил на манер подушки.

— Я *не* сплю, — ответил Бруно глубоко уязвлённым тоном. — Если я зажимаю глаза, то это и значит, что я *разбужен*!

— Так, ну и сколько же ты выучил, говори!

¹²⁶ к твёрдой земле (лат.).

— Я выучил такой крошечный кусочек, — скромно отвечал Бруно, явно опасаясь переоценить свои достижения. — Больше выучить я *не мог!*

— Ну, как вам это нравится! Ты *можешь*.

— Конечно, *нравиться* я могу, — ответил изнуренный школяр, — а вот учиться — не всегда.

У Сильвии имелся способ — я его, правда, никогда не одобрял — уклоняться от логических затруднений, перед которыми её ставил собственный братец: она в таких случаях быстренько перескакивала на другую тему; теперь она применила ту же военную хитрость.

— Должна сказать тебе одну вещь...

— А знаете, господин сударь, — ехидно заметил Бруно, — эта Сильвия не умеет считать! Когда она говорит: «Я должна сказать *одну* вещь», мне сразу ясно, что она непременно скажет *две* вещи! Она всегда так делает.

— Две головы лучше, чем одна, Бруно, — сказал я, сам не понимая, к чему.

— Я не против иметь две головы, — пробормотал Бруно себе под нос. — Одна будет есть мой обед, а другая спорить с Сильвией. А вы думаете, что станете красивее, если у вас будет две головы, господин сударь?

Я заверил его, что нисколько в этом не сомневаюсь.

— Я знаю, почему Сильвия такая сердитая, — очень серьёзно, даже печально продолжал Бруно.

Сильвины глаза округлились от изумления этим новым и неожиданным поворотом в его рассуждениях. Но перебивать она не стала.

— Может, расскажешь мне об этом, когда закончишь уроки? — предложил я.

— Прекрасно, — проговорил Бруно, как бы подчиняясь необходимости. — Только тогда она уже не будет сердитой.

— Ему нужно сделать всего три урока, — объяснила мне Сильвия. — Чтение, Географию и Пенье.

— А как же *Арифметика*? — спросил я.

— Нет-нет, у него голова не для Арифметики...

— Конечно, не для Арифметики! — подтвердил Бруно. — У меня голова для *волос*. Будь у меня *много* голов...

— ...Поэтому он не может выучить Таблицу умножения...

— Мне гораздо больше нравится *История*, — сообщил Бруно. — А то всё повторяешь эту Таблицу изнеможения...

— Вот-вот, тебе нужно ещё повторить *Историю*.

— И совсем не нужно! — перебил Бруно. — История и так всегда повторяется. Это мне Профессор сказал.

Тем временем Сильвия выводила на доске буквы: E-V-I-L¹²⁷.

— Теперь, Бруно, — сказала она. — Прочти-ка по буквам.

Бруно в мрачном молчании с минуту глядел на буквы.

— Я знаю, как это *не* читается! — наконец сказал он.

— А что в том толку, — возразила Сильвия. — Скажи, как *читается*!

Бруно вновь воззрился на непосильную надпись.

— Ну, по буквам это читается «LIVE»¹²⁸, только если наоборот, — объявил он. Тут я и сам увидел — а ведь верно!

— Да *как* ты ухитрился так прочесть? — изумилась Сильвия.

— Я просто покрутил глазами и тогда ясно увидел. Ну, теперь можно мне спеть Песню Королька?

¹²⁷ ЗЛО (англ.).

¹²⁸ ЖИТЬ (англ.).

— Сначала География, — возразила Сильвия. — Тебе ведь известны Правила?

— Я думаю, что не должно быть так много Правил, Сильвия! Я думаю...

— Да, маленький проказник, так много Правил быть *должно*! И кто тебе вообще позволил *рассуждать*? Закрой рот немедленно! — И она продолжала, обращаясь ко мне: — Я покажу вам Карту, по которой он должен ответить урок.

И она тотчас появилась — огромная Карта мира, расстеленная на земле. Она была такой большой, что Бруно пришлось заползти прямо на неё, чтобы дотянуться указкой до мест, названных в Уроке Королька.

— Когда Королёк видит, как по лесу летит Божья Коровка, он бежит за ней и говорит на бегу: «Спускайся, погово-*Рим*! Если ты голодна, я дам тебе *Сахару* и *Мидию*». Когда она спустилась, он её спрашивает: «*Карпа* ты видала? Я только что поймал его на *Пруте*!» Потом он говорит: «Покувыркаемся в *Сене*!» Когда они покувыркались, он ей говорит: «Спляшем для разнообр-*Азия*!» А когда Божья Коровка улетала, он закричал ей вослед: «До сви-*Дания*!»

— Замечательно! — воскликнула Сильвия. — Вот теперь можешь спеть Песню Королька.

— Припев нужно петь хором. Вы подтянете? — спросил меня Бруно.

Только я хотел сказать, что не знаю *слов*, как Сильвия молча перевернула карту, и моим глазам открылись куплеты, написанные на обратной стороне. В одном отношении песня была *очень* необычной: припев приходился на *середину* каждого куплета, вместо того чтобы следовать в *конце*. Мелодия, однако, оказалась несложной, и я легко её подхватил. В общем, с припевом я справлялся удачно, насколько может удаваться одному человеку исполнение припева *хором*. Напрасно я подавал знаки Сильвии, чтобы она мне подсобила, — маленькая фея только ласково улыбалась и качала головой.

К Коровке юркнул Королёк на стебелёк зелёный

(Припев: **Коровки Божьи в траве пасутся тоже!**):

«Сыщи мне ровню, душка:

Вот носик, глазки, ушко,

Хоть воробья

Поменьше я

(Немножечко!), но всё же

Моя головка золотой увенчана короной!»

«Головка на Булавке, — ответила Коровка.

(Припев: **У птичек певчих головки есть и крепче!**) —

Торчит себе Булавка,

Как полевая травка,

И потому

О ней тому

Напомню я при встрече,

Кто — скок ко мне воробышком, да не отменно ловко!

В ушке Иголки — нитка, — продолжила Коровка.

(Припев: **Медвежьи ушки насобираем в кружки!**) —

Примером вам Иголка:

Она тонка и колка,

И потому

Она к тому

Не попадёт в подружки,

Чья „рассуждений нить“ порой похлеще, чем верёвка!

Подумаешь, корона! — закончила Коровка.

(Припев: **Найдём корону на Паву и Ворону!**) —

Корона золотая —
Вещица не простая:
Она как тот
Заморский плод,
Почти под стать Лимону;
А у тебя на темени обычная Морковка!»

— И он ушёл, — добавил Бруно в качестве своеобразного примечания, когда замерла последняя нота.

— И далеко он ушёл? — Я чувствовал задор и хотел продолжения.

— Нет, вскоре путь ему преградила стая коров.

— Ох, Бруно, *милый!* — Это, разумеется, вмешалась Сильвия, на долю которой всегда выпадало поправлять братца. — Надо говорить «стадо коров»; стая бывает у птиц.

Бруно недовольно взмахнул на неё глазами, но я поспешил вмешаться:

— А потом?

— А потом, — продолжал он, — ему встретилось стадо собак.

— Нельзя говорить «стадо собак», — снова поправила Сильвия. — Нужно говорить «стая собак».

— Нельзя говорить «стая собак», — возразил Бруно. — Собаки не птицы.

На этот раз Сильвия уклонилась от спора и, объявив: «Уроки закончены!», принялась сворачивать карту.

— Как, и никакого *рёва?* — спросил я, стараясь, чтобы в голосе звучало удивление. — Маленькие мальчики *всегда* режут над уроками, разве не так?

— Я никогда не реву после двенадцати, — объяснил Бруно, — ведь уже подходит время обеда.

— Только по утрам иногда, — вставила Сильвия. — Когда день Географии и он становится непос...

— Ну, чего ты всё встречаешь, Сильвия! — не выдержал Бруно. — Что, думаешь, мир создан только *тебе* для разговору?

— Где же мне говорить, по-твоему? — Сильвия тоже не выдержала и настроилась спорить.

Но и Бруно был настроен решительно.

— Я не собираюсь с тобой ругаться, потому что уже поздно и у меня нету времени, но только ты как всегда не права!

Спор был внезапно прерван вспышкой молнии, за которой сразу же последовал раскат грома и поток дождевых капель, которые с громкими хлопками и брызгая во все стороны прорывались сквозь листву укрывавшего нас дерева.

— Льёт как из ведра! — вырвалось у меня.

— Это очень большое ведро, — сказал Бруно. — И оно само иногда на землю падает. С грохотом.

Через какую-то минуту капельные шлепки прекратились — так же внезапно, как и начались. Я выступил из-под дерева взглянуть на небо. Буря пронеслась; но, вернувшись под крону, я безуспешно искал глазами моих микроскопических друзей. Они исчезли вместе с бурей, и мне ничего не оставалось, как отправляться домой.

На письменном столе я увидел ожидающий моего возвращения конверт того особенного жёлтого цвета, который всегда оповещает о телеграмме и который в памяти столь многих из нас нераздельно связан с каким-нибудь большим и внезапным горем — с чем-то таким, что тёмным облаком, которое никогда уже до конца не рассеется в этом мире, вдруг затмевает яркий свет Жизни. Правда, он *также*, и нередко, способен возвещать внезапную радостную новость, но это, я считаю, для него нехарактерно; вероятно, в целом человеческая жизнь содержит больше горя, чем радости. Таков уж мир. Кто знает, почему?

Всё же на этот раз никакой горестный удар на меня не обрушился: те несколько слов, которые содержались в телеграмме («Не смог преодолеть себя и написать. Приезжай поскорее. Буду рад, как всегда. Письмо — следом. Артур»), так явственно прозвучали для меня речью самого Артура, что я затрепетал от радости и бросился собираться в дорогу.

ГЛАВА II. Благовест Любви

— Железнодорожный узел Фейфилд! Пересадка на Эльфстон!

Что за смутные воспоминания, связанные с этими простыми словами, вызвали наплыв радостных мыслей, захлестнувших моё сознание? Из вагона я выбрался в счастливом возбуждении, причина которого мне самому вначале была непонятна. Да, раньше я уже проделал точно такое же путешествие и в такое же самое время суток шесть месяцев назад, но ведь с тех пор столько всего произошло, а память старика слабо удерживает недавние события, поэтому напрасно я искал это «недостающее звено». Внезапно мой взгляд упал на скамью — единственную на этой унылой платформе — и на сидящую на ней девушку; тут-то и вспыхнула в моём мозгу забытая сцена, да так живо, словно всё повторилось вновь.

«Вот и ответ, — подумал я. — Эта убогая платформа полна для меня памяти о той давней встрече! Она сидела на этой самой скамье и приглашала меня присесть рядышком цитатой из „Гамлета“... Забыл, какой. А что если применить графский метод Драматизации Жизни — представить Жизнь этакой Пьесой, вообразив, будто сидящая фигура принадлежит леди Мюриел, да подольше не возвращаться к действительности!»

И я зашагал вдоль платформы, изо всей силы воображая («понарошку», как говорят дети), что обыкновенная пассажирка, сидящая на скамье, не кто иная, как леди Мюриел, которую я при этом старательно вспоминал. Её лицо было повернуто в другую сторону, что

только способствовало продуманному самообману, в котором я упражнялся, однако невзирая на всё моё старание тоже глядеть в другую сторону, чтобы продлить приятную иллюзию, мне неминуемо предстояло, дойдя до конца платформы и развернувшись идти назад, увидеть пассажирку в лицо. Это и была леди Мюриел!

Забытая сцена теперь живо предстала перед взором моей памяти, и чтобы сделать её повторение ещё более невероятным, рядом с ней оказался тот самый старик, которого, как я теперь припомнил, в первый раз грубо согнал со скамьи станционный смотритель, чтобы освободить место для титулованной приезжей. Тот, да «с отличием». Он уже не ковылял по платформе на дрожащих ногах, но как ни в чём не бывало сидел рядом с леди Мюриел и впридачу разговаривал с нею!

— Ну же, кладите в кошелёк, — говорила она, — и помните, что вы должны потратить это на *Минни*. Обязательно принесите ей что-нибудь полезное, что-нибудь по-настоящему нужное! И привет от меня! — Леди Мюриел произносила эти слова с таким увлечением, что, хотя звук моих шагов заставил её поднять на меня глаза, в первую минуту она меня не признала.

Приблизившись, я приподнял шляпу, и тут её лицо осветилось неподдельной радостью, отчего мне тотчас вспомнилось ясное личико Сильвии — там, в Кенсингтонских садах. Я словно опешил. А она, вместо того чтобы побеспокоить бедного старичка, сидевшего рядом, сама вскочила со скамьи, и вот уже мы вдвоём принялись расхаживать взад-вперёд по платформе. Минуту-другую наша беседа была пустой и бессодержательной, словно мы были всего-навсего двумя случайными гостями, сошедшими в заурядной лондонской гостинной; похоже было, что каждый из нас опасается задевать те скрытые в глубине нити, что связали наши жизни вместе.

Пока мы разговаривали, к платформе подкатил Эльфстонский поезд. Повинуясь подобострастному напоминанию станционного смотрителя («Сюда, миледи! Прощу поторопиться!»), мы направились в

самый конец платформы, где находился единственный вагон первого класса. Когда мы поравнялись с опустевшей скамьёй, леди Мюриел заметила лежащий на ней кошелёк, в который недавно так тщательно был упрятан её дар. Владелец кошелька, совершенно не догадываясь о своей потере, влезал, поддерживаемый кондуктором, в вагон на другом конце поезда.

— Вот растяпа! — воскликнула она. — Неужто так и уедет, чтобы дома обнаружить пропажу!

— Давайте я возьму кошелёк и сбегая к нему. У меня это получится быстрее.

Но она была уже на полпути. Она летела («бежала» — слишком обыденное слово для её движений, подобных порханию феи) с такой стремительностью, что в любом случае безнадёжно оставила бы меня позади.

Вернулась она скорее, чем я закончил своё дерзкое хвастовство насчёт бега наперегонки, и пока мы взбирались в наш вагон, проговорила с притворной скромностью:

— Так вы считаете, что могли бы сделать это быстрее?

— Куда там! — ответил я. — Признаю себя виновным в преувеличении и отдаюсь на милость суда!

— Суд будет снисходителен — на этот раз! — Тут игривость в её поведении сменилась обеспокоенностью. — У вас неважный вид! Когда вы нас покидали, то вид у вас был здоровее. Подозреваю, что Лондон не пошёл вам на пользу.

— Должно быть, лондонский воздух виноват, — сказал я. — Или утомительная работа. Или моя слишком одинокая жизнь. Но как бы то ни было, а в последнее время я и впрямь чувствую себя неважно. Но Эльфстон мигом меня излечит. Предписания Артура таковы — а он, как вы понимаете, мой врач, и сегодня утром я получил от него весточку, — побольше озона, парное молоко и главное — *приятное общество!*

— Приятное общество? — сказала леди Мюриел с весёлым удивлением. — Уж и не знаю, где нам сыскать-то для вас *такое*! На соседей мы небогаты. Но парное молоко мы вам раздобудем. У моей давней приятельницы миссис Хантер, что живёт на холме. На *качество* можете положиться. А её маленькая Бесси каждый день по дороге в школу проходит мимо вашего дома. Так что посылать вам молоко будет для них проще простого.

— С удовольствием последую вашему совету, — ответил я. — Завтра же схожу к ним и договорюсь. Да и Артуру, я-то знаю, не помешает прогулка.

— Вы не утомитесь, вот увидите, — до фермы не более трёх миль.

— Что ж, раз мы решили этот вопрос, позвольте вернуть вам ваше замечание. На мой взгляд, у вас вид тоже не лучший.

— Увы, это так, — тихо ответила она, и её лицо внезапно потемнело. — В последнее время мне пришлось нелегко. Я давно хотела посоветоваться с вами на этот счёт, но написать у меня рука не поднималась. И я так рада теперешней возможности! Считаете ли вы, — начала она после минутного молчания и с видимым замешательством, столь для неё нехарактерным, — что обещание, которое человек дал обдуманно и, в общем, официально, *непрерменно* нужно выполнить — за исключением разве что случаев, когда для этого требуется совершить что-нибудь откровенно *низкое*?

— И вправду, другие исключения на ум не приходят, — признался я. — По-моему, тут возможна единственная зацепка: искренне или нет давалось обещание...

— Но так ли это? — нетерпеливо перебила она меня. — Я всегда полагала, что учение Библии на этот счёт содержится в словах «*не лгите друг другу*».

— Я размышлял над этим вопросом, и мне видится, что сущность *лжи* заключается в намерении *обмануть*. Если вы даёте обещание с *намерением* неукоснительно его исполнить, *тогда* вы поступаете

искренне, и если впоследствии вы нарушаете обещание, это не имеет никакого отношения к *обману*. Я бы не назвал такого человека *бесчестным*.

Вновь на минуту воцарилось молчание. По лицу леди Мюриел трудно было разобрать, о чём она думает, — мне казалось, что мой ответ пришёлся ей по душе, но одновременно вызвал новые вопросы; и мне страшно захотелось узнать, не связана ли её озабоченность (как я уже заподозрил) с разрывом помолвки с капитаном (теперь майором) Линдоном.

— Вы сняли у меня с души тяжёлый груз, — призналась она, — но есть в этом некая *неправота*. А какие тексты вы можете привести, чтобы это опровергнуть?

— Да любые, где речь идёт о том, чтобы платить *долги*. Если один человек что-то пообещал другому, то этот второй имеет к первому иск. И низость, совершённая первым человеком, когда он нарушил своё обещание, скорее наводит на мысль о *краже*, чем о *лжи*.

— Это ново... для меня, во всяком случае, — сказала она, — но в то же время кажется и *верным*. Однако не хочу рассуждать отвлечённо с таким старым другом, как вы. А мы ведь старые друзья, по-своему. Вы знаете, мне кажется, что мы *начали*, как старые друзья! — добавила она тем весёлым тоном, который так не вязался со слезами, блесневшими у неё в глазах.

— От всей души благодарю вас за эти слова! — ответил я. — Мне ведь и самому всегда приятно было думать о вас как о старом друге. — В случае любой другой девушки неизбежным было бы продолжение: «...хоть “старая” — это не про вас!» — однако мы с леди Мюриел давно оставили позади те времена, когда разговор следовало сдабривать комплиментами и прочими светскими банальностями.

Тут поезд остановился на какой-то станции, и в вагон вошли два-три пассажира, поэтому до самого конца путешествия мы больше не разговаривали.

По прибытии в Эльфстон леди Мюриел с готовностью приняла моё предложение пройти пешком, а потому как только наш багаж оказался пристроен — её вещи подхватили слуги, дожидавшиеся леди Мюриел на станции, а мои какой-то носильщик, — мы сразу же отправились по знакомым тропинкам, связанным в моей памяти со столькими приятными приключениями. Леди Мюриел немедленно возобновила разговор с того самого места, на котором он был прерван.

— Вы ведь знаете: я была помолвлена с моим кузеном Эриком. А вот известно ли вам...

— Да, — перебил я, желая уберечь её от изложения болезненных подробностей. — Я слышал, что всё закончилось ничем.

— Мне хочется рассказать вам, как всё случилось, — продолжала она, — поскольку это и есть то дело, по которому я хотела просить у вас совета. Я давно поняла, что мы с ним не сходимся убеждениями. Его представления о Христианстве довольно смутны, и даже касательно вопроса о существовании Бога он пребывает, я бы сказала, в стране фантазий. Но это не отразилось на его жизни! Теперь-то я не отрицаю, что даже самый закоренелый атеист способен вести чистую и возвышенную жизнь, хотя бы и двигаясь на ощупь. Если бы вы знали половину тех добрых дел... — она внезапно остановилась и отвернула голову.

— Полностью с вами согласен, — сказал я. — И разве наш Спаситель не обещал нам, что такая жизнь непременно приведёт к свету?

— Да, я знаю, — сказала она срывающимся голосом, всё ещё не поворачивая ко мне лица. — Я говорила ему то же самое. Он ответил, что непременно уверовал бы ради *меня*, если бы мог. И что он очень хотел бы ради *меня* увидеть всё моими глазами. Но это всё не то! — с горячностью воскликнула она. — Бог *никак* не одобрит подобные мелочные побуждения! И потом, это вовсе не я расторгла помолвку. Я знала, что он меня любит, и я *обещала*, и...

— Так значит, это *он* расторг помолвку?

— Он вернул мне моё слово. — Тут она вновь взглянула мне в лицо, уже обретя прежнюю сдержанность манер.

— Тогда в чём же дело?

— А *в том*, что я не верю, будто он сделал это по доброй воле. Ну, предположим, что он сделал это *против* воли, просто чтобы успокоить мои сомнения, — ведь в этом случае его притязания на меня остаются такими же законными, как и прежде? И разве освободилась я от данного мной слова? Отец говорит — да, но я боюсь, что он пристрастен из родительской любви. И спросить больше не у кого. У меня много друзей, друзей для светлого солнечного дня, а не таких, которые нужны, когда жизнь затягивается тучами и надвигается гроза; не таких *старых* друзей, как вы.

— Позвольте подумать, — сказал я, и некоторое время мы шли молча, пока, поражённый в самое сердце видом горчайшего испытания, которое пало на эту чистую и возвышенную душу, я напрасно искал выход из запутанного клубка конфликтующих мотивов.

«Если она искренне его любит, — вот я и ухватил, казалось, ключ к проблеме, — не есть ли *в том* глас Господа к ней? Может ли она не понимать, что послана ему как Анания был послан Саулу в его слепоте, чтобы тот мог прозреть?» И вновь мне почудилось, будто я слышу шёпот Артура: «*Почему ты знаешь, жена, не спасёшь ли мужа?*» И я нарушил молчание.

— Если только вы искренне его любите...

— Но я *не люблю!* — воскликнула она, не дав мне договорить. — По крайней мере, не *в том* смысле. *Кажется*, я любила его, когда давала обещание, но тогда я была ещё очень молода... это трудно объяснить. Но каково бы ни было моё чувство, *теперь* оно умерло. С *его* стороны побуждение — это Любовь, с *моей* же — Долг!

И вновь наступило молчание. Клубок мыслей запутался пуще прежнего. На этот раз тишину нарушила *она*.

— Поймите меня правильно. Когда я сказала, что моё сердце не отдано *ему*, я не имела в виду, что у меня есть кто-то другой. Я и сейчас чувствую себя связанной только с *ним*, и пока я не уверюсь, что долг больше не препятствует мне полюбить кого-либо другого, ни о ком я даже не *помыслю* — с *этой* точки зрения, я хочу сказать. Скорее умру!

Я и не предполагал, что мой нежный друг способна на такие страстные признания.

Больше я не позволял себе высказываться вслух, пока мы не подошли к воротам Усадьбы, однако чем дольше я размышлял, тем яснее мне виделось, что зов Долга вовсе не имеет права требовать какой-то жертвы — а особенно счастья всей жизни, — на которую она готова была пойти. Я попытался растолковать свою точку зрения и ей, добавив некоторые предостережения по поводу опасности, которая непременно подстерегала бы союз, коему недостаёт обоюдной любви.

— Единственный довод, который можно привести «за», — добавил я в конце, — так это предположительное *сожаление* вашего майора, когда он возвращал вам слово. Сейчас я мысленно придаю этому аргументу самый полный вес, и мой вывод таков, что он не может повлиять на права сторон или отменить освобождение, которое он вам дал. Я убежден в том, что вы абсолютно свободны поступать так, как *ныне* находите правильным.

— Как я вам благодарна! — с порывом воскликнула леди Мюриел. — Поверьте мне! Не могу даже выразить! — И эта тема по общему согласию была закрыта; только много дней спустя мне стало ясно, что наша дискуссия и в самом деле помогла развеять сомнения, которые так долго отравляли ей жизнь.

У ворот Усадьбы мы расстались; Артура я нашёл нетерпеливо ожидающим моего прибытия, и перед тем как мы разошлись по своим спальням, я услышал от него всю историю: как он откладывал отъезд со дня на день, чувствуя себя не в силах сняться с места, пока

совершённое у него на глазах бракосочетание не решит его судьбу безвозвратно; как подготовка к свадьбе и волнение в округе внезапно прекратились и он услышал от майора Линдона (который зашёл к нему проститься), что помолвка расторгнута по обоюдному согласию; как он тотчас же отказался от своего намерения ехать за море и решил остаться в Эльфстоне ещё год-другой, пока его вновь пробуждённые надежды не воплотятся в жизнь или не рухнут окончательно; и как с того памятного дня он стал избегать любых встреч с леди Мюриел из опасения выдать свои чувства прежде, чем у него появятся недвусмысленные свидетельства того, как она сама к нему относится. «Но вот уже скоро шесть недель, как всё случилось, — добавил он в заключение, — и теперь мы снова можем видеться, как и раньше, словно ничего этого не было. Я бы рассказал тебе обо всём в письме, да только день ото дня всё надеялся, что мне будет *больше* о чём рассказать!»

— Да откуда же возьмётся *больше*, недотёпа, — с дружеской нежностью пожурил его я, — коли ты близко к ней не подходишь? Неужто ожидаешь, что она сама сделает тебе предложение?

Артур невольно улыбнулся.

— Нет, — сказал он, — *этого* я не жду. Но я неизлечимый трусишка. Теперь и сам это вижу!

— А причина, причина? Скажи, передавали тебе, по какой *причине* они расторгли помолвку?

— О, по многим! — ответил Артур и принялся перечислять по пальцам. — Во-первых, выяснилось, что она вот-вот умрёт от... чего-то там, поэтому *он* расторг помолвку. Во-вторых, развели, что он вот-вот умрёт от... чего-то другого, поэтому *она* расторгла помолвку. Затем всплыло, что майор — закоренелый картёжник, поэтому *граф* расторг помолвку. Далее... граф оскорбил его, поэтому *майор* расторг помолвку. Да, если всё перебрать, то какая уж тут помолвка!

— И всё это известно тебе из самых надёжных источников, не правда ли?

— О, конечно! И сообщено под строжайшим секретом! Эльфстоновское общество отнюдь не страдает от *недостатка сведений*!

— И от *сдержанности*, я бы добавил. Нет, серьёзно, настоящая причина тебе известна?

— Я в полной темноте.

Вносить свет я чувствовал себя не вправе, поэтому перевёл разговор на менее захватывающий предмет — парное молоко, и мы сошлись на том, что завтра же утром я отправляюсь на ферму Хантера и Артур проводит меня часть пути, прежде чем вернуться к своим профессиональным обязанностям.

ГЛАВА III. Проблески новой зари

Следующее утро выдалось тёплым и солнечным, и мы вышли пораньше, чтобы вдоволь наговориться перед тем, как Артур вынужден будет отправиться по делам.

— А бедноты в округе побольше, чем обычно бывает в городках, — заметил я, когда мы проходили мимо скопления лачуг, слишком ветхих, чтобы заслуживать названия деревенских коттеджей.

— Зато наши немногие богачи, — ответил Артур, — жертвуют побольше, чем обычно требует благотворительность. Так что равновесие сохраняется.

— И *граф*, я полагаю, не отстаёт?

— Щедрый даритель, это верно; но на что-нибудь большее у него не хватает ни сил, ни здоровья. Другое дело леди Мюриел. Она гораздо живее интересуется школьными делами и бытом наших обывателей, чем желала бы мне показать.

— Она, значит, не принадлежит к разряду «праздных едоков», столь часто встречающихся в высших слоях. Иногда меня посещает

мысль, что им туго придётся, если у них внезапно потребуют предъявить свой *raison d'être*¹²⁹ и представить доводы, почему им должно быть позволено существовать дальше!

— Всё дело в том, — сказал Артур, — кого называть «праздными едоками» (я говорю о тех, кто поглощает те или иные материальные блага общества, будь то еда, одежда и прочее, без равноценной отдачи в виде производительного труда). Вопрос непростой. Я пытался над ним размышлять. В простейшем случае, по-моему, чтобы начать хоть с чего-то, следует рассмотреть общество без денег, когда купля — продажа совершается исключительно путём натурального обмена, а чтобы было ещё проще — предположить при этом, что еду и прочие блага можно *хранить* без ущерба в течение многих лет.

— Так-так, интересно, — сказал я, — и каково же твоё решение?

— А моё решение таково, — заявил Артур, — что наиболее распространённый тип «праздного едока» возникает оттого, что родители оставляют деньги собственным детям. Я представил себе человека — исключительно умного либо же исключительно трудолюбивого, — который внёс столько ценного труда на благо общества, что его эквивалент — одежда, там, и прочее — в пять, скажем, раз превосходит его собственные потребности. Мы не можем отказать ему в *полнейшем* праве поступать с излишками богатства как ему заблагорассудится. Так, предположим, что он оставил после себя четверых детей (двух сыновей и двух дочерей, к примеру), снабдив их всем необходимым по гроб жизни, и я не думаю, что *социум* хоть в малой степени пострадает, если они предпочтут ничем всю жизнь не заниматься, а только «есть, пить и веселиться». Социум, строго говоря, поступит несправедливо, если будет настаивать на принципе «кто не работает, тот не ест» в отношении *их*. Ведь на этот счёт у них имеется неопровержимый ответ: «Работа давно уже *сделана*; мы съедим равноценное количество пищи, а свою прибыль вы уже получили. Из

¹²⁹ смысл существования (*фр.*).

каких соображений о справедливости вы требуете *двойной* работы за одно и то же количество пищи?»

— Но послушай, — возразил я, — иногда случается, что этот принцип не совсем справедлив, ведь может оказаться, что эти четверо способны произвести полезную работу, в которой социум будет по-настоящему нуждаться, а они предпочтут праздно отсиживаться.

— Такое возможно, — сказал Артур, — но по-моему, исходить тут следует уже из Божеского закона: каждый должен делать всё, на что способен, ради своих ближних, а не потому, что социум имеет право взыскивать труд равноценно пище, которая уже была честно заработана.

— Мне кажется, что *следующая* постановка вопроса будет касаться той ситуации, когда «праздные едоки» обладают *деньгами* вместо *материальных* благ?

— Вот именно, — ответил Артур, — и ради простоты пусть это будут *бумажные* деньги. *Золото* — это ведь тоже форма материального богатства, в то время как ассигнация есть просто-напросто *обещание* передать в руки того, кто ею владеет, соответствующее *материальное* богатство по первому же требованию. Отец наших четверых «праздных едоков» произвёл своей полезной работой, допустим, ценностей на пять тысяч фунтов. В обмен на это общество отдало ему что причитается, в виде письменного обещания снабдить его, когда он потребует, пищей и прочим на пять тысяч фунтов. Если он потратит только *одну* тысячу на материальные блага, а остальные деньги в ассигнациях оставит детям, то они, разумеется, получают полное право предъявить эти письменные обещания и сказать: «Дайте нам пищу, за которую уже была сделана равноценная работа». И вот я думаю, что *этот* случай стоит того, чтобы выставить его публично и недвусмысленно. Хотел бы я ввести его в головы тем Социалистам, которые внушают нашим тёмным беднякам настроения вроде: «Только посмотрите на этих разжиревших аристократов! Сами ни пальцем не пошевелинут, а живут за счёт пота

наших спин!» Лично я *принудил* бы их уразуметь, что *деньги*, которые тратят эти «аристократы», представляют собой не что иное, как громадную работу, *уже* сделанную для общества, чей эквивалент в виде материального богатства общество обязано им уплатить.

— Социалисты на это найдут что ответить. «Большинство этих денег, — скажут они, — вовсе не означают *честный* труд. Стоит проследить их происхождение от владельца к владельцу, как вы очень скоро, хотя и начав с нескольких, возможно, законных шагов, таких как дарение или наследование по завещанию, всё равно наткнётесь на владельца, который не имел на них морального права, но получил их путём мошенничества или иного преступления; и все подряд его наследники имеют на эти деньги не больше права, чем *он*».

— Несомненно, несомненно, — отозвался Артур. — Но всё же такое рассуждение заключает в себе логическую ошибку — *превышение доказательства*. Ведь с материальным богатством дело обстоит точно так же, как и с деньгами. Коль скоро мы решились вернуться вспять, отталкиваясь от ситуации, когда *сегодняшний* владелец собственности завладел ею честным путём, и выясняем, не получил ли её некий прежний владелец в далёкие времена мошенническим образом, то может ли вообще хоть *какая-то* собственность быть в безопасности?

Поразмыслив с минуту, я вынужден был признать справедливость Артуровых слов.

— Мой главный вывод, — продолжал Артур, — основанный на простом утверждении человеческих *прав*, прав человека по отношению к человеку, оказался таков: если какой-то «праздный едок», получивший свои деньги законным путём, хотя бы ни грана подразумеваемого под ними труда он не совершил лично, решит потратить их все на собственные нужды, не совершая никакой работы для социума, у которого он покупает пищу и одежду, социум не имеет *права* ему препятствовать. Но совсем другое дело, когда мы принимаем во внимание *Божеский* закон. По его меркам такой человек,

несомненно, поступает нехорошо, если не пользуется случаем применить на благо нуждающихся силу или умение, которыми наградил его Господь. Эта сила и это умение ведь *не* принадлежат социуму, чтобы оплатить их как *долг* перед *последним*; они *не* принадлежат также *самому* человеку, чтобы он пользовался ими только для собственного удовольствия, — они принадлежат Богу и должны использоваться согласно *Его* воле, а у нас не может быть сомнений, в чём Его воля. «*Благотворите, и займы дайте, не ожидая ничего*»¹³⁰.

— Как бы то ни было, — сказал я, — «праздные едоки» очень часто и помногу жертвуют на благотворительные цели.

— На *так называемые* благотворительные, — вздохнул Артур. — Извини, что отзываюсь об их благотворительности неблагоприятно. Я не хотел указать на кого-либо *персонально*. Но если говорить *вообще*, то человек, который спешит удовлетворить любую фантазию, что только взбрѣдет ему в голову, не отказывая себе ни в чём, и всего лишь уделяет беднякам малую толику, да пусть даже *всѣ*, от *избытков* своего богатства, просто-напросто обманывает себя, называя это *благотворительностью*.

— Но даже отдавая *избыток* богатства, он, *возможно*, отказывает себе в удовольствии скряги — чахнуть над своими сокровищами.

— Не стану спорить, — улыбнулся Артур. — Если уж он имеет это нездоровое влечение, то делает доброе дело, сопротивляясь ему.

— Но даже тратя их на *себя*, — настаивал я, — наш типичный богачей частенько делает добро, а именно тем, что нанимает людей, которые иначе не имели бы работы, а это зачастую лучше, чем развращать их, просто *раздавая* деньги.

— Прекрасно и по делу сказано! — оживился Артур. — Самое время выявить две ошибки, что присутствуют в таком утверждении, — его так давно не подвергали критике, что Общество нынче принимает его за аксиому!

¹³⁰ Евангелие от Луки, 6:35.

— А что такое? — удивился я. — Ни одной я не вижу ошибки, если честно.

— Первая есть всего-навсего ошибка *двусмысленности* — предположение, будто «делание добра» (то есть когда приносят пользу другим) есть с необходимостью *доброе дело* (то есть *правильное*). А вторая заключается в предположении, что, если одно из двух данных действий *лучше*, чем другое, оно, значит, *хорошее* деяние само по себе. Я бы назвал это ошибкой *сравнения* — то есть когда предполагается, будто если поступок лучше *в сравнении*, так он хорош и *вообще*.

— Тогда как ты сам определишь доброе деяние?

— А так: оно должно быть лучшим из *всех*, на какие мы способны, — уверенно ответил Артур. — И даже *тогда* «мы рабы ничего не стоящие»¹³¹. Но давай я приведу примеры. Никакой пример так хорошо не вскрывает ошибки, как крайний случай ошибочной ситуации. Предположим, я увидел двух детей, тонущих в пруду. Я бросился в воду и спас одного ребёнка, а потом удалился, оставив второго тонуть. Я ведь сделал «доброе дело», спасши жизнь ребёнка? И, однако... Или вот предположим, что я повстречал безобидного странника, сбил его с ног и пошёл себе дальше. Это ведь «лучше», чем если бы я попрыгал на нём и переломал ему рёбра? И, однако...

— Эти твои «однако» обойдутся без продолжения, — сказал я. — Переходи к примерам из жизни.

— Ну хорошо, возьмём одну из этих отвратительных причуд современной общественной жизни, Благотворительный базар. Интересно было бы выяснить, много ли тех денег, что доходят до намеченной цели, получены от *подлинной* благотворительности и наилучшим ли образом расходуются хотя бы *они*? Только этот предмет нуждается в строгой классификации и подробном анализе, чтобы его должным образом прояснить.

¹³¹ Евангелие от Луки, 17:10.

— Хотел бы я провести анализ этой проблемы, — сказал я. — Меня она тоже всегда ставила в тупик.

— Пожалуйста, если я тебя ещё не утомил. Предположим, что наш Благотворительный базар устроен с целью пополнить фонды некоторого Госпиталя и что господа А, В и С предложили свои услуги и участвовали как продавцы, в то время как Х, Y и Z были покупателями. Вырученные таким путём деньги пошли Госпиталю. Такие Базары бывают двух видов. Один — это когда получаемая от продажи выставленного товара сумма есть просто *рыночная стоимость* этого товара, иными словами — в точности то, что вы заплатили бы за него в магазине. Другой — когда за товар запрашивают *баснословные* деньги. Рассмотрим эти виды по отдельности. Во-первых, случай «рыночной стоимости». Тут господа А, В и С находятся точно в такой же ситуации, как и обычные лавочники, с той лишь разницей, что выручку они отдают Госпиталю. Практически они *отдают свой умелый труд* на пользу Госпиталю. Это, на мой взгляд, истинная благотворительность. И я не вижу, как они могли бы использовать свой труд лучше. Но вот Х, Y и Z находятся в положении самых обыкновенных покупателей всяческого добра. Говорить о «благотворительности» применительно к *их* участию в Базаре, по-моему, бессмысленно. И тем не менее так охотно говорят. Во-вторых, случай «баснословных цен». Чтобы провести простейший анализ, нужно разделить вырученную сумму на две части: «рыночную стоимость» и стоимость сверх того. О «рыночной стоимости» мы уже говорили, остаётся только рассмотреть сумму, полученную сверх. Приглядимся же. Эта сумма не есть результат труда господ А, В и С, так что *их* мы можем исключить из рассмотрения. Это *дар* Госпиталю со стороны Х, Y и Z. Моё мнение таково: этот дар сделан не лучшим образом, правильнее было бы им купить то, что они хотели бы *купить*, и подарить то, что они пожелали бы *подарить*. У нас было бы два *отдельных* платежа. Зато появился бы хоть *какой-то* намёк на то, что мотивом их деяний служит реальная благотворительность вместо некоего смешанного мотива: наполовину благотворительности,

наполовину удовлетворения личных потребностей. «На всём лежит след змея»¹³². Понимаешь *теперь*, почему для меня вся эта подложная «Благотворительность» выглядит такой отвратительной?¹³³ — Он закончил с необычайной страстностью и безжалостно обезглавил своей тростью ствол чертополоха, росший у обочины. За этим стволом я с изумлением заметил Сильвию и Бруно и попытался удержать Артурову руку, только было поздно. Задела их его трость или нет, я не сумел разглядеть, во всяком случае они не обратили на неё никакого внимания, но весело заулыбались и помахали мне. Я сразу понял, что они только *мне* видимы, — «наважденческое» влияние не достигло *Артура*.

— Тебе что, чертополоха жалко? — спросил он. — Брось, *это* — не лебезящий Секретарь Благотворительного базара! А жаль, кстати говоря! — грозно добавил он.

— Послушайте, а его палка прошла мне сквозь шею! — крикнул Бруно. (Детишки уже обежали вокруг чертополоха и завладели моими руками.) — Прямо под бородой! Хорошо, что я не чертополох!

— Ну вот, хоть с *этим* расправились! — продолжал Артур. — Боюсь только, что я говорил слишком долго, — испытывал твоё терпение и собственные силы. Скоро мне нужно поворачивать. Устал я.

А я не удержался и процитировал:

Плату, лодочник, тройную

¹³² Цитата из поэмы Томаса Мура «Рай и Пери», входящей в его большой роман сложной структуры в стихах и прозе «Лалла-Рук».

¹³³ Подобное отвращение — удел не одного Артура. В те же годы Оскар Уайльд выступал и писал по поводу «так называемой» (слова Артура) благотворительности: «Филантропы теряют всякое чувство любви к человеку». Не только в Англии, следует добавить: в 1885 году в России выходит книга Д. В. Григоровича «Акробаты благотворительности», её название подхватывается публикой и делается крылатым.

Принимай-ка — не шучу я:
Переправились со мною
Невидимки, всех нас трое!¹³⁴

— В мастерстве выдавать неожиданные и несообразные цитаты,
— засмеялся Артур, — равных тебе мало, а лучших и вовсе нет¹³⁵.

Минуя место, где от дороги ответвлялась аллея, ведущая к побережью, я заметил одинокий силуэт, удаляющийся в сторону моря. Пешеход находился уже на порядочном расстоянии, спиной к нам, но я не мог ошибиться — это была леди Мюриел. Артур не заметил её — он смотрел в другую сторону, на ступающие дождевые облака, а я смолчал, зато попытался придумать какой-нибудь правдоподобный довод, чтобы убедить его возвращаться берегом.

Такая возможность тотчас же представилась.

— Силы на исходе, — сказал мой друг. — Неблагодарно мне идти дальше. Поверну-ка я прямо здесь.

Я повернул вместе с ним, и мы прошли несколько шагов в обратную сторону. Стоило нам поравняться с боковой аллеей, я как можно безразличнее сказал:

— Зачем тебе возвращаться дорогой? Слишком жарко и пыльно. Пройдись по аллее, затем берегом моря. Путь выйдет не длиннее, а ты подышишь морским воздухом.

¹³⁴ Рассказчик цитирует роман Генри Лонгфелло «Гиперион» (книга 3, глава VI), главный герой которого, в свою очередь, наизусть читает это стихотворение целиком, добавляя, что это перевод стихотворения немецкого поэта Людвиг Уланда (1787—1862; по-немецки стихотворение называется «Die Überfahrt»). Перевод его на английский принадлежит самому Лонгфелло. Читателям в России Уланд известен по переводам В. А. Жуковского.

¹³⁵ Выражение из романа Чарльза Диккенса «Домби и сын» (глава 48), ставшее крылатым.

— Да, так и впрямь будет лучше, — согласился Артур, но в этот миг леди Мюриел показалась у нас в виду, и он замолк. — Нет, путь получится кружной. Правда, там у берега попрохладнее... — Он в нерешительности остановился, глядя то вперёд, то назад, — удручающий портрет крайнего слабоволия!

Затрудняюсь сказать, сколько продлилась бы эта унижительная сцена, будь я единственным внешним побудителем, но в эту минуту Сильвия, проявив молниеносную решимость, достойную самого Наполеона, взяла дело в свои руки.

— Сбегай за *ней*, Бруно, и веди сюда! А я займусь *этим*. — Тут она ухватила за трость, которую держал Артур, и легонько потянула её в сторону аллеи.

Артур пребывал в совершенном неведении, что его трость повинуется чьей-то чужой воле помимо его собственной. Мой друг, несомненно, решил, что трость приняла горизонтальное положение просто потому, что он указал ей вперёд.

— Там случайно не ятрышник пробивается из-под изгороди? — спросил тогда Артур да сам подивился своему вопросу. — Впрочем, прекрасное решение проблемы. Нарву его по дороге.

Тем временем Бруно подбежал сзади к леди Мюриел, а затем, непрестанно прыгая вокруг неё и покрикивая (а его крики мог слышать только я один), словно погонял овечку, он ухитрился развернуть её кругом и направить её шаги в нашу сторону. А она так и не оторвала затуманенного взора от земли.

Наша взяла! И поскольку уже было ясно, что влюблённые, которых наши старания направили навстречу друг другу, неминуемо встретятся, я повернулся и зашагал прочь, надеясь, что Сильвия с Бруно последуют моему примеру. Ведь ни Артуру, ни его доброму ангелу посторонние зрители не были нужны.

«Как там у них, интересно, прошло?» — гадал я, удаляясь в полузабытьи.

ГЛАВА IV. Король-пёс

— Они поздоровались за руку, — сказал Бруно, семенивший слева, в ответ на мой мысленный вопрос.

— И вид у них был *такой* счастливый! — добавила Сильвия справа.

— Что ж, тогда поспешим, — сказал я. — Знать бы мне только кратчайшую дорогу до фермы Хантера!

— В этом коттедже, наверно, знают, — предположила Сильвия.

— Вполне вероятно. Не сбегашь ли спросить, а, Бруно?

Не успел Бруно рвануться, как Сильвия со смехом его задержала.

— погоди же, дай сперва сделаю тебя *видимым*!

— И *слышимым* тоже, верно? — сказал я, а она вытащила драгоценный камень, висевший у неё на цепочке на манер медальона, и провела им над головой брата, а затем тронула медальоном его глаза и губы.

— Верно, — отвечала она мне, — а то *однажды*, знаете, я сделала его *слышимым*, но забыла сделать *видимым*! И он отправился в лавку купить сладостей. Продавец так перепугался! Ведь получилось, что из воздуха раздался голос: «Дайте мне, пожалуйста, две унции леденцов из ячменного сахара!» А тут ещё шиллинг — дзынь! о прилавок. А продавец и говорит: «Я тебя не вижу!» А Бруно отвечает: «Это не важно, ведь *шиллинг* вы видите?» Но продавец сказал, что он ни разу ещё не продавал леденцов тем, кого не видно. Так что нам пришлось... Ну вот, Бруно, готово! — И Бруно тотчас умчался.

Пока мы дожидались его возвращения, Сильвия была занята тем, что делала видимой саму себя.

— Довольно неловко бывает, — пояснила она, — когда мы встречаем людей, а они могут увидеть лишь *одного* из нас, а *другого* не могут.

Спустя пару минут Бруно вернулся. У него был расстроенный вид.

— Там был хозяин с друзьями, и он был сердитый, — сообщил Бруно. — Он спросил меня, кто я такой. Я говорю: «Я Бруно, а *они* кто такие? Тогда он говорит: «Это мой браток, а это моя сестричка, и другие бездельники мне тут не нужны! Так что дуй отсюда!» А когда я его спросил: «В какую сторону мне подуть?» — он как заорёт: «Брысь!» Вытолкнул меня и дверь закрыл!

— Значит, ты не спросил дорогу на ферму Хантера? — покачала Сильвия головой.

— Вопросам не оставалось места, — по-взрослому ответил Бруно. И тут же добавил: — Комната была битком набита.

— Не могут же три человека битком набить комнату, — возразила Сильвия.

— Ещё как могут, — настаивал Бруно. — Хозяин сам больше всех набил комнату. Он очень толстый, такой толстый, что его даже не повалишь.

Я недопонял смысла этого сравнения, поэтому счёл долгом заметить:

— *Никого* не следует стремиться повалить — не важно, толстый он или худой.

— Уж *его*-то вы не повалите, — сказал на это Бруно. — Он гораздо шире, чем выше, и когда он лежит, он выше, чем когда он стоит. Как же можно его *повалить*?

— Вот ещё один коттедж, — заметил я. — На этот раз я спрошу дорогу.

Теперь, правда, не было нужды заходить внутрь, поскольку в дверях стояла женщина с ребёнком на руках, разговаривавшая с прилично одетым мужчиной — фермером, должно быть, — который, судя по всему, остановился перемолвиться по пути в городок.

— А уж когда дело доходит до *выпивки*, — говорил мужчина, — то кто всех обставит, так это ваш Вилли. Сами так говорят. Обо всём забывает!

— А мне они бесстыдно лгали, — сокрушённо произнесла женщина. — Ещё полгода назад я их уличила во лжи. Не знаю, как дальше быть! — Заметив нас, она сдержала своё отчаяние, торопливо вошла в дом и закрыла за собой дверь.

— Вы не подскажете, как пройти на ферму Хантера? — спросил я мужчину, только тот отошёл от двери.

— Скажу, сударь, скажу! — ответил он, улыбнувшись. — Я самый Джон Хантер и есть, к вашим услугам. И полумили не будет, а других домов там и нету; вы только сверните, как ведёт дорога, вон в ту сторону. А в доме вы найдёте мою добрую женушку, если у вас имеется какое-то дело к *ней*. Или, быть может, я смогу вам помочь?

— Благодарю, — сказал я. — Я желал бы получать от вас молоко. Мне, вероятно, следует обсудить это с вашей женой?

— Верно, — ответил фермер. — Всем этим *она* заправляет. Удачи вам, мастер, и вашим пригожим ребяткам! — И он отправился своей дорогой.

— Ему следовало сказать «ребёнок», а не «ребятки», — проговорил Бруно. — Сильвия — не *ребятки*!

— Он имел в виду нас *обоих*, — ответила Сильвия.

— Как же, как же! — не утихал Бруно. — Он ведь сказал «пригожие».

— Зато он *смотрел* на нас двоих.

— Так он должен был видеть, что *оба* мы не пригожие! Я-то отвратительный, ты сама говорила. Господин сударь, он ведь имел в виду одну Сильвию? — крикнул мальчик через плечо, устремляясь вперёд.

Отвечать было бесполезно, поскольку в тот же миг Бруно скрылся за поворотом. Когда мы его нагнали, он взбирался на калитку в

изгороди, не отводя глаз от лужка, на котором в мире и дружбе паслись конь, корова и козочка.

— Конь тут за *папу*, — пробормотал он, чтобы самому крепче увериться, — Корова за *маму*, а *детёныш* у них — Козочка. Ну и семейка! В жизни своей не встречал такую!

— Должно быть, это и есть ферма Хантера! — воскликнула Сильвия, указывая на дом, прилепившийся к склону холма на полпути к вершине. — И нигде не видно других домов, и ещё вы говорите, что мы должны уже подойти к этому часу.

Я и впрямь так *подумал* в ту минуту, когда Бруно уселся верхом на калитке, но не в силах был припомнить, чтобы *произносил*. Тем не менее Сильвия, очевидно, была права.

— Слезай, Бруно, — сказал я. — И отвори нам калитку.

— А хорошо, что мы с вами, правда, господин сударь? — спросил Бруно, сделав, как я просил. — Эта большая собака непременно укусила бы вас, будь вы одни! Но вы не бойтесь, — зашептал он, крепче сжимая мою руку, чтобы придать мне смелости, — она не злая.

— Злая! — фыркнула Сильвия, а пёс — великолепный Ньюфаундленд — примчался через всё поле галопом, чтобы как следует нас поприветствовать, и принялся носиться вокруг грациозными прыжками, сопровождая их отрывистым и радостным лаем. — Злая! Да она добрее ягненка! Она же... Ой, Бруно, ты разве не узнаёшь? Это же...

— Это *он*! — воскликнул Бруно, бросился вперёд и обхватил руками пса за шею. — Это наш милый пёсик! — Двое детишек, казалось, никогда не наобнимаются и не наглядятся.

— А здесь он что делает? — вдруг заинтересовался Бруно. — Спроси его, Сильвия. Я не знаю, как.

Тут у них начался нешуточный разговор на собачьем языке. Я из него, разумеется, не понял ни слова, я мог только *предположить*, когда прекрасное животное, бросив на меня быстрый взгляд, что-то

прошептало Сильвии на ухо, что и я теперь стал предметом разговора. Сильвия, смеясь, повернулась к нам.

— Он спросил, кто вы. Я ему сказала, что вы наш друг. А он говорит: «Как его зовут?» Я и ответила: «Его зовут *Господин Сударь*». Тогда он мне говорит: «Чушь!»

— А что значит «чушь» на языке собак?

— То же, что и на языке людей, — объяснила Сильвия. — Только когда это говорит *пёс*, то со стороны может показаться, что это он просто чихает. Нерон, скажи «Чушь!»

Нерон, который снова принялся вприпрыжку носиться вокруг, несколько раз подряд произнёс «Чушь!», и я понял, что Сильвия была совершенно права.

— Интересно, что за этой длинной стеной? — спросил я, пока мы шли к дому.

— Там *Фруктовый сад*, — ответила Сильвия, предварительно справившись у Нерона. — Глядите-ка, мальчишка спрыгнул со стены — вон в том дальнем углу. А теперь он улепetyивает через поле. Наверно, яблоки крал!

Бруно припустил в погоню, но спустя пару минут вернулся. Очевидно, ему не под силу было тягаться в беге наперегонки с юным воришкой.

— Не смог его схватить! — объявил он. — Нужно было чуть-чуть раньше побежать. А яблоки так и сыпались у него из карманов!

Король-Пёс взглянул на Сильвию и что-то пролаял.

— Ну *конечно*! — воскликнула Сильвия. — Как же мы сами не догадались! *Нерон* его словит, Бруно! Но лучше я сперва сделаю его невидимым. — И она торопливо достала свой Волшебный Медальон и начала водить им над головой пса, а затем вдоль его спины.

— Хватит, хватит! — волновался Бруно. — За ним, пёсик, за ним!

— Ох, Бруно! — укоризненно произнесла Сильвия. — Не надо было его так торопить! Хвост же ещё виден!

А Нерон уже летел по полю, словно борзая, — так, по крайней мере, мне казалось, судя по тому, что я наблюдал: длинный хвост пёрышком, несущийся по воздуху как метеор. Спустя полминуты пёс уже вцепился в маленького воришку.

— Он его крепко держит, за ногу схватил! — воскликнула Сильвия, с возбуждением следившая за погоней. — Можно не торопиться, Бруно!

И мы, ничуть не прибавляя шагу, направились через поле туда, где замер перепуганный паренёк. Более причудливого зрелища я ещё не видывал, даже учитывая весь мой «наважденческий» опыт. Каждый мускул на теле мальчугана отчаянно дёргался, кроме одной левой ноги, которая точно приклеилась к земле, ведь ничего видимого глазу её не держало. Правда, на небольшом расстоянии благодушно вилял из стороны в сторону пушистый чёрный хвост — Нерон, очевидно, относился к происходящему всего лишь как к весёлой игре.

— Что с тобой, мальчик? — спросил я, изо всех сил стараясь не прыснуть со смеху.

— Ногу свело! — захныкал в ответ воришка. — Не шевелится, словно заснула! — И он заревел в голос.

— Эй, ты! — скомандовал ему Бруно. — Отдавай свои яблоки!

Паренёк взглянул на меня, но, видимо, понял, что на заступничество надежды нет. Тогда он взглянул на Сильвию, но и она нимало не была озабочена его судьбой. Мальчонка набрался храбрости и с вызовом крикнул:

— Небось, сам знаю, кому их отдать!

Сильвия склонилась и похлопала невидимого Нерона.

— *Капельку* покрепче! — прошептала она. Резкий крик сорванца показал нам, что Король-Пёс отлично понял намёк.

— Что, хуже стало? — спросил я. — Сильно болит?

— И будет болеть всё сильнее и сильнее, и сильнее, — мрачно уверил его Бруно, — пока ты не отдашь яблоки!

Воришка, наверно, и сам это понял, потому что надулся и начал облегчать карманы от яблок. Сильвия, стоя поодаль, наблюдала за ним, а Бруно даже приплясывал от удовольствия при каждом новом вскрике пленника, попавшегося Нерону в зубы.

— Вот! Это всё, — сказал наконец паренёк.

— Нет, не всё! — крикнул Бруно. — А в том кармане у тебя ещё три!

Опять намёк со стороны Сильвии — и опять вскрик со стороны мальчонки, изобличённого ко всему прочему ещё и во лжи. Оставшиеся три яблока были выданы противнику.

— Теперь отпусти его, будь любезен, — сказала Сильвия по-собачьи, и мальчуган, высоко подскочив, ринулся прочь, останавливаясь по временам только для того, чтобы потереть болезненную ногу из опасения, как бы её вновь не свела судорога.

Бруно, подобрав свои трофеи, подбежал к стене, огораживающей фруктовый сад, и одно за другим перебросил через неё яблоки.

— Боюсь только, что *некоторые* упали под неправильные деревья! — сказал он, переведя дух после того, как снова нагнал нас.

— Как это, под *неправильные* деревья? — рассмеялась Сильвия. — Такого не бывает. Деревья не могут быть *неправильными*!

— Тогда не бывает и *правильных* деревьев! — возразил Бруно. Но Сильвия не стала продолжать эту тему.

— Постойте-ка минутку, — обратилась она ко мне. — Нужно ведь снова сделать Нерона видимым.

— Ой, не надо, ну пожалуйста! — стал упрашивать её Бруно, который успел уже взобраться на королевскую спину и сейчас заплетал королевскую шерсть в подобие узды. — Мне хочется покататься на нём *так*! Это здорово!

— Да уж, вид забавный, — согласилась Сильвия и не оборачиваясь пошла вперёд по направлению к дому, в дверях которого стояла жена мистера Хантера, с изумлением глядя на приближающуюся к ней диковинную процессию.

— Очки у меня заляпаны, что ли? — пробормотала она, сняла их и принялась старательно протирать уголком своего передника.

Тут Сильвия торопливо стащила Бруно с его «боевого коня» и вдобавок успела сделать Его Величество полностью видимым, пока очки вновь не оказались у хозяйки на носу.

Теперь всё выглядело, как положено в природе, однако добрая женщина поглядывала на нас искоса.

— Глаза у меня устали, — наконец сказала она, — но теперь, любезные, я вас хорошо вижу. Дайте, деточки, я вас поцелую!

Бруно тотчас же спрятался за меня, но своё лицо Сильвия подставила поцелую как бы от *обоих*, и мы вошли в дом.

ГЛАВА V. Матильда Джейн

— Поди-ка сюда, мой маленький джентльмен, — произнесла наша хозяйка, усаживая Бруно к себе на колени, — и расскажи мне всё-всё.

— Я не могу, — сказал Бруно. — У меня не хватит времени. И ещё, я не знаю всего.

Добрая женщина удивленно подняла брови и обратилась к Сильвии.

— С ним далеко не уедешь!

— Но он не хотел на нём уезжать, — объяснила Сильвия. — Он всего лишь хотел покататься.

— На чём?

— На Нероне.

— А, Нерон славный пёс, правда? Так ты любишь кататься на собаках, мой маленький человечек? А как насчёт лошадей?

— На *счёт* лошадей было ноль, — ответил Бруно, всего секунду подумав. — Я ни одной не увидел.

Тут я решил, что неплохо было бы вмешаться и заговорить о деле, по которому мы пришли. Заодно мы избавили бы хозяйку от затруднительных ответов Бруно.

— Мне кажется, эти милые детишки не прочь угоститься пирогом! — сказала гостеприимная фермерша, когда дело было решено. Она открыла дверцу буфета и достала оттуда пирог. — Ты ведь не станешь выбрасывать корочку, маленький джентльмен? — добавила она, подавая добрый ломоть Бруно. — Ты знаешь, что говорится в книжке стихов про небрежливость?

— Нет, не знаю, — честно признался Бруно. — А что в ней говорится?

— Расскажи ему, Бесси. — И мать любовно и с гордостью глянула вниз, на маленькую розовощёкую девчушку, которая только что робко пробралась в комнату и прилепилась к материнским ногам. — Что говорится в твоей книжке стихов про небрежливость?

— *Небрежливость губит нас*, — едва слышно забубнила Бесси по памяти, — *идёт за ней нужда; ты скажешь: «Корочку б сейчас, что выбросил тогда!»*

— Ну а теперь посмотрим, как выйдет у *тебя*, мой милый! Не-бе...

— *Небежалость...* — с готовностью начал Бруно, но затем сразу же наступила мёртвая тишина. — Дальше я не запомнил!

— Ну, хорошо, а вот какой из этого следует *урок*? Хотя это ты можешь нам сказать?

Бруно ещё раз откусил от своего пирога и задумался. Но вывести из этого стихотворения какую-либо мораль ему оказалось не под силу.

— Всегда нужно... — шёпотом подсказала ему Сильвия.

— Всегда нужно... — быстро повторил Бруно, а затем с внезапным озарением продолжил, — всегда нужно смотреть, куда она летит!

— *Кто* летит, дитятко?

— *Корочка*, конечно же! — сказал Бруно. — Тогда, если мне нужна будет эта корочка, я буду знать, куда я её выбросил.

Это новое разъяснение ещё больше сбilo с толку добрую женщину. Тут она вновь вспомнила про Бесси.

— А не желаете ли взглянуть на Бессину куклу, дорогие мои? Бесси, ты позволишь маленькой леди и маленькому джентльмену взглянуть на Матильду Джейн?

Бессина робость тут же улетучилась.

— Матильда Джейн только что проснулась, — доверительно сообщила она Сильвии. — Поможете мне надеть на неё платице? Завязывать ей тесёмки — это такая морока!

— Я отлично умею завязывать тесёмки, — донёсся до нас милый голосок Сильвии, когда две девчушки уже выходили из комнаты. Бруно не удостоил их взглядом, он с видом заправского джентльмена прошествовал к окошку. Ни девочки, ни их куклы не входили в сферу его интересов.

Тут любящая мать принялась рассказывать мне (а какая мать откажется от такой возможности?) обо всех Бessiных добродетелях (а заодно и о недостатках, раз уж зашёл разговор), а также о целом скопище ужасных болезней, которые вопреки этим цветущим щёчкам и пухленькой фигурке только и ждут случая, чтобы стереть девочку с лица земли.

Когда половодье приятных воспоминаний истоцилось, я стал расспрашивать её о рабочем люде, живущем по соседству, и особенно о «Вилли» — том самом, разговор о котором мы подслушали у дверей его собственного дома.

— Хороший был парень, — сказала общительная хозяйка, — но пьянство его погубило! Не то чтобы я была рьяной противницей выпивки — для большинства она совершенно безобидна, — да только некоторые не в силах противостоять соблазну; и на пользу им не пошло, что на углу возвели «Золотого льва».

— Какого золотого льва? — не понял я.

— Это новая пивная, — объяснила женщина. — Толково место выбрали, ничего не скажешь — как раз на пути рабочих, возвращающихся с кирпичного завода, вот как сегодня, с недельным заработком. Там-то и оседает добрая часть этих денежек. Некоторые препорядочно напиваются.

— Вот если бы они могли получить то же самое дома, — пришло вдруг мне в голову, и я даже не заметил, как произнёс это вслух.

— А что! — пылко откликнулась женщина. Её поразило такое решение вопроса, над которым и сама она, по всему видать, немало побилась. — Если бы удалось устроить так, чтобы каждый мужчина мог спокойно выпивать свою несчастную кружку пива у себя дома, ни одного пьяного не осталось бы под луной!

Тут я рассказал ей одну старую историю про некоего крестьянина, который купил себе бочку пива, а жену назначил домашней буфетчицей, и всякий раз, как ему хотелось выпить кружку пива, он неизменно платил ей через прилавок, а она при этом никогда не отпускала ему в долг и вообще была стойкой и неумолимой продавщицей, не допускавшей, чтобы он выпил больше, чем позволяла его наличность. По прошествии года он не только нашёл, что пребывает в отличной форме, превосходном состоянии духа и в том не поддающемся определению, но безошибочно угадываемом настроении, которое отличает трезвенника от человека, частенько бывающего навеселе, но вдобавок имеет полную кассу, в которой преспокойно скопились его же собственные пенсы!

— Вот поступали бы они все так! — сказала на это добрая женщина, утирая глаза, которые переполнились влагой от избытка чувств. — Выпивка не должна становиться проклятием для несчастных, которые...

— *Проклятием* она становится лишь тогда, — подхватил я, — когда ею злоупотребляют. Любой Божий дар можно обратить в проклятие, если пользоваться им без разума. Но нам пора собираться. Будьте так добры, кликните девочек. Матильда Джейн уже напринималась гостей на сегодня, не правда ли?

— Мигом их приведу, — сказала хозяйushка, вставая. — Этот юный джентльмен, быть может, видел, куда они пошли?

— Где они, Бруно? — спросил я.

— Только не в поле, — уклончиво ответил Бруно, — поскольку там одни только *свинки*, а Сильвия ведь не свинка. Ну, не перебивайте меня. Я рассказываю этой мухе сказку, а она может упустить самое главное.

— Они, должно быть, гуляют под яблонями, — предположила Фермерша. Мы оставили Бруно досказывать свою сказку, а сами отправились в сад, где почти сразу же наткнулись на девочек, степенно прохаживающихся рука об руку. Сильвия несла на руках куклу, а Бесси старательно закрывала той личико от солнца. Зонтиком ей служил капустный лист.

Завидя нас, Бесси выронила свой капустный лист и поспешила нам навстречу. Сильвия последовала за ней, но не так быстро — с драгоценной ношей требовалось обращаться осторожно и заботливо.

— Я её Мама, а Сильвия — Старшая Няня, — затараторила Бесси. — И Сильвия научила меня такой милой песенке, чтобы я пела её моей Матильде Джейн!

— Так давай и мы её послушаем, а, Сильвия? — сказал я, чувствуя прилив радости от того, что наконец-то выпал случай

послушать, как она поёт. Но Сильвия неожиданно засмушалась и даже словно бы испугалась.

— Нет, прошу вас, не надо, — торопливо произнесла она «в сторону», то есть мне. — Бесси уже тоже знает её наизусть. Бесси сможет спеть!

— Вот и хорошо! Пусть-ка Бесси нам споёт! — поддержала её Бессина мать, гордая своей девочкой. — У Бесси от природы замечательный голос (снова реплика «в сторону» и снова в мою). — Впрочем, я ничуть этому не удивляюсь.

Бесси была слишком счастлива, чтобы заставлять себя упрасивать. Эта маленькая пухленькая Мама опустилась у наших ног на траву вместе со своей отвратительной дочерью, оцепенело развалившейся поперёк Мамашиных колен (кукла была из тех, что не способны сидеть, как их не уговаривай), и с прямо-таки лучившимся от удовольствия лицом затянула колыбельную, так оря, что неминуемо до смерти перепугала бы своё бедное дитя. Старшая Няня присела позади неё, почтительно держась на заднем плане. Она положила ладошки на плечи своей маленькой госпожи, чтобы в любую минуту, если потребуется, выполнить обязанности суфлёра и восполнить всё «то, что память растеряла»¹³⁶.

Правда, ор, с которого начала Бесси, оказался всего лишь минутным порывом. Ещё несколько нот, и Бессин рёв съехал вниз; она продолжала петь тихим и, следует признать, мелодичным голоском. Поначалу её громадные чёрные глаза были устремлены на мать, но потом взгляд их сместился кверху и заплутал по кронам яблонь. Девочка, казалось, совершенно позабыла, что у неё были другие слушатели помимо её Деточки и Старшей Няни, раз-другой подсказавшей нужную интонацию, когда пение делалось слегка монотонным.

¹³⁶ Вальтер Скотт, из Вступления к поэме «Песнь последнего менестреля» (пер. Вс. Рождественского).

Матильда Джейн, не смотришь ты
На кукол, книжки и цветы;
Сую тебе я их весь день —
Ослепла ты, Матильда Джейн?

Я задаю тебе вопрос,
Щипаю я тебя за нос,
Ты безответна, словно пень, —
Нема, увы, Матильда Джейн!

Матильда! Слушай! Эй! Ура!
Кричу на ухо до утра,
Но для тебя я словно тень,
Ведь ты глуха, Матильда Джейн!

Но знай, Матильда, — чепуха,
Что ты слепа, нема, глуха:
С тобой возиться мне не лень:
Я так люблю Матильду Джейн!¹³⁷

Три первых куплета она исполнила довольно небрежно, зато на последнем в ней зримо пробудилось чувство. Её голос возвысился, стал чище и громче, лицо засветилось, словно на неё снизошло вдохновение, и когда она пела заключительные слова, то прижала бесчувственную Матильду Джейн к своему сердцу.

¹³⁷ По сообщению Доджсона Коллингвуда, стихотворение «Матильда Джейн» первоначально было написано Кэрроллом для его маленькой племянницы Менеллы (Неллы) Уилкоккс, и таково было «довольно прозаичное» имя её куклы.

— Теперь поцелуй её, — подсказала Старшая Няня. И в следующую секунду глупое бессмысленное лицо Дочурки было осыпано целым ливнем страстных поцелуев.

— Какая милая песенка! — воскликнула фермерша. — Кто сочинил слова, дорогуша?

— Мне... мне нужно найти Бруно, — заторопилась Сильвия и покинула нас. Чудный ребёнок, казалось, постоянно опасался, что его похвалят или хотя бы заметят.

— Это Сильвия придумала слова, — ответила Бесси с гордостью за важность сообщаемых сведений, — а Бруно придумал музыку. А я её спела! — На этот последний факт, кстати, излишне было указывать.

Выслушав её, мы отправились вслед за Сильвией и все вместе вошли в прихожую. Бруно всё ещё стоял у окна, облокачиваясь о подоконник. Он, очевидно, уже закончил рассказывать мухе свою сказку и нашёл себе новое занятие.

— Не мешайте мне! — заявил он, стоило нам войти. — Я считаю свинок на поле.

— И сколько же их там? — спросил я.

— Примерно тысяча четыре, — ответил Бруно.

— Ты хочешь сказать, примерно тысяча, — поправила его Сильвия. — Здесь не следует говорить ещё и «четыре», ведь насчёт четырёх ты *не можешь* быть уверен.

— Ты как всегда всё напутала! — с торжеством провозгласил Бруно. — Как раз в *четырёх* я и могу быть уверен, потому что эти четыре тут, под окном копаются. А вот в *тысяче* я несколько не уверен!

— Но многие уже ушли в хлев, — сказала Сильвия, наклонившись вперёд и всматриваясь в окно поверх брата.

— А! — махнул Бруно рукой. — Их было так мало и они так медленно шли, что *их* я считать не стал.

— Нам пора, дети, — сказал я. — Попрощайтесь-ка с Бесси.

Сильвия обхватила малютку руками за шею и поцеловала, но Бруно остался стоять поодаль, и выглядел он робким, не то что обычно. («Я не целую *никого*, кроме Сильвии», — объяснил он мне после.) Фермерша проводила нас до калитки, и вскоре мы оказались на дороге, ведущей обратно в Эльфстон.

— А это, видимо, и есть та новая пивная, о которой мне говорили? — сказал я, когда нам на глаза попало длинное приземистое строение, над входом в которое красовалась вывеска «Золотой лев».

— Она самая, — подтвердила Сильвия. — Интересно, *её* Вилли уже там? Сбегай, Бруно, и посмотри.

Но я не мог этого допустить, ведь я считал, что несу ответственность за малыша.

— Это не такое место, куда следует посылать ребенка.

И в самом деле, гуляки и так уже порядочно шумели, и сквозь раскрытые окна до нас доносилась дикая разноголосица пения, криков и дурацкого смеха.

— Так они ведь всё равно его не увидят, — напомнила Сильвия. — Постой-ка спокойно, Бруно! — Она вытаскала свой медальон из драгоценного камня, который, как вы помните, висел у неё на шее, зажала его меж ладоней и едва слышно пробормотала несколько слов. Что это были за слова, для меня осталось тайной, но только с нами сразу же стали происходить какие-то волшебные изменения. Мне показалось, что мои ноги больше не попирают землю, и всего меня охватило такое чувство, будто я приобрёл способность парить в воздухе. Я всё ещё мог различать детишек, но их силуэты сделались расплывчатыми, будто бы бестелесными, а их голоса звучали словно с дальнего расстояния и иного времени. Теперь я не стал возражать против того, чтобы Бруно заглянул в пивную. Вернулся он совсем скоро.

— Его там нет, — сообщил он. — Они там о нём говорят, рассказывают друг другу, как здорово он напился на прошлой неделе.

Пока Бруно это говорил, в дверях появился какой-то мужчина. В одной руке он держал трубку, в другой — кружку пива. Он направился напрямик туда, где стояли мы, очевидно чтобы поглядеть вдоль дороги в сторону кирпичного завода. Двое или трое его приятелей выглянули в раскрытое окно. Каждый из них тоже держал по кружке, лица у них были красные, а глаза мутные.

— Ну что, не видать? — спросил один.

— Что-то не пойму, — ответил вышедший, делая шаг вперёд. При этом мы оказались с ним лицом к лицу. Сильвия поспешно оттолкнула меня с его пути.

— Благодарю, дитя моё, — сказал я. — Совсем забыл, что он нас не видит. А что будет, если мы с ним столкнёмся?

— Не знаю, — задумчиво ответила Сильвия. — С *нами* ничего не случится, но *вы*, наверно, другое дело. — Она говорила своим обычным голосом, но мужчина нимало не обратил на неё внимания, хотя она стояла совсем рядом, да и смотрела прямо ему в лицо, когда отвечала на мой вопрос.

— Вон он, идёт сюда! — крикнул Бруно, указывая на дорогу.

— Идёт сюда! — словно эхо крикнул мужчина, вытянув руку точно поверх головы Бруно и указывая своей трубкой.

— Ну-ка, *хором!* — скомандовал один из краснорожих в окне, и дюжина голосов вразнобой затянула припев:

Кружку пива наливай,

Наливай

Через край!

Кружка пива не вредна,

Наливай и пей до дна!

Пей до дна!

Мужчина ринулся обратно в пивную — ему не терпелось присоединить и свою глотку к общему нестройному хору, поэтому когда Вилли приблизился, на дороге оставались только детишки да я.

ГЛАВА VI. Вилли и его жена

Подошедший устремился прямо ко входу в пивную, однако на пути был перехвачен детьми. Сильвия вцепилась ему в одну руку, а Бруно принялся изо всех сил толкать его с другой стороны, покрикивая при этом сквозь зубы «Но-о!» и «Пошел!» (этому он научился у извозчиков).

Вилли не обратил на них ни малейшего внимания, он просто почувствовал, что *нечто* удерживает его на месте, а так как никакое объяснение этому явлению не приходило ему в голову, он решил, что всё дело в его собственном почине.

— Не хочется туда идти, — пробормотал он. — Не сегодня.

— Кружка пива тебе не повредит! — в один голос закричали его товарищи. — Да и две не повредят! И десять тоже!

— Нет, — отвечал им Вилли. — Я — домой.

— Как, и откажешься от выпивки, друг Вилли? — закричали остальные. Но «друг Вилли» не стал вступать в препирательства, а непреклонно развернулся к дому. Дети направляли его, каждый со своей стороны, не позволяя ему отменить столь внезапно принятое решение.

Пару минут он отважно шагал, руки в брюки, и негромко насвистывал в такт своим основательным шагам: победа, одержанная им на первый взгляд с такой легкостью, была *почти* полной, лишь внимательный наблюдатель отметил бы, что он позабыл продолжение своей песенки, ибо стоило ему запнуться, как он всякий раз начинал свистеть сызнава, — похоже, он чувствовал себя слишком нервно,

чтобы думать о следующем куплете, и слишком тревожно, чтобы соблюдать тишину.

О, им овладел сейчас отнюдь не привычный страх, тот старый страх, который делался его унылым товарищем, насколько он помнил, всякий субботний вечер, стоило ему заплетающейся походкой двинуться вдоль улицы, удерживаясь за забор, когда визгливые упрёки жены казались его оцепенелому разуму всего лишь отголоском ещё более пронзительного звука нестерпимых стенаний, порождённых собственным безнадёжным отчаянием. Теперешний страх был чем-то совершенно новым, словно жизнь обрядилась в невиданные цвета и вспыхнула новым и ослепительным блеском, и он отнюдь не был уверен, сможет ли его домашний уклад, его жена и ребёнок подстроиться под новый порядок вещей, — самая новизна рождала в его неискушенном разуме замешательство и запредельный ужас.

И вот посвистывание внезапно замерло на его дрожащих губах — это он сделал крутой поворот за угол и оказался в виду своего дома, где стояла его жена, опершись скрещенными руками о калитку и обратив на дорогу бледное лицо, на котором нельзя было различить ни проблеска надежды, одну только тяжёлую тень глубокого и неизбывного отчаяния.

— Ранёхонько ты сегодня, муженёк! — Эти слова могли бы стать словами доброго приветствия, но ох! с какой горечью она их произнесла! — И что это оторвало тебя от твоих весельчаков-приятелей? Что, как не пустые карманы? А может, ты явился поглядеть, как умирает твоя малютка? Дитя голодает, а в доме маковой росинки нету! Но *тебя* разве заботит? — Она распахнула калитку и вперила в него испепеляющий взгляд.

Муж не сказал ей ни слова. Медленно, опустив глаза, вошёл он в дом, в то время как жена, немного напуганная его необычным молчанием, последовала за ним, тоже не решаясь продолжать гневную

речь, и вновь обрела голос лишь тогда, когда он опустился на стул, положил руки перед собой на столе и понурил голову.

Мы, естественно, вошли вместе с ними; в другое время нас обязательно выпроводили бы вон, но сейчас я чувствовал, только забыл почему, что мы каким-то таинственным образом сделали невидимыми и могли свободно приходить и уходить, словно бестелесные духи.

Дитя в колыбели проснулось и подняло жалобный крик, отчего мои маленькие друзья сразу кинулись к нему: Бруно принялся качать колыбель, а Сильвия нежно уложила младенческую головку на подушечку, с которой та съехала. Но мать не обратила внимания на плач ребёнка, даже не повернула голову при довольном «ку», которое издал младенец, когда Сильвии удалось получше устроить его в колыбели, — она продолжала стоять и не спускала глаз с мужа, втуне пытаясь повторить побледневшими, дрожащими губами (верно, решила, что её муж тронулся умом) и прежним яростным тоном те бранные слова, которые так хорошо были ему известны.

— Ты, стало быть, потратил весь свой заработок... клянусь, так оно и есть!.. вон как налился... ты, пьяная скотина...

— Как бы не так, — пробормотал супруг. Голос его был не громче шёпота, и произнеся эти слова, он выпростал содержимое карманов на стол. — Вот он, мой заработок, миссис, всё до пенни.

Женщина разинула рот и схватилась за сердце — такого потрясения она ещё не испытывала.

— *Как ты тогда напился?*

— Скажешь тоже, напился, — скорее уныло, чем сердито ответил её муж. — В этот благословенный денёк мне ни капли в рот не перепало. Вот как! — крикнул он, грохнув кулаком по столу и сверкнув на жену глазами. — И впредь, да поможет мне Создатель, ни капли в рот не возьму проклятого пива! — Его голос, внезапно сорвавшийся на

хрип, неожиданно смолк, и он опять понурил голову и уткнулся лицом в сложенные на столе руки.

Едва он умолк, женщина упала на колени возле самой колыбельки. Она не глядела на него и даже, казалось, не слышала его слов. Воздев сплетённые руки, она в исступлении закачалась из стороны в сторону.

— Боже мой! Боже мой! — только и повторяла она.

Сильвия и Бруно осторожно разжали её сцепленные над головой ладони и опустили их, и получилось вроде того, что теперь она обнимет малышей; только женщина их вовсе не замечала, но всё стояла на коленях, подняв взор к потолку, а губы её двигались, словно она благодарно молилась. Муж не поднимал лица, не издавал звуков, но было заметно, что рыдания сотрясают его с ног до головы.

Спустя несколько минут он поднял голову. Его лицо было мокрым от слёз.

— Полли! — мягко позвал он, затем громче: — Пол, старушка!

Жена поднялась с колен и приблизилась к нему; в её глазах читалось изумление, словно она только что проснулась.

— Это кто назвал меня старушкой Пол? — спросила она. В её голосе зазвучали нотки нежной игривости, в глазах загорелись искорки, а на бледных щеках вспыхнул девический румянец. Теперь она выглядела, словно счастливая семнадцатилетняя девушка, а не как истощённая сорокалетняя женщина. — Неужто это мой ухажёр, мой Вилли, подкарауливший меня на приступке?

С Виллиным лицом также произошли изменения: оно озарилось волшебным светом и обрело сходство с лицом застенчивого паренька. Муж и жена и впрямь выглядели теперь как парень и девушка, когда он обнял её одной рукой и привлёк к себе, другой в то же время отшвырнув от себя груды монет, словно они были чем-то мерзким.

— Забирай их, душка, все забирай, — сказал он. — И сходи купи чего-нибудь поесть, только сначала добудь молока нашей дочурке!

— Моей дочурке! — прошептала она, сгребая монеты. — Лапочке моей!

Она направилась к двери и уже ступила на порог, когда её словно приковала к месту внезапная мысль. Она тотчас же вернулась — во-первых, чтобы опуститься на колени перед колыбелью и поцеловать дитя и чтобы затем броситься в объятья мужа и прижаться к его груди. И в следующую секунду она вылетела из дома, прихватив кувшин, висевший на крючке возле двери. Мы последовали за ней не отставая.

Не успели мы порядочно отойти, как нам на глаза попала раскачивающаяся на ветру вывеска, на которой красовалось слово «Молочная». Туда женщина и вошла, приветствуемая беленьким кудлатым щенком, который, не будучи подвержен «наваждениям», разглядел детей и принял их с самым шумным выражением симпатии. В тот миг, как в молочную вступил и я, молочник как раз принимал плату.

— Для вас, миссис, или для дочурки? — спросил он, наполнив кувшин, но не торопясь отдавать его покупательнице.

— Для дочурки же! — ответила та с укором. — Неужто я хоть каплю выпью, пока моя девочка голодна?

— Понятно, миссис, — проговорил молочник и отвернулся от прилавка, всё ещё не отдавая кувшина. — Хочу убедиться, что отпустил по полной мерке. — Он прошёл вдоль ряда полок, уставленных горшками и кувшинами, и, старательно держась к ней спиной, снял с полки небольшой сосуд и долил в кувшин сливок. При этом он пробормотал: — Может, это её хоть чуточку утешит, бедняжку!

Женщина осталась в неведении относительно этого доброго дела; она приняла кувшин с простыми словами: «Доброго вечера, мастер!» — и отправилась своей дорогой. Но детишки оказались более наблюдательными, и когда мы выходили вслед за ней на улицу, Бруно сказал:

— Это был хороший поступок. Мне нравится этот человек. Если бы я был очень богат, я дал бы ему сто фунтов... и булочку. А этот ворчливый щенок плохо знает своё дело! — Бруно имел в виду щенка молочника: пёсик, по всей видимости, совершенно забыл то любвеобильное приветствие, которым он встретил наш приход, и теперь семенил за нами на безопасном расстоянии, изо всей мочи «торопя уходящих гостей»¹³⁸ целым потоком отрывистых и пронзительных тявканий.

— Какое же у него может быть дело? — рассмеялась Сильвия. — Не могут же собаки стоять за прилавком и отсчитывать сдачу!

— Не дело сёстрам подсмеиваться над братьями, — веско ответил Бруно. — А дело собак — *лаять*, только не так: сначала они должны закончить один лай, а потом только начинать следующий, а этот... Ой, Сильвия! — воскликнул мальчик, когда мы прошли порядочное расстояние. — Там о-диванчики!

И в следующую секунду счастливые дети уже неслись через выгон, наперегонки устремляясь к своим одуванчикам.

Пока я стоял, любуясь ими, на меня снизошло странное полудремотное чувство: вместо зелёного газона появилась железнодорожная платформа, а там, где подрагивал в воздухе лёгкий Сильвин силуэт, я, как мне показалось, разглядел колеблющиеся очертания леди Мюриел; но претерпел ли и Бруно изменения и превратился ли он в того старика, которого она догоняла бегом, наверняка я сказать не мог, поскольку моё чувство схлынуло так же внезапно, как и нашло.

Взойдя в маленькую гостиную, общую для наших с Артуром спален, я нашёл своего друга стоящим у окна, спиной ко мне. Артур, по всей видимости, не слышал моего прихода. Чашка чаю, только что, несомненно, пригубленная и брошенная, стояла на одном конце стола,

¹³⁸ Цитата из английского перевода «Одиссеи», выполненного Александром Поупом (книга 15, строка 84 английского текста).

а на противоположном лежало начатое письмо с пером поверх; на диване валялась раскрытая книга, лондонская газета занимала свободное кресло, а на маленьком столике, стоящем рядом, я заметил незажжённую сигару и распечатанную упаковку сигарных спичек. Этот вид поведал мне о том, что мой друг Доктор, всегда такой методичный и сдержанный, только что перепробовал столько разных занятий и не остановился ни на одном!

— Как это не похоже на *вас*, Доктор! — начал я, но тут же умолк, поскольку он повернулся на звук моего голоса, и меня поразила та чудесная перемена, что произошла в его наружности. Никогда ещё я не видел, чтобы лицо человека сияло таким счастьем или чтобы глаза светились таким неземным светом! «Вот так же, — подумалось мне, — глядел, вероятно, ангельский вестник, который возвестил пастухам, стерегущим в ночном свои стада, о „великой радости, которая будет всем людям“»!¹³⁹

— Да, друг мой! — сказал Артур, словно отвечая на вопрос, прочитанный, вероятно, на моём лице. — Это правда! Это правда!

Излишне было и расспрашивать, *что* это за правда.

— Благослови вас Бог! — воскликнул я, чувствуя, как мои глаза наполняются слезами счастья. — Вы были созданы друг для друга!

— Да, — просто ответил он. — Друг для друга. Насколько же способна измениться Жизнь человека! Мир уже не тот, что раньше! Это не то небо, на которое я смотрел вчера! Эти облака — я никогда в жизни не видел таких облаков! Они выглядят, словно сонм парящих ангелов!

Ну, на мой-то взгляд, облака как облака; правда, это ведь не я «был млекоом рая напоён, вкушал медвяную росу»!¹⁴⁰

¹³⁹ Евангелие от Луки, 2:10.

¹⁴⁰ Заключительные строки «фрагмента» Кольриджа «Кубла Хан, или Видение во сне» (пер. В. Рогова).

— Она хочет видеть тебя, немедленно, — продолжал Артур, внезапно спускаясь с неба на землю. — Она говорит, что *одной* капли ещё не хватает в её кубке счастья.

— Уже иду, — сказал я и повернулся к дверям. — А ты не со мной?

— Нет, сударь! — сказал Доктор с неожиданным усилием — кстати, совершенно пропавшим втуне — нацепить профессиональную личину. — Разве это будет уместно? Разве ты никогда не слыхал, что где хорошо двоим, там третий...

— Слышал, приходилось. Но ведь это же я, который тут *Третий Номер!* А когда сойдёмся мы втроём?

— «*В грозу, под молнии и гром!*»¹⁴¹ — ответил он и залился таким счастливым смехом, какого я уже много лет от него не слыхал.

ГЛАВА VII. Майн Герр

Итак, я отправился в свой одинокий путь. Подойдя к Усадьбе, я увидел леди Мюриел, ожидавшую меня у садовой калитки.

— Вижу, вижу, нет нужды ни желать вам счастья, ни доставлять вам удовольствия! — начал я.

— Ни в чём нет нужды! — отозвалась она и по-ребячьи весело рассмеялась. — Мы *доставляем* людям то, чего у них пока нет, мы *желаем* им того, что когда ещё будет! А у меня всё уже *здесь!* Всё это уже *моё!* Друг мой, — внезапно она сменила тон, — вы тоже думаете, что Небеса всегда начинаются на *земле* — для каждого из нас?

¹⁴¹ Вопрос рассказчика «Когда (вновь) сойдёмся мы втроём?» по случайности совпадает с самым первым стихом «Макбета» (слова Первой ведьмы). Артур озорно отвечает на него следующим, вторым стихом, который имеет лишь приблизительно такое значение, но абсолютно не поддаётся ни литературному, ни даже дословному переводу.

— Для некоторых, — сказал я. — Для тех, я думаю, кто прост и схож душой с ребёнком. Вы же помните, Он обещал, что «таковых есть Царство Небесное».

Леди Мюриел всплеснула ладошками и взмахнула глазами в безоблачное небо. Как часто я наблюдал такой же взгляд у Сильвии!

— Я чувствую, как будто бы оно уже началось для меня, — едва слышно прошептала она. — Словно это я — одна из тех счастливых детей, кого Он велел приводить к Нему, хотя люди не допускали. Да, Он увидел меня в толпе. Он прочёл смутное стремление в моих глазах. Он призвал меня к себе. И им *пришлось* пустить меня к Нему. Он принял меня в руки Свои. Он возложил руки на меня и благословил¹⁴². — Леди Мюриел остановилась, не в силах вздохнуть от полноты счастья.

— А так всё и было, — сказал я.

— Вы должны зайти и поговорить с моим отцом, — продолжала она. Мы стояли совсем рядышком, у калитки, устремив взгляд вдоль тенистой аллеи, но стоило ей произнести последние слова, как на меня нахлынуло знакомое «наваждение»: я увидел милого старого Профессора, приближающегося к нам, и ещё я понял (а это было даже более странно), что леди Мюриел тоже отлично его видит!

Что произошло? Неужели сказка смешалась с реальностью? Или это леди Мюриел тоже поддалась «наваждению» и тем самым обрела способность перенестись вместе со мною в сказочный мир? С моих губ уже готовы были сорваться слова: «Там в аллее я вижу моего давнего приятеля; если вы с ним незнакомы, позвольте вам его представить», когда произошло нечто в высшей степени неожиданное — леди Мюриел заговорила сама:

— Там в аллее я вижу моего давнего приятеля; если вы с ним незнакомы, позвольте вам его представить.

¹⁴² Леди Мюриел погружена мыслью в эпизод, описанный в Евангелии от Матфея, 18:2 и 19:13—15 (а также в аналогичных местах Евангелий от Марка и от Луки).

Мне показалось, что я пробуждаюсь от сна, ибо хотя «наваждение» всё ещё не отпускало меня, но отдаленный силуэт, что ни секунда, то изменялся словно картинка в калейдоскопе: только что это был *Профессор*, а сейчас уже кто-то другой! К нашей калитке он приблизился всё же в образе «кого-то другого», и в душе я признал, что не мне, а именно леди Мюриел предстоит нас знакомить. Она сердечно приветствовала и, растворив калитку,пустила почтенного старичка — судя по всему, немца, — который не переставал изумлённо озиаться, словно тоже только что пробудился от сна!

Да, это был отнюдь не Профессор! Мой знакомец просто не в состоянии был отрастить себе такую роскошную бороду со времени нашей последней встречи; более того, он непременно признал бы *меня*, ведь я-то, кажется, не сильно изменился с тех пор.

Как бы то ни было, он просто остановил на мне затуманенный взор и снял шляпу, услышав обращённые ко мне слова леди Мюриел: «Позвольте представить: Майн Герр», — а затем с сильным немецким акцентом произнес: «Рад знакомству с вами, сударь», — отчего я вполне убедился, что раньше мы с ним не встречались.

Леди Мюриел повела нас в столь знакомый мне тенистый уголок, где уже завершены были приготовления к вечернему чаепитию, и пока сама она ходила звать графа, мы расселись в двух мягких креслах; Майн Герр взял рукоделие леди Мюриел и принялся рассматривать его сквозь огромные очки (из-за них-то, пожалуй, он и показался мне попервоначалу Профессором).

— Подрубала носовой платочек? — произнёс он как бы в размышлении. — Значит, вот чем занимают себя английские миледи, а?

— Это единственное достижение, — сказал я, — в котором Мужчина до сих пор не смеет тягаться с Женщиной.

Тут леди Мюриел вернулась вместе со своим отцом, и после того, как граф обменялся с Майн Герром парой приветливых слов, а мы все

насытились насущными «земными благами», удивительный старичок вернулся к заинтересовавшему его предмету из семейства Носовых Платков.

— Доводилось ли вам, миледи, слышать про Кошелёк Фортуната? Доводилось? Вас, наверно, удивит, если я скажу, что из трёх таких маленьких платочков вы можете соорудить Кошелёк Фортуната — легко и быстро!

— Да что вы? — подхватила леди Мюриел, кладя себе на колени грудку платочков и вдевая нитку в иголку. — Объясните же, как, Майн Герр! Я не дотронусь до следующей чашки чая, пока не сделаю одного!

— Вначале нужно, — сказал Майн Герр, забрав у неё два платочка и разгладив один поверх другого, чтобы затем поднять их за два уголка, — вначале нужно сшить вместе эти верхние уголки — правый с правым, левый с левым; а щель между ними будет у нас *устьем* кошелька.

Нескольких стежков было достаточно, чтобы выполнить это указание.

— А если теперь я сошью вместе оба платочка с трёх других сторон, — предположила леди Мюриел, — кошелёчек будет готов?

— Нет ещё, миледи, вначале нужно сшить *нижние* края... ах! не так! — запротестовал он, когда она стала их сшивать. — Перекрутите один край и соедините *правый* нижний уголок одного платочка с *левым* нижним уголком другого, а уж затем сшейте нижние края вместе — это ещё называют «наизворот».

— Поняла! — воскликнула леди Мюриел, ловко орудуя иголкой. — И какой же перекрученный, неудобный, ненадёжный получился кошелёчек! Но *мораль* замечательная! Неограниченное богатство можно обрести, только когда всё делаешь *не по правилам*! А как же нам теперь сшить оставшиеся по бокам таинственные щели... то есть, я хотела сказать, *эту* оставшуюся таинственную щель? — Она всё ещё крутила

кошелёчек перед глазами, сияясь понять, что же у неё вышло. — Так и есть, всего *одна* щель. Я вначале подумала, что должно оставаться *две*.

— Вам известна головоломка Бумажное Кольцо? — спросил Майн Герр, обращаясь к графу. — Когда вы берёте полоску бумаги и соединяете её концы, только сначала один конец перекрутите, чтобы соединить *лицевую сторону* одного конца с *изнанкой* другого?

— Не далее как вчера я наблюдал такой фокус, — ответил граф. — Мюриел, дитя моё, ведь это ты проделала такую штуку, чтобы позабавить тех детишек, что приходили к тебе на чай?

— Да, я знаю эту Головоломку, — сказала леди Мюриел. — Такое бумажное кольцо имеет всего *одну* поверхность и *один* край. Совершенная загадка!

— Мешочек вышел точно такой же, взгляните сами! — подсказал я. — Ведь *внешняя* поверхность одной стороны переходит в *изнанку* другой.

— Именно, именно! — воскликнула леди Мюриел. — Но тогда это ещё *не* кошелёк. Как же нам восполнить эту оставшуюся щель, Майн Герр?

— А вот как! — вскричал старичок, забирая у неё кошелёчек и вскакивая на ноги от возбуждения. — Край щели образован *четырьмя* краями платочков, и вы сами можете это проследить, огибая щель вокруг — вниз по правому краю *одного* платочка, затем вверх по левому краю *другого*, затем вниз по левому краю *первого* платочка и вверх по правому краю *другого*!

— Вот оно что! — задумчиво пробормотала леди Мюриел, подперев щёку рукой и заинтересовано глядя на старичка. — И это *доказывает*, что осталась только *одна* щель!

Теперь она до странности сделалась похожа на ребёнка, размышляющего над непростым уроком, а Майн Герр на какое-то мгновение стал так похож на старого Профессора, что я почувствовал себя совершенно сбитым с толку — на меня в полную силу нахлынуло

«наваждение», неудержимо толкая сказать: «Поняла фокус, Сильвия?» Но я огромным усилием воли сдержался и позволил сну (если только это *было* сном) спокойно завершиться пробуждением.

— А теперь *третий* платочек, — продолжал Майн Герр. — У него тоже четыре края, которые вы можете прощупать, переходя от одного к другому по кругу; и теперь всё, что вам требуется сделать, так это пришить его четыре края к четырём краям щели. Вот Кошелёчек и готов, и его внешняя поверхность...

— Поняла! — нетерпеливо перебила его леди Мюриел. — Его *внешняя* поверхность непрерывно будет переходить в его *внутреннюю* поверхность! Но на это потребуется время. Я сошью их после чая¹⁴³. — Она отложила кошелек и налила себе чашку. — Но почему он называется Кошельком Фортуната, Майн Герр?

Услышав этот вопрос, старичок засиял, заулыбался и стал теперь точь-в-точь Профессор.

— А вы не поняли, дитя моё... прошу прощения — миледи? Что бы ни находилось *внутри* Кошелька, оно будет также и *снаружи*, а что будет *снаружи*, то, естественно, будет и *внутри*. Иначе говоря, в этом маленьком Кошельке вы носите все сокровища мира!

Его ученица не могла сдержать восторга и захлопала в ладоши.

— Я обязательно пришью к нему третий носовой платок, только попозже, — сказала она. — Не хочу теперь занимать ваше время испытаниями Кошелька. Лучше расскажите нам ещё что-нибудь чудесное! — Лицом и голосом леди Мюриел теперь *настолько* напоминала Сильвию, что я невольно огляделся — нет ли поблизости ещё и *Бруно*?

Майн Герр задумчиво поигрывал своей чайной ложечкой, размышляя над этой просьбой.

¹⁴³ Наглядно соответствующее расположение платочков представлено на с. 124 книги: *John Barnes. Gems of Geometry*. Springer, 2009 (электронный ресурс).

— Что-нибудь чудесное... Вроде Кошелька Фортуната? Он-то предоставляет вам... если его сделать... богатства, которые вам и не снились, но он не позволяет вам владеть *Временем*!

Последовала минута тишины. Леди Мюриел не теряла времени даром — она вновь наполнила чашки.

— Взять *вашу* страну, — внезапно начал Майн Герр. — Что у вас происходит с понапрасну потерянным временем?

Леди Мюриел всерьёз задумалась.

— Кто знает? — едва слышно произнесла она, ни к кому не обращаясь. — Известно только, что оно проходит, — проходит безвозвратно!

— Так, а вот в *моей*... Я хотел сказать, в одной стране, которую я посетил, — продолжал старичок, — его запасают и потом с большой выгодой используют, даже спустя годы! Вот вам пример. Предположим, вам предстоит провести долгий и скучный вечер: не с кем поговорить, нечем заняться, и ещё слишком рано, чтобы отправляться спать. Как вы будете себя чувствовать?

— Разозлюсь! — заявила леди Мюриел. — Стану кидаться всем, что только под руку попадёт.

— А когда такое случалось с... с жителями той страны, поступали они *совсем* иначе. При помощи недолгой и простой процедуры (я не могу её вам объяснить) они запасали эти бесполезные часы, зато в *другой* раз, когда возникала нужда в добавочном времени, они отпускали их на волю.

Граф слушал с лёгкой недоверчивой улыбкой на губах.

— А почему вы не можете объяснить нам суть этой процедуры? — спросил он.

Майн Герр держал наготове совершенно неоспоримый довод.

— Потому что у вас нет *слов* в *вашем* языке, чтобы выразить необходимые понятия. Я мог бы вам объяснить её по-... по-... Но вы бы всё равно не поняли.

— Справедливо замечено, — согласилась леди Мюриел, милостиво позволив старичку оставить тот неизвестный язык без названия. — Я ещё не выучила этот язык... По крайней мере, не говорю на нём *бегло*. Ну *пожалуйста*, расскажите ещё что-нибудь чудесное!

— А поезда у них бегают совершенно без помощи машин: ничего не нужно, один лишь *тормоз*! Чудесно, миледи, не правда ли?

— Но откуда же тогда у них берётся *движущая сила*? — отважился вставить слово и я.

Майн Герр живо повернулся, чтобы поглядеть на неожиданного участника беседы. Он снял и протёр очки; вновь взглянул на меня с видимым замешательством. Он словно бы натужно вспоминал — как и сам я давеча, — где это он мог меня раньше видеть?

— Они используют *силу тяжести*, — промямлил он наконец. — Эта сила ведь известна и в *вашей* стране, полагаю?

— Но для этого годны лишь те железнодорожные пути, которые идут *под уклон*, — заметил граф. — Не могут же все железные дороги идти под уклон?

— Как раз все они идут под уклон, — возразил Майн Герр.

— Но ведь не с *обоих* же концов?

— С *обоих* концов.

— Я отказываюсь это признать! — не выдержал граф.

— А этот процесс вы можете объяснить? — спросила леди Мюриел. — Не пользуясь тем языком, на котором я не говорю бегло?

— С лёгкостью, — сказал Майн Герр. — Каждый железнодорожный путь представляет собой длинный туннель сквозь землю, идеально прямой; и, как вы понимаете, его *середина* находится ближе к центру земного шара, чем оба его конца, так что каждый поезд проходит полпути *под уклон*, а это придает ему достаточно энергии, чтобы пробежать *оставшиеся* полпути *в гору*.

— Благодарю вас. Всё теперь ясно, — сказала леди Мюриел. — Но скорость в *середине* такого туннеля должна быть *ужасающей*!¹⁴⁴

По всему было видать, что Майн Герр весьма польщен той смышлённой пытливостью, с какой леди Мюриел воспринимает его объяснения. С каждой минутой старичок делался всё словоохотливее.

— А желаете узнать о наших способах *езды*? — с улыбкой спросил он. — Случись лошади понести, так для нас в этом нет никакой опасности.

Леди Мюриел слегка поёжилась.

— Ну а для *нас* это очень даже серьёзная опасность, — сказала она.

— Это потому, что ваши экипажи целиком стоят *позади* лошадей. Ваши лошади бегут, а экипажи следуют за ними. Допустим, ваша лошадь закусил удила. Кто её остановит? Вы несётесь всё быстрее и быстрее! Опрокидывание неизбежно!

— Но допустим, что и у *вас* лошади случится закусить удила...

— И пускай! Никаких проблем. У нас лошадей впрягают в самую середину экипажа. Два колеса перед ней, два колеса сзади. К крыше одним концом прикрепляется широкий пояс. Он проходит под лошадиным брюхом, и другой его конец прикрепляется к небольшой... Кажется, по-вашему это называется «лебёдка». Лошадь закусил удила. Лошадь понесла. Мы летим со скоростью десять миль в час! Но тут мы поворачиваем ручку лебёдки: пять оборотов, шесть оборотов, семь

¹⁴⁴ Это знаменитое рассуждение Майн Герра о движении поездов под действием одной только силы тяжести специально приводит Мартин Гарднер в книге «Аннотированная „Алиса“». При этом Гарднер замечает: «Любопытно, что поезд пройдёт нужное расстояние (если не принимать во внимание сопротивление воздуха и трение колёс), за время, в точности равное периоду колебания предмета, падающего в туннеле, прорытом по диаметру Земли, а именно: немногим более 42 минут. Это время не зависит от длины туннеля» (см.: Академическое издание, примеч. d на с. 14).

оборотов и — оп-ля! Наша лошадь парит над землёй! И *пусть* теперь галопирует в воздухе, сколько ей нравится, ведь *экипаж* не сдвинется с места. Мы сидим себе спереди и сзади от лошади и ждём, когда она устанет. Тогда мы её опускаем. Ох, как радуется наша лошадка, вновь чувствуя под ногами землю!

— Замечательно! — воскликнул внимательно слушавший граф. — А есть у ваших экипажей ещё какие-нибудь особенности?

— В *колёсах*, милорд, — иногда. Чтобы поправить здоровье, вы едете к морю: помучиться от килевой качки, пострадать от боковой качки, время от времени потонуть. Мы то же самое получаем на суше: килевая качка, как и у вас, боковая качка тоже, но чтобы *потонуть* — никогда! На суше не тонут!

— Что же это у вас за колёса такие?

— *Овальные*, милорд. От этого экипаж то вздымается вверх, то падает вниз.

— Хорошо, от этого возникает килевая качка, но как они добиваются *бокового* качания?

— А наши колёса по-разному приставлены, милорд. Когда одно овальное колесо опирается оземь боком, противоположное в это время стоит на *конце*. Так что вначале вздымается одна сторона экипажа, а затем другая. И получается: вправо-влево, вправо-влево! Да при этом вверх-вниз, вверх-вниз! Да-да, милорд, нужно быть опытным моряком, чтобы управлять нашими сухопутными шляпками!

— Охотно в это верю, — сказал граф.

Майн Герр поднялся из-за стола.

— А теперь я вынужден вас покинуть, — заявил он, сверившись со своими часами. — У меня на сегодня назначена ещё одна встреча.

— Хотела бы я, чтобы у нас было отложено про запас несколько часиков! — произнесла леди Мюриел, подавая ему руку. — Тогда бы мы продержали вас у себя подольше.

— О, в *этом* случае я бы охотно остался, — заверил Майн Герр. — Но сейчас, я боюсь, должен с вами проститься.

— Где вы с ним познакомились? — спросил я леди Мюриел, когда Майн Герр удалился. — И где он живёт? И каково его настоящее имя?

— Мы... познакомились... с ним... — неуверенно произнесла она. — Похоже, я совсем не могу вспомнить, *где!* И откуда он сам — ни малейшего понятия! И его настоящего имени я тоже никогда не слышала! Очень странно. Мне и в голову не приходило, что с ним связано столько загадок!

— Надеюсь, мы ещё его увидим, — сказал я. — Он очень меня заинтересовал.

— Он будет на нашем прощальном вечере — в этот же день через две недели, — сообщил граф. — Вы, разумеется, тоже придёте? Мюриел очень хочется ещё раз собрать вместе всех наших друзей, перед тем как мы уедем.

Тут он объяснил мне — как только леди Мюриел оставила нас одних, — что он так страстно желает отправить дочь подальше от этих мест, которые полны для неё болезненных воспоминаний, связанных с расторгнутой ныне помолвкой с майором Линдоном, что они положили быть свадьбе в месячный срок, после чего Артур с женой отправятся в заграничное путешествие.

— Итак, не забудьте: во вторник через две недели! — сказал он, пожимая мне руку на прощанье. — Мне бы только хотелось, чтобы вы привели с собой этих очаровательных детишек, с которыми познакомили нас летом. А мы ещё рассуждаем о загадочном мистере Майн Герр! Это пустое по сравнению с теми тайнами, которые, как мне кажется, связаны с *ними!* Мне никогда не забыть тех изумительных цветов!

— Приведу, если будет в моих силах, — пообещал я. Только как *выполнить* это обещание, я ломал голову всю дорогу домой. Задача была выше моих способностей!

ГЛАВА VIII. В Тенистом Уголке

С десяток дней промелькнули, и накануне того дня, на который был назначен большой приём, Артур предложил мне навестить в Усадьбу — прямо к вечернему чаепитию.

— Может быть, тебе лучше сходить туда *одному*? — высказал я своё сомнение. — Мне кажется, я буду там лишним.

— Твоё присутствие послужит мне своего рода *проверкой*, — ответил он. — *Fiat experimentum in corpore vili!*¹⁴⁵ — добавил он, сделав грациозный поклон дурашливой вежливости в направлении несчастной жертвы. — Видишь ли, завтра вечером мне предстоит сносить вид моей возлюбленной, вынужденной любезничать со всеми *кроме* того, с кем надо, и мне легче будет терпеть эту муку, если мы загодя проведём генеральную репетицию.

— Кажется, начинаю понимать свою роль в этой пьесе: гость не ко времени!

— Ну что ты! — укоризненно ответил Артур. — В дружной компании таковых не бывает. Так кто же ты? «Благородный отец»? *Его* место уже занято. «Поющая камеристка»? *Эту* партию пускай продублирует «Главная героиня». «Комичный старикашка»? Но ты вовсе не комичный. Короче говоря, для тебя, боюсь, нет другой роли, кроме «Празднично наряженного крестьянина». Вот только, — он критически окинул меня взглядом, — я не совсем уверен насчёт наряда!

Мы застали леди Мюриел в одиночестве — граф отправился нанести визит; и мы тотчас же восстановили прежнюю обстановку интимности в тенистой беседке, где нас, казалось, вечно будут

¹⁴⁵ «Прделаем опыт на ничтожной личности» (лат.). — Таков дословный перевод изречения, бытовавшего в кругу медиков; содержащееся в нём понятие *corpus vile* 'ничтожное тело' (или, чаще, *anima vilis* 'низшая душа') означает подопытное животное.

поджидать чайник и чашки. Единственным новшеством в привычной обстановке (и леди Мюриел, судя по всему, считала это само собой разумеющимся) было то, что два кресла стояли рядышком, подлокотниками впритык. Странно сказать, *ни одно* из них не предложили занять *мне!*

— По дороге сюда, — обратился к ней Артур, — мы договаривались насчёт переписки. Ему ведь будет интересно знать, как мы наслаждаемся нашим путешествием по Швейцарии, и мы же сделаем вид, будто и впрямь наслаждаемся *Швейцарией?*

— Конечно, — кротко согласилась она.

— А как насчёт скелета в шкафу? — поддержал я.

— Ах да! — подхватила она. — Но скелет в шкафу всегда причиняет хлопоты, если вы путешествуете по заграницам, а в гостиницах нет шкафов. Впрочем, наш скелетик переносной, его можно чудесно уложить в небольшой кожаный чемоданчик...

— Умоляю вас, не думайте о *переписке*, — сказал я, — если в тот момент вам подвернётся более интересное занятие. Я сам, разумеется, охотно *читаю* письма, но мне отлично известно, как утомительно бывает их *писать*.

— Да, временами, — согласился Артур. — Например, когда ты стесняешься человека, которому должен писать.

— Но видится ли это из *письма?* — спросила леди Мюриел и с изрядной долей иронии продолжала, не сводя глаз с Артура: — Конечно, когда я слышу, как кто-то *говорит*, — *ты*, например, — я сразу вижу, какой он *отчаянно* стеснительный! Но как разглядеть это в *письме?*

— Ну конечно, когда мы слышим, как кто-то изъясняется *бегло*, — *ты*, например, — то мы сразу видим, насколько она *нестеснительная*, чтобы не сказать дерзкая! Но и самый скромнейший и запинаящийся рассказчик в письме будет изъясняться бегло. Ему

может понадобиться полчаса, чтобы сочинить второе предложение, но в письме-то оно следует за первым как ни в чём не бывало!

— Значит, письма вовсе не выражают того, что они *призваны* выражать?

— Это происходит потому, что наша система переписки несовершенна. Стесняющемуся человеку следует иметь средства показать, что он именно таков. Почему бы ему не оставлять между строками *промежутки* — точно такие же, какие получаются у него в разговоре? Всего только оставлять пустые строки — на полстраницы, не меньше. А какая-нибудь *очень* робкая девица — если на свете ещё встречаются такие создания — могла бы писать одно предложение на *первой* странице своего письма, потом прикладывать к нему парочку пустых листов, затем предложение на *четвёртой* странице, и так далее¹⁴⁶.

¹⁴⁶ Переводчику известно одно письмо, написанное согласно этим «правилам». Написано оно, точно, девицей, но не от чрезмерной робости имеет советуемую форму, а от эмоционального смятения. Впрочем, в данном случае советы Артура (Кэрролла) ни при чём — письмо было написано в январе 1837 года и в России. Его автор — Александрина Гончарова, сестра Натальи Николаевны Пушкиной, а эпоха — канун гибели Александра Сергеевича. Отрывок из этого письма приведён в веской книге Руслана Скрынникова «Пушкин. Тайна гибели» (СПб.: Издательский дом «Нева», 2005. С. 268): «Перейдя с первой странички на четвёртую, она [Александрина Гончарова. — А. М.] пометила: „Не читай этих двух страниц, я их нечаянно пропустила, и там, может быть, скрыты тайны, которые должны остаться под белой бумагой... То, что происходит в этом подлом мире, мучает меня и наводит ужасную тоску“. И ещё один пример подобного письма, на этот раз литературный, но тоже из русской литературы. «И откуда у неё взялась лёгкость, с какою гимназистки не пишут? И почерк такой же, влетающий в душу; что-то слитное между задорным слогом и почерком — летишь, летишь, куда в этот раз? И даже на странице начертание: то между фразами просвет, между абзацами вздох, то вместо равного обрубка строчек — лесенка, будто не

— Я так и вижу, как *мы* — я имею в виду этого умненького маленького мальчика и саму себя, — обратилась ко мне леди Мюриел с любезным намерением подключить меня к разговору, — становимся знаменитыми благодаря новому Своду Правил Писания Писем — ведь все наши изобретения, естественно, мы предадим гласности! Ну-ка, мой мальчик, наизобретай их побольше!

— С удовольствием. Ещё, девочка моя, мы *настоятельно* нуждаемся в способности пояснить, что мы ничего не имели в виду.

— Объясни, пожалуйста, мой мальчик! Ты-то, без сомнения, легко способен выразить *полное* отсутствие задней мысли?

— Я хочу сказать, что когда ты не хочешь, чтобы твои слова восприняли всерьёз, тебе следует иметь способ выразить это твоё нежелание¹⁴⁷. Ибо так уж создана человеческая натура, что, если ты пишешь всерьёз, все видят в этом шутку, а если ты пишешь в шутку, это воспринимают всерьёз! По крайней мере, когда пишешь к *девице*!

хватает ей наших тире и многоточий. От настроения — разный рисунок на странице, сразу понятный, едва распечатаешь конверт. Письмо прочесть — как увидеться» (Солженицын А. И. Октябрь Шестнадцатого. Гл. 17 (про письмо Зины Алтанской Фёдору Ковынёву). М.: Время, 2007. С. 196). И не от тех ли причин так писал Маяковский? Совсем не те Кэрролловы догадки воплотила русская жизнь и воскресила русская словесность, чем, например, сверхрафинированная после революции необарокко латиноамериканская литература первой половины прошлого века (см. в данном разделе примеч. 81 и 154 о Борхесе и Бие Касаресе)!

¹⁴⁷ Не изобрёл ли Кэрролл чего-то подобного сам? Следует поискать в письмах к детям, но в любом случае идея не пропала: в наш век она была возрождена для нужд сетевой переписки и воплотилась в так называемых смайликах, причём пиктограмма, давшая название этому классу знаков, то есть улыбающаяся рожица, как раз и говорит, в частности, о том, что написанное нельзя принимать всерьёз.

— Ах! Будто ты писал к девицам! — заметила леди Мюриел и откинулась на спинку кресла, глубокомысленно уставившись в небо. — Тебе, знаешь ли, стоило бы попробовать.

— Очень хорошо, — сказал Артур. — Скольким сразу я могу послать письма? Хватит у меня пальцев на обеих руках пересчитать их?

— Хватит *мизинцев* на *одной* руке, — строго отозвалась его возлюбленная. — Каков негодник! Верно? — обратилась она ко мне за поддержкой.

— Капризничает, — сказал я. — Наверно, зубы режутся. — А про себя я подумал: «Ну *в точности* Сильвия, когда та отчитывает Бруно!»

— Он хочет чаю, — заявил капризный мальчик. — Его до смерти утомляет сама *перспектива* завтрашнего приёма.

— Тогда ему загодя нужно будет хорошенько отдохнуть, — ласково сказала она. — Чай ещё не готов. Давай, малыш, устройся в своём кресле поудобнее и ни о чём не думай — или обо *мне*, если не можешь иначе.

— И всё-таки, всё-таки... — сонно пробормотал Артур, глядя на неё влюблёнными глазами, пока она отодвигала от него своё кресло поближе к чайному столику, чтобы заняться приготовлением чая. — Но он подождёт, пока чай не будет готов. Он хороший, терпеливый мальчик.

— Принести тебе Лондонских Газет? — спросила леди Мюриел. — Я, когда шла сюда, видела их на журнальном столике, только отец сказал, что в них нет ничего достойного внимания, кроме того ужасного судебного разбирательства. — А как раз в это время лондонский свет удовлетворял свою ежедневную жажду острых ощущений изучением подробностей сенсационного убийства в одном воровском притоне в восточной части Лондона¹⁴⁸.

¹⁴⁸ В викторианскую эпоху восточный Лондон был обиталищем городских низов, главным образом иммигрантов, в отличие от аристократических

— Нет у меня тяги к ужасам, — ответил Артур. — Но мы, надеюсь, всё же усвоим урок, который они нам дают, хоть нас так и подмывает пересказать его наоборот!

— Ты говоришь загадками, — сказала леди Мюриел. — Объяснись, пожалуйста. Смотри же (она сопровождала слова действием), — я сажусь у твоих ног, словно ты второй Гамалиил!¹⁴⁹ Спасибо, не нужно, — это она мне, вставшему, чтобы подставить ей кресло. — Не утруждайте себя. Это дерево и эта трава удобней любого кресла. Так что это за урок, который мы всегда пересказываем наоборот?

Артур с минуту ничего не говорил.

— Мне хочется почётче сформулировать, что я имею в виду, — медленно и задумчиво произнёс он, — перед тем как высказать тебе, ведь ты *задумываешься* над этим.

Всё, что напоминало комплимент, звучало так непривычно в устах Артура, что леди Мюриел зарделась от удовольствия, отвечая ему:

— Ты подаёшь мне идеи, над которыми стоит думать.

— Первая мысль, — продолжал Артур, — возникающая у обывателя по прочтении о чём-нибудь особенно гнусном или бесчеловечном, совершённом представителем двуногих, обычно такова: дескать, вот перед нами разверзлась новая бездна Порока, а мы заглядываем туда с нашего возвышения, держась подальше от края.

— Думаю, что теперь поняла тебя. Ты хочешь сказать, что думать следует так: не «Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие

западных кварталов. Именно в восточном Лондоне, в Уайтчепеле, в 1881 году начал зверствовать Джек-потрошитель.

¹⁴⁹ Леди Мюриел словно шутливо разыгрывает известное место из Деяний св. Апостолов, 22:3, где апостол Павел в таких словах рассказывает о себе иудеям: «...воспитанный... при ногах Гамалиила...»

люди», а «Боже! будь милостив ко мне также, кто был бы, если бы не милость Твоя, столь же мерзким грешником, как тот человек!»¹⁵⁰

— Нет, — возразил Артур, — я хотел сказать гораздо большее.

Она вскинула глаза, но сдержалась и молча подождала.

— Тут надо начинать издалека. Вообразите ещё какого-нибудь человека тех же лет, что и этот бедняга. Мысленно перенеситесь в то давнее время, когда оба только вступали в жизнь, — ещё до того, как у них достало разума, чтобы отличать Зло от Добра. Ведь как бы то ни было, а *тогда* они были в равном положении?

Леди Мюриел согласно кивнула.

— И вот перед нами две отличные друг от друга эпохи, два отрезка жизни обоих людей, чьи жизни мы сейчас сравниваем. В первую эпоху они, насколько это имеет касательство к моральной ответственности, поставлены в точности на одну доску: они оба одинаково неспособны как к добру, так и ко злу. Во вторую эпоху один человек — я возьму крайний случай ради выпуклости — завоевал высокую оценку и любовь окружающих; его характер безупречен и его имя впредь будет произноситься с уважением; жизненный путь другого есть одна непрекращающаяся череда преступлений, и в конце концов оскорблённый закон его страны отбирает у него жизнь. Так каковы в каждом случае были причины того состояния, в котором оказался каждый из этих людей во вторую эпоху своей жизни? Они двоякого рода — одни действовали извне, другие изнутри. Эти два рода причин следует обсудить по отдельности — то есть если я ещё не утомил вас этими нудными рассуждениями.

— Наоборот, — сказала леди Мюриел. — Для меня это особенное удовольствие — иметь вопрос, который обсуждается подобным образом: подготовленный и разобранный так, что каждому становится ясен. Некоторые книги, претендующие на то, что в них обсуждается

¹⁵⁰ Перекичка со словами, с одной стороны, фарисея, а с другой стороны — мытаря из Иисусовой притчи, изложенной в Евангелии от Луки, 18:11, 13.

какой-то вопрос, на мой взгляд, несносны и утомительны — просто оттого, что мысли в них расположены как попало, по принципу «первым пришёл, первым и получи».

— Ты отличная слушательница, — ответил Артур с довольным видом. — Причины, действующие *изнутри*, которые делают характер человека таким, каков он есть в каждый данный момент, суть его последовательные акты волеизъявления — иными словами, его акты выбора делать то или это.

— Подразумевается Свобода Воли? — спросил я с целью вполне прояснить этот пункт.

— А если иначе, — последовал спокойный ответ, — что ж, *cadit quaestio*¹⁵¹, и нечего добавить.

— Да, да, именно Свобода Воли! — безоговорочно объявила оставшаяся слушательница — и, должен сказать, главнейшая, если стать на точку зрения Артура. Он продолжал:

— Причины, действующие *снаружи*, — это его окружение, то, что мистер Герберт Спенсер называет «средой». Дальнейший пункт, который я хочу прояснить, состоит в том, что человек ответствен за свой акт выбора, но *не* ответствен за «среду». Следовательно, если наши два человека, при любых равных условиях, когда они подвержены равному искушению, делают равные усилия к сопротивлению и к выбору правильного действия, то их положение в глазах Господа должно быть одинаковым. Коль Он доволен в одном случае, то будет доволен и во втором, если рассержен в первом случае, то рассержен и во втором.

— Это так, несомненно, и вполне ясно, — вставила леди Мюриел.

— Если теперь принять во внимание различие среды, то один человек одержит грандиозную победу над искушением, в то время как другой низвергнется в тёмную бездну преступления.

¹⁵¹ Здесь: вопрос отпадает (*лат.*).

— Но ты же не скажешь, что оба равно виновны в глазах Господа?

— Вот именно, — сказал Артур, — а иначе я бы отринул свою веру в совершенное божественное правосудие. Но позвольте привести ещё один пример, который даже с большей силой покажет, что я имею в виду. Пусть один из этих людей занимает высокое общественное положение, а другой, скажем, обычный вор. Пусть первый окажется перед искушением совершить обычный нечестный поступок — какой-нибудь такой, который он мог бы сделать в полнейшей уверенности, что он никогда не будет раскрыт, что-то такое, от чего он с лёгкостью способен воздержаться, и что, он определённо знает, будет низостью. И пусть второй человек окажется искушаем на какое-то ужасное, по всеобщему мнению, преступление, но под почти невыносимым бременем мотивов, хотя не *настолько* невыносимым, разумеется, чтобы напрочь исключить всю ответственность. Так вот, пусть в этом случае второй человек приложит *бóльшие* усилия к сопротивлению, чем первый. И предположим, что они всё же поддались искушению *оба*. Я утверждаю, что второй человек в глазах Господа *менее* виновен, чем первый.

Леди Мюриел протяжно вздохнула.

— Это переворачивает все представления о Добре и Зле — это во-первых! Присутствуй ты на том ужасном судебном разбирательстве, ты, чего доброго, скажешь, что убийца — наименее виновный из сидящих в зале, а судья, который судит его за уступку искушению, сам совершает преступление, перевешивающее все подвиги подсудимого!

— И скажу, — твёрдо заявил Артур. — Согласен, что звучит как парадокс. Но только подумайте, насколько это вопиющий грех в глазах Господа — уступить какому-то очень лёгкому искушению, которому

легко можно противостоять, и уступить сознательно, при свете Закона Божьего. Какая же кара искупит грех, подобный *этому*?¹⁵²

— Не могу осудить твою теорию, — сказал я, — но насколько же она расширяет область Порока в нашем мире!

— Неужели правда? — озабоченно спросила леди Мюриел.

— Да нет же, нет и нет! — нетерпеливо ответил Артур. — На мой взгляд, она расчищает те тучи, что нависают над всемирной историей. Когда мне впервые стало это ясно, я, как сейчас помню, вышел побродить в поля и всё повторял про себя этот стих Теннисона: «О зле тут и понятия нету!» Мысль, что, возможно, реальная вина рода человеческого неизмеримо меньше, чем я воображал, что миллионы, которые, как я думал, безнадежно погрязли в злодеяниях, были, быть может, едва ли вовсе порочны — эта мысль была сладка, как не выразить и словами! Жизнь показалась мне светлее и прекраснее, стоило только зародиться в моей голове такой мысли! «И ярче изумруд

¹⁵² Артур не один в литературном английском поле воин. С 1875 по 1895 год выходит серия из семи романов Томаса Гарди (её венчают знаменитые «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» и «Джуд Незаметный»), которые сам автор так и называл обобщённо — «романы характеров и среды». Интересно, что обсуждение социальной и бытовой жизни, интерес к которым как никогда обострился в эпоху выхода в свет «Джуда» и второй части «Сильвии и Бруно», сочеталось у литературных героев со страстными поисками красоты в мире; «тоска по красоте невольно пробивается в их романтических фантазиях», — говорит современный историк английской литературы (М. В. Урнов). Вот и Артур, когда ему, по его выражению, всё стало ясно, тут же мысленно перескочил на Теннисона, чуть дальше в его рассказе (там процитирована поэма «Два голоса»; и на сходную тему, хотя в ином ключе, писали Кэрролл же — поэма «Три голоса» — и Роберт Сервис, см. его стихотворение с аналогичным названием). Само понятие «среда», равно в английском и в русском языках, являлось новым; укореняться оно начало лишь с конца пятидесятих годов XIX века.

блеснул в траве, И чище в море засиял сапфир!»¹⁵³ — Когда он говорил последние слова, его голос дрожал, а на глаза навернулись слёзы.

Леди Мюриел скрыла лицо в руках и с минуту сидела не говоря ни слова.

— Какая это прекрасная мысль, — наконец произнесла она, поднимая глаза. — Как я благодарна тебе, Артур, что ты вложил её и мне в голову!

Граф вернулся в самое время, чтобы присоединиться к чаепитию. Заодно он принёс очень тревожные известия о лихорадке, вспыхнувшей в маленьком городишке при гавани, расположенной ниже Эльфстона. Лихорадка оказалась столь злокачественной, что хоть и появилась там всего день-два назад, уже свалила с ног дюжину человек, из которых два-три находились, по слухам, в критическом состоянии.

В ответ на нетерпеливый вопрос Артура, который, разумеется, выказал к этому предмету глубокий научный интерес, граф смог добавить очень немного *специальных* подробностей, хоть и виделся с местным врачом. По всему выходило, что это была почти что *новая* болезнь, по крайней мере в *этих* краях, хотя можно было доказать, что она идентична «Мору», известному из истории, — очень заразная и устрашающе скорая по своему действию.

— Это, однако, не помешает нам устроить запланированный приём, — заверил граф в заключение. — Никто из приглашённых не живёт в заражённом районе, который, как вы понимаете, населяют одни рыбаки; так что приходите без опаски.

Всю дорогу домой Артур был молчалив, а придя к себе, немедленно погрузился в медицинские штудии, связанные с пугающим заболеванием, о котором он давеча услышал.

¹⁵³ Из поэмы Теннисона «Мод», часть 1, глава 12, строфа 6.

ГЛАВА IX. Прощальный приём

На следующий день мы с Артуром в назначенный час прибыли в Усадьбу. Гостей пока собралось немного — а всего пригласили восемнадцать человек, — и они беседовали с графом, поэтому у нас была возможность переброситься несколькими фразами с хозяйкой.

— Кто этот столь учёно выглядящий господин в огромных очках? — спросил её Артур. — Я ведь не встречал его здесь раньше?

— Нет, это новый наш знакомый, — отвечала леди Мюриел, — немец, если не ошибаюсь. Премилый старичок! В жизни не встречала более учёного человека — за *одним* исключением, разумеется, — смиренно добавила она, заметив, что Артур распрямился с видом оскорбленного достоинства.

— А та девица в синем позади него, которая беседует с тем господином, явно иностранцем? И *она* учёная?

— Вот этого не знаю, — сказала леди Мюриел. — Мне, правда, преподнесли её как замечательную пианистку. Надеюсь, сегодня вечером вы её услышите. Я попросила этого иностранца привести её, поскольку он тоже большой знаток музыки. Французский маркиз, если не ошибаюсь. Поёт *чудно*!

— Наука, музыка, пение... Кого только не встретишь на ваших приёмах! — сказал Артур. — Сам себя чувствуешь знаменитостью среди таких звёзд. Люблю музыку, впрочем.

— Но тех, кого сильнее всего хотелось бы видеть, всё же недостаёт! — сказала леди Мюриел. — Ведь вы не привели с собой тех двух прелестных детишек, — продолжала она, обращаясь ко мне. — Помнишь, этим летом твой друг приводил их к нам как-то на чай? — вновь обратилась она к Артуру. — Вот кого милее нет!

— Это верно, — подтвердил я.

— Так почему же вы не привели их с собой? Вы же обещали моему отцу.

— Мне очень жаль, — сказал я, — это оказалось невозможным...
— На сим я, отлично помню, *собирался* закончить; и с чувством крайнего изумления, которое совершенно не способен описать, я услышал *продолжение*: — Но в течение вечера они ещё к нам присоединятся. — Вот что было произнесено *моим* голосом и вышло, вне всякого сомнения, из *моих* уст!

— Как я рада! — воскликнула леди Мюриел. — С удовольствием познакомлю их кое с кем из моих друзей. Когда вы их ждёте?

Куда было деваться? Единственным *честным* ответом был бы такой: «Это не я сказал; я этого не говорил, и это *неправда!*» Но у меня не хватило духу на такое признание. Репутацию сумасшедшего, по моему убеждению, не слишком трудно *приобрести*, но вот *отделаться* от неё поразительно нелегко; нет никаких сомнений, что вслед за *подобным* заявлением немедленно последует *вполне* справедливое распоряжение: «De lunatico inquirendo»¹⁵⁴.

Видимо, леди Мюриел решила, что я не услышал вопроса, и обратилась к Артуру с замечанием по совершенно другому поводу, я же получил время, чтобы оправиться от потрясения — или пробудиться от моего секундного «наваждения», смотря по тому, что в тот момент преобладало.

Когда окружающие предметы снова обрели реальность, Артур говорил:

— Боюсь, тут уж ничего не поделать — их количество *должно* быть конечным.

— Я буду огорчена, если придётся в это поверить, — сказала леди Мюриел. — Но если честно, в наши дни и впрямь не сыщешь по-настоящему новой мелодии. То, что нам преподносят как «последнюю новинку сезона», *мне* всегда напоминает что-то, что я уже слышала в детстве.

¹⁵⁴ «Подлежит обследованию на вменяемость» (лат.).

— Придёт ещё день — если мир просуществует достаточно долго, — сказал Артур, — когда все возможные мелодии окажутся уже сочинёнными и составлены все возможные каламбуры... — (Леди Мюриел заломила руки на манер трагической актрисы.) — ...и хуже того, все возможные *книги* написаны! Ведь количество *слов* конечно.

— Для *авторов* большой разницы не будет, — ввязался и я в их диспут. — Вместо того чтобы решить: «*Какую* книгу мне написать?», автор спросит себя: «*Которую* книгу мне написать?» Разница в словах, и только¹⁵⁵.

¹⁵⁵ Вновь (см. примеч. 81 к данному разделу) укажем на литературное воплощение этой идеи в «Хрониках Бустоса Домека» (1966, авторы Хорхе Борхес и Адольфо Биой Касарес). Сесар Паладион, герой новеллы-«рецензии» «Дань почтения Сесару Паладиону», первой из «Хроник», «приступает к задаче, на которую до него никто не отважился: он зондирует глубины своей души и публикует книги, её выражающие» (пер. Е. Лысенко). Сперва идут «Заброшенные парки» Хулио Эрреры-и-Рейссига, затем «Эгмонт», «Собака Баскервилей», «Хижина дяди Тома». После всего этого Паладиона начинает привлекать «благородная ясность классического стиля». Не владея мёртвыми языками, Вергилиевы «Георгики» он публикует (как всегда, под собственным именем) в испанском переводе Очоа, но уже через год, «осознав своё духовное величие», отдаёт в печать «О дивинации» Цицерона на латыни. А вот «Евангелие от Луки», знаменовавшее поворот «автора» от язычества к вере, не успело увидеть света в связи с его смертью. Хроникёр дарит нас следующим замечанием, сделанным по поводу самой первой книги Паладиона — «Заброшенных парков» Эрреры: «Разумеется, эта книга была бесконечно далека от одноимённой книги Эрреры, не повторявшей какое-либо предшествующее произведение». Разумеется и то, что книги последующих авторов (кавычки, в духе этой перспективы, можно уже и не ставить), решивших, *которую* из книг им написать, также нужно будет рассматривать под подобным эстетическим углом, хоть одни и те же книги неизбежно окажутся написанными (не переписанными!) неоднократно.

Впрочем, авторы «Хроник Бустоса Домека» увидели и иную перспективу. Герой новеллы «Этот многогранный Виласеко» сперва

Леди Мюриел одобрительно мне улыбнулась.

— Но *сумасшедшие* и тогда будут писать всё новые книги, ведь правда? Они *не смогут* повторно написать разумную книгу!

— Верно, — сказал Артур. — Но и их книги тоже подойдут к концу. Количество сумасшедших *книг* так же конечно, как и количество сумасшедших людей.

— А уж их-то из года в год всё больше, — произнёс напыщенный господин, сам на себя возложивший, очевидно, обязанность не давать гостям скучать в этот день.

— Да, так пишут, — отозвался Артур. — И когда девяносто процентов из нас станут сумасшедшими, — (Артур, вероятно, вновь пришёл в дурное расположение духа и склонен был провозглашать нелепицы), — приюты станут выполнять своё прямое предназначение.

— Это какое? — серьёзно спросил напыщенный господин.

— *Укрывание нормальных!* — ответил Артур. — *Мы* там закрёмся. А сумасшедшие пусть разгуляются *на воле*. Наведут порядок, не сомневайтесь. Дня не пройдёт без столкновений поездов, пароходы взорвутся, большинство городов сгорит в пожарах, большинство кораблей потонет...

— А большинство населения *погибнет!* — пробормотал напыщенный господин, совершенно сбитый с толку.

опубликовал поэму «Шипы души», спустя восемь лет — «Грусть фавна», «такой же длины и такой же метрики, как предыдущее сочинение, однако эта поэма уже отмечена печатью модного модернизма»; ещё через три года появилась третья «личина» нашего автора, результат его увлечения творчеством Эваристо Каррьега, — поэма «Полумаска»; едкая сатира «Змеиные стихи», вышедшая ещё год спустя, прославилась необычной резкостью языка и т. д. Дело, однако, в том, что, помимо названия, у всех этих книг оказался совершенно идентичный текст. Это ещё раз доказывает, завершает свой опус рецензент, «что, несмотря на всякие мелочи, сбивающие с толку пигмея, Искусство едино и уникально».

— Вот именно, — кивнул Артур. — Пока в конце концов сумасшедших снова не станет *меньше*, чем нормальных. Мы тогда выйдем, а *они* войдут, и вещи вернутся к своему исконному состоянию!

Напыщенный господин нахмурился, закусил губу и скрестил руки на груди, тщетно пытаясь уразуметь услышанное.

— Да он *шутит!* — проворчал он наконец тоном уничижающего презрения и зашагал прочь.

Уже прибыли остальные гости; позвали к столу. Артур, разумеется, взял под руку леди Мюриел, а я с удовольствием захватил место с другого её боку, причём какая-то пожилая дама со строгим видом (которую я раньше не встречал и чьё имя, как это обычно и происходит при знакомстве, совершенно не уловил, мне только показалось, что оно звучит как составное) оказалась моей соседкой за столом.

Выходило, что она знакома с Артуром, так как доверительно сообщила мне, понизив голос, что Артур — «любящий спорить молодой человек». Артур, со своей стороны, был расположен выказывать себя достойным той оценки, которой она его наградила, и, услышав её слова: «С супом я вина никогда не пью! Держите его подальше от моей тарелки»¹⁵⁶ (это уже не было доверительным сообщением лично мне, но бросалось всему Обществу как предмет всеобщего интереса), тотчас же ринулся в схватку, начав с вопроса:

— А *когда* можно утверждать, что тарелка супа перешла в собственность?

— Этот суп *мой*, — неумолимо изрекла она, — а тот, что перед вами, — тот *ваш*.

— Несомненно, — сказал Артур. — И всё же *когда* я вступаю в обладание им? Вплоть до той минуты, как его налили в эту тарелку, он

¹⁵⁶ Заявление строгой пожилой дамы вызвано тем обстоятельством, что суп, первое блюдо на обеде в викторианскую эпоху, подавался вместе с хересом, рюмку-другую которого обычно выпивали во время перемены блюд.

был собственностью нашего хозяина, когда его несли вокруг стола, он был, так сказать, доверен разносчику; стал ли он моим, когда я принял его? Или когда он очутился передо мной на столе? Или когда я съел первую ложку?

— Этот молодой человек *очень* любит спорить! — только и всего, что ответила пожилая дама, но зато на этот раз она произнесла это вслух, чувствуя, что и Общество должно знать.

Артур озорно улыбнулся.

— Ставлю шиллинг, — сказал он, — что этот Выдающийся Барристер рядом с вами... — (Люди ведь способны иногда произносить слова так, чтобы они явственно начинались с прописных букв.) — ...не сумеет мне ответить!

— Я *никогда* не заключаю пари, — строго сказала она.

— И не ставите шестипенсовик при *игре*?

— *Никогда!* — повторила она. — *Икра* — вещь вполне невинная, но ставить при ней *деньги!* — И повела плечами.

Артур вновь посерьёзnel.

— Боюсь, не могу разделить такую точку зрения, — сказал он. — Мнение моё таково, что делать небольшие ставки в карточной игре — одно из наиболее морально оправданных действий, совершаемых Обществом именно как *таковым*.

— Это отчего же? — спросила леди Мюриел.

— Оттого что такие действия раз навсегда изымают карты из категории игр, в которых возможно *мошенничество*. Только посмотрите, как развращает Общество крокет! Дамы при игре в крокет начинают жульничать, ужасно, а когда их изобличают, они только смеются и называют это шуткой. Но если на карту поставлены *деньги*, тут уж не до смешочков. Шулера не назовут шутником. Когда человек сидит за картами и жульнически вытягивает из своих друзей деньги, он с ними не шутит, если только не считать шуткой, когда его спустят с лестницы.

— Если бы все мужчины так же дурно отзывались о дамах, как вы, — сурово заметила моя соседка, — то не часто можно было бы встретить... встретить... — она не могла придумать, как ей закончить, но наконец спасительно ухватилась за выражение «*медовый месяц*».

— Как раз наоборот, — сказал Артур с прежней озорной улыбкой. — Если бы только люди приняли *мою* теорию, количество *медовых* месяцев — причём совершенно нового типа — возросло бы значительно¹⁵⁷.

— А можем ли мы услышать об этом новом роде медовых месяцев? — спросила леди Мюриел.

— Пусть *X* — это мужчина, — начал Артур, слегка возвышая голос, так как заметил, что количество слушателей возросло до шести, включая Майн Герра, который сидел по другую сторону моей полиномной партнёрши. — Пусть *X* — это мужчина, а *У* — это девушка, которой он намеревается сделать предложение. Но вначале он предлагает провести Экспериментальный медовый месяц. Согласие получено. Тотчас же молодая пара в сопровождении двоюродной бабушки со стороны *У*, выполняющей обязанности дуэньи,

¹⁵⁷ Читатель, которому, несомненно, известна страсть Кэрролла к изобретательству, может теперь убедиться, что Кэрролл изобретал не только игры и головоломки и не только новые способы денежных переводов, писания писем (предыдущая глава) и специального их учёта. Мартин Гарднер в комментарии к главе X «Алисы в Стране чудес» («Морская кадриль») цитирует одно Кэрроллово письмо к девочке (с. 80 Академического издания): «Я никогда не танцую, если мне не разрешать следовать *своей особой манере*. Пытаться описать её бесполезно — это надо видеть собственными глазами. В последний раз я испробовал её в одном доме — так там провалился пол. Конечно, он был жидковат: балки там были всего шесть дюймов толщиной, их и балками-то не назовёшь! Тут нужны бы каменные арки: если уж танцевать, особенно *моим специальным способом*, меньшим не обойтись». Оказывается, ещё Кэрролл изобрёл медовый месяц «совершенно нового типа», а ещё (далее в этой главе) предложил полезные усовершенствования для званых обедов.

отправляется в месячное путешествие, во время которого они совершают множество прогулок при луне, ведут беседы tête-à-tête, и каждый непрестанно уточняет своё представление о другом; а всё дело, заметьте, занимает четыре *недели*, которые в противном случае превратились бы в долгие *годы*, когда они принуждены были бы встречаться при всех досадных ограничениях, налагаемых Обществом. И только *возвратясь* из путешествия, *X* принимает окончательное решение — желает он или нет задать *У* судьбоносный вопрос.

— В девяти случаях из десяти, — заявил напыщенный господин, — он решит, что лучше с этой *У* расстаться.

— Это значит, что в девяти случаях из десяти, — последовал ответ Артура, — нежелательный брак будет предупреждён, и оба они будут избавлены от страданий!

— По-настоящему *нежелательный* брак — это такой брак, — заметила пожилая дама, — который не обеспечен достаточной Суммой. Любовь может прийти и *позже*. Но *начинать* следует с Денег.

Это замечание было брошено всем присутствующим, своего рода всеобщий вызов; как таковой оно и было воспринято теми немногими, до слуха которых долетело: *Деньги* на некоторое время сделались ключевым словом в разговоре, и его судорожное эхо всё ещё разносилось, когда на стол выставили десерт, слуги покинули комнату и граф пустил вино в путешествие вокруг стола. На всех остановках оно было желанным гостем.

— Рад видеть, что вы придерживаетесь старинных обычаев, — сказал я, наполняя бокал леди Мюриел. — Как приятно вновь переживать чувство умиротворения, которое нисходит на нас, стоит только слугам покинуть комнату, — ведь тогда можно беседовать не опасаясь подслушивания, да и тарелки не мелькают у вас за спиной. Общению здорово помогает, когда сам наливаешь вина дамам и передаёшь блюда тем, кто попросит.

— В таком случае будьте любезны, передайте мне тех персиков, — сказал толстый краснолицый господин, который сидел напротив нашего напыщенного друга. — Они мне уже так давно... ага, по диагонали... захотелись!

— Согласна, что позволять слугам обносить гостей вином за десертом — это ужасное нововведение, — заметила леди Мюриел. — И держат его не так, и подходят не с той стороны — а это, следует знать, приносит каждому несчастье, да-да, каждому!

— Лучше пусть *неправильно*, чем вообще *никак*, — сказал наш хозяин. — Уж будьте любезны, обслужите себя сами. — Это относилось к краснолицему господину. — Вы, надеюсь, не трезвенник?

— Как раз трезвенник! — ответил тот, передвигая бутылки дальше. — В Англии на *Выпивку* тратятся почти вдвое большие суммы, чем на любой другой продукт питания. Вот, прочтите: в прессе опубликовано, между прочим. — (Да и какой, в самом деле, человек с заскоком не расхаживает повсюду с карманами, набитыми соответствующей литературой?) — Цветные столбики — это суммы, потраченные на различные составляющие нашего питания. Взгляните на три первых. Деньги, потраченные на масло и на сыр: тридцать пять миллионов; на хлеб: семьдесят миллионов; на *опьяняющие жидкости* — сто тридцать шесть миллионов! Будь моя воля, позакрывал бы все до единой в стране пивные! Глядите, и подпись под таблицей: «Вот куда уходят деньги!»

— А вы видели *Анти-трезвенническую таблицу*? — спросил Артур с невинным видом.

— Нет, сударь, не видел! — грубо отвечал оратор. — Это что ещё за такое?

— Да почти то же самое. Цветные столбики на тех же позициях. Только вместо слов «Деньги, потраченные на...» там стоит «Прибыль, полученная от продаж...»; вместо подписи «Вот куда уходят деньги» там подпись: «Вот откуда берутся деньги!»

Краснолицый господин надулся, но, по всей видимости, счёл Артура недостойным своего внимания. Пришлось леди Мюриел поддать жару.

— Вы, значит, придерживаетесь теории, — спросила она, — согласно которой эффективнее проповедовать трезвость собственным примером?

— Вот именно! — отвечал краснолицый господин. — Коли на то пошло, — добавил он, разворачивая другую газетную вырезку, — позвольте прочесть вам это письмо от одного трезвенника. *«Редактору. Сэр, некогда я был умеренным пьяницей и водил дружбу с одним человеком, который напивался вдрызг. Я пришёл к нему. “Откажись от этого пьянства, — сказал я. — Оно губит твоё здоровье!” — “Ты же пьёшь, — ответил он. — Почему мне нельзя?” — “Я-то пью, — возразил я. — Но я знаю, когда остановиться”. Он отвернулся от меня. “Ты пьёшь по-своему, — сказал он, — так не мешай мне пить по-моему. Уходи!” Тут я понял: для того, чтобы сделать ему доброе дело, мне нужно отказаться от выпивки. С этого часа я не пью ни капли».* Вот! На это что скажете? — Он победно обвёл взглядом присутствующих и даже передал свою вырезку для обозрения.

— Удивительно! — воскликнул Артур, когда вырезка дошла и до его рук. — А не читали вы на той неделе письма касательно вставания утром пораньше? Столь же необыкновенное, как и это.

Любопытство овладело краснолицым.

— А где оно было напечатано? — спросил он.

— Позвольте, я вам прочту, — любезно предложил Артур. Он достал из кармана какие-то листки, развернул один и прочёл следующее. — *«Редактору. Сэр, некогда я был умеренным соней и водил дружбу с одним человеком, который спал без просыпу. Я решил усовестить его. “Перестань всё время валяться в постели, — сказал я. — Это губит твоё здоровье!” — “Ты же ложишься спать, — ответил он. — Почему мне нельзя?” — “Я-то ложусь, — возразил я. — Но я знаю,*

когда встать». Он отвернулся от меня. «Ты спишь по-своему, — сказал он, — так не мешай мне спать по-моему. Уходи!» Тут я понял: для того, чтобы сделать ему доброе дело, мне нужно отказаться от сна. С этого часа я вообще не ложусь в постель».

Артур сложил свою бумажку, спрятал её в карман и вернул газетную вырезку. Засмеяться никто не отважился, потому что краснолицый господин, судя по всему, здорово разозлился.

— Ваше сравнение хромает, — прорычал он.

— В отличие от *умеренно* пьющих, — спокойно заметил Артур. Тут даже неумолимая пожилая дама прыснула со смеху.

— Но ведь для того, чтобы обед вышел на славу, необходимо ещё много чего! — вмешалась леди Мюриел, намереваясь сменить предмет. — Майн Герр! А каков должен быть по *вашим* понятиям обед на славу?

Старичок заулыбался и поглядел кругом. Его огромные очки словно сделались ещё огромнее.

— *На славу?* — переспросил он. — Ну, во-первых, его должна возглавлять наша прекрасная хозяйка!

— Это само собой! — весело перебила леди Мюриел. — Но ещё, что ещё, Майн Герр?

— Если желаете, — сказал Майн Герр, — могу рассказать вам, какие обеды я посещал в моей... в одной стране, куда мне доводилось заезжать.

Майн Герр сделал паузу; она длилась целую минуту, пока он сидел уставясь в потолок, — с таким мечтательным выражением на лице, что я уже испугался, как бы он не впал в забытьё, своё нормальное состояние. Но минута прошла, и Майн Герр внезапно заговорил вновь.

— Должен сказать, что чаще всего в неудаче званого обеда виновато истощение... Не гостей, разумеется, не гостей. Но *разговора*.

— Ну, что касается *английских* званых обедов, — заметил я, — то *болтовня* на них никогда не истощается.

— Позвольте! — с достоинством отозвался Майн Герр. — Я не сказал «болтовня». Я сказал «разговор». Все эти темы вроде погоды, политики или местных сплетен нам неизвестны. Они либо бессодержательны, либо спорны. А для *разговора* требуется не что иное, как *интерес* и *новизна тем*! И чтобы заручиться тем и другим, мы применяем различные уловки: Движущиеся Картины, Диких Зверей, Движущихся Гостей и Вращаемого Юмориста. Но этот последний пригоден лишь для *небольших* званых обедов.

— Давайте по порядку. Разделим на четыре части! — воскликнула леди Мюриел, явно заинтересовавшись — как, впрочем, и большинство сидящих за столом: все разговоры смолкли, головы повернулись в нашу сторону. Гости напряжённо ловили обрывки речи Майн Герра.

— Часть первая! Движущиеся Картины!¹⁵⁸ — серебряным голоском провозгласила наша хозяйка.

— Обеденный стол делается кольцом, — начал Майн Герр негромким мечтательным голосом, который тем не менее долетал до слуха каждого. — Гости рассаживаются как с внешней стороны кольца, так и со внутренней, поднимаясь к своим местам по винтовой лестнице из нижнего этажа. Вдоль всей середины стола проложена небольшая железная дорога, по которой безостановочно бежит поезд с

¹⁵⁸ Движущимися картинами в викторианской и довикторианской Англии назывался особый вид представления с участием механических фигур. В Англии такое представление впервые было показано в 1713 году Кристофером Пинчбеком: это был целый театр, на сцене которого двигалось около сотни фигур, плыли корабли, бегали собаки, маршировали войска. Однако здесь под уже известным публике названием выводится иное изобретение, причём на сей раз не Кэрроллово. Использовать маленькие поезда с микроскопами на миниплатформах, проезжающие перед студентами, впервые начал в своих лекциях по анатомии Генри Эклэнд в 1845 г. Доктор Эклэнд также был питомцем Крайст Чёрч, близким другом Рескина и сподвижником декана Лидделла в его заботах о том, как улучшить изучение в Университете искусств и археологии.

вагончиками-платформами, приводимый в движение локомотивом, а на каждой платформе стоят по две картины, прислонённые одна к одной спинками. За весь обед поезд совершает два круга, причём по завершении *одного* круга слуги меняют местами картины на каждой платформе, чтобы они смотрели в противоположные стороны. Тогда *каждый* гость полюбуется *каждой* картиной.

Он остановился. Тишина наступила мёртвая. Леди Мюриел пришла в ужас.

— Если так и будет продолжаться, — воскликнула она, — попросим хотя бы муху прожужжать. Ах да, ведь это моя вина, правда? — (Она заметила выжидательный взгляд Майн Герра.) — Вторая часть! Дикае Звери!

— Мы нашли Движущиеся Картины *слегка* монотонными, — продолжал Майн Герр. — Не будут же люди весь обед рассуждать об одном лишь Искусстве. Поэтому мы выпускаем Диких Зверей. Среди цветов, которыми мы украшаем стол (точно как и *вы*), у нас попадаются где мышка, где жучок, где паучок... — (Леди Мюриел поёжилась.) — где оса, где жаба, где змея... — («Папа! — простонала леди Мюриел. — Ты слышишь?») — ...так что нам всегда есть о чём поговорить.

— А если они укусят? — спросила пожилая дама.

— А мы их садим на цепь, мадам!

Пожилая дама удовлетворённо кивнула, а леди Мюриел поспешила объявить:

— Третья часть! Движущиеся Гости!

— Даже Дикае Звери приедаются, — пожаловался Майн Герр, — так что мы позволяем гостям самим выбирать тему, но чтобы избежать однообразия, мы меняем их местами. Стол у нас делается из *двух* колец. Внутреннее кольцо медленно и непрерывно вращается вместе с полом и со внутренним рядом приглашённых. Таким образом, *каждый* внутренний едок встречается лицом к лицу с *каждым* внешним едоком.

Иногда от этого происходит путаница — когда начинают что-нибудь рассказывать одному знакомцу, а заканчивают другому, но во всяком методе есть недостатки, ведь так же?

— Четвёртая часть! — возвестила леди Мюриел. — Вращаемый Юморист!

— Для *небольших* обеденных приёмов мы придумали отличную штуку — круглый стол с прорезанным посередине отверстием, достаточно просторным, чтобы вместить *одного* человека. И туда мы помещаем нашего лучшего рассказчика. Он медленно вращается, поворачиваясь лицом к каждому едоку по очереди, и всё время рассказывает уморительные анекдоты!

— Я бы этого не одобрил, — проворчал напыщенный господин. — У меня бы голова закружилась, если б я так вращался! Лучше уж бы я... — тут он сообразил, что предположение, которое он собирается высказать, вряд ли оправдано ситуацией; напыщенный господин поспешно хлебнул вина и поперхнулся.

Но Майн Герр уже предался своим грёзам и позабыл о присутствующих. Леди Мюриел подала знак, и дамы покинули комнату¹⁵⁹.

¹⁵⁹ Таков один из викторианских обычаев: после десерта дамы оставляют мужчин, чтобы не мешать им наслаждаться портвейном и сигарами. Курить в обществе дам вообще строго возбранялось, как и дамам находиться в обществе курящих мужчин; смокинг для того и был выдуман, чтобы пепел легко соскальзывал с его атласных бортов, стирая о курении всякую память. Характерна сцена из романа Уилки Коллинза «Отель с привидениями» (1879). Один из персонажей, прогуливающийся в одиночестве по площади Св. Марка в Венеции, замечает женщину, одетую в чёрное, которая ловит его взгляд. «„Не ошиблась ли я, вы ведь мистер Френсис Уэствик?“ — спросила она, стоило ему взглянуть на неё. — „Таково, мадам, моё имя. Позвольте спросить, с кем имею честь разговаривать?“ — „Мы встречались только раз, — ответила женщина словно нехотя, — когда ваш покойный брат представлял меня членам своей семьи. Думаю, вы припомните мои большие чёрные глаза и

ГЛАВА X. Вокруг варенья

Когда за последней из них закрылась дверь и граф, устроившись во главе стола, издал боевой приказ: «Сомкнем ряды, господа!» — и когда, во исполнение этой команды, мы придвинулись поближе к нему, напыщенный господин издал глубокий вздох облегчения, наполнил свой бокал до краёв, передал бутылку соседу и приступил к любимому занятию — произнесению речей:

— Очаровательны, а, господа? Очаровательны, но уж очень легкомысленны. Тянут нас вниз, на, так сказать, более низкую ступень развития. Они...

— Местоимению всё же должно предшествовать существительное, — мягко перебил его граф.

— Простите, — с надменным снисхождением проговорил напыщенный господин. — Пропустил его. Дамы, конечно же, дамы. Нам грустно, когда они отсутствуют. Но мы способны утешиться.

ужасный цвет лица“. — Произнося это, женщина приподняла вуаль и повернулась, подставляя лицо лунному свету. Френсис тотчас узнал ту, к которой испытывал самую глубокую неприязнь — вдову своего умершего брата, прежнего лорда Монтберри. Он нахмурился. Повинуясь театральной привычке, приобретённой им на бесчисленных репетициях с актрисами, жестоко искушавшими его терпение, он грубо произнёс: „Я вас помню. Я полагал, вы в Америке!“ Женщина снесла нелюбезность и попыталась остановить собеседника, когда тот приподнял шляпу в знак прощания и повернулся, чтобы уйти. „Позвольте мне немного пройти с вами, — тихо произнесла она. — Я должна кое-что вам сказать“. Уэствик указал ей на свою сигару. „Я курю, видите?“ — сказал он. „Курите, я потерплю!“ После таких слов делать было нечего (кроме как проявить уж откровенную безжалостность); Уэствик подчинился. „Ну? — начал он, едва ли стараясь соблюдать приличия. — Чего вам от меня нужно?“»

Мысль свободна¹⁶⁰. А с ними мы ограничены *простейшими* темами — Искусством, Литературой, Политикой и прочим. С дамой ещё можно обсуждать *подобные* ничтожные материи. Но ни один мужчина в здравом уме... — он строго оглядел нас через стол, словно желал пресечь имеющие быть возражения, — никогда не станет разговаривать с дамой про ВИНО!¹⁶¹ — Он потянул из своего бокала портвейн,

¹⁶⁰ «Буря», акт III, сцена 2, а также «Двенадцатая ночь», акт I, сцена 3.

¹⁶¹ Читатель, знакомый с викторианской классикой, отлично знает, что первый благодарный тост в компании покинутых дамами мужчин звучит, как правило, в честь них же — только что удалившихся дам. Затем — «Само собою разумеется, мы говорили о вине. Ведь ни одна компания англичан, собравшихся провести время вместе, не обойдётся без таких разговоров. Каждый уважающий себя англичанин, достаточно богатый для того, чтобы платить подходящий налог, совершил в ту или иную пору своей жизни прямо-таки удивительно удачную покупку партии вина. Или ему подвернулась такая выгодная сделка, какой ему никогда больше не заключить. Или он является единственным человеком в стране, за исключением разве что пэров Англии, у которого есть вино знаменитой редкостной марки, исчезнувшей с лица земли. Или он приобрёл вместе с другом последние несколько дюжин из погреба умершего властителя по такой умопомрачительной цене, что не может её назвать и лишь качает головой... Во всех этих разговорах о вине при великом разнообразии рассказываемых историй каждый очередной рассказчик неизменно придерживается одного из двух основополагающих принципов. Либо он знает об этом вине больше, чем кто бы то ни было, либо у него есть в погребке винцо получше того прекрасного вина, которое он пьёт сейчас. Компания мужчин может обойтись без разговора о женщинах, о лошадях, о политике, но, собравшись за совместной трапезой, мужчины не могут не поговорить о вине, причём это единственная тема, на которую каждый рассуждает с видом абсолютной непогрешимости, с каким не позволил бы себе высказываться ни по какому другому вопросу на свете» (Коллинз У. Деньги миледи. М.: Дом, 1995. С. 432—433; пер. В. Воронина). Далее в настоящей главе этот английский обычай становится объектом

откинулся на спинку стула и не спеша поднёс бокал к глазам, чтобы посмотреть сквозь него на свет лампы. — Марочное, милорд? — спросил он, переведя взгляд на хозяина.

Граф назвал год урожая.

— Так я и думал. Просто люблю определённую. Вот *оттенки*, возможно, бледноват. Но *крепость* вне вопросов. А что до *bouquet*...

Ах, этот магический Букет! Как живо это волшебное слово напомнило мне давнюю сцену! Мальчуган-попрошайка, выделывающий сальто посреди дороги, девочка-калека у меня на руках, загадочная недолговечная няня — эти видения заматались в моей голове, подобно порождениям дрёмы, а сквозь их призрачную кутерьму гудел колокольным гулом важный голос сего выдающегося знатока ВИН!

Но даже его разглагольствование доходило до меня словно сквозь дрёму.

— Нет, — вещал он... Ну почему, уж спрошу заодно, мы, подхватывая оборванную нить разговора, *обязательно* начинаем с этого унылого монологического? После неотвязных раздумий я пришёл к выводу: да ведь и школьник поступает точно так же — бьётся над своим примером, а когда всё безнадежно запутывается, в отчаянии хватается губку, всё стирает и начинает сызнова. Так и у нас: *собоьётся* какой оратор — и тут же простым отрицанием *всего*, что только минуту назад слетало с языка, отменяет прения как метлой и «честно стартует» при новых правилах игры. — Нет, — вещал он, — как хотите, а вишнёвым вареньем там и не пахнет. Вот что вам доложу.

— Отсутствует *полнота* качеств, — пронзительным голосом встрял бойкий маленький человечек. — По *богатству* общего вкуса соперника у него, на мой взгляд, нет. Но что до *тонкости* модуляции — того, что можно назвать *обертонами* вкуса, — подавайте мне доброе старое *малиновое* варенье!

травестии: все гости бросаются в рассуждения «с видом абсолютной непогрешимости», только речь заходит отнюдь не о вине.

— Позвольте одно только слово! — ввязался в разговор толстый краснолицый господин. Он аж хрипел от нетерпения. — Это слишком важный вопрос, чтобы его обсуждали Любители! Я выскажу вам точку зрения *Профессионала* — наиболее знающего дегустатора варений из всех, ныне живущих. Я сам свидетель — он определяет возраст клубничного варенья с точностью до дня, один-единственный раз взяв его в рот, а вы ведь знаете, насколько это трудная штука, определить возраст варенья! Я поставил перед ним этот же самый вопрос. И вот вам его подлинные слова: «*Вишнёвое* варенье лучше прочих просто по *chiaroscuro*¹⁶² привкуса, *малиновое* варенье безупречно той разноголосицей вкусовых компонентов, что так изумительно распадаются на языке, однако восторженным причмокиванием вознаграждается сахаринное совершенство одного только варенья из *абрикосов*, остальные вне игры!» Отлично сказано, правда?

— Ишь как подведено! — выпалил бойкий маленький человечек.

— Я хорошо знал этого вашего знакомого, — сказал напыщенный господин. — Как дегустатор варенья он не имел соперников! Однако не думаю...

Но здесь все ринулись в обсуждение, и его слова потонули в мешанине названий; каждый гость выкрикивал хвалы своему любимому варенью. Наконец сквозь гам пробился голос хозяина:

— Давайте присоединимся к дамам!¹⁶³

Эти слова вернули меня к реальности, и я осознал, что последние несколько минут был охвачен «наваждением».

— Странный сон! — сказал я себе, когда мы гуртом поднимались по лестнице. — Взрослые люди спорили так яростно, словно решали вопросы жизни и смерти, а ведь обсуждали-то самые обыденные вещи, смешно сказать — *лакомства*, которые воздействуют не на какие-то там высшие функции жизнедеятельности, а на языковые и нёбные

¹⁶² контрастам, досл.: светотени (*итал.*).

¹⁶³ Ритуальная для этого случая викторианская фраза.

нервы! Каким унижительным зрелищем должен выглядеть такой спор на взгляд нормального человека!

Когда по пути в гостиную я принял от экономки моих маленьких друзей, которые были облачены в самые изысканные вечерние наряды и сияли в предвкушении развлечений, отчего выглядели прекраснее, чем когда-либо, я и не удивился вовсе, но воспринял их появление с тем необъяснимым спокойствием, с каким воспринимаются нами события сновидения, и был всего лишь смутно озабочен тем, сумеют ли они держаться свободно, не застесняются ли на этой непривычной для них сцене. Я совсем забыл, что жизнь при дворе в Запределье послужила им отличной школой держаться в Обществе — хотя бы и Обществе нашего материального мира¹⁶⁴.

¹⁶⁴ В своей книге «Признания карикатуриста» первый иллюстратор «Сильвии и Бруно» Гарри Фернисс приводит указания Кэрролла, который в ходе совместной работы над рисунками говорил ему, что представляет Сильвию в белом «облегающем» платье, ибо кринолин, а равно высокие каблуки ему ненавистны. Не стоит упрекать роман в ослабленном зрительном впечатлении. Некоторые стремились именно так писать тогда. «Война прилагательному» и «смерть зрительному нерву», — таков был и Стивенсонов девиз. «Сколько веков литература успешно обходилась без него!» Разумеется, это не просто призывы, а аванпост продуманной эстетической позиции. На примере Стивенсона она рассмотрена в книге: *Урнов М. В.* На рубеже столетий. Очерки английской литературы (конец XIX—начало XX в.). М., 1970. С. 282—284 («Остров сокровищ» появился за семь лет до «Сильвии и Бруно»), мы же, чтобы пояснить обозначение «аванпост» применительно к творчеству Кэрролла и Стивенсона, приведём рассуждение специалиста по древнерусской литературе Евгения Водолазкина уже о нашем времени, начале XXI века: «Новое время — и это было чрезвычайно важно — преодолевало коллективное сознание, оно было временем роста личности. Теперь коллективное сознание возвращается в литературу в виде многочисленных цитат, явных и скрытых. Как литературовед я (и не только я) фиксирую возвращение средневековой поэтики в широком

Лучше всего, подумал я, побыстрее представить их кое-кому из приглашённых дам — тех, что подобнее, — и я выбрал юную девушку, о фортепианной игре которой так много было говорено.

— Надеюсь, вы любите детей? — спросил я. — Позвольте представить вам двух моих маленьких приятелей. Это Сильвия, а это Бруно.

Девушка изящно склонилась и поцеловала Сильвию. Она бы и Бруно поцеловала, но он был начеку и вовремя увернулся.

— Их лица мне видеть внове, — сказала она. — Откуда вы, мои хорошие?

Такого неудобного вопроса я не предвидел; испугавшись, что Сильвия попадёт в трудное положение, я ответил за неё.

— Они нездешние, далеко живут. Пробудут здесь только один вечер.

— И как же далеко вы живёте? — не унималась пианистка.

На лице Сильвии появилось смущение.

— В миле или двух отсюда... *кажется*, — неуверенно ответила она.

— В мире или *трёх*, — уточнил Бруно.

— Так не говорят, «в миле или *трёх*», — поправила его Сильвия.

Пианистка была с ней согласна.

— Сильвия совершенно права. Обычно так не говорят.

— Будет обычно, если мы часто станем так говорить, — сказал Бруно.

Пришёл черёд пианистке стать в тупик.

масштабе. Всё, что выработало Новое время, — портрет, пейзаж, художественность, психологизм — становится для современной литературы вещью по-средневековому необязательной. Это уже не нуждается быть выраженным» (Водолазкин Е. Дом и остров, или Инструмент языка. М.: АСТ, 2014. С. 364).

— Скор на ответ для своего возраста, — пробормотала она. — Бруно ведь не больше семи, верно? — обратилась она к Сильвии.

— Нет, меня не *столько*, — ответил Бруно. — Я *один*. И Сильвия *одна*. А с Сильвией нас — *двое*. Сильвия учила меня считать.

— Да нет, я вовсе тебя не *считала*! — засмеялась пианистка.

— Вас не учили считать? — изумился Бруно.

Пианистка закусил губу.

— Да уж, разговор получается какой-то... неуклюжий! — вполголоса бросила она реплику «в сторону».

— Бруно, так нельзя! — укоризненно прошептала Сильвия.

— *Как* нельзя? — не понял Бруно.

— Нельзя, чтобы получался такой разговор.

— А *какой* разговор? — не унимался вредный ребенок.

— Такой, чего она тебе не говорила, — ответила Сильвия, робко взглянув на девушку и ещё больше смущаясь от столь бестолково построенной фразы.

— Ты просто не можешь произнести это слово! — воскликнул Бруно с торжеством. И он обратился к юной пианистке, словно приглашая её в свидетели своей победы: — Я ведь знал, что она не может произнести «не-у-тю-жен-ный»! Вы ведь так сказали, верно?

Пианистка сочла, что лучше вернуться к арифметике.

— Когда я спросила Сильвию: «Бруно уже семь?», я лишь хотела знать, сколько тебе лет.

— Нам два билета, — ответил Бруно. — А куда?

— Это твой мальчик? — спросила пианистка Сильвию, оставив в покое и арифметику.

— Я не её, — снова не утерпел Бруно. — Это Сильвия — моя! — И он обхватил Сильвию руками, повторив для верности: — Моее всех!

— Ясно. А знаешь что, — сказала пианистка, — у меня дома есть маленькая сестрёнка, очень похожая на твою сестрицу. Я думаю, они бы полюбили друг друга.

— Они были бы очень-очень полезны друг другу, — ответил Бруно, поразмыслив. — Им не нужно было бы всякий раз искать зеркальце, чтобы расчесать себе волосы.

— Почему это, мой милый?

— Потому что одна служила бы зеркалом для другой! — провозгласил Бруно.

Но здесь леди Мюриел, которая стояла поодаль и слушала этот удивительный разговор, вмешалась и попросила пианистку осчастливить нас своей игрой, и дети повели свою новую подругу к пианино.

Ко мне подошёл Артур.

— Если верить слухам, — прошептал он, — нас ждёт масса удовольствия.

И вот среди мёртвой тишины начался концерт.

Пианистка принадлежала к тем исполнителям, о которых Общество отзывается как о «блестящих», и она набросилась на чудеснейшую симфонию Гайдна с шиком, который приобретает лишь годами терпеливого труда под руководством лучших педагогов. Поначалу и впрямь казалось, что нам предстоит насладиться совершенной фортепианной техникой, но спустя несколько минут я начал занудно спрашивать сам себя: «И это всё? Где обещанное удовольствие?»

Потом я принялся внимательно вслушиваться в каждую ноту, и мне всё стало ясно. Налицо была почти совершенная механическая точность движений — и ничего более! Фальшивых нот, разумеется, не было и в помине, для этого она слишком хорошо знала пьесу, но достаточно было простейшей смены музыкального размера, как выявилось отсутствие у играющей настоящего «уха» к музыке;

достаточно было смазанности самых трудных пассажей, как стало видно, что она не считает своих слушателей достойными настоящих усилий; достаточно было механического однообразия акцентировки, чтобы из божественных модуляций, которые оскверняла исполнительница, напрочь улетучилась душа, — короче говоря, игра просто-напросто раздражала, и когда пианистка отбарабанила финал и таким ударом по клавишам извлекла последний аккорд, словно инструмент уже сделал своё дело и её больше не волнует, сколько от этого лопнет струн, мне не удалось даже *подхватить* те неизбежные возгласы благодарности, что хором вознеслись вокруг меня.

Леди Мюриел появилась рядом с нами.

— Не правда ли, *прелестно*? — шепнула она Артуру с озорной улыбкой.

— Ничуть не прелестно, — ответил Артур. Но светлая доброта его лица сгладила явную грубость ответа.

— Да ты что, такое исполнение! — удивилась леди Мюриел.

— Поработала неплохо, — гнул своё Артур, — но люди, знаешь ли, всегда бывают предубеждены против столичных штучек...

— Так, теперь ты начинаешь нести нелепицу! — отрезала леди Мюриел. — Ты же любишь Музыку, разве нет? Ты сам давеча говорил.

— Люблю ли я *Музыку*? — медленно проговорил Доктор. — Моя любезная леди Мюриел, есть Музыка и музыка. Ваш вопрос чересчур расплывчат. Вы могли бы с тем же успехом спросить: «Ты же любишь людей?»

Леди Мюриел закусила губку и топнула ножкой. Будь она актрисой на сцене, желающей изобразить гнев, её бы освистали. Сейчас тем не менее она всё же произвела впечатление на *одного* зрителя — Бруно поспешил вмешаться и внести в назревающую ссору мир своим замечанием:

— Я люблю Людей!

Артур с нежностью взъерошил рукой курчавые волосы мальчика.

— Неужто? Всех-всех?

— Ну, не *всех*, — принялся объяснять Бруно. — Только Сильвию... и леди Мюриел... и его, — он указал пальцем на графа, — и вас, и вас!

— Не показывай пальцем, — сказала Сильвия. — Это невежливо.

— В мире Бруно, — сказал я, — существует только *четверо* Людей. То есть достойных упоминания.

— В мире Бруно! — мечтательно повторила леди Мюриел. — В его ярком и красочном мире! Где трава всегда зелёная, ветер мягок и в небе никогда не сгущаются дождевые тучи; где нет диких зверей и пустынь...

— Пустыни должны быть обязательно, — твёрдо заявил Артур. — По крайней мере, в *моём* идеальном мире.

— Но почему, что в них проку? — удивилась леди Мюриел. — Не было бы у тебя никаких пустынь!

Артур улыбнулся.

— Непременно были бы. Пустыня даже более необходима, чем железная дорога, и гораздо больше способствует счастью, чем церковные колокола!

— Но зачем она нужна?

— *Чтобы там упражнялись на рояле.* Все дамочки, у которых отсутствует музыкальный слух, но которым кажется, будто они чему-то выучились, должны под конвоем отправляться каждое утро в пустыню за две-три мили. Для каждой там будет приготовлено удобное помещение и дешёвое подержанное фортепиано. И пускай себе играют по несколько часов, не усугубляя страдания людей совершенно лишними муками.

Леди Мюриел в тревоге огляделась, не подслушал ли кто этот варварский приговор. Но прекрасная пианистка находилась в благополучном отдалении.

— Признай хотя бы, что она миловидная девушка.

— Признаю. Сладостная, как eau sucrée¹⁶⁵, если угодно, и столь же занимательная.

— Ты неисправим, — махнула рукой леди Мюриел и обратилась ко мне. — Надеюсь, миссис Миллз показалась вам интересным собеседником?

— А, так вот как её зовут! — сказал я. — Почему-то я думал, что имён должно быть *больше*.

— Так и есть; и не ждите пощады, если вам вздумается обратиться к ней «миссис Миллз». Её зовут миссис Эрнест-Аткинсон-Миллз.

— Она, вероятно, из тех, — пробурчал Артур, — кто считает себя столь важной персоной, что обязательно добавляет к своему первому имени все оставшиеся в запасе после крещения, с дефисами между ними, чтобы звучало аристократично. Как будто труда запоминать *одно* имечко нам недостаточно!

Но к этому времени комната стала наполняться гостями, так как начали прибывать приглашённые на вечерний приём. Леди Мюриел вынуждена была взять на себя задачу по-хозяйски их приветствовать, что она и выполняла с неподражаемой любезностью. Сильвия и Бруно пристроились рядом с ней; они с нескрываемым интересом наблюдали эту церемонию.

— Надеюсь, мои друзья вам понравятся, — сказала леди Мюриел детишкам, — особенно этот милый старичок Майн Герр. Кстати, куда он пропал? А, вон он! Тот старый джентльмен в очках и с длиннющей бородой.

— Наверно, он очень важный! — произнесла Сильвия, с восхищением глядя на Майн Герра, который присел в уголке. Из этого угла на нас лучились сквозь огромные стёкла его близорукие глаза. — И какая у него красивая длинная борода!

— А как его зовут? — тихо спросил Бруно.

¹⁶⁵ сахарная вода (*фр.*).

— Его зовут Майн Герр, — прошептала Сильвия в ответ.

— Его зовут Майн Герр, а его бороду — Мессир, — пошутил я.

— Потому что когда он ходит, она метёт по полу? — не понял шутки Бруно.

— Наверно. Но он выглядит так одиноко; надо пожалеть его седые волосы.

— Я жалею *его*, — сказал Бруно, всё понимавший буквально, — а зачем жалеть его *волосы*? Они же ничего не чувствуют.

— А мы с ним сегодня встречались, — сказала Сильвия. — Мы ходили повидать Нерона и так весело с ним играли, делая его то невидимым, то снова видимым! А когда возвращались, то встретили этого милого старичка.

— Что ж, давайте пойдём к нему и попробуем немножко его развеселить, — предложил я. — Может быть, тогда нам удастся выяснить, как его зовут по-настоящему.

ГЛАВА XI. Жил Человечек на Луне...

Дети охотно меня послушались. Ведомый ими с обеих сторон, я направился в уголок, где расположился Майн Герр.

— Не возражаете против *детей*, надеюсь? — начал я.

— *Старости не сжитья с юностью шальнойю*¹⁶⁶, — весело отозвался старичок с самой что ни на есть дружелюбной улыбкой. — Но присмотритесь ко мне повнимательнее, детки. Вы, наверно, думаете, что я старый-престарый?

На первый взгляд, хотя лицом он так загадочно напоминал Профессора, всё же решительно показался из *молодого поколения*; но стоило мне заглянуть в замечательную глубину этих огромных

¹⁶⁶ Пер. В. С. Давиденковой-Голубевой. Прибывший издалека в эту чужую для него страну, Майн Герр, как ни странно, уже цитирует Шекспира (поэма «Страстный пилигрим», XII).

мечтательных глаз, как я с непривычным благоговением почувствовал, что он неисчислимо *старее*, — казалось, он глядел на нас из дали давно минувших лет и даже столетий.

— Я не знаю, *старый* ли вы, — ответил Бруно, когда дети, успокоенные добрым голосом, придвинулись поближе. — Я думаю, что вам *восемьдесят три*.

— Совершенно точно! — воскликнул Майн Герр.

— Это и в самом деле так? — спросил я.

— Существуют причины, — мягко ответил Майн Герр, — по которым я не свободен объяснять, чтобы не упоминать *определённо* кое-каких Персон, Мест или Дат. Позволю себе сделать только одно замечание — что период жизни между ста шестьюдесятью пятью и ста семьюдесятью пятью годами наиболее безопасен.

— Откуда вы знаете?! — изумился я.

— А вы бы тоже сказали, что плавание — это вполне безопасное развлечение, коли бы в жизнь свою не слышали, будто во время плавания кто-то погиб. А теперь скажите, разве вам доводилось слышать, чтобы кто-нибудь умер в таком возрасте?

— Понимаю, что вы хотите сказать, — ответил я, — только, боюсь, к *плаванию* такие соображения неприменимы. Не так уж редко можно слышать, что люди *тонут*.

— В *моей* стране, — сказал Майн Герр, — *никто* ещё не утонул.

— Разве там нет достаточно глубокого водоёма?

— Да сколько угодно! Но мы не можем в них *погрузиться*. Мы все *легче воды*. Позвольте, я вам объясню, — добавил он, видя мой изумленный взгляд. — Предположим, вы пожелали завести породу голубей определённого вида и цвета. Тогда вы из года в год отбираете таких, которые приближаются к вашему идеалу по виду и по цвету, и помещаете их отдельно от остальных.

— Правильно, — согласился я. — Это называется «Искусственный Отбор».

— Именно, — подтвердил Майн Герр. — И *мы* поступали точно так же на протяжении столетий: постоянно отбирали *наилегчайших* людей, и вот теперь *каждый* легче воды.

— Так вы никогда не тонете в море?

— Никогда! Мы подвергаемся такой опасности только *на суше* — например, когда смотрим спектакль в театре.

— То есть как это *в театре*?

— А театры у нас *подземные*. Прямо над ними мы располагаем огромные баки с водой. Случись пожар, мы отвинчиваем краны, и в минуту весь театр затопляется по самую крышу! И конец пожару.

— И *зрителям*, я полагаю?¹⁶⁷

¹⁶⁷ Противопожарная система подобного типа известна в подлинной истории английского театра. Её изобретателем является Шеридан. Вот как описывает современный биограф знаменитого драматурга первую (и последнюю?) демонстрацию этой противопожарной системы. «21 апреля 1794 года состоялось открытие нового Друри-Лейнского театра. Давали „Макбета“ (с Кемблом и миссис Сиддонс в главных ролях) и „Разоблачённую девственницу“. Но ни игра Кембла, ни исполнение миссис Сиддонс не произвели на публику такого сильного впечатления, как эпилог, прочитанный миссис Поп и содержащий следующие строки:

«Сейчас, друзья, вы убедитесь сами,
Что нам не страшно никакое пламя.
Запас воды — надёжная защита.
Забьёт струя — и пламя вмиг залито!
Страшитесь паники, столпотворенья, смуты.
С огнём мы справимся, тут наши меры круты:
Мы всех затопим вас за полминуты!
Как только наш суфлёр подаст сигнал,
Клокочущий и пенный хлынет вал.
Не нужно нам ни рек из гнutoго картона,
Ни жестяных ручьёв бряцающего звона,
Ни колыхания матерчатых каскадов,

— Это мелочи, — беспечно отвечал Майн Герр. — Но всё равно им утешительно думать, что хоть они и тонут, зато они *легче воды*. Пока ещё нам не удалось добиться того, чтобы люди стали *легче воздуха*, но мы поставили перед собой такую цель, и вот уже почти тысячу лет...

— А куда вы деваете людей, которые не лёгкие? — хмуро спросил Бруно.

— Точно такую же процедуру, — продолжал Майн Герр, не обратив внимания на вопрос мальчика, — мы применяем во множестве других случаев. Мы добились успехов в селекции *тростей*: постоянно отбирали те, с которыми легче всего было ходить, и в конце концов получили такие трости, которые ходят сами! Мы также успешно провели селекцию *ваты*, пока не получили такую, что оказалась легче воздуха! Вы даже не представляете, насколько это полезный материал! Мы называем его «Невесомчик».

— А на что он вам?

— Он служит главным образом для того, чтобы упаковывать в него вещи, которые нужно послать почтой. Такая посылка, изволите видеть, весит *меньше, чем ничего!*

Ни деревянных волн, ни ложных водопадов.

Не бутафорская — реальная водица

На сцену с шумным плеском будет литься.

(Занавес поднимается, и перед изумлённой публикой открывается картина водопада: прыгая через искусственные скалы, разлетаясь брызгами, плещась и играя, низвергаются на сцену бурные потоки. Зрелище этого моря воды, падающей из резервуаров на крыше в огромный бассейн на сцене, призвано наглядно убедить всех присутствующих в том, что, случись такое несчастье, как пожар, администрация сможет не только в один миг потушить огонь, но и устроить в театре настоящее наводнение. Аплодисменты.)» (Шервин О. Шеридан. М.: Искусство, 1978. С. 230; пер. В. Воронина.)

— Как же тогда на Почте высчитывают, сколько с вас брать за пересылку?

— Они не высчитывают, они *вычитают!* — радостно объявил Майн Герр. — Они платят *нам*, а не мы *им*! Я и сам, бывало, получал шиллингов по пять, когда слал посылку почтой.

— И Правительство не возражает?

— Ну, немножко оно возражает. Чиновники говорят, что отправлять посылки на большие расстояния — убыток казне. Но ведь ясно как день, что всё происходит по ими же утверждённым правилам. Если я посылаю посылку, которая весит на один фунт *больше*, чем ничего, то *плачу* три пенса; так что если она весит на один фунт *меньше*, чем ничего, я, значит, обязан три пенса *получить*.

— В самом деле, полезная статья! — не сдержал я удивления.

— Но даже «Невесомчик» имеет свои недостатки, — продолжал Майн Герр. — Я купил немного этого материала пару дней назад и положил его себе в шляпу, чтобы спокойно донести до дому, а шляпа возьми да и улети в небо!

— А у вас в шляпе не было такого материала *сегодня*? — спросил Бруно. — Мы с Сильвией встретили вас на дороге, и ваша шляпа всё ещё была так высоко вверху! Правда, Сильвия?

— Нет, то было другое, — сказал Майн Герр. — На меня упало несколько дождевых капель, поэтому я нацепил свою шляпу на кончик трости — ну, вроде зонтика. И пока я шёл по дороге, я был застигнут...

— Ливнем? — не утерпел Бруно.

— Да нет... *Выглядело* как собачий хвост, — ответил Майн Герр. — Удивительное дело! Что-то нежно потёрлось о моё колено. Я поглядел себе под ноги — и не увидел *ничего*! Только в ярде от моей ноги в воздухе туда-сюда вилял собачий хвост!

— Эх, *Сильвия*! — укоризненно проговорил Бруно. — Ты не закончила делать его видимым.

— Мне *очень* жаль, — с виноватым видом сказала Сильвия. — Я собиралась потерять его всего, но мы сильно торопились. Завтра нужно будет пойти и закончить. Бедняжка! Сегодня ему, наверно, не достанется ужина.

— *Конечно*, не достанется, — согласился Бруно. — Никто не станет предлагать косточку собачьему хвосту.

Майн Герр изумлённо переводил взгляд с брата на сестру и обратно.

— Совершенно не понимаю, о чём идёт речь, — сказал он наконец. — Я сбился с пути, но, к счастью, у меня в кармане была карта, и я с ней сверился. Потом я нечаянно уронил перчатку, а этот невидимый *Кто-то*, который потерял о моё колено, взял и подал её мне!

— Он всегда подаёт! — обрадовался Бруно. — Он *очень* любит подавать.

Майн Герр был совершенно сбит с толку, и я счёл за лучшее сменить предмет.

— Такие карты, которые можно взять с собой в дорогу, должно быть, здорово облегчают жизнь, — заметил я.

— Вот ещё одна вещь, которую мы переняли у вашего народа, — сказал Майн Герр, — производство карт. Но мы пошли в этом деле гораздо дальше вас. Каков, по-вашему, должен быть *наибольший масштаб*, чтобы карта стала по-настоящему полезной?

— Примерно шесть дюймов на милю.

— Только *шесть дюймов*! — воскликнул Майн Герр. — Мы довольно быстро дошли до шести *ярдов* на милю. Затем мы попробовали сделать карту в *сто* ярдов на милю. А затем нам пришла в голову самая грандиозная идея! Мы создали такую карту нашей страны, масштаб которой равняется *миля на милю*!

— И часто вы ею пользуетесь? — спросил я.

— Её ещё ни разу не расстилали, — сказал Майн Герр. — Крестьяне были недовольны. Они сказали, что, если такую карту расстелить на всю страну, она скроет солнечный свет! Так что пока мы используем саму страну как её карту, и смело могу вас заверить, действует она преотлично. А теперь позвольте задать вам *другой* вопрос. Какова *наименьшая* планета, на которой вы не отказались бы жить?

— Я знаю! — воскликнул Бруно, который внимательно всё слушал. — Я хотел бы жить на малюсенькой-малюсенькой планете, чтобы только хватило места для Сильвии и меня.

— Тогда вам пришлось бы стоять на её противоположных сторонах, — сказал Майн Герр, — и ты бы *вообще* никогда не увидел своей Сильвии.

— И она не задавала бы мне *уроков*, — обрадовался Бруно.

— Вы же не хотите сказать, что экспериментировали и в *этом* направлении? — спросил я Майн Герра.

— Не то чтобы *экспериментировали*... Не стану утверждать, будто мы *конструируем* планеты. Но один мой учёный друг, который совершил несколько путешествий на воздушном шаре, клялся мне, что посетил планету столь малую, что мог обойти её вокруг за двенадцать минут! Там произошла великая битва, как раз перед его прилётом, которая закончилась весьма необычно: разбитая армия бежала со всех ног и через несколько минут оказалась лицом к лицу с победившей армией, которая возвращалась домой. Победители были так уstraшены, думая что оказались меж двух огней, что сразу сдались. Из-за этого они проиграли битву, хотя на самом деле убили *всех* солдат противоположной стороны.

— Убитые солдаты *не могут* бегать, — со знанием дела заметил Бруно.

— «Убили» — это просто так говорится, — ответил Майн Герр. — На той маленькой планете, о которой я рассказываю, пули делаются из

мягкого чёрного вещества, которое пачкает всё, чего ни коснётся. Поэтому после битвы остаётся только подсчитать, сколько солдат с каждой стороны было «убито», то есть запачкано *сзади*, поскольку запачканные *спереди* не считаются¹⁶⁸.

— То есть они не считают убитыми тех, кто не побежит, — пояснил я.

— Мой учёный друг придумал кое-что получше. Он указал, что если выстреливать пулями *в обратную сторону*, то они будут поражать врагов *в спину*. А потому *худшие* стрелки считались *лучшими* солдатами, и *самый худший* получал Первый Приз.

— А как вы определяли *самого худшего*?

— Очень просто. *Лучший* из всех выстрелов — это попадание в то, что находится прямо *перед* вами, так что *худший* из всех — это попадание прямо в то, что *за* вами.

— Странные люди живут на этой планете! — не удержался я.

— Несомненно, странные! А что страннее всего, так это их образ правления. На *этой* планете, как мне говорили, Нация состоит из множества Граждан и одного Короля, но на той маленькой планетке, о которой я рассказываю, Нация состоит из множества Королей и одного Гражданина!

— Вы сказали, что вам «говорили», как обстоят дела на *этой* планете, — перебил я. — Не следует ли из этого, что сами вы — гость с какой-то *другой* планеты?

Бруно подскочил и захлопал в ладоши.

— Так вы — тот Человечек... ну, с Луны! — закричал он и в ответ на недоумённый взгляд Майн Герра принялся тараторить известный стишок:

Жил человек на Луне, жил на Луне, жил на Луне,
Жил человек на Луне,

¹⁶⁸ Изобретение пейнтбола.

И его звали Эйкин Драм.

И он играл на черпаке, на черпаке, на черпаке,

И он играл на черпаке,

И его звали Эйкин Драм.

На нём колпак из творога, из творога, из творога,

На нём колпак из творога,

И его звали Эйкин Драм.

Он был обёрнут в жирный блин, в огромный блин, в горячий блин,

Он был обёрнут в жирный блин,

И его звали Эйкин Драм.

— Мы знаем, что там дальше, — поспешил вмешаться я¹⁶⁹, видя, как смутился Майн Герр.

— Я *не* с Луны, дитя моё, — уклончиво промямлил старичок. — Но вернёмся к тому, о чём я говорил. Я полагаю, что *их* образ правления должен устраивать *всех*. Понимаете, Короли ведь будут издавать Законы, противоречащие один другому, так что Гражданин никогда не будет осуждён: что бы он ни сделал, он обязательно поступит в соответствии с *каким-нибудь* законом.

— И что бы он ни сделал, он обязательно поступит вопреки *какому-нибудь* Закону! — воскликнул Бруно. — Так что его *всегда* нужно будет наказывать.

В эту минуту мимо проходила леди Мюриел; она услышала последнее слово.

— *Здесь* никто никого не собирается наказывать! — сказала она, подхватив Бруно на руки. — Это Дом свободы! Уступите мне детишек на минутку?

¹⁶⁹ Вновь начало песенки из корпуса «Стихи матушки Гусыни» (№ 7 по сборнику Демуровой).

— Дети всегда нас покидают, — сказал Майн Герр, когда она увела их, — так что давайте уж мы, старики, будем держаться друг друга. — Он вздохнул. — Да уж. Это мы *сейчас* старики, но когда-то я и сам был ребёнком; я, по крайней мере, на это надеюсь.

Не очень-то похоже — не мог я отделаться от мысли, глядя на эти косматые седые волосы и длиннющую бороду, — что он *когда-либо* был ребёнком.

— А молодёжь вам нравится? — спросил я.

— *Юноши*, — ответил он. — А *дети* не очень. Мне приходилось обучать юношей... много лет назад... в моём милом Университете!

— Простите, не расслышал его *названия*, — намекнул я.

— Я его и не называл, — спокойно заметил старичок. — Но если бы и назвал, оно было бы для вас незнакомо. Удивительные вещи я мог бы порассказать вам обо всех передрягах, которые случились там на моих глазах! Но боюсь, это вас утомит.

— Вовсе *нет*! — возразил я. — Умоляю, расскажите! Что за передряги?

Но старичок, по-видимому, не имел охоты отвечать на вопросы; ему больше нравилось задавать их.

— Растолкуйте мне, — попросил он, от волнения кладя свою руку поверх моей, — растолкуйте мне кое-что. Я ведь чужак на вашей земле, и я так мало знаком с *вашими* методами обучения; но что-то говорит мне, что *мы* дальше вас продвинулись в вечном круговороте развития и что множество теорий, которые *мы* испытали и признали негодными, *вы* также испытаете, и даже с ещё более неистовым задором, чтобы обнаружить их негодность, только с горшим отчаянием!

Странно было видеть, как его черты, пока он говорил и слова его текли всё более свободно, образуя нешуточные периоды красноречия, начали светиться внутренним светом, а весь его облик на глазах преобразился, словно бы в единый миг он стал лет на пятьдесят моложе.

ГЛАВА XII. Сказочная музыка

Наступившую тишину нарушил голос юной музыкантши, которая уселась рядом с нами и продолжала начатый ранее разговор с одним из новоприбывших гостей.

— Скажите! — произнесла она пренебрежительным и одновременно удивлённым тоном. — Оказывается, нам предстоит что-то новенькое по музыкальной части!

Я обернулся, желая узнать, о чём речь, и был столь же изумлён, как и та девица: то была *Сильвия*, которую леди Мюриел подводила к роялю.

— Не надо стесняться, моя милая, — говорила леди Мюриел. — Ты прекрасно справишься.

Сильвия отыскала взглядом меня; в её глазах сверкали слёзы. Я попытался изобразить на лице ободряющую улыбку, но было заметно, что нервы ребёнка слишком напряжены от этого первого появления на публике, поэтому девочка растеряна и напугана. Но тут проявилась одна замечательная черта её натуры: она твёрдо решила пожертвовать собой, чтобы постараться ради леди Мюриел и её друзей. Сев за инструмент, девочка тут же начала играть. Чувство ритма и выразительность, насколько можно было оценить, были безупречны, но она с такой невероятной легкостью касалась клавишей, что поначалу в продолжающемся гуле голосов невозможно было различить ни одной ноты.

Однако спустя минуту гул прекратился и наступила полнейшая тишина; все сидели не шелохнувшись, слушая столь чарующую музыку, что едва ли кто бы то ни было из присутствующих способен был остаться равнодушным.

Чуть касаясь клавишей поначалу, Сильвия сыграла своего рода вступление в минорном ключе, словно воплотившееся мраком вокруг

нас: почудилось, будто свет ламп потускнел и комната наполнилась дымкой. Но вот в сгущающейся темени вспыхнули первые ноты мелодии столь прекрасной, столь искусной, что все затаили дыхание. По временам мелодия сбивалась на патетический минорный ключ, с которого началась, но всякий раз, как музыка устремлялась дальше сквозь, так сказать, обволакивающую темень к сиянию дня, она делалась ещё более завораживающей и волшебной. Под воздушными касаниями ребёнка инструмент, казалось, пел словно птица. *«Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!»*¹⁷⁰ Затем явственно послышался плеск последних капель, отряхаемых с ветвей порывами ветра, и вот появились первые сверкающие лучики солнца, пробившиеся сквозь тучи.

Маркиз вскочил и возбуждённо забегал по комнате.

— Не могу сообразить! — восклицал он. — Как называется эта чарующая пьеса? Скорее всего, из какой-то оперы. Но даже из опер мне ни одна не приходит в голову! Как это называется, дитя моё?

Когда Сильвия обернулась к нему, её лицо ещё хранило увлечённое выражение. Играть она уже перестала, но её пальцы продолжали судорожно перебирать клавиши. Её страх и робость полностью улетучились, и не осталось ничего кроме чистого удовольствия от игры, заставившей трепетать наши сердца.

— Название, название! — нетерпеливо повторял маркиз. — Как называется эта опера?

— Я не знаю, что такое опера, — едва слышно произнесла Сильвия.

¹⁷⁰ Песнь Песней, гл. 2. Далее — про известный читателям «Аннотированной „Алисы“» «голос горлицы», который «слышен в стране нашей». См. комментарий d Мартина Гарднера на с. 84—85 Академического издания.

— Ну хорошо, а что за *пьеса*?

— Я не знаю этому названия, — ответила Сильвия, поднявшись со стульчика.

— Непостижимо! — воскликнул маркиз, пошёл вслед за ребёнком и затем обратился ко мне, словно я был собственником этого вундеркинда, а посему *обязан* был знать происхождение пьесы. — Вы наверняка слышали её игру преждевременно... я хотел сказать, до этого раза! Как это называется?

Я покачал головой, но леди Мюриел избавила меня от дальнейших расспросов — она обратилась к маркизу с просьбой спеть.

Маркиз с извиняющимся видом развёл руками и сокрушённо склонил голову.

— Но миледи, я уже прогудел, то есть проглядел все ваши песни; там ничего нет для моего голоса! Они не предназначены для баса!

— Прошу вас, взгляните ещё раз, — настаивала леди Мюриел.

— Давай поможем ему, — прошептал Бруно Сильвии. — Дадим ему... ну, ты знаешь, что!

Сильвия кивнула.

— Позвольте, мы подыщем что-нибудь для вас, — обратилась она к маркизу, и, не дожидаясь ответа, детишки по своему обыкновению схватили его за руки и потащили к стойке с нотами.

— Что-нибудь из этого да выйдет, — бросила нам леди Мюриел через плечо и пошла вслед за ними.

— Ты его, главное, отвлеки, — успел я услышать Сильвин шёпот, — чтобы я смогла достать Медальон. Пока они смотрят, им нельзя воспользоваться.

Я повернулся к Майн Герру в надежде возобновить наш прерванный разговор.

— Славные детки! — сказал старик, снимая свои очки. Тщательно протерев, он вновь надел их и наблюдал с одобрительной улыбкой, как

«детки» ворошили кипу нот — так старательно, что до нас даже доносились укоризненные Сильвины слова: «Бруно, мы здесь не для того, чтобы всё вверх дном перевернуть!»

— Нас давеча прервали, — напомнил я. — Прошу вас, давайте продолжим.

— Охотно! — ответил милый старичок. — Я весьма заинтересовался тем, как вы... — Он на секунду замолк и в замешательстве провёл рукой по лбу. — Вот так так! — пробормотал он. — О чём я говорил? Ах, да! Это вы о чём-то мне говорили. Да! Какого из своих учителей вы цените выше прочих — того, чьи слова были ясны и понятны, или того, кто каждой своей фразой ставил вас в тупик?

Я счёл долгом признаться, что вообще-то мы больше восхищаемся теми учителями, понять которых нелегко.

— Вот-вот, — подхватил Майн Герр. — Вначале так всегда бывает. Мы тоже находились на этой стадии восемьдесят лет назад — или девяносто? Наш любимый учитель год от года выражался всё туманнее, и с каждым годом мы всё больше им восхищались — точно как *ваши* любители Искусства находят *туман* чудеснейшей чертой пейзажа и восторженно охают перед теми видами, на которых вообще ничего не видно! А теперь послушайте, чем всё закончилось. Наш кумир преподавал нам науку Этику. Чего скрывать, его ученики не могли связать концы с концами, но ревностно отнеслись к этой Науке, и когда настала пора экзаменов, они пересказали по своим записям, а экзаменаторы воскликнули: «Прекрасно! Какая глубина!»

— Но какую пользу получили от этого юноши *потом*?

— Ну как же, неужели не понимаете? *Они* сделались учителями в свой черед и принялись пересказывать те же самые вещи, а *их* ученики записывать, экзаменаторы восхищаться, и никто-никто не имел ни малейшего понятия, что всё это значит!

— И чем всё закончилось?

— А вот чем. В один прекрасный день мы проснулись и поняли, что нет среди нас такого, кто хоть *что-нибудь* смыслил бы в Этике. И мы всё это упразднили — учителей, классы, экзаменаторов и прочее. И если кто-нибудь желал что-то об этом узнать, ему приходилось докапываться самому. И вот спустя двадцать лет появилось уже несколько человек, которые уже кое-что выяснили!¹⁷¹ Но скажите мне

¹⁷¹ Проблема нравственности — сквозная в обеих частях настоящего романа, тем более что у такого настойчивого обращения к вопросу «Знает ли кто-нибудь хоть что-нибудь об Этике?» имеется своя подоплёка. Обратимся опять к примеру величайших из великих современников Кэрролла. В год выхода «Окончания истории» (1893) престарелый Гексли раздражается лекцией «Эволюция и этика» на Вторых Оксфордских ежегодных чтениях, устроенных Дж. Дж. Роменсом с целью подвинуть людей на размышления «обо всём на свете, исключая политику». На страницах уже цитированной нами книги «Обезьяны, ангелы и викторианцы» Уильям Ирвин характеризует эту лекцию в таких словах: «Это и вправду было не только крайне искусное, но и вызывающее известное недоумение лавирование между скользкими местами и умолчаниями. В ней было много рассуждений об индийском мистицизме и много горечи по поводу жестокости эволюции. В ней проводилось резкое противопоставление этического процесса процессу развития вселенной и в то же время не было достаточно чёткого определения, в чём, собственно, состоит этический процесс. Неудивительно, что она подверглась самым неверным истолкованиям» (с. 418). В бой ринулся Герберт Спенсер, и не он один. Предавая лекцию печати, Гексли написал к ней «Прологомены», которые получились длиннее самой лекции. «Очевидно, что „Прологомены“, — пишет Уильям Ирвин, — не дают сколько-нибудь чёткого и основательного разбора социальной эволюции. Цивилизованный человек, по словам Гексли, и охвачен и не охвачен борьбой за существование. Разумеется, как-то он должен быть ею охвачен, поскольку численность его растёт быстрее, чем запасы пищи. Но как именно? В последние годы своей жизни Гексли, по видимому, немало думал об этой проблеме. После смерти в его бумагах нашли две подборки замечаний по „Эволюции и этике“» (с. 420).

вот что. Как долго вы обучаете юношу, перед тем как проэкзаменовать его, в вашем Университете?

Я ответил, что три или четыре года.

— Именно, именно так же и *мы* поступали! — воскликнул Майн Герр. — Мы немножко учили их, а потом, когда они, казалось, вот-вот что-то усвоят, мы быстренько вытягивали всё из них назад! Мы насухо откачивали наши колодцы, не успевавшие наполниться и на четверть; мы обдирали наши сады, пока яблони стояли ещё в цвету; мы жёсткой логикой арифметики дубасили наших птенцов, пока те ещё мирно дремали в своих скорлупках! Ранняя пташка, несомненно, склюёт червячка, но если эта пташка пробуждается так немыслимо рано, что червяк ещё сидит глубоко в земле, то *как* она может рассчитывать на завтрак?¹⁷²

Не может, согласился я.

Сам же Гексли написал через год, в 1894 году, в одном частном письме: «Крайне необходимо, чтобы кто-нибудь совершил в области, расплывчато именуемой „этика“, то самое, что сделано в политической экономии: решил бы вопрос, что произойдёт, если в случае тех или иных побуждений будет отсутствовать сдерживающее начало, — и представил бы для последующего рассмотрения проблему „чему надлежит произойти“» (с. 408 в книге У. Ирвина). Кэрролл устами Артура пытается высказаться по этой и другим проблемам, см., например, пассаж о сумасшедших вне приюта.

¹⁷² Ср. со схожим по духу пассажем из комического романа Томаса Лав Пикока «Аббатство Кошмаров»: «Когда Скютроп попрос, его, как водится, послали в школу, где в него вбивали кое-какие познания, потом отправили в университет, где его заботливо от них освобождали; и оттуда он был выпущен, как хорошо обмолоченный колос, — с полной пустотой в голове и к великому удовлетворению ректора и его учёных собратий, которые на радостях одарили его серебряной лопаткой для рыбы с лестной надписью на некоем полудиком диалекте англосаксонской латыни» (Пикок Т. Л. Аббатство Кошмаров. Усадьба Грилла. М., 1988. С. 7; пер. Е. Суриц). Роман Пикока вышел в свет ещё в 1818 году.

— А теперь посмотрим, к чему это приводит! — страстно продолжал он. — Если вы хотите побыстрее накачать свои колодцы доверху... А ведь вы не станете отрицать, надеюсь, что именно это нам и нужно?

— Именно это, — сказал я. — В такой перенаселенной стране, как наша, одни лишь Конкурсные Экзамены...

— Что, *опять*? — вскричал он. — Я-то думал, что они отмерли лет пятьсот назад! Ох уж это Древо яда, Конкурсные Экзамены! Под чьей смертоносной тенью любой самобытный талант, любая изнуряющая работа мысли, любое не ведающее усталости прилежание, благодаря которым наши предки приобрели столь выдающиеся знания о человеке, должны медленно, но верно увянуть и уступить место Кухонной Стряпне, в которой человеческому разуму уготована роль простой колбасной кишки, а все волнующие нас вопросы окажутся всего лишь неудобоваримой мешаниной, которой требуется эту кишку напичкать!¹⁷³

После этой вспышки обличения он, казалось, на минуту забылся и, лишь уцепившись за последнее словечко, спас тонкую нить своих мыслей.

— Да, *напичкать*! — повторил он. — Мы миновали эту стадию болезни, а она ужасна, уверяю вас! Правда, чтобы это были экзамены в полном смысле слова, мы старались вложить в учеников только то, что требовалось для ответа на вопросы; *главнейшее*, к чему мы стремились, это чтобы экзаменуемый не знал абсолютно *ничего* сверх программы!

¹⁷³ Ср. с ироничным замечанием «о способе выбрать самого неподходящего человека с помощью конкурсных испытаний» на с. 67 вышеуказанного издания Пикока; и на с. 144: «Вопросы, на которые ответить можно лишь усилием памяти, до тошноты и несварения напичканной самой разнообразной снедью, не могут быть проверкой таланта, вкуса, здравого смысла, ни сметливости ума». (Роман «Усадьба Грилла», в котором содержатся данные пассажи, вышел в свет в 1860 году.)

Не скажу, что мы когда-либо добились этого *вполне*, но один из моих собственных учеников¹⁷⁴ (позвольте уж похвастаться старику) был к этому весьма близок. После экзамена он выложил мне несколько фактов, о которых знал, но не решился упоминать на экзамене, и я

¹⁷⁴ Говоря о «своём ученике», Майн Герр подразумевает, что сам он состоял в должности тьютора, то есть репетитора при учебном заведении. В этой главе Кэрролл критикует систему высшего образования в английских университетах, рисуя её крайние проявления на родной планете Майн Герра. В Англии институт тьюторства существовал до реформы 1910 года, когда был почти полностью упразднён. Сам же Майн Герр, следуя сознательному выбору, превратился в тип преподавателя, о котором можно прочесть в книжке Дж. Литавуда «Математическая смесь» (М.: Наука, 1990. С. 27; пер. В. И. Левина): «Я унаследовал старые „Экзаменационные книги“ Роуза Болла, относящиеся к началу 80-х годов прошлого столетия. Кое-что в них может представить интерес. В январе на 4 курсах проводился экзамен, состоявший из 18 трёхчасовых работ... Будучи упорным противником старой экзаменационной системы, я был несколько раздосадован, когда обнаружил, что в ней есть много разумного. Для меня было неожиданностью, что студент, занимавшийся только „зубрёжкой“ (в почти современном объёме), не мог подняться выше 23 места, хотя экзаменаторы 80-х гг. и поддавались соблазну ставить вопросы, требовавшие лишь непосредственного приложения книжных знаний. Две работы по решению задач, за выполнение которых можно было получить большое число очков, были для такого студента очень серьёзным препятствием; если ему удавалось получить по ним, скажем, четверть того числа очков, которое присуждалось за их лучшее решение, то он уже продвигался примерно до 20-го места. (Около 1905 г. соответствующие цифры были таковыми: 14 призовое место из 26 за чисто книжные знания, причём в случае получения 7 % очков за работы по решению задач студент продвигался до 11-го места, опережая при этом мистера Д. М. Кейнса [знаменитый английский экономист. — А. М.]» Литавуд, таким образом, указывает на реальное существование тенденции, против которой предостерегает своего слушателя Майн Герр.

уверяю вас, они были тривиальными, сударь, совершенно простецкими!

Я слабо выразил удивление и восхищение. Старичок поклонился с довольной улыбкой.

— В те времена никто не мог предложить более разумную систему надзора за сверканием каждой отдельно взятой одарённой личности и систему её премирования в те моменты, как только она начнёт себя проявлять. Одним словом, мы сажали нашего несчастного ученика в Лейденскую банку, заряжали его по самую макушку, поворачивали ручку конкурсного экзамена и выбивали одну-единственную великолепную искру, отчего банка частенько трескалась. Ништо! Мы навешивали на неё бирку «Искра Первого Класса» и убирали на полку.

— А какова тогда должна быть более рациональная система? — спросил я.

— Ах, да! Следующей была она. Вместо того чтобы выдавать премии за отличную учёбу целиком и полностью, мы стали платить за каждый хороший ответ на месте. Как сейчас помню лекции тех дней, с горкой мелкой монеты под рукой. «*Весьма* хороший ответ, мистер Джонс!» (Чаще всего это значило шиллинг.) «Браво, мистер Робинсон!» (Полукрона.) А теперь слушайте, что вышло из *этого*. Ни единого факта они не желали усваивать без оплаты! И когда умный мальчик, окончив школу, приезжал поступать в университет, он получал за свою учёбу бóльшую плату, чем нам платили за то, чтобы обучить его. Тут-то и началось самое худшее помешательство!

— Как, *ещё* одно помешательство? — вырвалось у меня.

— Уже последнее, — ответил старик. — Я, должно быть, утомил вас долгим рассказом. Каждый университетский Колледж мечтал заполучить умненьких деток, и мы ввели систему, которая, по слухам, была весьма популярна в Англии: Колледжи состязаются друг с другом, а дети вручают себя тому, кто предложит наибольшую цену. Какими же мы оказались глупцами! Им ведь *всё равно* нужно было поступать в

Университет. Нам не за чем было им платить! А так все наши деньги уходили на то, чтобы детки поступали в этот Колледж, а не в тот! Состязание сделалось таким отчаянным, что в конце концов стало недостаточно простого платежа. Каждый Колледж, желавший захватить некоторых особенно одарённых детей, вынужден был подстергать их на станции и отлавливать на городских улицах. Первому, кто их коснётся, позволялось забирать их себе!

— Любопытное это, должно быть, занятие — отлавливать новоприбывших школяров! — сказал я. — Расскажите же, как это выглядело?

— С удовольствием. Опишу вам самую последнюю Охоту, по окончании которой этот Вид спорта (ибо она и впрямь причислялась в те времена к *Спорту* — у нас он назывался «Охотой на лисят») был в конце концов упразднен. Я сам был свидетелем — проходил мимо и присутствовал, как у нас говорят, при забитии затравленной лисы. Как сейчас вижу! — продолжал Майн Герр всё более возбуждаясь; при этом он таращил в пустоту огромные невидящие глаза. — Было словно вчера, хотя это произошло... — Тут он словно очнулся, и остаток фразы пропал в неясном бормотании.

— Сколько лет назад, вы сказали? — спросил я, страстно желая не пропустить хотя бы этого факта его биографии.

— Много лет назад, — ответил он. — Сцена на железнодорожной станции, по слухам, была просто непередаваема. Восемь или девять человек, возглавляющих различные Колледжи, столпились у ворот (на перрон никого не пустили), а Начальник станции прочертил на тротуаре линию, не велев никому её переступить. Ворота распахнулись! Юноша ринулся мимо них и как молния исчез в переулке. При виде его Главы колледжей аж завопили от возбуждения. Университетский Надзиратель дал команду в издревле установленной форме: «*Семел! Бис! Тер! Курритэ!*»¹⁷⁵ — и Охота началась! Ну и зрелище было, доложу

¹⁷⁵ Подлинные английские охотничьи кличи.

я вам! На первом углу лисёнок бросил свой Греческий Лексикон, чуть дальше — дорожный плед, затем разную мелочь, затем зонтик и наконец то, что, по моему разумению, было ему дороже всего, — свой саквояж. Но дичь была обречена: Сферический Ректор колледжа...

— Ректор *какого* Колледжа? — с надеждой спросил я.

— *Одного* из Колледжей, — продолжал Майн Герр, — применил Теорию — кстати, его собственное открытие — Убыстрения Скорости и схватил его как раз на противоположной от меня стороне улицы. От их умопомрачительной борьбы просто дух захватывало! Но вскоре всё было кончено. Кто попал в эти здоровенные ручки, тот уж не вырвется!

— Позвольте спросить, почему вы называете его *Сферическим* Ректором? — любопытствовал я.

— Эпитет указывает на его *облик*, поскольку этот Ректор своим видом напоминал правильную *сферу*. Вы же знаете, что когда пушечное ядро — другой пример правильной сферы — падает по совершенно прямой линии, то движется с убыстряющейся скоростью?

Я согласно кивнул.

— Так вот, мой сферический друг (и я горжусь тем, что могу назвать его своим другом) взялся за изучение *причин* этого явления. Он нашёл, что таковых *три*. Одна причина заключается в том, что падающий предмет — это правильная *сфера*. Вторая та, что сфера движется *по прямой*. И третья, что направление движения — *не вверх*. Когда выполняются три эти условия, мы получаем Убыстрение Скорости.

— Едва ли, — сказал я. — Прошу извинить за несогласие. Возьмём, к примеру, *горизонтальное* движение. Если выстрелить ядром горизонтально, оно...

— Оно не полетит *по прямой*, — спокойно закончил Майн Герр.

— Сдаюсь. А что сделал ваш друг потом?

— А потом он применил свою Теорию, как вы справедливо предположили, к *горизонтальному* движению. Но движущееся тело, всегда стремящееся *упасть*, нуждается в *постоянной поддержке*, коль скоро мы добиваемся строго горизонтальной траектории. «И что же, — спросил он себя, — обеспечит *постоянную поддержку движущемуся телу?*» Ответ его был таков: «*Человеческие ноги!*» Каковое открытие обессмертило его имя!

— Простите, его имя... как вы сказали? — незамедлительно спросил я.

— Ещё не сказал, — мягко ответил мой скрытный информатор, от которого совершенно невозможно было добиться интересующих сведений. — Ну а следующий его шаг очевиден. Он перешёл исключительно на клёчки с салом, пока не приобрёл совершенно сферический вид. Затем он произвёл первую, экспериментальную, пробежку, которая едва не стоила ему жизни.

— Каким образом?

— Видите ли, он и не догадывался о существовании новой, *ужасающей* Силы Природы, которую вызвал к жизни. Он сразу взял чересчур быстрый темп. Спустя всего несколько минут он уже нёсся со скоростью сто миль в час! Его выручило исключительное присутствие духа: он ухитрился взять курс в середину стога сена (который он разметал при попадании на все четыре стороны), а то бы, несомненно, сорвался с Планеты и улетел прямо в Космос!

— А как случилась, что то была *последняя* Охота на лисят? — спросил я.

— Видите ли, она привела к весьма скандальному спору между двумя Колледжами. *Другой* Ректор коснулся своей рукой плеча того юноши почти в тот же самый момент, что и мой сферический друг. Было не совсем ясно, кто же сделал это первым. Спор попал в печать, наша репутация пострадала, и вскорости Охоты на лисят были упразднены. Вот я и поведал вам, что излечило нас от этого дикого

помешательства, когда Колледжи наперебой повышали ставки, чтобы переманить одарённых юношей, словно это всего лишь вещи, выставленные на аукцион! Как раз в то время, когда эта мания достигла наивысшей точки и некий Колледж уже рекламировал учёбу в своих стенах за тысячу фунтов стерлингов в год, один из наших путешественников привёз нам список древнего африканского предания... У меня в кармане есть копия. Перевести вам?

— Буду счастлив, — сказал я, несмотря на то что вдруг почувствовал сильнейшую тягу ко сну.

ГЛАВА XIII. Прикол и его причины

Майн Герр развернул свою рукопись, однако, к моему величайшему изумлению, вместо того чтобы *прочесть*, он начал её *петь* — богатым и сочным голосом, который волной прокатился по всей комнате.

«Тысчонка фунтов, братцы, в год —
Клянусь, недурственный доход! —
Прикол воскликнул. — Как взгляну —
Пора искать себе жену!
Не муж нуждается в жене:
На радость женщине мужчину
Дала Природа — так, по мне!» —
Сказал он (знать, имел причину).

Медовый месяц позабыт,
Пора супругам строить быт;
И тёща, с ними поселясь,
Их счастьем сразу занялась:
«Стремитесь, дети, в высший свет;
Смелее взгляд, прямее спину!»

«Отличный, матушка, совет», —
Сказал Прикол (имел причину).

Супруги дачу снять спешат,
В театре Ковент-Гарден — ложу,
В гостиных светских мельтешат
И на бегах и скачках — тоже;
Покоев этак из восьми
Снимают в Лондоне домину...
«А жизнь прекрасна, чёрт возьми!» —
Сказал Прикол (имел причину).

Купил он яхту в этот год,
Команду нанял — и вперёд;
«Умерен жребий мой и тих», —
Всё повторял он чей-то стих.
В шотландском озере неплох
Улов — любил он осетрину;
Хоть озерцо звалось Лох,
Прикол терпел (имел причину).

Конвульсивно вздрогнув в этом месте, как с нами иногда случается, когда мы совсем уже готовы заснуть, я вдруг осознал, что взбудоражившие меня низкие музыкальные тоны принадлежат вовсе не Майн Герру, а маркизу. А учёный старичок всё ещё изучал свой манускрипт.

— Прошу прощения, что заставляю вас ждать! — сказал он. — Я просто хотел убедиться, что всё до последнего слова могу выразить по-английски. Теперь я готов. — И он прочитал мне следующее Предание:

«В некоем городке, расположенном в самом центре Африки, куда редко заглядывали обыкновенные туристы, люди всегда покупали яйца

— ежедневная необходимость в климате, где кока с соком составляет обычный рацион, — у одного Торговца, который раз в неделю приходил к их дверям. И всякий раз жители этого городка ожесточённо перебивали друг у друга цену, так что стоило появиться этому Торговцу, как на улицах разворачивались форменные торги, и когда дело доходило до самого последнего яйца в его корзине, то его цена уже превышала стоимость двух, а иногда и трёх верблюдов. И каждую неделю яйца всё дорожали. Но люди продолжали пить свою коку с соком и не переставали удивляться, куда уходят их деньги.

И настал день, когда они собрались вместе да пораскинули мозгами. И они поняли, какие же они ослы.

И на следующий день, когда пришёл тот Торговец, к нему вышел один-единственный человек. И он сказал: „Эй, ты, крючконосый и пучеглазый, ты, длиннобородый, сколько хочешь за эту корзину яиц?“

И Торговец ответил ему: „Я бы, пожалуй, продал тебе эту корзину яиц по десять тысяч пиастров за дюжину“.

Человек усмехнулся и сказал: „Я предлагаю тебе *десять* пиастров и ни одним пиастром больше, о потомок заслуженного дедушки!“

А Торговец погладил бороду и сказал: „Гм! Я подожду, пока не подойдут твои товарищи“. И он принялся ждать. И тот человек ждал вместе с ним. И они ждали вместе».

— На этом рукопись обрывается, — сообщил Майн Герр, сворачивая свой листок. — Но и этого было достаточно, чтобы у нас открылись глаза. Мы поняли, какими мы были простаками, перекупая наших школяров, точно те невежественные дикари, что перекупали друг у дружки яйца; и эта губительная практика была оставлена. Если бы вместе с ней можно было оставить и все *прочие* губительные привычки, заимствованные у вас, вместо того чтобы доводить их до логического абсурда! Но такого не произошло. И вот что погубило мою страну и лишило меня дома: повсеместное внедрение — а под конец даже в *Армии* — вашей теории Политической Дихотомии.

— Не затруднит ли вас, если я спрошу, что вы называете «Теорией Политической Дихотомии»?

— Нисколько не затруднит! — со всей любезностью ответил Майн Герр. — До чего приятно объяснять, когда имеешь перед собой столь благодарного слушателя! А началось всё с того, что один из наших самых выдающихся государственных деятелей, пробывший некоторое время в Англии, принёс нам известие о том, как там обстоят дела с управлением государством. Якобы существовала политическая необходимость (так он уверял нас, а мы верили, хоть и помыслить не могли о таком до той минуты) иметь по две политических партии в каждом деле и по каждому вопросу. В *Политике* эти две Партии, которые вы сочли необходимостью завести, назывались, как он нам сказал, «Виги» и «Тори».

— Должно быть, это случилось некоторое время тому назад? — лукаво спросил я.

— Именно *некоторое* время тому назад, — заверил Майн Герр. — И вот какие дела творились с этой Британской нацией (вы поправьте меня, если я скажу что не так). Я всего лишь передаю то, о чём поведал нам этот государственный служащий. Эти две Партии — а они состояли друг с другом в непрерывной вражде — поочерёдно сменялись во главе Правительства, и та Партия, которая оказывалась отстранена от власти, получала название «Оппозиции». Я не ошибся?

— Нет, всё верно, — сказал я. — С той поры, как у нас появился Парламент, у нас всегда были две партии, одна у власти, другая в оппозиции.

— И задачей Партии власти, если мне можно так называть её, было делать всё, что в её силах, для благополучия народа — объявлять войну или заключать мир, совершать торговые операции и прочее?

— Именно так.

— А задачей Оппозиции было (как уверял наш государственный путешественник, хотя поначалу мы ушам своим не верили)

препятствовать успешной деятельности Партии власти в любом из этих направлений?

— Всего лишь *критиковать* и вносить *поправки* в начинания Партии власти, — объяснил я. — *Препятствовать* Правительству действовать во благо народа было бы *непатриотично*! Патриотов мы всегда считали величайшими из героев, а *непатриотичный* дух относили к числу худших бед!

— Минутку, прошу прощения, — вежливо прервал меня пожилой джентльмен, вынимая записную книжку. — Тут у меня кое-что записано со слов нашего путешественника, и если позволите, я освежу свою память — хотя я и так совершенно с вами согласен, что это одна из худших бед... — Тут Майн Герр вновь запел.

Но худшая из наших бед —
Когда по швам трещит бюджет.
Коль нету денег на счету,
Мы познаём мечты тщету.
«Мадам, извольте меру знать.
Ведь это ужас, как прикину!
Что день, то фунтов двадцать пять!» —
Вскричал Прикол (имел причину).

«Ах, милый, не моя вина —
Всё мама, — молвила жена. —
Держи, внушает, светский тон,
А без него, мол, мы — Никто!
Вон тот сервиз, считала я,
Она дарит тебе как сыну,
А утром счёт пришёл...» — «Змея!» —
Воскликнул муж (имел причину).

Жена зарделась, спёрло дух,
И на ковёр бедняжка — бух!
А тёща поднимает вой,
Склонясь над дочерью родной.
«Скорее! Капли! Соль! Бальзам!
Имей же сердце, а не льдину!
Она ведь ангел...» — «Знаю *сам*», —
Ответил зять (имел причину).

Он крикнул тёще: «Ведьма, прочь!
Зачем я выбрал вашу дочь?
Ведь *вы* — причина всех невзгод,
Ведь из-за *вас* я стал банкрот!
Полезный дали б нам совет,
Хотя б... не свечи жечь — лучину!»
«Так я ж...» — «Молчите!» — ей в ответ
Сказал Прикол (имел причину).

И вновь я конвульсивно встрепенулся и, протерев глаза, увидел, что поёт всё же не Майн Герр. Он-то всё ещё вглядывался в свою записную книжку.

— Именно то же самое мне и говорил мой друг, — произнёс он, просмотрев несколько страниц. — «*Непатриотично*» — то самое слово, которым пользовался я, когда писал к нему¹⁷⁶, и «*препятствовать*» —

¹⁷⁶ Патриотизм действительно являлся одной из главнейших викторианских добродетелей; как таковая она не была пропущена Кэрроллом в его ученических попытках писать в дидактическом тоне. См. стихотворение «Недоразумение» в следующем разделе и завершающую его сентенцию: «Когда невежество — измена, / Тогда пусть Мудрость хмурит брови».

то самое слово, которое он писал в ответ! Позвольте прочесть вам отрывок из его письма.

«Могу вас уверить, — пишет он, — что общепризнанная задача Оппозиции, сколь бы непатриотичной она вам ни показалась, заключается в том, чтобы препятствовать деятельности Правительства любыми способами, не запрещёнными Законом. Эта деятельность носит название „Легитимная Обструкция“; и если Оппозиция когда-либо от души радуется своей победе, так только в том случае, когда у неё есть повод объявить во всеуслышание, что благодаря её „Обструкции“ Правительство потерпело крах во всех своих починах во благо Нации!»

— Ваш друг не вполне верно изложил суть дела, — сказал я. — Оппозиция, несомненно, рада была бы объявить, что Правительство потерпело крах из-за своих собственных ошибок, но она не станет хвастать, что этот крах был вызван Обструкцией.

— Вы так думаете? — мягко спросил он. — Тогда позвольте прочесть вам вот эту газетную вырезку, которую мой друг приложил к своему письму. Это выдержка из речи, произнесённой одним государственным деятелем, который в то время являлся членом «Оппозиции».

«При закрытии Сессии позвольте высказать мнение, что у нас нет причин быть недовольными результатами проведённой кампании. Мы разбили противника в каждом пункте. Необходимо только продолжать преследование. Всё что остаётся, так это гнать беспорядочно отступающего и павшего духом врага!»

— А теперь догадайтесь, на какое событие вашей национальной истории намекает человек, произносящий эту речь?

— Ну, видите ли, количество успешных войн, которые мы вели в течение этого столетия, — отвечал я с румянцем британской гордости на лице, — слишком велико, чтобы я мог гадать с надеждой на успех, к какой из них приковывает наше внимание эта речь. И всё же я сказал

бы «Индия», как наиболее вероятное место. К моменту произнесения этой речи бунтовщики, по всей видимости, были совершенно разгромлены. Какая, должно быть, это была восторженная, *патриотическая* речь! — воскликнул я в порыве энтузиазма.

— Вы так думаете? — повторил он тоном мягкого сожаления. — А вот мой друг утверждает, будто слова «*беспорядочно отступающий и павший духом враг*» означают просто-напросто государственных деятелей, которые в тот момент находились у руля; что «*гнать врага*» означает «Обструкцию», а выражение «*мы разбили противника*» указывает, что «Оппозиции» сопутствовал успех, когда она мешала Правительству во всём, на что Нация облекла его полномочиями!

Я счёл за лучшее промолчать.

— Поначалу это казалось нам невозможным, — продолжал Майн Герр, вежливо подождав с минуту, не скажу ли я чего, — но стоило нам проникнуться этой идеей, как наше восхищение вашим народом настолько возросло, что мы внедрили её в каждую область жизни! Это и стало для нас «*началом конца*». Моя страна уже никогда не встанет на ноги! — И бедный старик глубоко вздохнул.

— Давайте сменим тему, — сказал я. — Не расстраивайте себя, прошу вас!

— Нет, нет, — произнёс он, с трудом взяв себя в руки. — Я уже почти закончил свою повесть! Следующим шагом (после приведения Правительства в состояние немоции и воздвижения преграды перед любым законотворчеством на пользу дела) было внедрение этого, как мы его назвали, «блистательного Британского Принципа Дихотомии» в *Сельское Хозяйство*. Мы уговорили большинство наших процветающих фермеров разделить своих работников на две Партии и натравить их друг на друга. В обязанности первой Партии входило пахать, сеять и выполнять необходимые работы, насколько это удастся им в течение дня, чтобы вечером им платили в соответствии с тем, сколько им удалось *сделать*, а делом второй Партии было им препятствовать, и

тогда вечером *им* выплачивалось соответственно тому, сколько они *напрягались*. Фермеры прикинули — получалось, что платить придётся только *вполовину*; они не учли, что количество произведённой работы окажется вообще *четвертью* против прежнего, так что восприняли нововведение с энтузиазмом. *Поначалу*.

— А *после*? — спросил я.

— Что ж, *после* им это пришлось не по вкусу. Прошло совсем немного времени, и такой порядок стал обычным. Не производилось никаких работ *вообще*. Поэтому первой Партии не платили ничего, зато вторая получала сполна. А фермеры так и не догадались, пока большинство из них не разорилось, что каналы просто вступили друг с дружкой в сговор и делили выручку между собой! Стоило, право, на это посмотреть, пока ещё всё не закончилось! Бывало, я сам любовался пахарем с парой лошадок, изо всей мочи напиравшим на плуг, чтобы двигать его *вперёд*, в то время как пахарь-оппозиционер с тремя осликами, пристегнутыми к плугу с *другой* стороны, изо всех сил тянул его *назад*! И плуг ни на дюйм не сдвигался ни в ту, ни в другую сторону!

— Но ведь мы-то, мы-то никогда не поступаем *так*! — возмутился я.

— Это просто потому, что вы не столь *логичны* в своих поступках! — ответил Майн Герр. — *Иногда* есть преимущество в том, чтобы быть ослами... Ох, простите! Я не имел в виду ничего *личного*! Всё это, как вы понимаете, случилось очень *давно*!

— А хоть в какой-нибудь области Принцип Дихотомии оказался успешным? — спросил я.

— В *никакой*, — не утаил Майн Герр. — В области *Торговли* его испытания длились *очень* недолго. Лавочники его не приняли, после того как испробовали следующий метод: одна половина приказчиков заворачивает товар и уносит его с глаз долой, пока вторая пытается разложить его по прилавку. Они сказали, это отваживает покупателей!

— Неудивительно, — заметил я.

— Вот так. Мы применяли «Британский Принцип» в течение нескольких лет. И под конец... — Внезапно его голос понизился почти до шёпота, и по его щекам покатились крупные слёзы. — Под конец мы оказались вовлеченными в войну, и состоялось большое сражение, в котором мы сильно превосходили врага числом. Но чего можно было ждать, если только *половина* наших солдат сражалась, а другая половина тащила их назад? Всё закончилось страшным поражением — нас разбили наголову. Это вызвало Революцию, которая вышибла из Правительства большинство Министров. Я сам был обвинён в измене на том основании, что стойко подавал голос в защиту «Британского Принципа». Моё имущество было конфисковано, а меня... меня... отправили в изгнание! «Теперь, когда злое дело совершено, — сказали мне, — не соблаговолите ли покинуть страну?» У меня едва сердце не разорвалось, но я вынужден был уехать!

Жалобный голос перешёл в стенание, стенание в речитатив, а речитатив в пенье, хотя на этот раз я не смог определить, кто поёт: Майн Герр или ещё кто-то.

«Прощайтесь с дочерью, маман,
И собирайте чемодан.
Мы с вашей дочерью вдвоём
Без вас отлично проживём.
Чтоб ни ногой на наш порог!
Отныне станем жить по чину.
Не суньте палец в *наш* пирог!» —
Кричал Прикол (имел причину).

Музыка стала замирать. Майн Герр вновь говорил своим обычным голосом.

— Растолкуйте-ка мне ещё вот что. Прав ли я, когда думаю, что в *ваших* Университетах человек занимает должность иногда по тридцать или сорок лет, но экзаменуете вы его лишь единственный раз, в конце третьего или четвертого курса?

— Да, это правда, — подтвердил я.

— Но тогда получается, что вы экзаменуете человека в *начале* его карьеры! — сказал старик, обращаясь больше к себе, чем ко мне. — А какая у вас гарантия, что он сохраняет, так сказать, *под рукой* те знания, за которые он уже получил денежное вознаграждение, успешно сдав экзамены?

— Никакой, — опять подтвердил я, немного озадаченный этим новым направлением его расспросов. — А *вы* как поступаете в таких случаях?

— Мы экзаменуем его по прошествии тридцати или сорока лет, но только не в начале его карьеры, — спокойно ответил он. — Если брать в среднем, то выходит, что выявленные таким путём знания составляют одну пятую от первоначальных, — процесс забывания идёт довольно ровным и однообразным темпом, и тот, кто забыл *меньше*, принимает *бóльшие* почести и вознаграждается крупнее.

— То есть вы платите ему деньги, когда он больше в них не нуждается? А меж тем всю свою жизнь ему по вашей милости жить *не на что*?

— Это не так. Он оставляет своим поставщикам расписки, они хранят их по сорок, иногда по пятьдесят лет на собственный риск, затем он получает свою Стипендию, что в один год приносит ему столько, сколько *ваши* Стипендии приносят в пятьдесят лет, — и тогда он легко расплачивается по счетам с процентами.

— Но предположим, что ему не удалось получить Стипендию. Такое ведь тоже случается.

— Такое тоже случается, — согласился он в свою очередь.

— Что же тогда делать поставщикам?

— А они загодя прикидывают. Если у них возникает опасение, что человек впал в невежество или тугодумие, то в один прекрасный день они отказываются его снабжать. Вы и не представляете, с каким рвением такой человек начинает освежать свои утраченные знания или забытые языки, когда мясник урезает ему порцию говядины и баранины!

— А экзаменаторы-то кто?

— Молодые юноши, только-только окончившие курс и переполненные знаниями. Вам бы это показалось курьёзным, — продолжал Майн Герр, — если бы вы увидели, как мальчишки экзаменуют старцев. Я знавал человека, который экзаменовал собственного деда. Обоим от этого было, должен сказать, немного стеснительно. Старый джентльмен был лыс как пробка!

«По-моему, так не о лысых говорят», — с сомнением подумал я. Но точно не был уверен.

ГЛАВА XIV. Пикник Бруно

— Ну, то есть совсем лысый, — пояснил старичок, словно почувствовал моё сомнение. — А теперь, Бруно, я расскажу тебе сказочку.

— Я тоже расскажу вам сказочку, — сказал Бруно и торопливо начал, опасаясь, что Сильвия вмешается. — Жила-была однажды Мышка... маленькая-маленькая, вот такая малюсенькая! Вы ещё не встречали такой малюсенькой Мышки!

— Так что с ней случилось, Бруно? — спросил я. — Тебе что, больше не о чем рассказывать, кроме как о том, какая она малюсенькая?

— С ней ничего никогда не случилось, — хмуро ответил Бруно.

— А почему с ней ничего не случилось? — спросила Сильвия, которая сидела рядом с братом, положив головку ему на плечо и терпеливо дожидаясь *своей* очереди рассказывать.

— Потому что она была очень маленькой, — объяснил Бруно.

— *Это* — не причина! — сказал я. — Пусть она даже очень маленькая, с ней всегда может что-нибудь случиться.

Бруно с жалостью взглянул на меня. Он словно бы посочувствовал моей простоте.

— Она была совсем маленькой, — повторил он. — Если бы с ней что-то случилось, она бы сразу умерла, *вот какой* она была маленькой!

— Ну, хватит про то, какая она была маленькая, — приказала Сильвия. — Ты что, больше ничего не придумал?

— Ещё не успел.

— Ну, так не надо было начинать. Сначала придумай! Теперь помолчи, мой хороший, и послушай *мою* сказку.

И Бруно, который так спешил перехватить инициативу рассказывания сказок, что совершенно растерял весь свой дар сочинительства, не смог ничего на это возразить и приготовился слушать. Только попросил:

— Рассказывай о другом Бруно, ну пожалуйста!

Сильвия обхватила его рукой за шею и начала:

— Ветер шептался с листвой деревьев...

— Это невежливо с его стороны, — перебил Бруно.

— При чём тут вежливость! — возмутилась Сильвия и продолжала: — Был вечер, прекрасный лунный вечер; в лесу ухали Совы.

— Ой, только не Совы! — заныл Бруно, всплеснув ручками. — Я их не люблю. У Сов такие большущие глаза! Пусть лучше это будут Курочки.

— Ты что, боишься их большущих глаз, Бруно? — спросил я.

— Ничего я не боюсь, — ответил Бруно, изо всех сил пытаюсь выглядеть беспечно. — Но из-за таких глаз они мне неприятны. Наверно, когда они плачут, то слёзы у них огромные, как... огромные, как луна! — И он сам рассмеялся. — А Совы плачут, господин сударь?

— Нет, Совы не плачут, — убеждённо ответил я, пытаюсь скопировать его собственную манеру. — Им же не с чего печалиться!

— Как это не с чего! — возмутился Бруно. — Они печалятся, когда им доведётся убить бедненькую маленькую Мышку!

— Им нипочём такие печали, если они *голодны*.

— Вы совсем не разбираетесь в Совах! — со знанием дела объявил мне Бруно. — Когда они голодны, они сильно-сильно печалятся, если убьют маленькую Мышку, потому что если бы они её *не* убили, то у них осталось бы что-то на ужин, понятно?

Очевидно, к этой минуте ум Бруно уже восстановил свои опасные придумывательные способности, так что Сильвия сочла за лучшее вмешаться.

— Я продолжу, если позволите. И эти Совы... то есть Курочки, высматривали какую-нибудь славненькую пухленькую Мышку себе на ужин...

— Пусть это лучше будет Кролик, — сказал Бруно.

— Кролик? Хорошо, пускай будет Кролик, если хочешь. Только хватит меня перебивать, Бруно! И вообще, Курочка *не способна* съесть Кролика.

— А вдруг ей захочется проверить, способна ли Курочка съесть Кролика!

— Хорошо, ей захотелось узнать, сможет ли она... Слушай, Бруно, чепуха получается! Я лучше вернусь к Совам!

— Ладно, только пусть у них не будет таких больших глаз.

— Эти Совы увидали маленького Мальчика, — продолжала Сильвия, не захотев больше вносить в свой рассказ поправок. — Этот

Мальчик попросил их рассказать ему сказку. Совы только заушали в ответ, а потом взяли и улетели.

— Что они взяли? — спросил Бруно, но Сильвия, вероятно, не расслышала.

— Потом этот Мальчик встретил Льва. Он попросил, чтобы Лев рассказал ему сказку. Лев сказал: «Хорошо». И пока Лев рассказывал ему сказку, то по кусочку откусывал от головы Мальчика. И когда от головы ничего не осталось, Мальчик ушел, не поблагодарив за рассказ.

— Это было невежливо, — сказал Бруно. — Раз он не мог говорить, то хоть бы кивнул на прощание. Нет, кивнуть он не мог... Тогда пусть пожмёт Льву лапу.

— Да-да, я про это пропустила, — заверила Сильвия. — Он и в самом деле пожал Льву лапу. А потом он снова вернулся и в благодарность тоже рассказал Льву сказку.

— Так у него снова выросла голова? — спросил Бруно.

— Да, конечно, в минуту выросла. А Лев попросил у него прощения и сказал, что больше не будет откусывать мальчикам головы — ни за что и никогда.

Казалось, Бруно очень понравился такой оборот.

— Эта сказка очень хорошо кончается! — сказал он. — Правда, господин сударь?

— Правда, — согласился я. — Мне бы хотелось услышать ещё какую-нибудь сказку про этого мальчика.

— Это был я, — заявил Бруно. — Расскажи, Сильвия, про Пикник Бруно, только пусть там не будет *кусачего* Льва.

— Не будет, если этот Лев пугает тебя, — сказала Сильвия.

— Пугает *меня*! — с негодованием воскликнул Бруно. — Ещё чего! Просто слово «кусается» — это такое дурацкое слово, особенно если чья-то голова лежит у тебя на плече.

Услышав это, Сильвия рассмеялась своим восхитительным музыкальным смехом и чмокнула братца в кучерявую макушку. Затем она продолжила свою сказку.

— И вот этот Мальчик...

— Только это не был ещё я, понимаете? — перебил Бруно. — Вы не должны сейчас думать на меня, господин сударь.

Я почтительно обещал, что буду думать на другого.

— Это был довольно хороший Мальчик...

— Это был *очень* хороший Мальчик! — поправил её Бруно. — И он никогда не делал ничего такого, о чём его не просили.

— От этого ещё не делаются *хорошим* Мальчиком! — возразила Сильвия.

— Нет, делаются! — настаивал Бруно.

Сильвия решила не спорить.

— Хорошо, он был очень хорошим Мальчиком и всегда крепко держал своё слово, и у него был большой шкаф...

— Чтобы там держать свои слова крепко запертыми! — воскликнул Бруно.

— А раз он крепко держал *все* свои слова, — продолжала Сильвия с хитринкой, — значит, он не был похож на одного из известных мне мальчиков, который не держит обещаний!

— Он их, наверно, посыпал *солью*, — глубокомысленно сказал Бруно. — Обещания нельзя долго держать, если в них нет соли. А на другой полке он держал свой День рождения¹⁷⁷.

— И долго он там его держал? — спросил я. — Лично я ни за что бы не смог удержать свой День рождения дольше двадцати четырёх часов.

¹⁷⁷ Совершенно невозможное для перевода место. «To keep the birthday» означает по-английски 'отмечать день рождения', тогда как сам по себе глагол «to keep» имеет основное значение 'хранить, держать где-л.'.

— Так ведь День рожденья сам по себе *держится* двадцать четыре часа! — воскликнул Бруно. — А как держать День рожденья *дольше*, вы просто не знаете! А этот Мальчик хранил его весь год!

— А потом наступал следующий День рожденья, — добавила Сильвия. — Так что День рожденья был у него *всегда*.

— Правильно, — подтвердил Бруно. — У вас на День рожденья бывают вкусности и игры?

— Иногда, — сказал я.

— Когда вы ведёте себя *хорошо*, верно?

— Конечно. Это ведь и есть игра своего рода, когда ты хорошо себя ведёшь, не так ли?

— Игра в свои ворота? — изумился Бруно. — Такая игра — неправильная!

— Бруно! — с печалью в голосе произнесла Сильвия. — Ну как ты можешь!

— Я так играть и не могу! — не сдавался Бруно. — Посудите сами, господин сударь! *Вот* что значит хорошо себя вести! — Тут он сел совершенно прямо и сделал нелепо торжественную мину. — Сначала вы должны сесть прямо как Кочерёжка...

— Как Кочерыжка, — поправила Сильвия.

— Как Кочерёжка, — упрямо повторил Бруно. — Затем вы должны сложить руки — вот так. Затем — «Когда ты будешь расчёсывать волосы? Сейчас же иди и *куротно* их расчеши!» А затем — «Ох, Бруно, не загибай лепестки маргариток!» Господин сударь, вы тоже учились правописанию на маргаритках?

— Я хотел бы услышать про *День рожденья* того Мальчика, — сказал я.

Бруно моментально вернулся к сказке про День рожденья.

— Этот Мальчик и говорит: «Сегодня мой День рожденья!» А потом... Я устал! — внезапно заявил он и склонился головкой на колени

Сильвии. — Сильвия лучше знает, что было дальше. Сильвия больше меня. Рассказывай, Сильвия!

Делать нечего, Сильвия подхватила нить рассказа.

— И вот он говорит: «Сегодня мой День рождения. Как бы мне получше его отметить?» Все *хорошие* маленькие мальчики... — Тут Сильвия отвернулась от Бруно и сделала вид, будто шепчет по секрету *мне*, — все *хорошие* маленькие мальчики, которые учат уроки как положено, всегда весело отмечают свои дни рождения. Поэтому *этот* маленький Мальчик тоже весело отмечал *свои*.

— Если хочешь, можешь называть его Бруно, — скромно отозвался её братец. — Это не был я, но так будет интереснее.

— И этот Бруно сказал: «Лучше всего — устроить самому себе Пикник на вершине холма. Я возьму немного Молока и небольшую Булочку, а ещё немного Яблок. Но сначала — *Молоко!*» Тут Бруно взял молочный бидон...

— И пошёл подоить Корову! — встрял Бруно.

Сильвия продолжала:

— Корова сказала: «Му! (Так всегда начинаются в сказках слова Коровы.) Что ты собираешься делать с этим Молоком?» Бруно ответил ей: «Оно мне нужно для Пикника». Корова спросила: «Му! Надеюсь, ты не станешь его кипятить?» Бруно ответил: «Нет, вовсе нет! Парное Молоко такое вкусное и такое тёплое, его не нужно кипятить!»

— Его совершенно нужно кипятить, — предложил Бруно исправленный вариант.

— Так что Бруно налил Молока в бидон. Затем он сказал: «Теперь мне нужна Булка!» Он отправился к Хлебнице, где хранилась ароматная Булка. А Хлебница...

— Такая пышная и тёплая! — нетерпеливо перебил Бруно. — Ты всегда пропускаешь много слов!

Сильвия покорно поправилась:

— Хранилась ароматная Булка, пышная и тёплая. А Хлебница говорит... — Тут Сильвия замолчала. Спустя полминуты она растерянно произнесла: — Я даже не знаю, с чего начинаются слова Хлебницы, когда она хочет заговорить.

Брат и сестра вопросительно взглянули на меня, но я смог лишь беспомощно пробормотать:

— Не имею ни малейшего понятия! Никогда не слышал, чтобы Хлебницы разговаривали!

Минуту-другую мы сидели молча, затем Бруно очень тихо произнёс:

— Слова «Хлебницы» начинаются с *ха*.

— Молодец! — воскликнула Сильвия. — В чистописании у него уже успехи. *Он умнее, чем сам думает!* — добавила она в сторону, то есть *мне*. — Значит, Хлебница говорит: «Ха! А что ты собираешься делать с этой Булкой?» И Бруно отвечает: «Она мне нужна для Пикника». Хлебница и говорит: «Ха! Надеюсь, тебе не придёт в голову ее *поджаривать!*» А Бруно отвечает: «Нет, вовсе нет! Свежая Булка такая тёплая и такая пышная, что её не нужно поджаривать!»

— Её вовсе нужно как следует всегда поджаривать, — встрял Бруно. — Ты рассказываешь слишком коротко.

— И Бруно положил Булку в корзину с крышкой. Затем он говорит: «Теперь мне нужны Яблоки!» Он взял свою корзину с крышкой и пошёл в огород, рядом с которым был сад. Там он подобрал парочку чудесных румяных Яблок. А Огород говорит...

Здесь в рассказе снова последовала продолжительная пауза.

Бруно применил свой любимый приём: он постучал себя по лбу; Сильвия уставилась вверх, словно ожидая подсказки от птичек, весело расппевающих среди листвы. Ни то ни другое не принесло результата.

— С чего должны начинаться слова Огорода, когда он хочет заговорить? — в отчаянии пролепетала Сильвия бессовестным птичкам.

Наконец я отважился высказать предположение, воспользовавшись примером из букваря Бруно.

— По-моему, *эти слова* всегда начинаются с *ого*.

— Ну конечно! Как здорово, что вы догадались! — радостно воскликнула Сильвия.

Бруно вспрыгнул на скамью и погладил меня по голове. Я приложил все силы, чтобы подавить тщеславие.

— Итак, Огород говорит: «Ого! Что ты собираешься делать с этими Яблоками?» А Бруно отвечает: «Они нужны мне для Пикника». Тогда Огород говорит: «Ого! Надеюсь, ты не будешь их *печь*?» А Бруно отвечает: «Нет, нет! Свежие Яблоки такие красивые и такие вкусные, их вовсе не нужно печь!»

— Их вовсе нужно... — начал было Бруно, но Сильвия сама поправилась, не дав ему закончить:

— Их вовсе нужно всегда ни за что не печь!.. В общем, Бруно положил Яблоки в корзину с крышкой рядом с Булкой и бидоном с Молоком и направился к месту Пикника — на вершину холма, совсем один...

— Это не потому, что он был жадный, — вмешался Бруно, тыча мне пальцем в щёку, чтобы я повернул к нему голову. — Просто у него не было ни братика, ни сестрицы.

— Это очень печально, не иметь *сестрицы*, правда? — спросил я.

— Не знаю, — задумчиво проговорил Бруно. — Зато никто не заставлял его учить уроки. Так что он не расстраивался.

Сильвия продолжала:

— И пока он шёл по дороге, он слышал позади такой необычный и странный звук — Тум! Тум! Тум! «Что это такое? — подумал Бруно. — А, знаю! Это же тикают мои Часы!»

— И это тикали его Часы? — спросил у меня Бруно. Глаза его искрились озорным весельем.

— Можешь не сомневаться, — ответил я. Бруно с ликованием рассмеялся.

— Затем Бруно немного подумал. И тогда он сказал: «Нет! Не может быть, чтобы это тикали мои Часы. У меня ведь *нет* Часов!»

Бруно с любопытством уставился на меня: как мне это по вкусу? Я понурил голову и сунул палец в рот. Малыш этому несказанно обрадовался.

— Затем Бруно ещё немного прошёл вперёд по дороге. И вновь он услышал этот необычный звук — Тум! Тум! Тум! «Да что это такое? — подумал Бруно. — А, знаю! Это же Плотник! Он чинит мою Тачку!»

— И это был Плотник? Который чинил его Тачку? — спросил у меня Бруно.

Я просиял. Я убеждённо ответил:

— Кажется, это и впрямь был Плотник!

Бруно бросился Сильвии на шею.

— Сильвия! — громогласно зашептал он. — Господин сударь говорит, это и впрямь Плотник!

— Но затем Бруно немного подумал. И он сказал: «Не может быть, чтобы это был Плотник, который чинит мою Тачку. У меня ведь *нет* Тачки!»

На этот раз я горестно спрятал лицо в руках, не в силах снести ликующий взгляд Бруно.

— Затем Бруно ещё немного прошёл вперёд по дороге. И вновь он услышал этот необычный звук — Тум! Тум! Тум! На *этот* раз он решил, что лучше всё-таки обернуться и посмотреть. А это был не кто иной, как огромный Лев!

— Огромный-преогромный, — добавил Бруно.

— Огромный-преогромный Лев. Бруно очень перепугался и побежал...

— Ну нет, он нисколько не перепугался! — перебил Бруно. (Мальчик явно заботился о репутации своего тёзки.) — Он побежал, просто чтобы получше рассмотреть Льва издали, потому что он хотел узнать, не тот ли это Лев, который откусил тому Мальчику голову, и ещё ему хотелось посмотреть, насколько этот Лев большой!

— Да-да, и он побежал, чтобы получше рассмотреть Льва издали. А Лев потихоньку потрусил за ним. И Лев позвал его очень-очень добрым голосом: «Мальчик, а Мальчик! *Меня* тебе нечего бояться. Я теперь очень *добрый* старый Лев. И я больше не откусываю мальчишкам головы, как раньше». Тогда Бруно сказал: «Правда ли это, сударь? Тогда чем же вы питаетесь?» А Лев ответил...

— Вот видите: он его ничуть не боялся! — воскликнул Бруно, снова ткнув мне пальцем в щёку. — Он даже не забыл сказать ему «сударь».

Я согласился, что это самая верная проверка, испугался человек или нет.

— А Лев говорит: «Я ем бутерброды, ем вишни, ем мармелад, ем кекс с изюмом...»

— И *яблоки*! — добавил Бруно.

— Да, «...и яблоки». Поэтому Бруно говорит: «Тогда пошли со мной на Пикник». Лев и отвечает: «Вот здорово! Я *так* люблю Пикники!» И Бруно со Львом пошли вместе. — Тут Сильвия внезапно остановилась.

— И *всё*? — спросил я, когда потерял надежду, что она заговорит сама.

— Не *совсем* всё, — лукаво ответила Сильвия. — Ещё одно или два предложения. Верно, Бруно?

— Верно, — как можно беспечнее ответил Бруно. — Ещё одно или два предложения.

— И пока они так шли вместе, они набрали на изгородь, а за изгородью был не кто иной, как маленький чёрненький Ягнёнок! И этот Ягнёнок так их испугался, что сразу побежал...

— Вот кто испугался так испугался! — вставил Бруно.

— Он побежал. А Бруно побежал за ним. Он стал его звать: «Ягнёнок! Ягнёнок! не нужно бояться этого Льва! Он никого не загрызает! Он ест вишни и мармелад...»

— И *яблоки*! — сказал Бруно. — Про них ты всегда забываешь.

— Ещё Бруно сказал Ягнёнку: «Не хочешь ли пойти с нами на Пикник?» И они отправились втроём. Бруно шёл посередине, чтобы Ягнёнок не видел Льва.

— Ягнёнок всё ещё боялся, — объяснил Бруно.

— Да, и он всё ещё дрожал и становился всё бледнее и бледнее, и когда они пришли на вершину холма, это был уже не чёрный, а *белый* Ягнёнок — белый как снег!

— Зато *Бруно* не боялся! — сказал тёзка героя рассказа. — Поэтому *он* остался чёрным!

— Нет, он не остался чёрным. Он остался *розовеньким*, — рассмеялась Сильвия. — Я бы ни за что тебя не целовала, будь ты *чёрным*!

— Ещё как бы поцеловала! — убеждённо произнёс Бруно. — И вообще, Бруно же не был *Бруно*... то есть Бруно это был не я... то есть не говори чепухи, Сильвия!

— Ладно, — покорно произнесла Сильвия. — И вот, пока они шли, Лев и говорит: «Знаешь, что я обычно делал, когда ещё был молодым Львом? Я прятался за деревьями, чтобы подстеречь маленьких Мальчиков». — Тут Бруно теснее прижался к сестре. — И когда мимо проходил маленький худенький тощенький Мальчик, я... В общем, я позволял ему идти дальше. Но если это был маленький пухленький сочненький...»

Бруно не мог дальше слушать.

— Не надо сочненьких! — едва не захныкал он.

— Чепуха, Бруно! — отрезала Сильвия. — Сейчас уже конец. «...Если это был маленький пухленький сочненький Мальчик, то я... В общем, я тогда выпрыгивал из-за деревьев и проглатывал его! Ты и не представляешь, какая это вкуснятина — маленький сочненький Мальчик!» А Бруно говорит: «Пожалуйста, сударь, не рассказывайте про то, как вы ели маленьких Мальчиков! От этого на меня дрожь нападает!»

Настоящий Бруно тоже задрожал из солидарности.

— Тогда Лев говорит: «Ну хорошо, не будем об этом. Лучше я расскажу, что случилось в день моей свадьбы...»

— *Эта* часть мне больше нравится, — сказал Бруно и ткнул меня пальцем в щёку, чтобы я не дремал.

— «У меня было такое замечательное свадебное угощение! На одном конце стола стоял огромный пудинг с изюмом, а на другом конце — чудный жареный Ягнёнок! Ты и не представляешь, какая это вкуснятина — чудный жареный Ягнёнок!» Тут Ягнёнок говорит: «Пожалуйста, сударь, не рассказывайте про то, как вы поедали ягнят! От этого на меня дрожь нападает!» Тогда Лев говорит: «Ну хорошо, не будем об этом!»

ГЛАВА XV. Трое Лисят

— И вот, когда они пришли на вершину холма, Бруно раскрыл свою корзину и вынул из неё Булку, Яблоки и Молоко. Они поели и попили. И когда они выпили всё Молоко и съели половину Булки и половину Яблок, Ягненок сказал: «У меня копытца такие липкие! Мне нужно их помыть!» А Лев говорит ему: «Спустишься с холма и помой копытца в ручье, который течёт внизу. Мы тебя подождём!»

— Он больше не вернётся! — мрачно прошептал мне Бруно. Но Сильвия его слышала.

— Не надо шептаться, Бруно! Ты испортишь сказку! И так, время шло, а Ягнёнок всё не возвращался. И тогда Лев сказал Бруно: «Спустиись и посмотри, где этот глупый маленький Ягнёнок! Он, должно быть, не может найти дорогу». И Бруно спустился с холма. Когда он подошёл к ручью, то увидел, что Ягнёнок преспокойно сидит на берегу, а рядом с ним сидит не кто иной, как взрослая Лиса!

— Кому ж ещё с ним сидеть? — пробормотал Бруно себе под нос.
— Конечно, только взрослой Лисе.

— И взрослая Лиса говорит: «Да, мой милый, с нами тебе будет так весело, только не упирайся, и пойдём, куда я тебя зову! У меня там трое Лисят, а уж как они маленьких Ягнят любят!» А Ягнёнок на это спрашивает: «Но разве вы их не *поедаете*, сударыня?» А Лиса ответила: «Что ты! Как, *съесть* Ягнёнка! И *мечтать* о таком не можем!» Тогда Ягнёнок говорит: «Хорошо, я пойду с вами». И они взялись за руки и пошли.

— Эта Лиса была совсем дурная, да? — спросил Бруно.

— Нет, вовсе нет! — воскликнула Сильвия, возмущенная таким энергичным выражением. — Она вовсе не была такой плохой!

— Ну, я хотел сказать, она была нехорошей, — поправился её братец.

— И вот Бруно вернулся назад ко Льву. «Скорее! — крикнул он. — Лиса увела нашего Ягнёнка! Я *уверен*: она собирается его съесть!» А Лев отвечает: «Я помчусь изо всех сил!» И он ринулся вниз с холма.

— Как вы думаете, господин сударь, они поймали Лису? — спросил меня Бруно. Не решаясь что-либо предположить, я только покачал головой, а Сильвия продолжала:

— И когда они подошли к дому Лисы, Бруно заглянул в окошко. Через окошко он увидел трёх маленьких Лисят, сидящих вокруг стола. На шеях у них были повязаны салфетки, а в лапках они держали ложки.

— У них были ложки в лапках! — Бруно чуть не подпрыгнул от возбуждения.

— А Лиса взяла большой-пребольшой нож и приготовилась зарезать бедного маленького Ягнёнка.

— Не бойтесь, господин сударь! — торопливым шепотом подбодрил меня Бруно.

— И как только Лиса собралась это сделать, Бруно услышал громкое РЫЧАНИЕ... — (Настоящий Бруно крепко-крепко сжал мою руку.) — Это Лев ворвался в дверь и в ту же секунду снёс Лисе лапой голову! Бруно сразу же запрыгнул в окошко и пробежал по комнате с криком: «Ура! Ура! Лисе конец! Лисе конец!»

Настоящий Бруно тоже вскочил.

— Можно, я сейчас так сделаю? — воскликнул он.

Но Сильвия была решительно против.

— Подожди до конца. Дальше идут выступления, ты же знаешь. Ты ведь любишь выступления, разве нет?

— Ага, люблю, — ответил Бруно и снова сел.

— Выступление Льва. «Ну что, глупый маленький Ягнёнок, ступай-ка домой к своей Маме и больше никогда не слушай взрослых Лис. Будь хорошим и послушным».

Выступление Ягнёнка. «Да-да, сударь, хорошо, сударь!» Ягнёнок уходит. («Но *вы* ещё не уходите! — торопливо прошептал мне Бруно. — Самое интересное — это что сейчас будет!» А Сильвия только улыбнулась: всегда приятно иметь таких внимательных слушателей.)

Выступление Льва. Его речь к Бруно. «А теперь, Бруно, возьми с собой этих Лисят и научи их быть хорошими и послушными Лисятами! Не то что та взрослая Лиса, которая осталась без головы!» («У которой совсем не осталось головы!» — повторил Бруно.)

Выступление Бруно. Его речь ко Льву. «Правильно, сударь, я согласен, сударь!» Лев уходит. («Чем ближе к концу, — прошептал мне Бруно, — тем интересней и интересней!»)

Выступление Бруно. Его речь к Лисяткам. «А теперь, Лисятка, у вас будет первый урок хорошего поведения. Сейчас я посажу вас в мою корзину вместе с Яблоками и Булкой. Вы не ешьте Яблок, не ешьте Булки, не ешьте *ничего*, пока мы не придём ко мне домой. Там я приготовлю для вас ужин».

Выступление Лисят. Лисятка ничего не сказали.

В общем, Бруно упрятал в корзину Яблоки, посадил в неё Лисят, сунул Булку... — («А Молоком они ещё раньше попикивали», — вновь шёпотом объяснил мне Бруно.) — ...и отправился домой. — («Мы уже подходим к концу», — сообщил Бруно.)

Немного пройдя, Бруно подумал, что нужно заглянуть в корзину и посмотреть, как Лисятка себя ведут.

— И он открыл крышку... — встрял Бруно.

— Слушай, Бруно! — воскликнула Сильвия. — Не *ты* рассказываешь сказку! Он открыл крышку и видит, что Яблок нет. Он и говорит: «Эй, Старший Лисёнок, это *ты* съел Яблоки?» А Старший Лисёнок отвечает: «Нет-нет-нет!» (Совершенно невозможно передать, как Сильвия произнесла эти быстрые и короткие «Нет-нет-нет!» Могу только сказать, что мне пришла мысль о молодой возбужденной утке, которая попыталась бы прокрякать эти слова. Только для кряканья это было слишком быстро, но всё равно достаточно резко, чтобы напомнить что-либо другое.) Затем Бруно сказал: «Средний Лисёнок, это *ты* съел Яблоки?» А Средний Лисёнок говорит: «Нет-нет-нет!» Тогда Бруно сказал: «Младший Лисёнок, значит это *ты* съел Яблоки?» И Младший Лисёнок *попытался* сказать: «Нет-нет-нет!» — но его пасть была набита Яблоками, поэтому он смог только произнести: «Ням-ням-ням!» Бруно покачал головой и сказал: «Вот, значит, как! Какие нехорошие эти Лисятка!»

Бруно напряжённно слушал, но стоило Сильвии остановиться, чтобы перевести дух, он сразу же выпалил:

— А Булка?

— Ага, — сказала Сильвия, — следом идёт Булка. Бруно вновь закрыл крышку и пошёл дальше, но потом опять подумал, что нужно заглянуть в корзину. И се — Булки нет! («А что такое “се”?» — спросил Бруно. «Тихо!» — приказала Сильвия.) И Бруно говорит: «Старший Лисёнок, это *ты* съел Булку?» Старший Лисёнок отвечает: «Нет-нет-нет!» — «Средний Лисёнок, это *ты* съел Булку?» А Средний Лисёнок отвечает: «Ням-ням-ням!» Бруно заглянул ему в пасть, а пасть набита Булкой! («Как он только не подавился!» — сказал настоящий Бруно.) И Бруно говорит: «Вот, значит, как! Ну что мне делать с этими Лисятами!» И он пошёл дальше. («Сейчас будет самое интересное», — прошептал Бруно.) И когда Бруно вновь открыл крышку корзины, угадайте, что он увидел? («Только *двух* Лисят!» — не вытерпел настоящий Бруно.) Можешь ты не вступать? Но там и вправду были только *двое* Лисят. И Бруно сказал: «Старший Лисёнок, ты что, съел своего младшего братца?» Старший Лисёнок ответил: «Нет-нет-нет!» — «Средний Лисенок, так это *ты* съел своего младшего братца?» А Средний Лисёнок изо всех сил попытался быстренько сказать «нет-нет-нет», но у него вышло только «ням-ням-ням!» И когда Бруно заглянул ему в пасть, то пасть оказалась наполовину набита Булкой, а наполовину Лисёнком! (На сей раз во время паузы Бруно ничего не сказал. В предчувствии развязки он засопел от волнения.) А когда Бруно подходил к дому, он ещё раз заглянул в корзину и увидел...

— Всего лишь... — подхватил Бруно, но тут его осенила великодушная мысль, и он обратился ко мне. — Теперь *вы* можете сказать, господин сударь! — предложил он. Это было благородно с его стороны, но я не стал похищать у него удовольствия сказать самому.

— Давай ты, Бруно, — ответил я. — Ты всё равно скажешь лучше.

— Всего лишь! Только! *Одного!* Лисёнка! — торжественно произнёс Бруно.

— «Старший Лисёнок, — продолжала Сильвия, в спешке начав сразу с прямой речи, — ты всё время оставался таким хорошим, что я не могу поверить, будто *ты* вдруг сделался непослушным! Но я *опасаюсь*, что ты съел свою младшую сестрёнку!» И Старший Лисёнок ответил: «Нюям-нюям-нюям!» И тут он подавился. Бруно заглянул ему в пасть, а пасть была набита... — Сильвия сделала паузу, чтобы перевести дух, а Бруно откинулся на спину среди маргариток и торжествующе смотрел на меня.

— *Здорово*, правда, господин сударь? — сказал он.

Я попытался придать своему голосу критические нотки:

— *Здорово-то здорово*, однако кое-кто может здорово испугаться.

— А вы сядьте поближе ко *мне*, — предложил Бруно.

— И вот Бруно пришёл домой. Он отнёс корзину на кухню и там открыл её. И он увидел... — На сей раз Сильвия тоже взглянула на *меня*, словно опасалась, что про меня совсем забыли и нужно позволить хоть раз и *мне* угадать.

— А он не может угадать! — поспешил сообщить Бруно. — Мне придётся подсказать ему. Там... Там *ничего* не было в корзине!

Я вздрогнул от ужаса, а Бруно захлопал в ладоши от удовольствия.

— Он испугался, Сильвия! Расскажи конец!

— И Бруно сказал: «Старший Лисёнок, ты что, съел *самого себя*, глупый ты, противный Лисёнок?» А Старший Лисенок отвечает: «Ниям!» Тут Бруно пригляделся и видит, что в корзине осталась одна только *пасть*! Бруно взял эту пасть, раскрыл её и как потрясёт! В конце концов он вытряс Старшего Лисёнка из его же собственной пасти! Тогда он сказал: «Открой ещё раз пошире свою пасть, скверное ты создание!» И он его как потрясёт! И вытряс Среднего Лисёнка. Тогда он сказал: «А теперь открывай свою пасть!» И тряс, тряс, тряс! Пока не

вытряс Младшего Лисёнка, все Яблоки и Булку! Затем Бруно выстроил всех троих Лисят в рядочек у стены и сказал им речь. «Вот что, Лисята. Вы начали очень дурно, и за это вы будете наказаны. Сначала вы поднимитесь в детскую, вымоете мордочки и наденете чистые салфетки. Потом вы услышите звонок к ужину. Тогда вы спуститесь в столовую и *не получите никакого ужина*, вместо него вас ожидает добрая *встрёпка*! Затем вы отправитесь в постель. Утром вы услышите звонок к завтраку. *Но никакого завтрака вы не получите!* Одну только *встрёпку*! Затем у вас будут уроки. А после уроков, может быть, если вы будете *очень* хорошо себя вести, вы получите лёгкий обед и никакой *встрёпки*!» («Это он ещё *очень* добр с ними», — прошептал я Бруно. «Добр, но не очень», — поправил Бруно.) И Лисята тотчас же поднялись в детскую. Вскоре Бруно вошёл в зал и позвонил в колокольчик: «Динь-динь-динь! Ужин-ужин-ужин!» Лисята со всех ног ринулись вниз к своему ужину! Чистые салфетки! Ложки в лапках! Вот они вбежали в столовую и увидели белую-пребелую скатерть на столе. Но на скатерти ничего не было, одни только розги. Им задали *такую* встрёпку!

Я поднёс к глазам платок, а Бруно торопливо взобрался ко мне на колено и погладил меня по щеке. «Осталась всего *одна* встрёпка, господин сударь! — прошептал он. — Не стоит плакать больше, чем это может помочь!»

— На следующий день рано утром Бруно вновь позвонил в колокольчик. «Динь-динь-динь! Завтрак-завтрак-завтрак!» Лисята вновь ринулись вниз! Чистые салфетки! Ложки в лапках! Нет завтрака! Только розги! Но потом были уроки, — поспешила добавить Сильвия, видя что я вновь поднёс к глазам платок, — и Лисята так хорошо себя вели! Они выучили все уроки и назад, и вперёд, и наоборот! Наконец Бруно вновь позвонил в колокольчик: «Динь-динь-динь! Обед-обед-обед!» И когда Лисята спускались... («А на них опять были чистые салфетки?» — спросил Бруно. «Конечно!» — ответила Сильвия. «И ложки?» — «Сам бы мог догадаться!» Надо знать *наверняка*», — ответил Бруно.) ...они сошли

вниз так медленно, так медленно! Они сказали: «Эх, не будет нам никакого обеда! Одна только встрёпка!» Но когда они вошли в столовую, они увидели там такой *чудесный* обед! («Булочки?!» — воскликнул Бруно, захлопав в ладоши.) Да, булочки, и кекс, и... («И варенье?» — вновь не утерпел Бруно.) И варенье, и суп, и... («И *сливы в сахаре!*» — снова вставил Бруно, но с Сильвии было довольно.) И после этого они сделались такими хорошими Лисятами! Они делали уроки как золотые и никогда не делали того, чего Бруно говорил им не делать; и они больше никогда друг дружку не поедали и *никогда не поедали самих себя!*

У меня, должен сказать, дух захватило от столь неожиданного заявления, которым закончилась сказка, однако я взял себя в руки и стал отчаянно восхищаться.

— Я уверен, что это очень... очень... очень замечательно, я уверен!
— услышал я. Да, кажется, это был мой голос.

ГЛАВА XVI. Сюрприз в конце

— Простите, не расслышал! — Таковы были следующие слова, что достигли моего уха, только голос не принадлежал ни Сильвии, ни Бруно — а я отлично их видел сквозь мельтешение гостей: они стояли у рояля и слушали пение маркиза. Оказалось, это говорил Майн Герр. — Не понял, прошу прощения, что вы сказали, — повторил он. — И всё же не сомневаюсь, что *моя* точка зрения вам ясна. Премного благодарен за ваше любезное внимание. Куплет остался всего один! — Это было произнесено уже не мягким голосом Майн Герра, но глубоким басом маркиза. Вновь наступила тишина, и в комнате зазвучал финальный куплет «Прикола».

Теперь живут супруг с женой
Спокойной жизнью и простой

Вдали от лондонских забот.
Жена, случается, всплакнёт:
«Голубчик, можно, к нам сюда
Хотя б ко мне на именины
Приедет мама...» — «НИКОГДА!» —
Вопит Прикол. И есть причины!

Тут во всех концах комнаты раздался дружный хор благодарностей и похвал, в ответ на которые польщённый исполнитель раскланялся на все стороны.

— Мне необыкновенно повезло, — обратился он к леди Мюриел, — что у вас нашлась такая чудесная песня. Аккомпанемент настолько необычен, настолько чуден, словно кто-то открыл совершенно новый род музыки! Я проиграю ещё разок, чтобы вы поняли, что я имею в виду. — Он вернулся к роялю, но ноты исчезли.

Озадаченный певец принялся рыться в кипе нот, лежащих на журнальном столике рядом, но той песни не было и там. Леди Мюриел бросилась ему помогать, остальные тоже присоединились; всеобщее возбуждение росло.

— Да куда они подевались? — восклицала леди Мюриел. Никто не знал, но все в один голос утверждали, что после того как маркиз пропел последний куплет, к роялю никто не подходил.

— Ну да бог с ними! — сказал маркиз, не теряя веселого расположения духа. — Я сыграю по памяти. — Он сел и принялся неопределённо нажимать на клавиши, однако из-под его пальцев не выходило ничего, хотя бы отдалённо напоминавшего ту мелодию. Наконец он не выдержал. — Что за чёрт! Вот так штука! Мог ли я забыть не только слова, но даже мелодию? Как это объяснить, а?

Мы все как могли стали его успокаивать.

— Это был тот пригожий мальчонка; это он отыскал для меня те ноты, — вспомнил маркиз. — Очевидно, он и воришка!

— Конечно, это он! — воскликнула леди Мюриел. — Бруно! Где ты, мой дорогой?

Ответа от Бруно не последовало — казалось, двое детишек исчезли так же внезапно и столь же загадочно, как и ноты.

— Они что, разыгрывают нас? — весело воскликнула леди Мюриел. — Игру в прятки затеяли! Этот маленький Бруно — воплощённое Озорство!

Мы все охотно приняли это предположение, ведь кое-кто из гостей уже почувствовал решительную неловкость. Все с единодушным рвением ринулись на поиски: гости раздвигали и ощупывали портьеры, открывали дверцы буфета, переворачивали оттоманки, но число мест, удобных для укрытия, оказалось совсем невелико, и поиск подошёл к концу, едва успев начаться.

— Они, должно быть, выбежали из комнаты, когда мы были заняты поисками нот, — сказала леди Мюриел, обращаясь к маркизу, который был возбуждён сильнее прочих, — и они, несомненно, сами нашли дорогу в комнату экономки.

— Только не через *эту* дверь! — послышался категоричный протест со стороны двух-трёх джентльменов, чья компания как раз занимала место у дверей (а один из них даже прислонился к ним) последние полчаса, судя по их словам. — *Эту* дверь вообще никто не открывал с самого начала пения!

Наступило неловкое молчание. Леди Мюриел не отважилась на дальнейшие догадки, но тщательно исследовала задвижки на окнах, опускавшихся до пола, словно двери. Окна оказались накрепко запертыми, причём *изнутри*.

Едва успев закончить изучение задвижек, леди Мюриел позвонила в колокольчик.

— Позовём экономку, — объяснила она, — и попросим принести дорожные вещи детишек.

— Вот они, миледи, — сказала исполнительная экономка, войдя вновь и нарушив мёртвую тишину. — Только я полагала, что маленькая леди сама придёт ко мне в комнату, чтобы обуть свои сапожки. Вот твои сапожки, моя милая! — весёлым голосом добавила она, оглядываясь вокруг в поисках детишек. Ответа она не получила, поэтому обратилась к леди Мюриел с озадаченной улыбкой на лице: — Милые шалуны где-то прячутся?

— Да, сейчас их не видать, — уклончиво ответила леди Мюриел. — Оставьте их вещи здесь, миссис Уилсон. Я сама одену детишек, когда они захотят идти домой.

Тут дамы принялись передавать друг другу две маленькие шляпки и дорожную курточку, сопровождая их умильными возгласами. От этих вещей словно исходило колдовское обаяние. Сильвины сапожки тоже не избежали своей доли восторженных замечаний.

— Какие они маленькие и изящные! — воскликнула юная пианистка, с нежностью прижимая их к себе. — Ну и крохотные же ножки должны в них обуваться!

В конце концов вещи были сложены рядком на оттоманку, стоящую посреди комнаты, и гости, отчаявшиеся вновь увидеть детей, стали прощаться и покидать дом.

Оставалось человек восемь-девять — им маркиз в двадцатый раз объяснял, что во время исполнения последнего куплета глаз не спускал с детишек, лишь на секунду, закончив петь, обвёл взглядом комнату, чтобы проверить, какой эффект на слушателей произвела его «низкая грудная нота», и только он вознамерился вновь взглянуть на брата и сестричку, — глядь, а оба исчезли! — когда со всех сторон послышались испуганные возгласы, и маркиз тотчас оборвал рассказ, чтобы присоединить к ним и свой голос.

Все дорожные вещи детишек исчезли!

Помня о решительной неудаче поисков самих детей, мы крайне неохотно приступили к поискам их *наряда*. Задержавшиеся гости очень

уж заторопились восвояси, и вскоре в комнате остались только маркиз да мы четверо.

Маркиз рухнул в мягкое кресло и тяжело засопел.

— Кто они такие, эти дети, позвольте спросить? Почему это они приходят и уходят таким далеко не обычным манером? Сначала исчезают ноты, затем, понимаете ли, шляпки, сапожки — как это возможно, позвольте спросить?

— Не имею ни малейшего представления! — вот всё, что я мог ответить (а я чувствовал, что все, не сговариваясь, ожидали объяснения именно от меня).

Маркиз хотел было ещё о чём-то спросить, но махнул рукой.

— Время идёт, становится поздно, — сказал он. — Желаю вам очень доброй ночи, миледи. Отправляюсь-ка я в постель... ко сну... если только я уже не сплю! — И он торопливо нас покинул.

— Задержитесь, задержитесь ещё немного! — поспешно произнёс граф, видя, что я собираюсь последовать за маркизом. — Вы же не гость, вы это прекрасно знаете! Друг Артура всегда здесь *дома*!

— Благодарю вас! — ответил я, и, повинуясь чисто английскому инстинкту, мы придвинули наши кресла поближе к камину, пусть даже огня в нём не было разведено. Леди Мюриел взяла к себе на колени кипу нот, чтобы ещё раз перебрать их в поисках столь загадочно исчезнувшей песни.

— Вас никогда не посещает страстное желание, — спросила она, обращаясь ко мне, — иметь какое-нибудь более существенное занятие для своих рук, пока вы разговариваете, чем просто держать сигару и время от времени стряхивать с неё пепел? О, я всё знаю, что ты хочешь сказать! — Это относилось к Артуру, который уже собирался перебить её. — Великие Мысли заменяют работу пальцев. Упорное думанье мужчины *плюс* стряхивание сигарного пепла в сумме дают столько же, что и банальные фантазии женщины *плюс* самая что ни на есть утончённая вышивка. Удачно я выразила твоё мнение?

Артур взглянул в её смеющееся озорное лицо со степенной и одновременно нежной улыбкой.

— Сам не сумел бы выразить его лучше, — смиренно признал он.

— Покой тела и деятельность мозга... — вставил я. — Некоторые авторы убеждают нас, что это вершина человеческого счастья.

— Ну, покойных *тел* у нас тут хватает, — отозвалась леди Мюриел, глядя на три откинувшиеся фигуры вокруг себя. — Но вот насчёт того, что вы зовёте деятельностью *мозга*...

— ...она является привилегией одних лишь молодых Докторов, — сказал граф. — Мы, старики, не претендуем ни на какую деятельность. *Что ещё может сделать старик, как не умереть?*¹⁷⁸

— Ну, ещё много чего, несомненно, — заверил его Артур.

— Возможно... Но всё равно, что ни возьми, во всём у вас передо мной преимущество, мой мальчик! И не только потому, что *ваше* время — это рассвет, а *моё* — закат, но потому также, что вы *заинтересованы* жизнью, да так сильно, что я могу только позавидовать. Много-много лет должно пройти, прежде чем вы утратите свой интерес.

— Но существует множество интересов, для удовлетворения которых и человеческой жизни не хватит, — сказал я.

— Много, это правда. К ним относятся некоторые разделы Науки, но только *некоторые*, я думаю. Математика, например: *она*, несомненно, вызывает бесконечный интерес — нельзя представить *ни единую* форму Жизни и *ни единое* племя разумных существ, применительно к которым математическая истина утратила бы свой смысл. А вот *Медицина*, боюсь, базируется на иных основаниях. Допустим, вы открыли лекарство от какой-то болезни, до того считавшейся неизлечимой. Хорошо, в тот момент вы чувствуете себя счастливым, вы упиваетесь своим открытием... возможно, оно принесёт вам честь и славу. Но что потом? Взглянем через пару лет на

¹⁷⁸ Название и рефрен баллады Томаса Гуда (1799—1845).

жизнь, где эта болезнь больше не существует. Чего стоит ваше открытие *тогда*? Мильтон заставляет Юпитера обещать слишком много. «Лишь в горних сферах, где вершит он суд, награды... смертных ждут»!¹⁷⁹ Слабое утешение, когда эти самые заслуги касаются материй, быстро утрачивающих значимость!

— Но такому человеку, во всяком случае, можно будет не лезть из кожи вон, чтобы сделать какое-нибудь свежее медицинское открытие, — возразил Артур. — Этого не изменить, хотя лично мне было бы жаль отказаться от моих любимых занятий. Впрочем, медицина, болезни, боль, страдание, грех — всё это, боюсь, связано воедино. Искоренив грех, мы искореним и всё остальное.

— Военная наука — ещё более сильный пример, — сказал граф. — В отсутствие греха война ведь сделается невозможной. Но это и не важно: главное, иметь в этой жизни хоть какое-то увлечение, само по себе не греховное, и тогда подходящая деятельность обязательно найдётся. Веллингтону, возможно, больше не представится случая вступить в *битву*, и всё же —

Достойным праздно ли сидеть?

Пред ним получше встанет дело впредь,

Чем Бонапарта одолеть, —

И вновь триумф героя ждёт!¹⁸⁰

Произнеся эти прекрасные слова, которые он, по всей видимости, любил, граф замер, и звук его голоса, подобно далёкой музыке, угас в тишине.

¹⁷⁹ «Ликид» (иначе — «Люсидас») Мильтона, стр. 83—84 (пер. Ю. Корнеева).

¹⁸⁰ Из стихотворения Теннисона «На смерть герцога Веллингтона» (главка IX), первого официального сочинения, написанного автором по принятии звания поэта-лауреата (см. примеч. 116), вначале неумно льстивого, но впоследствии значительно правленного.

Спустя минуту или две граф заговорил снова.

— Мне хотелось бы поделиться с вами некоторыми мыслями касательно Будущего, которые преследовали меня много лет как ночной кошмар, причём я от них так и не избавился.

— Будьте любезны, — почти в один голос ответили Артур и я. Леди Мюриел убрала ноты и сложила руки на коленях.

— Мысль, по сути, всего одна, — продолжал граф, — зато она, должен сказать, затмила все остальные. Она заключается в том, что *Вечность* неминуемо подразумевает истощение любых человеческих интересов. Взять, к примеру, Чистую Математику — науку, которая независима от нынешней нашей среды обитания. Я сам немного ею занимался. Рассмотрим круги и эллипсы — то, что называется «кривые второго порядка». Применительно к жизни будущего встаёт только вопрос количества лет (или *сотен* лет, если угодно), за которое человек распишет все их свойства. Затем он может перейти к кривым третьего порядка. Скажем, на них он потратит в десять раз больше времени (а его, по условию, у нас не ограничено). Я с трудом могу представить, что его *интерес* к этому предмету сохранится столь долго, и хоть нет предела *степеням* кривых, которые он может изучать, но зато время, за которое истощится новизна предмета и его интерес к нему, отнюдь не бесконечно! То же с любой другой областью Науки. И когда я мысленно переносюсь через тысячи и миллионы лет и воображаю себя обладателем стольких научных познаний, сколько может вместить человеческий разум, я спрашиваю себя: «Что дальше? Изучать больше нечего, способен ли кто-либо почить в довольстве на *знании*, когда впереди ещё целая вечность?» Лично мне такая мысль не даёт покоя. Иногда мне представляется, что найдутся те, кто решит: «Лучше не быть вовсе», — и пожелает личного *уничтожения* — буддийской Нирваны¹⁸¹.

¹⁸¹ Подобная проблема актуальна и сегодня, после ещё нескольких научно-технических революций. Джон Хорган, учёный и публицист, отмечает в своей

— Но это лишь часть картины, — сказал я. — Можно работать над *собой*, но можно при этом приносить пользу *другим*.

— Верно, верно! — с энтузиазмом выпалила леди Мюриел, взмахивая на отца искрящимися глазами.

— Да, — сказал граф, — пока *есть* другие, кто действительно нуждается в помощи. Но вот пройдут ещё и ещё годы, и в конце концов все человеческие существа достигнут этого ужасного уровня *пресыщенности*. Какими глазами они станут смотреть в будущее *тогда*?

— Мне знакомо это мучительное чувство, — сказал молодой Доктор. — Я прошёл сквозь всё это и не единожды. Позвольте мне рассказать вам, как я ставил эту проблему пред собой. Я вообразил себе маленького ребёнка, играющего со своими игрушками на полу в детской и уже способного *рассуждать* и заглянуть за тридцать лет вперёд. Разве не скажет он себе: «К этому времени я вдоволь наиграюсь с кубиками и лопаточками. Насколько же скучна будет моя жизнь!» Но когда мы перенесёмся через эти тридцать лет, мы увидим его крупным государственным деятелем, полным интересов и удовольствий гораздо более насыщенных, чем те, которые предоставляло ему детство, — удовольствий совершенно непостижимых для его детского ума, таких удовольствий, которые его детский язык был не в состоянии хоть приблизительно описать. Но не будет ли и наша жизнь миллион лет спустя так же далека от нашей теперешней жизни, как далека жизнь взрослого от жизни ребёнка? И подобно тому, как взрослый

книге «Конец науки»: «Огромное большинство людей, не только непросвещённые массы, но также и те, кто претендует на интеллектуальность... находят научные знания в лучшем случае малоинтересными и определённо не стоящими того, чтобы служить целью всего человечества. Какой бы ни оказалась дальнейшая судьба *Homo sapiens*... научные знания, вероятно, не будут её целью» (цит. по изданию: СПб.: Амфора/Эврика, 2001. С. 394; пер. М. Жукова).

совершенно безуспешно будет пытаться выразить этому ребёнку на примере кубиков и лопаток смысл слова «политика», так же, возможно, все эти описания Небес с их музыкой, с вечным праздником, с мощёнными золотом улицами — всего только попытки описать понятными *нам* словами те вещи, для которых у нас фактически вовсе нет слов. Не думаете ли вы, что, воображая себе картину будущей жизни, вы попросту переносите дитя в политическую жизнь, не предоставив ему времени, чтобы вырасти?

— Полагаю, что понял вас, — сказал граф. — Музыка Небес и впрямь выше нашего понимания. Зато музыка Земли такая приятная! Мюриел, девочка моя, спой нам что-нибудь, перед тем как мы отправимся спать.

— Просим, — сказал Артур, встав и зажигая свечи на скромном пианино, пару часов тому назад изгнанном из гостиной ради комнатного рояля. — Тут есть одна песня, которую я ещё не слышал в твоём исполнении.

Здравствуй, дух поющий!

Нет, не птица ты —

Маг, блаженство льющий

В сердце с высоты!¹⁸² —

прочитал он со страницы, которую раскрыл перед суженой.

— И наша пустяковая нынешняя жизнь, — продолжал граф, — по сравнению с тем великим временем — словно солнечный день в жизни ребёнка! Но приходит ночь, и человек чувствует себя утомлённым, — добавил он с оттенком печали в голосе, — и тогда голова сама собой клонится к подушке! И он ждёт не дождётся, когда ему скажут: «Пора в постель, дитя моё!»

¹⁸² «Жаворонок» Шелли.

ГЛАВА XVII. На помощь!

— Но ещё не пора в постель! — произнёс сонный детский голосок. — Совы ещё не легли спать, и я не лягу, пока ты мне чего-нибудь не споёшь!

— Бруно! — воскликнула Сильвия. — Разве ты не знаешь, что совы только что проснулись? А вот *лягушки* — те давным-давно уже все в постели.

— Но я же не лягушка, — возразил Бруно.

— А что тебе спеть? — спросила Сильвия, как обычно избегая спора.

— Спроси господина сударя, — лениво ответил Бруно, заложив руки за свою кудрявую головку и откинувшись на лист папоротника, который чуть не до земли склонился под его весом. — Неудобный этот лист, Сильвия. Найди мне удобнее... ну пожалуйста, — поспешно добавил он волшебное слово, когда Сильвия выжидательно подняла палец. — Не могу спать кверху ножками!

Маленькая фея совсем по-матерински подняла на руки своего малютку-братца и уложила его на более крепкий лист папоротника. Она разок коснулась листа, чтобы качнуть его, и дальше он принялся как заведённый раскачиваться сам по себе, словно у него внутри скрывался какой-то механизм. Ветер тут явно был ни при чём — он уже прекратил свои вечерние дуновения, и ни один листок не вздрагивал над нашими головами.

— А почему этот лист качается, когда соседние даже не шелохнутся? — спросил я Сильвию. Но она только мило улыбнулась и покачала головой.

— Я сама не знаю. Они всегда качаются, когда на них отдыхает эльф или фея. Они, наверно, так устроены.

— А люди могут видеть, как качается лист папоротника, хотя бы они не видели на нём эльфа?

— Конечно, могут! — удивилась Сильвия моему вопросу. — Лист — это лист, и его любой может видеть, но Бруно — это Бруно, и его нельзя увидеть, если только вами не овладело наваждение, как сейчас.

Теперь я понимаю, отчего получается, что иногда, пробираясь по лесу тихим вечером, можно увидеть лист папоротника, равномерно качающийся вверх-вниз сам по себе. Вы ведь тоже такое видели, правда? В следующий раз попробуйте рассмотреть на нём спящего крошку-эльфа или спящую фею, только не *срывайте* этого листа, как бы вам ни хотелось, пусть малютка спит!

И пока я так расспрашивал Сильвию, глаза Бруно всё сильнее слипались.

— Ну спой мне, спой песенку! — капризно бормотал он.

Сильвия вопросительно взглянула на меня.

— Так что же мне спеть? — спросила она.

— Ты бы могла спеть ту детскую песенку, о которой вы мне однажды рассказывали, — предложил я. — Ту самую, которую пропустили через каток, помнишь? Кажется, это была песенка *«Жил-был маленький старик с маленьким ружьишком»*.

— А, это одна из песенок *Профессора*! — встрепенулся Бруно. — Мне нравится этот маленький песенный старик, и как здорово они ему мурашек подпустили! — И мальчик обратил свой влюблённый взгляд на приветливого старичка, возникшего по другую сторону листа-кроватки. А тот сразу же принялся петь, подыгрывая себе на Волшебной гитаре (я видел такие в Запределье), в то время как улитка, на которой он восседал, помахивала в такт музыке своими рожками.

Росточком был мал старичонка:

Короткий и щуплый на вид.

Раз жёнушка щиплет курчонка,

А он ей в сердцах говорит:

«Ружьишко подай! И на счастье

Подковку мне, крошка моя,
Чтоб уточку я в одночасье
Подбил у ручья».

Жена притащила ружьишко,
Подковку ему поднесла,
Поставила пышки в печишку,
Горчичку в горшке натолкла.
Иной не имея мыслишки,
Минутки не тратя зазря,
Бежал старичок без одышки
На крики «кря-кря!»

Где рыщут Рачишки, где Мошки
Мелькают, снуют, мельтешат,
Где замерли Цапли на ножке —
И цап! из воды Лягушат,
Где словно зелёные Шишки
Таращатся в тине и ждут
(В засаде лежат Лягушишки),
Там тишь и уют.

Готовит он порох и пульки,
Крадётся — шажки не слышны;
Вдруг слышит плюх-плюшки, буль-бульки, —
Минутка — и нет тишины!
С воды и от берега стрёкот,
Вверху и внизу тарарам,
И сзади и спереди хохот,
Возня по бокам.

Ликуят Рыбёшки и Пташки:

«Сейчас он почувствует, плут,
Как будто по телу Мурашки
С макушки до пят побегут,
Как будто он скушал полыни,
Как будто промок под дождём:
Мы песни Мамаши Гусыни
Ему пропоём!

Пусть помнит — Улиткины рожки
Портняжек в испуг привели:
Едва унесли они ножки,
Завидя те рожки вдали.
Про Тётушку Трот и про Кошку
Споём, и тогда, может быть,
Наш недруг смутится немножко,
Умерит он прыть!

Напевов наслушавшись наших,
Протяжно и томно вздохнёт;
И рою безумных букашек
Он радостно ручкой взмахнёт,
Он вечной виной распалится,
Жужжащим жучком воспарит,
Туманом во тьме растворится,
Скребком заскрипит!

Коль Утки решила судьбина,
Ему намекнём: удались!
На стол ему ляжет дичина,
Ей розы в убранство и рис.
Железку мы видели эту;
Пускать же грозит, — ничего:

Ему здесь заступника нету,
Так пнём же его!»

Бабахнуло! — Уточка пала...
Затихла вокруг трескотня.
В домишко! Назад как попало,
Где жёнка его у огня!
Попробовав радостно пышку,
Что жёнка спекла второпях,
Он ринулся снова к ручьишку
И в Селезня — бах!¹⁸³

— Ну вот, угомонился, — сказала Сильвия, осторожно подтыкая край лепестка фиалки, которым она укрыла спящего на манер одеяла.
— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи! — эхом отозвался я.

¹⁸³ А. Я. Ливергант, составивший книжку «The Way It Was No. English and American Writers in Parody» (М.: Радуга, 1983), так комментирует это стихотворение: «Поэтический нонсенс Л. Кэрролла является пародийно-комическим использованием поэтической системы Суинберна... Кэрролл виртуозно воспроизводит характерные для Суинберна аллитерации, ассонансы и пр.; аллегорические образы поэта, помещённые в конкретно-бытовую обстановку, пародийно снижаются и шаржируются. Уменьшительные суффиксы... очевидно, содержат намёк на внешность Суинберна («Росточком был мал старичонка...»)» (с. 325). От себя добавим следующее уточнение. Данное стихотворение подражает структуре Суинберновой поэмы «У Северного моря» (1888), написанной под впечатлением от видов морских вод, побережья и брошенного городка Данвич в Суффолке. Само же по себе стихотворение содержит образы из «Стихов матушки Гусыни», известные нам по русским переводам, а выражение «Ему здесь заступника нету, так пнём же его» — английская поговорка.

— И впрямь давно пора пожелать вам покойной ночи! — рассмеялась леди Мюриел, встав и закрывая крышку клавиатуры. — Для них тут поют, а они клюют в это время носом! Так о чём я пела, ну-ка отвечайте! — потребовала она.

— Что-то про утку? — рискнул я наугад. — Ну, про птицу какую-то, — поправился я, тотчас же поняв по её лицу, что *первое* предположение было не совсем в точку.

— *Про птицу какую-то!* — передразнила леди Мюриел с самым испепеляющим взглядом, который только удался её милым глазкам. — Так-то он отзывается о «Жаворонке» Шелли! И это при том, что поэт сам говорит: «Здравствуй, дух поющий! Нет, *не птица* ты!»

Она пригласила нас в курительную, где вопреки всем обычаям, принятым в Обществе, и всем инстинктам Рыцарства три Венца Природы вольготно развалились в креслах-качалках, позволяя единственной оставшейся у нас даме, грациозно скользившей меж кресел, удовлетворять наши потребности в охлаждающих напитках, сигаретах и огне. Нет, *один* из троих всё же имел достаточно рыцарства, чтобы не ограничиться банальными «благодарю вас», а сверх того процитировать прекрасные строки Поэта, повествующие о том, как Герейнт, которому прислуживала Энида, вдруг почувствовал страстное желание

Поцеловать её мизинчик нежный

Со складочками мягкими на сгибах¹⁸⁴, —

да к тому же сопроводить слова действием (должен заметить, что за эту дерзкую вольность не последовало надлежащего выговора).

¹⁸⁴ Третья «королевская идилия» Теннисона, «Женитьба Герейнта» (пер. В. Лунина. Кэрролл цитирует с незначительным разночтением, но и перевод Лунина несколько волен).

Так как никому не удавалось изобрести какую-нибудь новую тему для беседы, и поскольку все мы четверо находились в тех восхитительных отношениях друг с другом (именно таких, я думаю, отношениях, которые только и могут устанавливаться в дружбе, заслуживающей звания *интимной*), при которых совершенно нет нужды в поддержании разговора ради самого разговора, — мы несколько минут сидели в полной тишине.

Наконец я нарушил молчание.

— Есть какие-нибудь новости об этой лихорадке в гавани?

— С утра новостей не поступало, — ответил граф, сразу же посерьёзнев. — Но положение там тревожное. Лихорадка быстро распространяется; лондонский врач не на шутку перепугался и сбежал из посёлка, а единственный имеющийся там врач вовсе не квалифицированный специалист — он и аптекарь, и доктор, и зубной врач, и ещё не знаю кто в одном лице. Прямо жалко становится этих несчастных рыбаков — а их жёнам и детям приходится ещё хуже.

— Сколько их там всего проживает? — спросил Артур.

— Неделю назад ещё было около сотни, — сказал граф, — но с тех пор двадцать или тридцать человек умерло.

— Получают ли они хотя бы последнее напутствие?

— Есть там трое смельчаков, — отвечал граф, и его голос задрожал от чувств. — Вот это доблестные герои, заслуживающие Креста Виктории! Уверен, что они-то ни за что не покинут городка ради спасения собственной жизни. Это помощник приходского священника и с ним его жена; детей у них нет. Потом ещё римско-католический священник. И ещё священник-методист. Каждый трудится в основном среди своей паствы, но мне передавали, что умирающим не важно, кто из этих троих будет с ними в последний час. Как же тонки, оказывается, барьеры, что отделяют одного христианина от другого, когда человек сталкивается с решающими событиями Жизни и с неотвратимостью Смерти!

— Так и должно быть, и так будет... — начал было Артур, когда прозвенел звонок у входной двери — внезапно и резко.

Мы услышали, как входная дверь с поспешностью была кем-то распахнута и снаружи зазвучали голоса; затем в дверь курительной постучали, и к нам заглянула графская экономка. У неё был испуганный вид.

— Там двое, милорд, хотят поговорить с доктором Форестером.

Артур сразу же вышел из комнаты, и мы услышали его весёлое «Ну что, друзья мои?», только ответ был не столь звучный, и я смог различить лишь слова: «Десятеро утром, и только что ещё двое...» — «Но есть же там врач?» — снова раздался голос Артура, и тут новый голос ответил ему глубоким басом: «Умер, сударь. Умер три часа назад».

Леди Мюриел вздрогнула и спрятала лицо в ладони, но в этот миг входную дверь, очевидно, полностью прикрыли, и мы больше ничего не слышали.

Несколько минут мы сидели не говоря ни слова, затем граф вышел из комнаты, но вскоре вернулся, чтобы сообщить нам, что Артур отбыл с двумя рыбаками, попросив передать нам, что будет через час. И точно, по прошествии этого срока, в течение которого мы почти не разговаривали, входная дверь вновь закрипела на несмазанных петлях, и в коридоре слышались шаги, по которым с большим трудом можно было узнать Артурову походку, такими они были медленными и нетвёрдыми — словно слепой нащупывал дорогу.

Он вошёл и стал перед леди Мюриел, тяжело опершись одной рукой о стол и со странным взглядом глаз, будто не осознавал, где он.

— Мюриел, любовь моя... — Речь его прервалась, а губы задрожали, но спустя минуту он взял себя в руки. — Мюриел, дорогая моя... они... им нужно, чтобы я отправился в посёлок.

— А ты *должен*? — спросила она, вставая и кладя ему руки на плечи. Широко раскрытыми глазами, полными слёз, она взглянула ему в лицо. — Должен ли *ты*, Артур? Ведь это может значить смерть!

Он встретил её взгляд и не отвёл свой.

— Это и означает смерть, — промолвил он хриплым шёпотом. — Но, милая моя, я ведь *призван*. И даже сама моя жизнь... — Голос изменил ему, и он не закончил.

С минуту леди Мюриел стояла, ничего не говоря, лишь беспомощно глядя на него снизу вверх, как если бы любая мольба была теперь бесполезна, а черты её лица двигались, искажаемые душевной мукой. Затем на неё, вероятно, снизошло внезапное воодушевление, которое осветило ей лицо странной полуулыбкой.

— *Твоя* жизнь? — переспросила она. — Не настолько *твоя* теперь, чтобы ты отдавал её.

К этому времени Артур овладел собой и смог ответить вполне твёрдо.

— Это правда... Не настолько *моя*, чтобы я отдавал её... Это и *твоя* жизнь отныне, жизнь моей... жены суженой! А ты... *ты* запрещаешь мне идти туда? И не поделишься мной, любимая?

Не отрываясь от него, она медленно склонила голову ему на грудь. Раньше она никогда так не поступала в моём присутствии, и я понял, как глубоко она взволнована.

— Я поделюсь тобой, — тихо и спокойно сказала она, — с Богом.

— И с Божьим людом, — прошептал он.

— И с Божьим людом, — повторила она. — Когда ты должен идти, любовь моя?

— Завтра утром, — ответил он. — И мне ещё многое нужно сделать.

И он рассказал нам, как провёл этот час, пока отсутствовал. Артур посетил викария и совершил приготовления к свадьбе, назначенной на восемь утра (правового препятствия к ней не было, так

как он заблаговременно получил лицензию¹⁸⁵) в маленькой церквушке, хорошо всем нам известной. «Мой друг, присутствующий здесь, — так он обозначил меня, — не откажется, я знаю, быть моим шафером; твой отец поедет с нами, чтобы забрать тебя домой, и... и... ты ведь обойдёшься без подружки невесты, милая?»

Она только молча кивнула.

— И тогда я смогу со спокойной душой отправиться... на служение Богу... зная, что мы — *одно* и что мы соединились в *духе*, хоть и не телесно пока что... И что, молясь, мы всегда будем вместе! Наши *молитвы* вместе будут возноситься...

— Да, да! — сквозь слёзы бормотала леди Мюриел. — Но ты не должен теперь задерживаться, мой милый! Ступай домой и отдохни. Завтра тебе понадобится вся твоя сила...

— Хорошо, я пойду, — сказал Артур. — Завтра, в назначенный час, мы вернёмся. Доброй ночи, радость моя!

Я тоже простился, и мы с Артуром покинули дом графа. Пока мы шли домой, Артур раз или два глубоко вздохнул и, казалось, собирался заговорить, но слова не шли до тех пор, пока мы не оказались дома, не зажгли свечей и не приблизились к дверям наших спален. Только тогда Артур сказал:

— Доброй ночи, дружище! Благослови тебя Бог!

— Благослови тебя Бог! — словно эхо отозвалось из самой глубины моей души.

К восьми утра мы снова были в Усадьбе, где нашли леди Мюриел и графа, а также пожилого викария, ожидающих нас. Процессия, направляющаяся к церквушке, была печальной и молчаливой; я не мог отделаться от мысли, что церемония больше походит на похороны, чем

¹⁸⁵ Согласно английским законам, венчание брачующейся пары могло быть произведено только после двойного или тройного церковного оглашения имён будущих супругов. В противном случае требовалось специальное разрешение (лицензия на вступление в брак).

на бракосочетание, а для леди Мюриел это и в самом деле были похороны, какая уж там свадьба! На неё тяжким грузом навалилось предчувствие (как она рассказывала впоследствии), что её новоприобретённый муж уходит навстречу смерти.

Затем был завтрак; экипаж подали к дверям без промедления — предстояло вначале отвезти Артура к себе, чтобы он забрал вещи, которые могли ему понадобиться, а потом настолько глубоко проникнуть в пораженную смертью область, насколько будет безопасно для возницы. Там, на дороге, Артура должны были встретить один или два рыбака, чтобы нести остаток пути его вещи.

— Ты уверен, что тебе ничего больше не нужно? — спросила леди Мюриел.

— Ничего, что мне понадобится как *врачу*, — да, уверен. А самому мне нужно очень немного — я даже не взял ничего из гардероба, дома наготове только рыбацкий костюм. Захватчу ещё часы да несколько книг и... Подождите, я хотел бы к ним добавить ещё одну книгу — карманную Библию. Она пригодится мне у постели больного или умирающего.

— Возьми мою! — Леди Мюриел бросилась наверх, чтобы принести. — Она не надписана, там только имя «Мюриел», — сказала она, вернувшись. — Можно, я напишу...

— Нет, жизнь моя, — возразил Артур, беря у неё Библию. — Что можно написать лучшего, чем это имя? Способно ли какое-нибудь другое человеческое имя более ясно обозначить её как мою личную собственность? Разве *ты* не моя? Разве ты, — добавил он со всей своей прежней весёлостью, — не *моее* всех, как выражается Бруно?

Он сердечно и неторопливо простился с графом и со мной и вышел из комнаты, сопровождаемый только своей женой, которая держалась бодро и выглядела — по крайней мере, старалась выглядеть — даже менее разбитой горем, чем её отец. Мы подождали в комнате минуту-другую, пока стук колёс не возвестил нам, что Артур уехал, но и

тогда мы всё ещё ждали, когда затихнут шаги леди Мюриел, поднимавшейся к себе. Всегда такие лёгкие и радостные, её шаги звучали теперь медленно и тяжело, как у человека, тащившегося под грузом беспросветного горя. И я почувствовал такую же безнадёжность и почти такую же обездоленность, как и она.

— Суждено ли нам четверым когда-либо встретиться вновь по эту сторону могилы? — спросил я себя по пути к дому. А похоронный звон, доносящийся издалека, как будто ответил мне: «Нет! Нет! Нет!»

ГЛАВА XVIII. Газетная вырезка

ЦИТАТА ИЗ «ФЕЙФИЛД КРОНИКЛ»

Наши читатели со скорбным интересом следили по репортажам, время от времени появляющимся в нашей газете, за распространением ужасной эпидемии, которая в последние два месяца унесла большинство жителей рыбацкого посёлка, расположенного вблизи городка Эльфстон. Последние из оставшихся в живых, числом всего лишь двадцать три человека, покинули родные места, население которых не далее чем три месяца назад превышало сто двадцать жителей. В прошлую среду они были вывезены под надзором Местного Комитета и благополучно размещены в Госпитале графства. Рыбацкий посёлок воистину превратился в «город мёртвых», тишину которого не нарушает ныне ни один человеческий голос.

Команда спасателей состояла из шести крепких мужчин — рыбаков из соседних посёлков. Она была послана Клиническим Ординатором, который тоже прибыл из Госпиталя, возглавляя обоз карет скорой помощи. Спасатели были отобраны из большого числа тех, кто добровольно вызвался на это, говоря военным языком, «безнадёжное дело», за недюжинную силу и крепкое здоровье, поскольку

данное предприятие считается даже теперь, когда болезнь уже пошла на спад, всё ещё сопряжённым с опасностью.

Были приняты все меры предосторожности, которые только может рекомендовать наука против риска заразиться инфекцией, а заболевших одного за другим на носилках заботливо подняли по крутому склону и уложили в кареты скорой помощи, которые вместе с сестринским персоналом, находящимся при каждой карете, ожидали их на ровной дороге. Пятнадцать миль до Госпиталя преодолели шагом, поскольку некоторые были слишком слабы, чтобы выдержать тряску быстрой езды. Путешествие заняло всю вторую половину дня.

Эти двадцать три пациента включали девять мужчин, шестерых женщин и восьмерых детей. Установить личности каждого из них оказалось невозможным, поскольку некоторые дети, оставшиеся в живых после гибели всех своих родственников, — это младенцы, а двое мужчин и одна женщина были не в состоянии давать осмысленные ответы, так как умственные способности совершенно им отказали. Будь они более состоятельным народом, они бы, несомненно, озаботились нашить себе на одежду бирки, но в этих местах в ближайшем будущем не приходится ждать появления такого обычая.

Помимо рыбаков и их несчастных семейств в посёлке находились также пять человек, о которых следует сказать особо; власти объявили об их несомненной гибели. Мы испытываем печальное удовлетворение от того факта, что можем довести до сведения наших читателей имена этих мучеников долга — тех, кто как никто другой достоин быть причисленными к пантеону английских героев! Вот они.

Преподобный Джеймс Варджес, магистр наук, и его жена Эмма. В этом посёлке он был Священником. Ему не исполнилось и тридцати одного года, и женат он был всего лишь третий год. В их доме была найдена запись от руки с датой их смерти.

Следующим нужно назвать достойное имя доктора Артура Форестера, который после смерти местного врача доблестно встретил грозящую ему смертельную опасность, вместо того чтобы бросить этих несчастных без врачебной помощи, когда они так в ней нуждались. Записи о его имени и дате смерти не было найдено, но его останки легко поддавались опознанию, хотя труп был облачён в простой рыбацкий костюм (который, как было известно, он приготовил, собираясь сюда), по экземпляру Нового Завета, подарку его жены, который нашли под одеждой у него на груди. Лежащая поверх рука прижимала книгу к сердцу. Его тело сочли неблагоразумным забирать, чтобы похоронить где-то в другом месте, и оно было немедленно предано земле вместе с четырьмя другими телами, найденными в разных домах, со всем полагающимся почтением. Его жена, в девичестве леди Мюриел Орм, обвенчалась с ним в то самое утро, когда он возложил на себя свою жертвенную миссию.

Засим упомянем преподобного Уолтера Саундерса, Священника-методиста. Полагают, что его смерть произошла две или три недели назад, поскольку на стене комнаты, которую он, как было известно, занимал, была обнаружена надпись: «Умер 5 октября». Дом стоял запертый, и долгое время туда, очевидно, никто не входил.

Последним — по счёту, но не по доблестной самоотдаче и преданности долгу — мы упомянем имя отца Френсиса, молодого Иезуитского Священника, который прибыл в посёлок лишь пару месяцев назад. Он умер всего за несколько часов до того, как его тело было обнаружено отрядом разведчиков. Личность была с несомненностью установлена по его платью, а также благодаря распятию, которое он крепко зажал в руке, прижимая к сердцу, как и доктор Форестер свою Библию.

Уже в госпитале умерли ещё двое мужчин и один ребёнок. Но в отношении остальных появилась надежда, и это даже несмотря на то, что в двух или трёх случаях жизненные силы настолько

истощены, что это воистину «безнадёжная надежда» — считать полное выздоровление вообще возможным.

ГЛАВА XIX. Сказочный Дуэт

Год — а насколько же полон событиями оказался для меня этот год! — подходил к концу; короткий зимний день едва-едва позволял разглядеть в своём тусклом свете дорогие предметы, связанные со столькими счастливыми воспоминаниями, пока поезд огибал последний поворот перед станцией и вдоль платформы проносился хриплый крик: «Эльфстон! Эльфстон!»

Печально было моё возвращение в эти места, и с печалью я думал, что никогда больше не увижу радостную улыбку приветствия, которая встречала меня здесь всего несколько месяцев назад. «А всё же, если бы я снова встретил его, — пробормотал я, одиноко шагая за носильщиком, катившим на тележке мой багаж, — и если бы он *„своей рукою сжал мою И стал расспрашивать про дом“*, уж я бы его *„призраком не счёл“*!»¹⁸⁶

Дав указание свезти багаж к бывшему дому доктора Форестера, я зашагал сам по себе, чтобы, перед тем как обосноваться на прежнем месте, нанести визит милым старым друзьям — а для меня они были именно таковыми, хоть едва ли полгода прошло с нашей первой встречи, — графу и его дочери-вдове.

Кратчайший путь, как я хорошо помнил, вёл через церковный двор. Я отворил крохотную калитку и не спеша направился мимо торжественных памятников тихой смерти, размышляя о тех немногих, кто покинул этот мир за последний год, — ушёл, чтобы

¹⁸⁶ Эти строки — из огромной поэмы Теннисона «In Memoriam. Памяти Артура Генри Халлама» (главка XIV), посвящённой ближайшему другу юности поэта, умершему молодым.

«присоединиться к большинству»¹⁸⁷. Не успел я сделать и пары шагов, как мне в глаза бросился знакомый облик. Леди Мюриел, облачённая в глубокий траур и с закрытым длинной креповой вуалью лицом, коленопреклонённо стояла перед небольшим мраморным крестом, на котором висел венок.

Крест высился на участке гладкого дёрна, совершенно не потревоженного могильным холмиком. Я понял, что это всего лишь памятный крест в честь того, чей прах покоится не здесь, — понял даже раньше, чем прочёл простую надпись:

С любовью в память
АРТУРА ФОРЕСТЕРА, д. м.,
чьи бранные останки покоятся у моря,
чья душа вернулась к даровавшему её Богу.

«Нет больше той любви, как если кто
положит душу свою за друзей своих»¹⁸⁸.

При моём приближении леди Мюриел откинула вуаль и поднялась мне навстречу со спокойной улыбкой и с бóльшим самообладанием, чем я от неё ожидал.

— Я словно перенеслась во времени назад, видя снова здесь вас, — сказала она. В её голосе звучала искренняя радость. — Вы уже виделись с моим отцом?

¹⁸⁷ Выражение восходит к Петронию (главка 42 «Сатирикона»; в русском переводе здесь стоит «отправился к праотцам») и встречается у английских поэтов (например, у Эдмунда Юнга).

¹⁸⁸ Евангелие от Иоанна, 15:13. Последняя проповедь Иисуса; отрывок из этого поучения в славянизированной форме сроднился с русским языковым сознанием: «За други своя».

— Нет ещё, — ответил я, — но направляюсь как раз туда. Проходил здесь, чтобы сократить путь. Надеюсь, граф в добром здравии, как и вы сами?

— Да, благодарю вас, мы оба в добром здравии. А вы? Лучше себя чувствуете, чем прежде?

— Не совсем чтобы лучше, но и не хуже, благодаренье Богу.

— Давайте посидим здесь. Поболтаем немножко, — предложила она. Спокойствие, почти безразличие её движений сильно меня удивили. Я нисколько не догадывался о той суровой сдержанности, на которую она себя обрекла.

— Здесь можно побыть в тишине, — продолжала она. — Я прихожу сюда каждый... каждый день.

— Умиротворяющее место, — согласился я.

— Вы получили моё письмо?

— Получил, но задержался с ответом. Это так трудно высказывать — на бумаге...

— Я знаю. Вы очень добры. Вы были с нами, когда мы в последний раз... — Она на минуту замолчала, а потом торопливо продолжила: — Я несколько раз ходила в гавань, но никто не знает, в какой из этих больших могил он лежит. Но они показали мне дом, в котором он умер, хоть это утешает. Я побывала в той комнате, где... где... — Напрасно она пыталась совладать с собой. Шлюзы открылись, и я стал свидетелем самого отчаянного приступа горя, какое только видел в жизни. Совершенно забыв о моём присутствии, леди Мюриел бросилась наземь, скрыла лицо в траве и обхватила руками низкий мраморный крест.

— Милый, милый мой! — стенала она. — Ведь Бог уготовил тебе такую прекрасную жизнь!

С изумлением слушал я повторённые леди Мюриел, подлинные слова дорогого ребёнка, горьким рыданиям которого над загнанным зайчиком я был свидетель. Не было ли то таинственным наитием от

маленькой сильфиды, вернувшейся в родную Страну Фей, на человеческую душу, так её полюбившую? Эта мысль была слишком диковинной, чтобы дать ей веры. Но не правда ли то, что «и в небе и в земле сокрыто больше, чем снится нашей мудрости»?¹⁸⁹

— И воля Божья исполнилась, — прошептал я. — Разве такая жизнь не прекрасна?

Добавлять что-либо я не посмел, но встал и оставил её одну. У дверей графского дома я помедлил, прислонился к косяку и стал наблюдать закат, предаваясь воспоминаниям — то приятным, то печальным, — пока леди Мюриел не присоединилась ко мне.

Теперь она снова была спокойна.

— Входите, — сказала она. — Отец будет вам очень рад!

Пожилой граф с улыбкой поднялся мне навстречу, но самообладание удавалось ему хуже, чем дочери, и когда он обеими руками схватил мою и с жаром её стиснул, по его щекам заструились слёзы.

От избытка чувств я не мог говорить, и минуту-другую мы сидели молча. Затем леди Мюриел позвонила, чтобы подавали чай.

— Вы же пьёте чай, как наступит пять часов, я знаю! — обратилась она ко мне с такой знакомой милой игривостью. — Даже когда вы не в силах воспрепятствовать Закону Тяготения, а чашки только и ждут случая, чтобы наперегонки с чаем сбежать от вас в Открытый Космос!

Такое замечание задало тон беседе. В эту первую нашу встречу после ужасного события в жизни леди Мюриел мы по молчаливому согласию избегали болезненных предметов, занимавших наши мысли, и болтали словно дети с неотяжелёнными сердцами, не ведающими забот.

¹⁸⁹ «Гамлет», акт I, сцена 5 (пер. по М. Лозинскому, как и цитата у Кэрролла — лишь по Шекспиру).

— Задавали вы себе когда-либо вопрос, — спросила вдруг леди Мюриел, меняя тему, — каково *главное* преимущество в том, что вы Человек, а не Собака?

— Нет, не задавал, — ответил я. — Но думаю, что и на стороне *Собаки* есть свои преимущества.

— Несомненно, — ответила она в своей милой насмешливо-строгой манере, — но на стороне *Человека*, по моему убеждению, то основное преимущество, что у него *имеются карманы!* Это пришло мне в голову... *нам*, следовало мне сказать — мы с отцом тогда возвращались с прогулки, — только вчера. Нам повстречалась собачка, она несла домой косточку. Зачем она была ей нужна, понятия не имею, ведь на косточке не было ни капельки *мяса*...

Странное чувство овладело мной — будто я всё это уже слышал, или что-то похожее; я даже мог предсказать, что её следующими словами будут: «Может, она хотела сделать из неё пальтишко на зиму?» На самом деле леди Мюриел сказала совсем другое:

— ...но мой отец в качестве объяснения неуклюже пошутил насчёт *pro bono publico*¹⁹⁰. А собачка положила кость на землю — но *не* потому, что каламбур внушил ей отвращение, из чего следовало бы, что хоть она и собачка, но и у неё есть литературный вкус, — а просто желая дать отдых челюстям, бедное животное! Мне стало так её жалко! Предлагаю вам вступить в мою Благотворительную ассоциацию по наделению собак карманами. Как бы *вам* понравилось носить свою трость в зубах?

Даже не пытаясь решить сложный вопрос о том, зачем может понадобиться носить трость в зубах — а руки-то на что? — я рассказал им про курьёзный случай с *задумавшимся псом*, чему сам был свидетель. Один господин вместе с женой, ребёнком и большой собакой стояли на самом конце причала, по которому я прохаживался. Этот

¹⁹⁰ Само латинское выражение переводится 'на потребу публике'. Здесь, однако, игра слов: *bono* созвучно английскому *bone* 'кость'.

господин, чтобы позабавить, как я понимаю, своего ребёнка, положил на доски настил свой зонт и женин зонтик от солнца, а сам направился на другой конец причала. Там он приказал собаке принести ему оставленные вещи. Я с любопытством наблюдал за ними, стоя почти у самых зонтов. Собака подлетела прямо к моим ногам, но когда она хотела поднять эти вещи, перед ней возникла неожиданная трудность. Стоило большому зонту очутиться у неё в пасти, как её челюсти оказались так широко раздвинуты, что она уже не в состоянии была ухватить ими ещё и зонтик от солнца. После двух или трёх неудачных попыток собака остановилась и стала обмозговывать ситуацию.

Затем она оставила большой зонт и начала с зонтика от солнца. Для того чтобы взять его, ей уже не понадобилось так широко разевать пасть, и потом она смогла также крепко ухватить и второй зонт. Собака с триумфом понеслась к хозяину. Можно ли сомневаться, что она мысленно выстроила настоящую цепочку логических рассуждений?

— Я согласна, что не следует в этом сомневаться, — сказала леди Мюриел, — только ортодоксальные учёные осудят такую точку зрения как низводящую человека на более низкий, животный уровень. Разве не проводят они непреодолимую границу между Разумом и Инстинктом?

— Поколение назад ортодоксальная точка зрения и впрямь заключалась именно в этом, — сказал граф. — И утверждение, что Человек — всего лишь рассуждающее животное, уже готово было, казалось, вознести либо низвергнуть столпы Религии. Нынче эта эпоха подошла к концу. Теперь Человек может претендовать на кое-какие *монопольные* качества — например, на такое использование *языка*, которое позволяет нам привлекать к труду сразу многих путём «разделения труда». Но вера в то, что мы обладаем монополией на *Разум*, уже давно отброшена. И никакой катастрофы не произошло. Как говорит один старый поэт: *«Бог там же, где и прежде»*.

— Нынче большинство верующих соглашаются с епископом Батлером, — сказал я, — и не отвергают аргументации, даже если она ведёт прямым к тому выводу, что животные обладают некоторого рода *душой*, не погибающей с их физической смертью.

— Я бы хотела думать, что это так! — воскликнула леди Мюриел. -
— Хотя бы ради этих бедных лошадок. Иногда мне кажется, что если бы что-то и поколебало мою веру в справедливое Божье правосудие, так это страдания лошадок — безо всякой вины и безо всякого воздаяния!

— Это только часть великой Загадки, — отвечал граф, — почему *вообще* страдают невинные. Верой здесь создаётся напряжение — но не *разрушительное* напряжение, надеюсь.

— Страдания *лошадей*, — сказал я, — происходят главным образом из-за жестокости *Человека*. А потому это один из множества примеров того, как Грех причиняет страдания не самому Грешнику, но посторонним. Но не видите ли вы ещё большей трудности в том страдании, которое животные причиняют друг другу? Например, кошка, играющая с мышью. Если принять, что она не несёт *моральной* ответственности, тогда это ещё большая загадка, чем человек, по чьей вине надрывается лошадь.

— Полагаю, что *так...* — произнесла леди Мюриел, с немым вопросом взглядывая на отца.

— Но что даёт нам право на такое предположение? — отозвался тот. — Как много наших религиозных затруднений есть просто выводы из произвольных допущений. Самый толковый ответ на большинство из них, я думаю, таков: «*О чём мы знаем? — ни о чём...*»¹⁹¹.

— Вы сказали про «разделение труда», — продолжил я. — А ведь нигде как в пчелином улье оно не доходит до изумительного совершенства!

— Притом настолько изумительного, настолько сверхчеловеческого, — добавил граф, — и настолько лишённого всякой

¹⁹¹ Вновь цитата из «In Memoriam» Теннисона (главка LIV).

разумности во всех других случаях, что я нисколько не сомневаюсь, что это чистейший Инстинкт, а вовсе *не*, как кое-кто утверждает, высокоразвитый Разум. Только посмотрите на крайнюю безмозглость пчелы, пытающейся прорваться сквозь застеклённое окно! Да она и не пытается вовсе, какой бы широкий смысл ни придать этому слову, — она просто бьётся о стекло! Щенка мы назвали бы *слабоумным*, веди он себя подобным образом. И от нас ещё требуют поверить, что по уровню интеллекта пчела превосходит сэра Исаака Ньютона!

— Так вы стоите за то, что в *чистом* Инстинкте не содержится ни капли *Разума*?

— Напротив, — ответил граф, — я стою за то, что деятельностью пчелиного улья руководит Разум *высшего* порядка. Вот только *пчела* не совершает никакой мозговой работы. Замыслил всё *Бог*, а в пчелиный мозг вложил *итоги* — всего лишь! — мыслительной работы.

— Но как же их мозги додумались до *совместной* деятельности? — спросил я.

— А какое мы имеем право предполагать у них мозги?

— Вношу специальное заявление! — победно вскричала леди Мюриел, рискуя навлечь упрёк в дочерней непочтительности. — Ты же сам только что сказал: «Вложил в пчелиный мозг»!

— Но я не сказал *в мозги*, дитя моё, — мягко ответил граф. — Наиболее вероятным решением «Загадки пчелы» мне видится такое: пчелиный рой имеет только один мозг — *один на всех*. Мы ведь сами видим, как всего один мозг одушевляет довольно сложную совокупность членов и органов, *когда они соединены вместе*. Откуда мы знаем, что материальный контакт так уж необходим? А может быть, достаточно простого соседства? Если так, то пчелиный рой — это просто единое животное, многомиллионные члены которого не прилегают друг к другу слишком плотно!

— Да, от такой мысли голова идёт кругом, — сказал я, — и чтобы вполне с ней свыкнуться, нужно будет как следует отдохнуть сегодня

вечером. Как Разум, так и Инстинкт говорят мне, что следует отправляться домой. Итак, доброй ночи!

— Так скоро я вас не выпущу из рук, — сказала леди Мюриел. — К тому же сегодня я ещё не была на прогулке. Она меня взбодрит, и, кроме того, мне есть ещё что вам сказать. Пройдёмтесь через лес? Это приятнее, чем тащиться через выгон; ничего страшного, что темнеет.

Мы свернули под сень сплетающихся ветвей, образовавших архитектурные формы почти совершенной симметрии, то группируясь в чудесные крестовые своды, то разбегаясь в стороны, насколько мог видеть глаз, бесконечными боковыми приделами, нефами и алтарями, словно тут возвели призрачный собор, задуманный в грёзах помешавшегося поэта.

— Когда забредаю в этот лес, — начала леди Мюриел спустя некоторое время (а молчание казалось совершенно уместным в нашем сумеречном уединении), — то всегда приходят в голову мысли о Феях! Можно вас спросить? — робко пробормотала она. — Вы верите в Фей?

Я почувствовал сильнейший порыв рассказать ей о моих встречах в этом же самом лесу, и мне даже пришлось сделать нешуточные усилия, чтобы сдержать слова, рвущиеся наружу.

— Если под «верить» вы подразумеваете «верить в их возможное существование», то я отвечу «да». Потому что их *действительное* существование всё же нуждается в *очевидных* доказательствах.

— А раньше вы говорили, — напомнила она, — будто готовы принять *что угодно* на том только основании, если оно не является заведомо невозможным. Мне кажется, вы ещё тогда привели *Духов* как пример *доказуемого* феномена. Может, *Феи* — ещё один пример?

— Может и так. — И вновь мне стоило огромного труда подавить желание сказать больше; но я всё ещё не был уверен, что предо мной сочувствующий слушатель.

— А есть ли у вас какое-нибудь предположение насчет того, какое место они могли бы занимать в этом мире? Расскажите же мне, что вы

об этом думаете! Несут ли они, к примеру (если принять, что они всё-таки существуют), несут ли они какую-то моральную ответственность? Я хотела сказать... — тут вместо лёгкого и шутливого тона в её голосе внезапно зазвучала озабоченная серьёзность, — способны ли они на *греховные* поступки?

— Они могут рассуждать... На более низком уровне, разумеется, чем мужчины и женщины, и, как мне кажется, их умственные способности не поднимаются над способностями ребёнка; но у них, скорее всего, есть нравственное чувство. Такие существа, не обладай они *свободной волей*, были бы нелепостью. Так что вынужден заключить, что они всё-таки *способны* на греховные поступки.

— Так вы в них верите? — радостно воскликнула она и сделала произвольное движение, словно хотела захлопать в ладоши. — Так скажите же, значит есть у вас для этого основания?

А я опять боролся с собой, сиюсь сдержать признание, готовое сорваться с губ.

— Я верю в то, что *жизнь* есть повсюду, — не одна только *материальная* жизнь, не просто такая жизнь, которую можно пощупать, но также и нематериальная, невидимая. Мы же верим в наше собственное нематериальное существование — назовём это «душой», «духом» или как пожелаете. Так почему вокруг нас не должны существовать другие похожие существа, не привязанные к видимому и *материальному* телу? Не создал ли Бог вон тот рой счастливых насекомых, просто чтобы он танцевал в солнечном луче единственный блаженный часочек, и имел ли при этом Создатель иную цель, понятную нашему воображению, кроме как приумножить счастье на земле? Смеем ли мы подвести черту и заявить: «Он создал это и это, а больше ничего»?

— Да, да, — закивала она, глядя на меня искрящимися глазами. — Но это лишь причины *не отрицать*. А ведь у вас есть и более весомые причины, правда?

— Да, есть, — ответил я, поняв, что не стоит долее отпираться. — И, пожалуй, мне не найти лучшего места и часа, чтобы поведать о них. Я их *видел*, и в этом самом лесу!

Леди Мюриел слушала меня, не перебивая. Она молча шла рядом, склонив голову вперёд и крепко стиснув руки. По временам, пока длился мой рассказ, она коротко вздыхала, словно охваченное восторгом дитя. А я рассказывал о том, о чём ни словом ещё не намекнул кому-либо другому, — о моей двойной жизни и, более того (ведь моя вторая жизнь была, наверно, всего-то лишь послеобеденной дремой), о двойной жизни тех двоих прекрасных детей.

И когда я рассказывал ей о скакании, которым Бруно обычно выражал свою радость, она весело смеялась, и когда я говорил о Сильвиной доброте, о её не знающей предела бескорыстной и доверчивой любви, она глубоко вздохнула словно человек, услышавший какие-то драгоценные известия, по которым долгое время изнывало его сердце, и в глазах её засверкали счастливые слёзы.

— Давно-давно я мечтаю встретить ангела, — прошептала она так тихо, что я едва расслышал. — И я счастлива, что встретила с Сильвией!¹⁹² Моё сердце прониклось к этому ребёнку в ту же минуту,

¹⁹² Миф о девочке-(девушке)-ангеле, как и миф о девочке-(девушке)-фее, красной нитью проходит сквозь всю викторианскую литературу, являясь отражением расхожих, но искренних представлений викторианцев об изначальной чистоте (первородном Благе, если вспомнить Артурово выражение) детства. Насколько сильны были такие представления, иногда делающиеся навязчивыми и даже вызывающие психоз, свидетельствуют многие страницы викторианских романов. Роман Уилки Коллинза «Отель с привидениями» начинается со сцены, в которой героиня накануне своей свадьбы, вызвавшей всеобщее осуждение и на самом деле предшествующей преступлению, обращается к модному лондонскому психиатру доктору Уилброу с просьбой немедленно обследовать её и ответить на вопрос, не сошла ли она с ума, поскольку в бывшей, отвергнутой, невесте своего жениха она видит ангела (злого). Другая викторианская героиня, Лили Мордонт из

как я её увидела. Слушайте! — запнулась она. — Это Сильвия поёт! Я уверена! Вы узнаете этот голос?

— Я не раз слышал, как поёт *Бруно*, — ответил я, — а вот Сильвиного пенья мне слышать не доводилось.

— Я слышала, но лишь *однажды*, — сказала она. — Это было в тот день, когда вы принесли тот таинственный букет цветов. Дети забежали в сад, и я увидела Эрика, который шёл той же дорожкой, и подошла к окну, чтобы он меня заметил. В эту минуту Сильвия запела под деревьями, и эту песню я никогда раньше не слыхала. Там ещё были такие слова: «Я знаю, что это Любовь, это, конечно, Любовь». Её голос звучал словно издалека, словно сон, но был не описать как прекрасен — светел словно первая улыбка ребёнка или как первый проблеск белых скал, бросившийся в глаза страннику, который вернулся домой, проведя томительные годы на чужбине¹⁹³, — голос,

последнего романа Эдуарда Бульвер-Литтона «Кенелм Чиллингви» (1873), полушутя, но и полусерьёзно объявляется жителями округи феей, которую младенцем феи подложили в колыбель взамен похищенного ими смертного ребёнка, как это вообще водится у «маленького народца». Подобно леди Мюриел, Лили Мордонт занимается благотворительностью. «Мне кажется, бедные действительно считают её феей», — замечает главному герою его приятель (книга шестая, глава X).

¹⁹³ «Белые скалы Англии», первыми встречающие стремящихся к дому странников, — постоянный мотив английской литературы по крайней мере с мильтоновских времён. Римское название Англии — Альбион — от этих белых скал. Ср. также заключительные строки Кэрролла дневника путешествия в Россию — описание конечного переезда из Кале в Дувр: «Плавание было на удивление спокойным; на безоблачном небе для вящего нашего удовольствия светила луна... на горизонте медленно разгорались огни Дувра, словно милый наш остров раскрывал свои объятия навстречу спешащим домой детям... пока то, что долгое время было просто светящейся чертой на тёмной воде... не приобрело реальности, обернувшись огнями в окнах спустившихся к берегу домов — пока зыбкая белая полоса за ними, казавшаяся поначалу

который словно заполнял всё существо слушателя покоем и высокими раздумьями. Слушайте! — вновь воскликнула она. — Это её голос, и песня та же самая!

Я не различал слов, но появилось призрачное ощущение музыки в воздухе, которая, казалось, делалась всё громче, словно подбиралась поближе к нам. Мы замерли, и в следующую минуту у нас перед глазами появились двое детишек, направляющихся прямо к нам сквозь увенчанный аркой из ветвей просвет между деревьями. Они смотрели в нашем направлении, но, скорее всего, не видели нас. Зато мне стало ясно, что в этот раз леди Мюриел тоже пришла в состояние, столь памятное *мне*, и что теперь «наваждение» овладело нами обоими, однако, хоть и видя детишек без помехи, сами мы остаёмся совершенно невидимыми *для них*.

Песня прервалась в тот самый миг, как дети появились у нас в поле зрения, однако мне на радость Бруно сразу же сказал:

— Такая хорошая песня, Сильвия! Давай споём сначала!

И Сильвия ответила:

— Отлично. Тебе начинать, помнишь?

Бруно и начал своим прелестным детским сопрано:

Чьим веленьем к птенцам снова птичка спешит,

И какое, скажи, волшебство

Будит мать, если плачет дитя и не спит,

Чтоб она покачала его?

Чей же фокус такой — стал малыш золотой,

Голубком он агукает вновь?

туманом, ползшим вдоль горизонта, не превратилась, наконец, в серых предрассветных сумерках в белые скалы милой Англии» (Академическое издание, с. 292).

Тут произошло самое чудесное из всех чудес, вереницей пронесившихся передо мной в этот удивительный год, историю которого я пишу, — я впервые услышал Сильвино пенье. Её партия оказалась совсем небольшой, всего несколько слов, и она пропела их как бы стесняясь и очень негромко, едва слышно, но *прелесть* её голоса была просто непередаваемой, и ничто в нашем мире не походило на эту песню.

Для других тут секрет, только знаю ответ,
И разгадка секрета — Любовь!

Первое воздействие на меня её голоса обернулось острой болью, пронзившей мне самое сердце. (До того только один раз в жизни мне довелось ощутить укол такой боли — тогда, когда мне *привиделась*, как я решил в тот момент, воплощённая идея совершенной красоты; это произошло на Лондонской выставке, я пробирался сквозь толпу и внезапно столкнулся лицом к лицу с ребёнком неземного очарования.) Тотчас же у меня из глаз брызнули горячие слёзы, словно моя душа захотела выплеснуться в порыве чистейшего восторга. А после на меня нахлынуло чувство благоговейного ужаса; нечто подобное должен был испытать Моисей, когда услышал слова: «Сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая»¹⁹⁴. Очертания детей сделались зыбкими и расплывчатыми, они словно превратились в светящиеся сгустки тумана; в то же время их голоса слились в полнейшей гармонии, исполняя припев:

Ибо это Любовь,
Ну конечно Любовь,
Да, я знаю, что это Любовь!

¹⁹⁴ Исход, 3:5.

Но теперь я снова видел их отчётливо. Бруно, как и прежде, пел один:

Что за голос, скажи, умиряет порыв
Раздраженья и бури страстей
И в душе умирённой рождает позыв
Руку дружбы пожать поскорей?
И откуда подчас разливается в нас
Той чарующей музыки зов?

На этот раз Сильвия подтянула смелее; слова, казалось, подхватили её и унесли от себя самой:

Вот загадка — трудна для кого-то она,
А разгадка ей будет — Любовь!

После чего ясно и сильно прозвучал припев:

Ибо это Любовь,
Ну конечно Любовь,
Да, я знаю, что это Любовь!

И опять мы услышали один лишь звонкий детский голосок Бруно:

Это поле и луг, эти краски вокруг
Изобрёл живописец какой?
И придумал при этом пятна тени и света
Разбросать по поляне лесной?

Снова зазвучал серебряный голосок, чью ангельскую сладость я едва мог выносить:

Хоть ответ невдомёк тем, кто груб и жесток,
Но звучит он в хорале миров;
Не останется глухо только чуткое ухо,
Ведь разгадка секрета — Любовь!

И тут Бруно снова к ней присоединился:

Ибо это Любовь,
Ну конечно Любовь,
Да, я знаю, что это Любовь!

— Как хорошо! — воскликнуло маленькое создание, когда дети поравнялись с нами; при этом нам пришлось отступить на шаг с тропки и мы могли бы, протянув руку, до них коснуться. Но на это мы, понятное дело, не решились.

— Незачем мешать им и пытаться задержать, — сказал я, когда брат и сестра растворились в сумраке под ветвями. — Они же нас просто не видят!

— Да и вообще незачем, — со вздохом согласилась леди Мюриел. — Хорошо бы встретить их вновь, в телесном образе. Но мне почему-то кажется, что *этого* больше не случится. Из *наших* жизней они ушли. — Она снова вздохнула, и больше ничего между нами не было сказано, пока мы не выбрались на большую дорогу невдалеке от моего дома.

— Здесь я вас и покину, — сказала она. — Хочу попасть домой засветло, а мне ещё нужно заглянуть в один домик поблизости. Спокойной ночи, друг мой! Не исчезайте так скоро — и надолго! — добавила она с любовной теплотой, которая глубоко меня тронула. — *«Так мало тех, кто дорог нам!»*¹⁹⁵

¹⁹⁵ Из стихотворения Теннисона «Преподобному Ф. Д. Морису».

— Спокойной ночи! — ответил я. — Теннисон сказал это о более достойном, чем я.

— Теннисон просто не знал, о чём говорит! — с вызовом возразила она, и на секунду в ней проявилось прежнее детское озорство. Мы расстались.

ГЛАВА XX. Винегрет и прочая Петрушка

Гостеприимство моей хозяйки было непритворно сердечным, и несмотря на то, что, обладая редкостной деликатностью, она никогда прямо не упоминала о друге, чьё присутствие рядом внесло в мою жизнь столько светлых часов, я не сомневался, что только доброжелательное сочувствие к моему нынешнему одиночеству понуждало её чутко следить за тем, чтобы меня окружал истинно домашний уют.

Одинокий вечер задался длинным и унылым, и я неподвижно сидел, наблюдая меркнувший в камине огонь и позволяя Воображению создавать на красной золе силуэты и лица из давно отыгранных сцен. Вот появилась плутовская ухмылка Бруно — мелькнула искрой и пропала, вот на её месте возникло румяное личико Сильвии, а вот — круглое и весёлое лицо Профессора, светящееся радостью. «Входите, входите, мои маленькие друзья!» Он ли это произнёс, или мне послышалось? Тут раскалённый уголёк, что на минуту принял облик доброго старичка, стал тускнеть, и слова, казалось, замерли одновременно с угасанием его блеска. Я схватил кочергу и двумя-тремя прицельными тычками оживил потухающий жар, в то время как Воображение, этот не ведающий смущения менестрель, снова затянуло волшебную балладу, столь любезную моему уху.

— Входите, входите, мои маленькие друзья! — повторил весёлый голос. — Я всех заверил, что вы обязательно придёте. Ваши комнаты вновь вас ожидают. А Император с супругой... Уж им-то мы вами

угодим! Ведь сказала же Её Величество: «Надеюсь, к началу Банкета они поспеют!» Прямо так и сказала, поверьте мне!

— Аггаг на Банкете тоже будет? — спросил Бруно. Брат и сестра с тревогой взглянули на Профессора.

— Конечно будет, конечно! — ответил Профессор и захихикал. — Это же Банкет по случаю *дня его рождения*! Вы разве забыли? Все будут пить за его здоровье — и прочее, что полагается в таких случаях. Какой же Банкет без *него*?

— Гораздо лучший, — ответил Бруно. Только сказал он это тихо-тихо, и никто, кроме Сильвии, не услышал.

Профессор снова захихикал.

— Банкет выйдет на славу, раз и *ты* пришёл, мой славный человечек! Я здорово по тебе соскучился!

— Было нам быть в пути покороче, — сказал Бруно из вежливости.

— Пожалуй, — согласился Профессор. — Впрочем, пустяки: ведь теперь вы снова коротки как положено, так что устраивайтесь без помех! — Тут он принялся перечислять развлечения, запланированные на этот вечер: — Сначала будет Лекция. На *этом* Императрица *настояла*. Она сказала, что на Банкете люди будут много есть, это их разморит, и они невнимательно выслушают Лекцию. Наверно, она права. Перед Лекцией только небольшое *восстановление живой силы* — ведь гости всё равно станут собираться загодя; заодно и сюрприз такой для Императрицы — то есть ей на удивление. Пусть даже она... скажем, не *настолько* умна, как раньше, но мы решили, что хорошо бы состряпать для неё винегретец — то есть из небольших сюрпризиков. *Затем* будет Лекция...

— Та самая Лекция, к которой вы ещё тогда, давно, всё готовились? — спросила Сильвия.

— Та самая, — нехотя подтвердил Профессор. — На её подготовку ушла уйма времени. А у меня ведь ещё много других

важных дел. К примеру, я Придворный Врач. Обязан следить за здоровьем всех Королевских Слуг... Вот что! — воскликнул он и торопливо позвонил в звонок. — Сегодня не худой день для Приёма Лекарств! Раз в неделю мы обязательно даём слугам Лекарства.

— А если будет *худой* день? — спросила Сильвия.

— Ничего себе — худой как тень! — вскричал Профессор. — Таких сразу увольняют! Если мы станем лечить худых как тень, никаких лекарств не напасёшься! Вот Лекарство на сегодня, — продолжал он, беря с полки здоровенный кувшин. — Я лично составил его утром, первым же делом. — Тут он протянул кувшин Бруно. — Обмокни пальчик и попробуй на вкус!

Бруно подчинился, но, лизнув палец, так скорчил лицо, что Сильвия испуганно воскликнула:

— Что с тобой, Бруно?

— Такая гадость! — ответил он, когда его лицу вернулось обычное выражение.

— Гадость? — переспросил Профессор. — А *ты* как думал? Во что превратится Лекарство, если перестанет быть *гадостью*?

— Во вкусность, — сказал Бруно.

— Я хотел сказать... — пробормотал Профессор, сбитый с толку быстрым ответом мальчика, — такого не бывает! Лекарство *обязано* быть гадостью, понимаешь? Будь любезен, снеси этот кувшин в Людскую, — обратился он к лакею, появившемуся на звонок, — и скажи, что его нужно принять кому следует.

— А кому следует его принять? — спросил лакей, взяв кувшин.

— Ох, а вот этого я ещё и не выяснил! — смущённо пробормотал Профессор. — В общем, скоро сам приду и разберусь. Без меня пусть не начинают! Но это и впрямь *чудо*, — обратился он к детишкам, — каких успехов я добился в лечении Болезней! Тут у меня кое-что записано для памяти. — Он достал с полки кипу листов бумаги, сколотых вместе по два и по три. — Вот взгляните на *эту* подшивочку. «Младший Повар

Номер Тринадцать вылечился от обычной лихорадки — *Febris Communis*». Так, посмотрим, что к нему подколото. «Дал Младшему Повару Номер Тринадцать двойную дозу Лекарства». Есть чем гордиться, как по-вашему?

— Но что за чем *следовало*? — спросила Сильвия с весьма озадаченным видом.

Профессор внимательно просмотрел свои бумажки.

— Оказывается, на них не поставлены *даты*, — удручённо признался он, — так что, боюсь, не смогу вам сказать. А ведь было *и то и другое*, на этот счёт нет никаких сомнений. *Лекарство*, видите ли, великая вещь. Вот *Болезни* — это уже не столь существенно. *Лекарство* можно хранить целые годы, но никому ещё не захотелось столько хранить свою *Болезнь*! Кстати, пойдёмте-ка поглядим на нашу эстраду. Садовник просил меня взглянуть перед началом, всё ли меня в ней устраивает. Так что мы можем сходить сейчас, пока не стемнело.

— Давайте сходим посмотреть Устраду! — обрадовался Бруно.

— Тогда надевай шляпку, Бруно, — ответила сестра. — Чего копаешься? Не заставляй дорогого Профессора тебя ждать!

— Не могу её найти! — печально ответил братец. — Я её катал туда-сюда, и она куда-то закатилась!

— Может быть, *туда*? — сказала Сильвия, указав на тёмный чулан, дверь которого была слегка приоткрыта. Бруно побежал к чулану и скрылся в темноте. Спустя минуту он вышел оттуда с удручённым видом и осторожно прикрыл за собой дверь.

— Её там нет, — сказал он с такой необыкновенной скорбью, что Сильвия удивилась и забеспокоилась.

— А *что* тогда там, Бруно?

— Там паутина и два паука... — задумчиво произнёс Бруно, перечисляя по пальцам, — обложка от альбома, черепаха, блюдо с орехами, старичок какой-то...

— Старичок! — воскликнул Профессор и сразу же сам бросился к чулану. — Это, должно быть, Другой Профессор — он уже давным-давно потерялся!

Профессор распахнул дверь чулана, и точно — нашим взорам предстал Другой Профессор, сидящий на стуле с книгой на коленях и занятый тем, что закусывал орехами с блюда, которое ему, по счастью, удалось снять, дотянувшись до ближайшей полки. Он оглядел всех нас, но пока не раскусил очередной орех и не съел ядрышка, ни слова нам не сказал. Затем он задал свой обычный вопрос:

— К Лекции всё готово?

— Начнётся через час, — ответил Профессор, уклоняясь от прямого ответа. — Но сперва нужно подыскать того-сего Императрице на удивление. А после будет Банкет...

— Банкет! — вскричал Другой Профессор, вскакивая со стула, отчего комнату заволокло облаком пыли. — Тогда я лучше пойду и... и причешусь. В каком я только виде!

— Он, скорее, нуждается в щётке! — сказал Профессор, критически оглядев коллегу. — А вот и твоя шляпа, мой маленький друг! Это я надел её по ошибке. Я совершенно забыл, что на мне уже надета одна. Так пойдёмте посмотрим эстраду.

— А там опять поёт этот милый Садовник! — радостно воскликнул Бруно, когда мы оказались в саду. — Хотите, угадаю: он поёт ту самую песню, которая всё тянется и тянется!

— Именно, всё тянется! — подтвердил Профессор. — Это, знаете ли, не такое дело, от которого легко отделаться!

— А от какого дела легко отделаться? — спросил Бруно, но Профессор счёл, что полезнее не отвечать.

— Что это вы делаете с ёжиком, любезный? — обратился он к Садовнику, который, как это и раньше с ним бывало, стоял на одной ноге и бубнил себе под нос свою песенку. Другой ногой он катал туда-сюда свернувшегося клубком ежа.

— Интересуюсь знать, что едят ежи, вот и попридержал здесь ежика от обеда. Может, он картошку ест.

— Лучше бы вы попридержали картошки от обеда, — сказал Профессор. — Вот бы и посмотрели, ест ли её ваш ежик.

— А что! И верно! — восхищённо воскликнул Садовник. — А вы на эстраду пришли взглянуть?

— Ага, ага! — радостно закивал Профессор. — И детишки вернулись, видите?

Садовник взглянул на них и ухмыльнулся. Затем он встал на обе ноги и повёл нас к Павильону, на ходу напевая:

Он присмотрелся — нет, Пример

На Правило Троих.

Сказал он: «Никогда задач

Я не решал таких!»

— Этот куплет вы уже спели один раз пару месяцев назад, — сказал Профессор. — Продолжение у вашей песни есть?

— Только один последний куплет, — печально ответил Садовник. И пока он его для нас пел, по его щекам катились слёзы.

Он думал, это довод «за»,

Что он Персидский шах.

Он присмотрелся — нет, седло

Повисло на вожжах.

Сказал он: «Ишь ты, сорвалось!

Короче, дело швах!»

Поперхнувшись рыданиями, Садовник торопливо отошел от нас на пару ярдов, чтобы немного успокоиться.

— А он на самом деле видел висящее на вожжах седло? — спросила Сильвия, когда мы пошли дальше.

— А как же! — ответил Профессор. — Ведь эта песенка — подлинный рассказ о его жизни!

У Бруно всегда наготове были слёзы сочувствия к чужому горю.

— Как жаль, что он не сделался Персидским шахом! — захныкал он. — А тебе не жаль, Сильвия?

— Мне... даже не знаю, — уклончиво ответила Сильвия. — А он стал бы от этого счастливее? — спросила она Профессора.

— Вот *Персидский шах* не стал бы от этого счастливее, — ответил Профессор. — Ну, как вам нравится наша эстрада? — спросил он, когда мы вошли в Павильон.

— Я подложил под неё дополнительный брус, — сказал Садовник, любовно поглаживая край эстрады. — Теперь она такая прочная, что... что на ней может станцевать взбесившийся слон!

— Примите мою благодарность! — с чувством произнес Профессор. — Только я не знаю в точности, что нам может понадобиться, и меня это слегка беспокоит. — Он помог детишкам взобраться на эстраду, чтобы объяснить им её устройство. — Здесь, как вы видите, три сиденья для Императора, его супруги и принца Аггага. Ой! Нужно же поставить ещё два кресла! — всполошился он и объяснил Садовнику: — Одно для леди Сильвии, а другое для этого меньшого существа!

— А можно мне помогать вам на Лекции? — спросил Бруно. — Я умею показывать фокусы.

— Это, конечно, хорошо, но Лекция всё-таки не фокус, — сказал Профессор, занимаясь с какими-то диковинными на вид механизмами, стоящими на столике. — Слушатели могут задавать вопросы, и придётся отвечать...

— Я могу! — воскликнул Бруно.

— Ты сможешь ответить на их вопросы? Отвечать надо будет с умом, как по писанному!

— Я и отвечаю всегда по писанному! Всегда отвечаю, когда Сильвия пишет мне таблицу умно... — И мальчик запнулся.

Профессор несказанно удивился, хоть и попытался это скрыть.

— Это хорошо, когда таблицу пишут умно. Так, что у меня на сей счёт? — пробормотал он, раскрывая свою записную книжку. — Во-первых, какую таблицу?

— Скажи ты, Сильвия! — прошептал Бруно сестре, подёргав её за плечо.

— Сам скажи, — ответила Сильвия.

— Я не могу, — сказал Бруно. — У меня это слово корявится.

— Чепуха! — рассмеялась Сильвия. — Ты отлично сможешь его произнести, только попытайся. Давай же!

— Умно! — выпалил Бруно. — Это кусочек того слова.

— О чём он говорит? — воскликнул сбитый с толку Профессор.

— Он имеет в виду таблицу умножения, — объяснила Сильвия.

Профессор с досадой захлопнул свою книжку.

— Это совсем не то, — сказал он.

— Я всё время отвечаю совсем не то, — подтвердил Бруно. — Скажи, Сильвия!

Разговор был прерван громким гулом труб.

— Ох! *Началось!* — воскликнул Профессор и, схватив детей за руки, помчался в Дворцовую Гостиную. — Я и не знал, что уже так поздно!

Посреди Дворцовой Гостиной стоял небольшой столик с вином и печеньем, около него сидели встречавшие нас Император с Императрицей. Вся остальная мебель из Гостиной была вынесена, чтобы для гостей было больше места. Мне сразу бросилась в глаза разительная перемена, произошедшая за эти месяцы с лицами

Царственной Четы. Для *Императора* теперь обычным было отсутствующее выражение лица, в то время как по физиономии *Императрицы* то и дело пролетала бессмысленная ухмылка.

— Наконец-то! — сердито заметил Император, стоило Профессору с детишками занять свои места. Было явственно видно, что он здорово рассержен, и причину мы вскоре поняли. На его взгляд, приготовления, сделанные для Императорского приёма, не соответствовали его рангу.

— Простецкий столик из красного дерева! — рычал он, презрительно тыча в него пальцем. — Почему его не сделали из золота, позвольте спросить?

— Но на это ушло бы слишком много... — начал было Профессор, но Император оборвал его.

— А пирог! С обыкновенным изюмом! Почему его не сделали из... из... — Его Величество не дождался и перескочил на новый предмет. — А вино! Всего лишь старая Мадейра! Почему его не... А кресло! Оно вообще никуда не годится! Почему не трон? Прочие оплошности ещё можно извинить, но этого я не потерплю!

— А вот чего я не потерплю, — сказала Императрица, не желая отставать от своего свирепого муженька, — так это *стола*!

— Фу ты! — только и сказал Император.

— Это достойно сожаления, — неуверенно промямлил Профессор, как только ему удалось вставить слово. После минутного размышления он решил высказаться покрепче: — *Всё* это, — сказал он, адресуясь ко всем собравшимся, — достойно *величайшего* сожаления!

Переполненный Зал ответил дружным шёпотом: «Верно, верно!»

Наступила неловкая пауза: Профессор явно не знал, с чего начать. Императрица наклонилась вперёд и зашептала ему:

— Парочку шуток, Профессор, чтобы расшевелить публику!

— Конечно, конечно, мадам! — смиренно отозвался Профессор. — Вот этот мальчишка...

— Пожалуйста, не шутите про меня! — воскликнул Бруно. Он был готов заплакать.

— Не буду, если ты против, — ответил добросердечный Профессор. — Это было просто кое-что про маленькую моль, вот такую мольчишку, совершенно безобидный каламбур. Но не важно. — Он повернулся к слушателям и громко крикнул: — Там мышь! Побежала к вашим ногам!

Все переполошились, задвигались, чуть не прыгать стали на своих местах. Раздались истеричные вскрики.

— Шутка! — весело объявил Профессор. — Чтобы расшевелить публику.

Собравшиеся разразились хохотом, однако кое-где возмущённо зашептались.

Императрица, как обычно, с бессмысленным видом улыбнулась и принялась быстро-быстро обмахиваться веером. Бедный Профессор робко взглянул на неё; очевидно, он опять встал в тупик и рассчитывал на очередную подсказку. Императрица вновь зашептала:

— Винегрет, Профессор, из всякого — забыли? Мне на удивление.

Профессор кивком подозвал Шеф-повара и что-то тихо произнёс ему на ухо. Шеф-повар вышел, а за ним выбежали и поварята.

— Не так-то просто встряхнуть публику, — заметил Профессор, обращаясь к Бруно. — Но коль это удалось, дальше всё пройдёт как по маслу, вот увидишь.

— Ловко это у вас получилось, — восхищённо ответил Бруно. — Вам даже не пришлось совать им за шиворот по живой лягушке.

Тут поварята вновь один за другим чинно вошли, и Шеф-повар последним — он что-то нёс, в то время как его помощники, наоборот, старались скрыть несомое от наших глаз флагами, которыми неистово размахивали вокруг Шеф-повара.

— Ничего кроме флагов, Ваше Императорское Величество! Ничего, кроме флагов! — непрерывно повторял он, ставя блюдо перед

Императрицей. Тут все флаги в один миг были убраны, и Шеф-повар снял крышку с широченного блюда.

— Что это? — слабым голосом спросила Императрица, поднося к глазу подозрную трубу. — *Винегрет* какой-то, а?

— Её Императорское величество удивлены! — объявил Профессор во всеуслышание, и многие захлопали. Шеф-повар сделал низкий поклон, потом ещё один и, всё продолжая кланяться, словно случайно уронил на столик ложку, так чтобы Императрице оставалось только руку протянуть. Но та намеренно глядела в другую сторону, притворяясь, что не видит.

— Я удивлена! — сказала она Бруно. — А ты нет?

— Нисколечко, — ответил Бруно. — Вы ведь сами сказали...

Но тут Сильвия зажала ему рот рукой и закончила за него:

— Он, по-моему, очень устал. Ему хочется, чтобы поскорей начиналась Лекция.

— Мне хочется, чтобы поскорей начинался *ужин*, — поправил её Бруно.

Императрица с отсутствующим видом подняла ложку и принялась поигрывать ею. Через секунду она выронила ложку, и та свалилась прямым в блюдо, так что когда Императрица её вынимала, ложка хорошенько зачерпнула винегрета.

— Поразительно! — произнесла Императрица и отправила винегрет себе в рот. — И вкус у него как у настоящего винегрета! Я думала, это только с виду винегрет, но теперь вижу, что это в действительности он! — Тут она отправила в рот вторую ложку.

— Он недолго будет в действительности, — заметил Бруно.

Но Императрица с лихвой уже отведала винегрета, и каким-то таинственным образом — мне не удалось заметить, каким именно, — мы все перенеслись в Павильон, где Профессор приступил к долгожданной Лекции.

ГЛАВА XXI. Профессор читает Лекцию

— В Науке... вообще-то, и во многих других случаях, — обычно следует *начинать с начала*. Иногда, правда, лучше браться за дело с конца. Например, если вам нужно выкрасить собаку в зелёный цвет, может оказаться лучшим начать с *хвоста*, так как с *этой* стороны она не кусается. Итак...

— Можно *мне* вам помогать? — перебил Бруно.

— *Что* помогать? — озадаченно спросил Профессор, на секунду поднимая глаза, однако не убрав пальца со странички своей записной книжки, чтобы не потерять нужного места.

— Красить собаку! — выкрикнул Бруно. — Вы начнете с её *рота*, а я...

— Нет, нет! — торопливо ответил Профессор. — Пока ещё мы не переходим к *Экспериментам*. Итак, — вернулся он к своей записной книжке, — я преподам вам Аксиомы Науки. После этого я покажу вам некоторые Образцы. Затем объясню один или два Процесса. И в заключение проведу парочку Экспериментов. *Аксиома*, знаете ли, это такая вещь, которую принимают без возражений. Например, если я вам скажу: «Как я рад, что вижу вас!» — то вы примете это без возражения, а значит, подобные замечания отлично подходят, если нужно *начать* какой-нибудь разговор. Так что это будет *Аксиомой*. Или вот предположим, я вам скажу: «Как я рад, что не вижу вас!» — то *это* будет...

— Вранье! — подсказал Бруно.

— Ох, *Бруно*! — строго зашептала ему Сильвия. — И это будет *Аксиомой*, раз Профессор так говорит.

— ...это будет тоже молчаливо принято среди вежливых людей, — закончил Профессор, — а потому снова *оказывается* Аксиомой.

— Вы нас видите, ведь мы же ещё не играем в прятки! — возмутился Бруно и прошептал Сильвии: — А враньё всегда обзывается... то есть *отзывается* Аксиомой?

— Незнание Аксиом, — продолжал Профессор, — может обернуться очень большой помехой для жизни. Вот почему нам приходится тратить столько времени на их повторение! Возьмём, например, Аксиому «„Ничего“ — пустое место», иными словами: «Ничего не может *заполнить* самого себя». Как часто нам приходится слышать, что о ком-то сказано: «Он так разозлился, что вышел из себя». Ну и *напрасно*, для *злости* вовсе не стоило освобождать в себе места — его и так там вполне хватило бы!

— Послушайте, хочу вас спросить, — вмешался Император, беспокойно заёрзавший в своём кресле. — Сколько ещё Аксиом вы собираетесь нам преподавать? При *таких* темпах мы и за неделю не доберёмся до Экспериментов.

— О нет, доберёмся *гораздо* раньше, уверяю вас! — ответил Профессор, в тревоге отрываясь от своих записей. — Осталось... — тут он снова заглянул в записную книжку, — осталось всего две, и обе совершенно *необходимы*!

— Так прочтите их, и перейдём к Образцам, — проворчал Император.

— Первая Аксиома, — торопливо повиновался Профессор, — заключается в таких словах: «*Что есть, то есть*». А вторая — в таких: «*Чего нет, того нет*». Переходим к Образцам. На первом подносе помещены Кристаллы и другие Предметы. — Он пододвинул к себе поднос и вновь уткнулся в записи. — Некоторые бирки... из-за слабого прилипания... — Тут он вновь прервался и внимательно изучил страницу через монокль. — Не могу прочесть конец предложения, — признался он наконец. — Но *смысл* таков, что бирки поотваливались и все Предметы перемешались...

— Давайте я снова наклею! — нетерпеливо воскликнул Бруно и принялся облизывать бумажки с надписями, словно это были почтовые марки, а затем шлепком прикладывать их к Кристаллам и прочему. Но Профессор спешно отодвинул поднос подальше от ручек Бруно.

— Ты можешь приклеить *не те* бирки на мои Образцы! — сказал он.

— Тогда почему у вас *не те* бирки? — возмутился Бруно.

Сильвия крепко дёрнула его за руку.

Но Профессор уже не обращал на них внимания. Он взял одну из бутылочек и внимательно прочитал надпись через монокль.

— Наш первый Образец... — объявил он, выставляя бутылочку впереди остальных Предметов, — это... то есть он называется... — Профессор снова взял бутылочку и перечёл надпись, словно боялся — а вдруг она изменилась? — Он называется Аква Пура — обыкновенная вода, жидкость, которая веселит...

— Гип, гип, гип!.. — энергично начал Шеф-повар.

— ...но *не* опьяняет! — быстренько добавил Профессор, едва-едва успев пресечь «Ура!», которым Шеф-повар собирался завершить своё восклицание.

— Наш второй Образец, — продолжал Профессор, осторожно беря маленькую баночку, — есть... — он снял крышку, и оттуда сразу вылетел огромный жук, с гневным жужжанием устремившись прочь из Павильона, — есть... или, теперь я должен сказать, — печально добавил он, заглянув в опустевшую баночку, — *был* любопытным видом Голубого Жука. Кто-нибудь успел заметить у него под каждым из крылышек по три голубых точки?

Никто их не заметил.

— Ну ладно! — с вздохом произнёс Профессор. — Жаль, конечно. Если не удаётся заметить такие вещи *в ту же секунду*, то о них запросто можно вообще не узнать. Следующий Образец от нас не улетит! Вкратце, или, точнее, во всей своей *протяжности*, это Слон! —

Тут он поманил пальцем Садовника, приглашая его к себе на эстраду, и как только тот подчинился, они вдвоём принялись составлять вместе нечто, напоминающее огромную собачью конуру с короткими трубками, торчащими из неё со всех сторон.

— Видали мы Слонов! — прорычал Император.

— Да, но в не *Мегалоскоп*! — горячо заверил Профессор. — Сейчас объясню. Нельзя увидеть *Блоху* без *увеличительного* стекла — мы называем его *Микроскопом*. И в то же время мы не можем как следует рассмотреть *Слона* без *уменьшительного* стекла. Таковые встроены в каждую из этих маленьких трубок. А всё это вместе — *Мегалоскоп*! Сейчас Садовник приведёт наш следующий Образец. Будьте добры, раздвиньте обе половинки занавеса и впустите Слона!

Среди зрителей произошло всеобщее движение, и все глаза устремились в дальний конец Павильона, ожидая возвращения Садовника, который удалился с пенъем: «Он думал, это просто Слон дудит в свою Трубу!..» Минуту стояла тишина, а затем в отдаленье вновь послышался его резкий голос: «Он присмотрелся — нет, жена... Куда! Нет, жена долдонит: “Бу-бу-бу!” Сюда давай! Идём, идём!»

Тут в Павильон вступил или ввалился — трудно сказать, какое выражение больше подходит, — Слон, шагающий на задних ногах. Передними ногами он держал огромную трубу, на ходу трубя в неё.

Профессор торопливо распахнул широкую дверцу в задней стенке Мегалоскопа, и по знаку Садовника огромное животное бросило свою трубу и покорно поплелось в аппарат, дверца которого была тотчас же заперта за ним Профессором.

— Образец готов для обозрения! — объявил Профессор. — Теперь его размеры не больше чем у обычной Мыши — *Mus Communis*!

Все устремились к зрительным трубам, и те, кто успел в них взглянуть, не могли наохаться на миниатюрное животное, которое вначале игриво обхватило хоботом просунутый внутрь палец Профессора, а под конец устроилось у него на ладони, которую тот

осторожно вынул из аппарата и поднёс для обозрения Императорскому семейству.

— Какой *миленький*! — воскликнул Бруно. — Можно его погладить? Я тихонько!

Императрица с напыщенным видом обзревала Слона в лорнет.

— Скорее, *маленький*, а? — низким голосом произнесла она. — Меньше, чем обычно бывают слоны, правда?

Профессор и сам, казалось, радостно изумился.

— А и *верно*! — пробормотал он. Затем громко добавил, обращаясь к аудитории: — Её Императорское Величество высказали здравую мысль!

Все собравшиеся разразились неистовыми рукоплесканиями.

— Следующий Образец, — объявил Профессор, осторожно поставив малютку-слона на поднос среди своих Кристаллов и прочего, — это *Блоха*, которую мы увеличим для всеобщего обозрения. — И взяв с подноса маленькую коробочку для пилюль, он подошёл к Мегалоскопу и повтыкал все зрительные трубы другим концом. — Образец готов! — воскликнул он, взглянув одним глазом в ближайшую трубу и одновременно осторожно помещая коробочку внутрь через отверстие в боковой стенке. — У неё теперь размеры, как у Лошади Обыкновенной — *Equus Communis*!¹⁹⁶

Снова всеобщее движение с целью добраться до зрительных труб — и Павильон наполнился криками восторга, среди которых совершенно потонул встревоженный голос Профессора:

— Осторожно с дверцей! Если это животное сбежит, то с *такими размерами*...

¹⁹⁶ Имеем сложносоставную, опять непереводимую игру слов. Выражения «обыкновенная мышь», «обыкновенная лошадь» («Common Mouse», «Common Horse») вместе созвучны «Common House» — «палате общин» английского парламента.

Но произошла трагическая случайность. Дверца оказалась распахнутой, и в следующую секунду Страшилище выскочило из Микроскопа и посбивало с ног перепуганных и вопящих зрителей.

Но Профессор не потерял присутствия духа.

— Сдвиньте тот занавес! — крикнул он.

Команда была исполнена. Страшилище подобрало свои ноги и одним ужасным скачком исчезло в небе.

— Где оно? — спросил Император, протирая глаза.

— Полагаю, в соседней Провинции, — ответил Профессор. — Такой прыжок унесёт ее *по меньшей мере* за пять миль! Теперь мы займёмся объяснением парочки Процессов. Но я вижу, что здесь едва ли хватит места, чтобы развернуться... этот маленький детёныш у меня на пути...

— О ком это он? — прошептал Бруно Сильвии.

— О *тебе!* — прошептала Сильвия в ответ. — Тише!

— Поди-ка, пожалуйста, вон в тот угол, — попросил Профессор мальчика. Бруно обиженно подчинился.

Профессор что-то читал по записной книжке.

— Сначала я объясню вам Процесс... Название, к сожалению, заляпано кляксой. Проиллюстрируем его рядом... — Некоторое время он изучал страницу, но Бруно не дремал.

— Рядом со мной, пожалуйста! — выкрикнул он из своего угла.

— То ли рядом Экспериментов, то ли рядом Образцов, не пойму... — произнёс Профессор.

— Пусть будут Эксперименты, — сказал Император. — Образцы мы уже видели.

— Конечно, конечно! — закивал Профессор. — Проведем пару Экспериментов.

— Можно я их сам сюда *проведу?* — торопливо спросил Бруно.

— Ох, милый мой, не надо! — испуганно ответил Профессор. — Я совершенно не представляю, что *выйдет*, если за дело возьмёшься *ты*!

— Разве вы не помните, какие звери ждут у вас выхода за занавесом? — удивился Бруно.

— Для нашего Первого Эксперимента нам потребуется вот эта Машина. У неё есть две круглые ручки — всего две, можете посчитать, кто хочет.

Шеф-повар вышел вперёд, посчитал и, довольный, вернулся на своё место.

— Теперь вы можете сдвинуть эти две ручки вместе, только делать этого не следует. Ещё вы можете перевернуть Машину вверх ногами, но и этого делать не следует.

— А что делать *следует*? — спросил Бруно, слушавший очень внимательно.

Профессор милостиво улыбнулся.

— Ах да! — произнёс он с таким выражением, словно отыскал название главы. — Подготовка к работе и запуск! Позволь-ка! — Он подхватил Бруно под мышки и вознёс его на свой столик. — Разделим этот предмет всеобщего интереса на три отдельные части...

— Я лучше отсюда слезу, — пролепетал Бруно. — Мне не хочется, чтобы меня делили на части.

— Да у него даже ножа нет, глупый мальчишка! — зашептала ему Сильвия. — Стой тихо! Ещё разобьёшь что-нибудь!

— Пункт первый — взяться за ручки. — Профессор положил на них ладошки Бруно. — Пункт второй... — Тут он нажал какую-то кнопку, и с криком «Ой!» Бруно отдернул руки и принялся отчаянно тереть свои локти.

Профессор довольно захихикал.

— Чувствительный эффект, правда? Я настроил на щадящий режим.

— Вовсе она не режет! — с негодованием ответил Бруно. — Укусило за локти, хлопнуло по спине, дёрнуло за волосы и звякнуло в груди.

— Бруно, не сочиняй! — сказала Сильвия.

— Ты вообще не можешь знать! Ты ничего не видела! — возмутился Бруно.

— Наш Второй Эксперимент, — объявил Профессор, когда Бруно вернулся на место, всё ещё ожесточённо потирая локти, — состоит в получении такого редко-наблюдаемого-но-высокоценного явления, как *Чёрный Свет*! Все вы видели Белый Свет, Красный Свет, Зелёный Свет и тому подобное, но никогда ещё вплоть до этого чудесного дня глаза ни одного живого существа, кроме моих, не наблюдали Черного Света! Вот эта коробка, — сообщил он, осторожно поставив её на стол перед собой и набрасывая сверху кучу покрывал, — вся наполнена этим Светом. А получил я его вот как. Я поставил зажжённую свечу в тёмный шкаф и закрыл его дверцы. Весь шкаф осветился чем? *Жёлтым* Светом, конечно. Тогда я взял бутылочку Чёрных Чернил и полил ими сверху на свечу. К моей огромной радости, каждый атом Желтого Света оказался выкрашен в *чёрное*! Это был величайший день в моей жизни! Тогда-то я и наполнил им эту коробку. Кто желает подойти и заглянуть под покрывала?

Последовала мёртвая тишина, и наконец Бруно сказал:

— Я загляну под них, если в локти не будет колоться!

Успокоенный на сей счёт, Бруно подошёл и засунул голову под покрывала. Спустя пару минут его голова высунулась, вся разгорячённая и чумазая, с дико всклокоченными волосами.

— Что ты там увидел, в этой коробке? — нетерпеливо спросила Сильвия.

— *Ничего*! — обиженно выпалил Бруно. — Там слишком темно.

— Его описание увиденного совершенно точно! — увлечённо воскликнул Профессор. — *Чёрный Свет* так сильно похож на *Ничего* —

на первый взгляд, разумеется, — что я совершенно не удивляюсь, что этот мальчик не отличил одно от другого! Переходим к Третьему Эксперименту!

Профессор спустился с эстрады и направился к какой-то тумбе, крепко врытой в землю. С одной стороны к тумбе была прикреплена цепь с железным грузилом, а с другой стороны торчал обрезок китового уса с кольцом на конце.

— Это будет наш самый интересный Эксперимент! — объявил Профессор. — Он, правда, потребует *времени*, но это пустяковое неудобство. Посмотрите сюда. Если я отцеплю этот грузик и выпущу его из рук, он упадёт на землю. С *этим* все согласны?

Все были согласны.

— Точно так же, если я перегну этот китовый ус через тумбу... вот так... и зацеплю кольцом за крюк на цепи, то он останется согнутым, а если я отцеплю, он сам собой распрямится. А с *этим* все согласны?

И с этим все были согласны.

— Теперь давайте вообразим, что, сцепив кольцо китового уса с крюком на цепи, мы так всё и оставили на очень долгое время. Сила *китового уса*, как вы понимаете, истощится, и он останется согнутым, даже если мы его отцепим. Тогда почему с *грузом* не может произойти то же самое? *Китовый ус* привыкнет находиться в согнутом состоянии и больше не сможет *распрямиться*. Почему бы *грузу* не привыкнуть находиться в подвешенном состоянии и больше никогда не *падать*? Вот что я хотел бы знать.

— Вот что *мы* хотели бы знать, — эхом откликнулись слушатели.

— И долго нам ждать? — проворчал Император.

Профессор взглянул на свои часы.

— Полагаю, тысяча лет сойдёт для *начала*. По прошествии этого срока мы осторожненько отцепим груз, и, если у него всё ещё будет (скорее всего!) *небольшая* тенденция к паданию, мы снова подвесим его на крюк и подождём *другую* тысячу лет.

Тут Императрица выказала одну из тех вспышек Здравого Смысла, которые обычно крепко поражали тех, кто становился их свидетелем.

— А тем временем можно провести ещё какой-нибудь Эксперимент.

— А и *верно!* — воскликнул Профессор с энтузиазмом. — Позвольте вернуться на эстраду и приступить к *Четвёртому* Эксперименту! Для этого заключительного Эксперимента мне понадобится Щёлочь... или Кислота — забыл, что именно. Вы увидите, что произойдёт, когда я смешаю её с... — Он взял одну бутылочку и с сомнением стал её разглядывать. — Когда я смешаю её с... кое с чем.

Император снова вмешался.

— Как называется это «что-то»?

— *Названия* я не помню, — признался Профессор, — и бирка потерялась. — Он торопливо принялся переливать содержимое в другую бутылочку, и тут обе бутылки с ужасающим грохотом разлетелись на куски, усыпав осколками стекла все аппараты и заполнив Павильон густым чёрным дымом. Я в ужасе вскочил на ноги и... и увидел, что стою один-единёшенек у погасшего камина, а разбудила меня выскользнувшая в конце концов из моей руки кочерга, которая задребезжала, ударившись о щипцы и совок, и вдобавок перевернула висевший над очагом чайник, отчего комната наполнилась клубами пара. Я устало вздохнул и потащился в спальню.

ГЛАВА XXII. Банкет

*«Вечером водворяется плач, а наутро радость»*¹⁹⁷. Утром я проснулся в совершенно другом настроении. Воспоминания о друге, которого я потерял, были яркими и светлыми, как это ласковое утро, улыбающееся мне в окно. Я не решился побеспокоить леди Мюриел и её

¹⁹⁷ Псалтырь 29:6 по греческому и славянскому счёту.

отца чересчур скорым повторением визита; вместо этого я отправился прогуляться по окрестностям и повернул к дому лишь тогда, когда опустившееся почти до земли солнце напомнило мне, что день вот-вот закончится.

У самой дороги стоял каменный, крытый соломой домишко того старика, при виде которого я всегда вспоминал день нашей первой встречи с леди Мюриел, и, проходя сейчас мимо, я глядел во все глаза, стремясь знать, всё ли он там живёт.

Старик был тут как тут — сидел на крылечке; он ничуть не изменился с той поры, как я впервые увидел его на железнодорожном узле Фейфилд. Мною овладело чувство, что это случилось лишь пару дней назад!

— Добрый вечер! — сказал я, останавливаясь у крыльца.

— Добрый вечер, судырь! — приветливо отозвался старик. — Не стойте, заходите!

Я взошёл на крыльцо и сел на лавку.

— Признаться, рад найти в вас столько радушия, — начал я. — Помню, что в прошлый раз, когда я проходил мимо, от вас вышла леди Мюриел. Она и теперь вас посещает?

— Да, заходит и теперь, — неспешно ответил он. — Не забывает меня, нет. Не бывает того, чтобы я долго её не видел. Хорошо помню тот день, когда она пришла ко мне в первый раз. Мы ещё тогда встретились с ней на станции. Она сказала, что пришла возместить мне. Милая девочка! Только подумайте! Возместить!

— Что возместить? — спросил я. — Что она намеревалась сделать?

— Да ничего вовсе. Это когда мы в тот день вместе ждали на станции поезда. Я ещё сидел тогда на скамье. Станционный Смотритель велел мне освободить место для её Сиятельства, вот как было.

— Я всё это помню, — сказал я. — Я тоже там был в тот день.

— Так и *вы* там были? И это она, оказывается, пришла просить извинения. Только подумать! Пришла *ко мне* с извинениями! Ну надо же! И с той поры она часто ко мне заходит. И вчера тоже — пришла, посидела, там, где вы сейчас. Выглядела милее ангелочка, да такая добрая! Она говорит мне, у вас ведь нет теперь вашей Минни, говорит, развлекать вас некому. Минни — это у меня внучка такая была, судырь, жила вместе со мной. Она уж два месяца будет как умерла, а может и все три. Такая славная была девчушка, и добрая, и пригожая! Эх, настало моё одиночество!

Старик закрыл лицо ладонями, и мне пришлось молча дожидаться, когда он справится с горем.

— Так она, значит, и говорит, пусть, значит, я у вас буду вместо вашей Минни. Ваша Минни готовила для вас чай? — говорит. Готовила, отвечаю. И она заварила мне, значит, чаю. Ваша Минни, говорит, разжигала вам трубку? Разжигала, говорю. И она, значит, разожгла мне трубку. Ваша Минни приносила вам чай на веранду? А я и говорю, ах ты моя милая, ты теперь ну точь-в-точь моя Минни! Тут она малость и поплачь. Да мы и вместе поплакали.

Вновь на минуту повисло молчание.

— А когда я курил трубку, она сидела, вон где вы сейчас, и всё рассказывала мне, да так забавно, так забавно! Ну словно это Минни вновь ко мне вышла. А когда она собралась, значит, уходить, я и говорю, пожмём, значит, друг другу руки. Нет, говорит она, как же мне *жать вам руку?*

— Мне очень жаль, что она *так* сказала, — проговорил я, удивлённо подумав, что это первый случай, когда в леди Мюриел проснулось классовое высокомерие.

— Да нет, это она не от *гордости!* — ответил старик, словно бы угадав мои мысли. — Она сказала, *ваша* Минни же никогда *не* подавала *руки* вам на прощанье! А я, говорит, теперь ваша Минни. И она обняла меня, старого, своими миленькими ручками и поцеловала в

щёку — благослови её Бог! — Тут голос старика сорвался, и он не смог больше говорить.

— Благослови её Бог! — повторил я. — Доброй вам ночи! — Я пожал ему руку и пошёл своей дорогой. «Леди Мюриел, — сказал я себе, приближаясь к дому, — вот кто знает, как „возмещать“!»

Вновь одиноко устроившись у камина, я напряг память, желая воскресить чудесные виденья вчерашнего вечера и высмотреть среди пылающих угольев милое лицо старого Профессора. «Вон тот чёрный уголёк, едва тронутый жаром, вполне сошёл бы за него, — решил я. — После той катастрофы его лицо непременно должно быть чумазым...» Профессор тут же произнёс:

— Результатом *этой* комбинации... как вы заметили... был *Взрыв!* Нужно мне повторить этот Эксперимент?

— Не нужно, не нужно! Не утруждайте себя! — слышалось со всех сторон. И тут вся толпа, отчаянно торопясь, устремила в Пиршественный Зал, где гости сразу же начали рассаживаться за накрытым столом.

Слуги времени даром не теряли, и очень скоро перед каждым из гостей стояла тарелка, полная всякой всячины.

— Я всегда придерживался принципа, — произнёс Профессор, — что это очень хорошее правило — перехватить того-сего, как только представится случай. Главное преимущество званых обедов... — Но тут он внезапно умолк. — Ой, да ведь это же Другой Профессор! — воскликнул он. — А места для него не осталось!

Другой Профессор входил в эту минуту в зал, на ходу читая огромную книгу, которую держал у самых глаз. Последствия были печальны: не глядя себе под ноги, он споткнулся, полетел вперёд и грузно рухнул носом вниз посреди стола.

— Ах, какая жалость! — воскликнул сердобольный Профессор и бросился помочь ему подняться.

— Я не я буду, если не споткнусь, — сказал Другой Профессор.

Профессор испуганно взглянул на него.

— Что угодно, только не *это*! — воскликнул он. — Ведь такого, — добавил он специально для Бруно, — ещё ни разу не случилось, верно?

Но Бруно хмуро ответил ему:

— Мне ничего не положили на тарелку.

Профессор торопливо нацепил свои очки — хотел сперва лично убедиться, что подобное заявление поддержано *фактами*; затем он обратил своё круглое весёлое лицо к несчастному обладателю пустой тарелки.

— А чего бы тебе сейчас хотелось, малыш?

— Ну... — (Бруно не был вполне уверен.) — Наверно, немного пудинга с изюмом... пока я о нём думаю.

— Ох, Бруно! — (Это Сильвия зашептала ему с другой стороны.) — Неприлично спрашивать блюдо, которое ещё не подано на стол.

Бруно прошептал в ответ:

— Но когда до него дойдут, я ведь могу забыть попросить кусочек! Ты сама говоришь, что я вечно всё забываю, — добавил он, видя что Сильвия собирается прошептать что-то ещё.

Такое заявление Сильвия не решилась оспаривать.

Тем временем между Императрицей и Сильвией втиснули ещё один стул для Другого Профессора. Сильвии он показался совсем неинтересным соседом: впоследствии она смогла припомнить только одно его обращение к ней за всё время Банкета, и оно было вот таким: «Как, однако, удобен бывает Словарь!»¹⁹⁸ (Она рассказала потом Бруно,

¹⁹⁸ Ср. замечание Нассима Николаса Талеба в его социологическом исследовании «Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости» (М.: Колибри; Азбука-Аттикус, 2015. С. 498): «Я только что взглянул на стол в моём... кабинете. Ноутбук опирается на книгу, так как мне нравится, когда клавиатура немного наклонена. Книгу эту — французскую биографию пылкой Луизы Андреас-Саломе (подруги Ницше и Фрейда) — я уж точно

что очень его боялась, поэтому пискнула только «Да, сударь!» в ответ; на том их разговор и закончился. А Бруно высказал своё решительное мнение, что разговором это никак нельзя назвать. «Ты бы ему загадку задала, — подсказал он. — Вот я загадал Профессору целых *три* загадки! Первая та, которую ты мне утром загадывала: сколько пенни в двух шиллингах. Вторая...» — «Ох, Бруно! — перебила Сильвия. — Это же совсем не загадка!» — «*Совсем* загадка!» — не согласился Бруно.)

В этот миг лакей положил Бруно на тарелку кое-что вкусненькое, и тот выкинул из головы пудинг с изюмом.

— Второе преимущество званых обедов, — весело продолжал объяснять Профессор всем, кому это было интересно, — состоит в том, что благодаря ему вы можете увидеться с друзьями. Если желаете *увидеть* человека, то предложите ему кушать. То же правило — и в случае с мышью.

— Этот Кот всегда такой добрый с Мышами, — сказал Бруно, а потом наклонился и погладил необычайно толстого представителя упомянутого вида, который только что приковылял к пирующим и теперь жеманно тёрся о ножку его стула. — Налей ему, Сильвия, молока в своё блюдце. Кису всегда мучает жажда!

читать не собираюсь: она была выбрана мною за толщину — оптимальную для данной задачи. Волей-неволей убедишься в нелепости иллюзии, будто книги предназначены исключительно для чтения и их могут заменить компьютерные файлы. Только подумайте, какой функциональной избыточностью обладает книга! Вам не удастся поразить соседей электронными файлами, и вашего самолюбия электронные файлы также не потешут. Похоже, у предметов есть неявные, но важные дополнительные функции, которые не фиксируются нашим сознанием, однако позволяют им прекрасно существовать — а иногда, как в случае с художественными коллекционными изданиями, вторичная функция даже становится основной».

— Почему это в *моё* блюдец? — спросила Сильвия. — Может быть, в твоё?

— В *моё* мы нальём ему добавки, — сказал Бруно.

Сильвию такой ответ явно не устроил, но она, вероятно, никогда не умела отказывать брату в просьбе, поэтому налила в своё блюдо молока и пододвинула его к Бруно, который соскочил со стула и поставил блюдо на пол перед котом.

— Слишком много народу; в комнате душно, — сказал Профессор Сильвии. — Удивляюсь, почему они не положат в камин парочку добрых кусков льда? Взять, к примеру, зиму: в камин кладут куски угля, вы рассаживаетесь вокруг и наслаждаетесь теплом. Как приятно было бы положить сейчас туда куски льда, сесть вокруг и наслаждаться прохладой.

Сильвия слегка поёжилась от такой мысли, хотя ей тоже было жарко.

— Но *снаружи* очень холодно, — сказала она. — У меня сегодня ноги замёрзли.

— Это по вине *сапожника*! — весело отозвался Профессор. — Сколько раз объяснял ему, чтобы, когда шьёт обувь, приделывал под подошву железный ящичек для лампы накаливания! Сам он о таком и не думает. А ведь люди не страдали бы от холода, если бы сапожники думали о таких маленьких удобствах. Вот я, чтобы пальцы не мёрзли, всегда пользуюсь зимой подогретыми чернилами. До *такого* не всякий додумается! А ведь это так просто!

— Да, это очень просто, — подтвердила Сильвия из вежливости. — Ну что, твоему коту уже достаточно? — Это она спросила у Бруно, который вернул ей блюдо, выпитое только наполовину.

Но Бруно не слышал вопроса.

— Там кто-то скребётся в дверь — наверно хочет, чтобы его впустили, — сказал он, снова вскочил со стула, подбежал к дверям и осторожно выглянул.

— Так кто там хочет войти? — спросила Сильвия, когда он вернулся на место.

— Одна Мышка, — ответил Бруно. — Она заглянула сюда и увидела Кота. Тогда она сказала: «Приду в другой раз». Я ей говорю: «Не бойся, этот Кот всегда добрый с Мышами». А она отвечает: «Ах нет, у меня ещё остались срочные дела». И добавила: «Загляну к вам завтра». Попросила передать Коту привет.

— Этот Кот сейчас так разжирел, правда? — сказал Лорд-Канцлер, перегибаясь через Профессора, чтобы обратиться к его маленькому соседу. — Просто ужас!

— Он уже был жирным, когда вошёл, — ответил Бруно. — Если бы он сейчас похудел, вот это был бы ужас.

— Уж не оттого ли, — продолжал Лорд-Канцлер, — ты не даёшь ему остаток молока?

— Не-е, — ответил Бруно. — Причина поважнее. Когда я дал ему блюдце, он рассердился.

— Разве? — удивился Лорд-Канцлер. — С чего ты взял?

— У него в горле было такое ворчание.

— Ох, Бруно! — вмешалась Сильвия. — Ведь этим Коты показывают, что они *довольны*!

Бруно с сомнением на неё поглядел.

— *Так* этого не показывают, — возразил он. — Если бы у меня из горла раздался такой звук, ты бы не сказала, что я доволен.

— Мальчишка единственный в своём роде! — пробубнил Лорд-Канцлер себе под нос, но Бруно услышал.

— Что значит «единственный в своём роде»? — шёпотом спросил он Сильвию.

— Наверно, это просто значит «один», — прошептала Сильвия в ответ. — Есть ещё понятие «множественный», означающее два или три.

— Тогда это очень хорошо, что я единственный, — глубокомысленно произнёс Бруно. — Это *ужасно*, когда тебя сразу два или три. А вдруг те другие мальчишки не захотят со мной играть?

— Очень может быть, — отозвался Другой Профессор, внезапно очнувшись от своих постоянных размышлений. — Если они уже все легли да заснули.

— Не смогут, пока я сам не лягу да не засну, — с хитринкой ответил Бруно.

— Ещё как смогут, — возразил Другой Профессор. — Когда это мальчишки засыпали одновременно? Так что они, брат... Но о ком это ты говоришь?

— Он *всегда* опаздывает с таким вопросом, — прошептал детям Профессор.

— Об остальных *меня*, о ком же ещё! — с ликованием объявил Бруно. — Если бы я состоял из двух или трёх.

Другой Профессор только вздохнул и собирался уже вновь погрузиться в свои размышления, но внезапно просиял и обратился к Профессору:

— А ведь у нас осталось ещё одно незаконченное дельце, не так ли?

— Ужин закончить, я полагаю, — ответил Профессор со смущённым видом. — И жару перетерпеть. Надеюсь, вы получите удовольствие от ужина, особенно такого, и не расстроитесь из-за жары, особенно не такой.

Прозвучала фраза нормально, и всё-таки я недопонял; Другой Профессор тоже удивлённо захлопал глазами.

— Как это — особенно не такой? — ворчливо спросил он.

— Не особенно жаркой, — ответил Профессор, ухватившись за первую же мысль, что подвернулась под руку.

— А! Понял теперь! — милостиво произнёс Другой Профессор. — Выражено не вполне удачно, но *теперь* я понял. Тринадцать с половиной минут назад, — продолжал он, взглянув сначала на Бруно, а потом на свои часы, — ты, мальчик, сказал: «Этот Кот всегда добрый с Мышами». Тогда этот зверь, должно быть, единственный в своём роде!

— Так и есть! — ответил Бруно, только сначала пристально оглядел Кота, чтобы не ошибиться, сколько его на самом деле.

— Но откуда ты знаешь, что он такой добрый с Мышами?

— Потому что он всегда *играет* с ними, — ответил Бруно, — чтобы они не скучали.

— Как раз в этом я *не* уверен, — настаивал Другой Профессор. — Мне кажется, он играет с ними, чтобы их *убить*!

— Что вы, это просто *несчастный случай*! — с таким жаром ответил Бруно, что стало ясно: Кот сам развеял все его сомнения. — Когда я дал ему молока, он сказал: «Я научил Мышку новой игре, и она ей очень понравилась». И ещё он сказал: «Иногда происходит несчастный случай: Мышка погибает». И тогда Кот сказал, что это его сильно расстраивает; он сказал, что...

— Если это его так *сильно* расстраивает, — с негодованием вмешалась Сильвия, — то почему тогда он их *съедает*, как только они гибнут?

Но и эта загадка не осталась, очевидно, без ответа во время дискуссии по вопросам этики между Бруно и Котом.

— Он сказал... — (Бруно постоянно опускал, как несущественные, свои собственные вопросы Коту и просто давал сразу Котиные ответы), — он сказал: «Дохлая Мышь никогда не возражает против того, чтобы её съели. Что пользы выбрасывать такую славную Мышку?» И ещё он сказал: «Небезалость...» — что-то такое «губит нас, идёт за ней нужда; ты скажешь: “Мышку бы сейчас, что выбросил тогда!”» И он сказал, что...

— Да у него же не было *времени* наговорить тебе всех этих вещей,
— возмущённо перебила его Сильвия.

— Ты не слышала, как говорят Коты! — презрительно отозвался Бруно. — А они очень-очень быстро говорят.

ГЛАВА XXIII. Поросячий Визг

К этому времени все уже насытились, и даже *Бруно*, когда Профессор предложил ему четвёртый кусок сливового пудинга, имел мужество заявить:

— Мне кажется, трёх порций вполне достаточно.

Профессор вдруг подскочил, как будто его ударило током.

— Вот разиня! Совсем забыл о главной части нашей программы! Другой Профессор обещал исполнить перед нами Историю о Поросёнке — иначе говоря, свой знаменитый «Поросячий Визг»! Вначале там идут Вступительные Куплеты, — добавил он, — и в конце тоже.

— Разве Вступительные Куплеты бывают в конце? — поинтересовалась Сильвия.

— Вы сами скоро убедитесь, — ответил Профессор. — Не помню точно, но мне кажется, что они ещё и в *середине* есть. — Тут он поднялся из-за стола, и в Пиршественном Зале моментально воцарилась тишина — все подумали, что он собирается произнести речь.

— Господа! — начал Профессор. — Другой Профессор любезно согласился исполнить перед нами одно Стихотворение. Оно называется «Поросячий Визг». До этого дня он ещё ни разу его не исполнял. — Гости оживлённо зашевелились. — И никогда больше не будет его исполнять!

Эти слова вызвали всеобщий восторг, и отовсюду раздались неистовые аплодисменты. Сам Профессор до того распалился, что влез на стол, чтобы возглавить овацию: он принялся дирижировать обеими руками, держа в одной свои очки, а в другой — ложку.

Тут Другой Профессор поднялся из-за стола и начал.

Птички-невелички,
Братья и сестрички,
Ждут во хвое, ждут во мху, —
Обещали им уху.
Поясняю: есть для вас
У меня один рассказ.

Птички-невелички
У одной лисички
Обучались ровно год
Улыбаться в полный рот.
Поясняю: путь такой —
Книзу выгнуть рот дугой.

Птички-невелички
Заплели косички.
«Разве их не красит хвост?» —
Зададите вы вопрос.
Поясняю: им хвосты
Служат не для красоты.

Птички-невелички,
Сидя у водички,
Ловят мошек, ловят мух
И зевают во весь дух.
Поясняю: в этот раз
Начинаю свой рассказ.

У колонки день и ночь
Молодое Порося
Всё сидело в одиночку,
Громким криком голоса.

Этот славный Поросёнок
Как никто и никогда
Был визглив, а также звонок,
И сильна его беда.

Из другого, верно, края
Мимо шёл Верблюд с горбом.
«Что болит? Беда какая,
Иль тоскуешь ты о ком?»

«Я не болен, не тоскую, —
Отвечает Порося, —
Только прыгать не могу я,
Вот и песня вся!»

Оглядел Верблюд сердито
Ряшку, спинку, и бока.
«Ты, наверно, от корыта
Не отводишь пяточка.

У тебя бока что бочки,
Широка твоя спина,
У тебя не щёки — кочки;
Тут диета, брат, нужна.

Или вот что: видишь, милый:
Две сосны бросают тень?
Топать, верно, за три мили
К ним отсюда. Дважды в день

Дуй туда — и жди прогресса
Не ревя, не голося;
Расстаешься с лишним весом —
Тут и песня вся!»

Он ушёл — ни толст, ни тонок,
Жвачку жёсткую жуя.
Вновь забился Поросёнок,
Слёзы горькие лия.

И украдкою в сторонке
Над свинячьей бедой
Даже столб водоколонки
Плакал ржавою водой.

Лягушонок мимо прыгал —
Мутный глаз, широкий рот.
«О, Свинья! Скажи мне мигом,
Что тебя сейчас гнетёт?»

Громко всхлипнув, шмыгнув слабо,
Отвечает Порося:
«Не могу я прыгать, Жаба,

Вот и песня вся!»

Усмехнулся Лягушонок,
В грудь ударил кулаком:
«О, Свинья! Да я с пелёнок
С той наукою знаком!

Этот дар у нас с рожденья —
Не хваюсь и не шучу:
Мигом за вознагражденье
Ловко прыгать научу!

Хоть побьешься от падений,
Заполучишь синяки,
Но зато без затруднений
Переймёшь мои прыжки.

Десять футов — не высотка, —
Убеждал он Порося. —
Объясню методу чётко —
Тут и песня вся!»

«О, геройская Лягушка! —
Порося в ответ кричит.
Попроси, что хочешь, душка,
И скорей меня учи!

Облегчи мои страданья,
Помоги моим ногам,

Воплоти мои мечтанья,
Обучи меня прыжкам!»

«Я хочу одну котлетку,
Ту колонку я хочу,
Ты добавь ещё креветку,
И смотри, как я скачу!»

Подогнул малыш коленки,
Крепко в землю уперся,
Прыг! — и плюх! на четвереньки —
Вот и песня вся!

Встал на ножки и к колонке
Поросёнок подбежал.
«Перепрыгну, спорим!» — звонко
На ходу он завизжал.

Он вознёсся как комета,
Рухнул наземь как мешок;
«Крак!» — сказало что-то где-то...
Был последним тот прыжок.

Напевая эти куплеты, Другой Профессор прошествовал вдоль всего стола к камину и сунул голову прямо в дымоход. Но проделав это, он потерял равновесие, рухнул вперёд головой и так крепко застрял в каминной решётке, что понадобилось порядочно времени, чтобы вытащить его оттуда.

Бруно не медлил. Он зашептал Сильвии:

— По-моему, Другой Профессор решил проверить: может, это в дымоходе сказали: «Мрак!»?

— Не «Мрак!», а «Крак!» — ответила Сильвия.

— Если «Крак!», то это была Ворона, — догадался Бруно.

Такой между ними произошёл разговор, пока вытаскивали Другого Профессора.

— У вас всё лицо чумазое! — озабочено сказала ему Императрица.
— Не послать ли за мылом?

— Нет-нет, благодарю вас, — ответил Другой Профессор, старательно отворачиваясь. — Чёрный цвет весьма респектабелен. К тому же от мыла не будет проку без воды.

Всё так же отворачивая лицо от аудитории, он вновь затянул свою песню, опять предварив её Вступительными Куплетами.

Птички-невелички
Разъезжают в бричке.
Разъезжают и поют,
Плату малую берут.
Поясняю: грошик в день —
Это, право, дребедень.

Птички-невелички
Пишут по страничке.
По страничке по одной
Пишут в книжке записной.
Поясняю: всё равно
Чем писать — у них полно.

Птички-невелички
Завели привычки.

Как найдут кота в мешке —
Искупают в молоке.
Поясняю: не в воде,
А иначе быть беде.

Мимо той водоколонки
Возвращается Верблюд.
«Что наш бедный? Что наш звонкий?
Всё ли мается он тут?

Похуданье ли затеял,
Смело к соснам потруся?
Воспарит теперь, как фея,
Вот и песня вся!»

Только смотрит и дивится:
Поросёнок не встаёт,
Не взмахнёт своим копытцем,
Даже глазом не моргнёт.

Никогда уж не заплачет,
Не подпрыгнет, как хотел.
А ведь было бы иначе,
Если б выдержку имел.

И сидит темнее ночи
Лягушонок за кустом,
Ничего сказать не хочет,
Только думает о том,

Что котлетку и креветку
Не подарит Порося,
Перегнули в спешке ветку —
Вот и песня вся!

— Слишком печальная история, — сказал Бруно. — Началась она печально и закончилась печально. Я, наверно, сейчас заплачу. Дай мне, Сильвия, носовой платок.

— У меня с собой нет, — прошептала Сильвия.

— Тогда я не стану плакать, — мужественно произнёс Бруно.

— Осталось ещё несколько Вступительных Куплетов, — сказал Другой Профессор, — только я проголодался. — Он сел на своё место, отрезал огромный кусок пирога, положил его на тарелку Бруно, а затем в недоумении воззрился на свою собственную — совершенно пустую.

— Откуда у тебя этот пирог? — шёпотом спросила Сильвия у брата.

— Они мне дали, — ответил Бруно.

— А зачем ты просил? Я же тебе сказала, что это нехорошо!

— Я *не* просил, — сказал Бруно, словно нехотя откусывая от пирога. — Они *дали* мне, и всё.

Сильвия с минуту размышляла, затем её осенило:

— А ты тогда попроси у него кусочек для *меня*.

— Ну, что, малыш, удовлетворён? — с улыбкой поинтересовался Профессор.

— Чего они сказали? — шёпотом спросил Бруно у Сильвии.

— Что ты громко чавкаешь, — строго произнесла та.

Тогда Бруно, до ушей улыбнувшись Профессору, ответил:

— Да, сударь, пирог мною удовле... *давлён!*

— Ну а собою ты тоже удовлетворен? — поинтересовался и Другой Профессор в свою очередь.

— Нет, что вы! — воскликнул Бруно.

Другой Профессор выпучил глаза.

— Что ж... — промямлил он. — Тогда выпей чуть-чуть вина. — Он налил в бокал и поставил его перед Бруно. — Выпей, мой мальчик, и ты станешь совсем другим человеком.

— А кем я стану? — спросил Бруно, с опаской глядя на бокал.

— Не задавай так много вопросов! — вмешалась Сильвия, всегда готовая прийти на помощь тем бедолагам, которых Бруно вознамеривался запутать. — Лучше попросим Профессора рассказать нам какую-нибудь сказку.

Бруно с радостью ухватился за это предложение.

— Расскажите нам! — нетерпеливо обратился он к Профессору. — Про тигров что-нибудь или про шмелей, или про робина-красношейку, ну вы сами знаете!

— А почему тебе нравятся только сказки про *живых* существ? — спросил Профессор. — Почему не про какие-нибудь свойства или обстоятельства?

— Да, да, расскажите, пожалуйста, какую-нибудь сказку про это! — подхватил Бруно.

Профессор довольно уверенно начал.

— Как-то раз одно совпадение совершало прогулку с небольшим несчастным случаем, и они нашли объяснение. Это было очень старое объяснение, такое старое, что всё скрючилось и стало похоже на головоломку...

Тут он внезапно смолк.

— Дальше, дальше! — хором воскликнули дети.

Профессору пришлось искренне признаться:

— Я только что понял, что сочинять такие сказки очень непросто. Может быть, сначала Бруно что-нибудь нам расскажет?

Бруно просиял от удовольствия.

— Жили-были однажды Поросёнок, Аккордеон и две Банки апельсинового варенья...

— Вот так действующие лица, — пробормотал Профессор. — Да, и что же дальше?

— И когда Поросёнок играл на Аккордеоне, — продолжал Бруно, — то одной Банке варенья его песенка не нравилась, а другой Банке нравилась. Ой, Сильвия, я вот-вот перепутаю эти Банки! — в отчаянье прошептал он.

— А теперь я исполню оставшиеся Вступительные Куплеты, — объявил Другой Профессор.

Птички-невелички
По другой привычке
Ловят ёршиком ершей,
Ловят удочкой ужей.
Поясняю: ни лосось
Не клюёт у них, ни лось.

Птички-невелички
Носят в сумке спички.
Разжигают не костёр,
Разжигают жаркий спор.
Поясняю: спор такой
Не затушите водой.

«Птички-невелички»
Я возьму в кавычки,

Если кто-то, может быть,
Уж собрался их ловить.
Поясняю: в этот раз
Я закончил свой рассказ.

— Ну а теперь, — радостно обратился Профессор к Лорду-Канцлеру, когда затихли аплодисменты, коими было встречено окончание «Поросячьего Визга», — нам предстоит выпить за здоровье Императора, не так ли?

— Именно так! — напыщенно отозвался Лорд-Канцлер, поднимаясь из-за стола, чтобы взять на себя руководство этой церемонией. — Наполните бокалы! — загремел он. Все немедленно повиновались. — Выпьем же за здоровье Императора! — Последовало повсеместное бульканье. — Трижды ура Императору! — *Этому* оповещению сопутствовал лишь едва уловимый звук, но Канцлер с замечательным присутствием духа немедленно провозгласил: — Слово Императору!

Император заговорил ещё до того, как Канцлер сел.

— Как я ни отказывался становиться Императором... а вы все так меня упрашивали... вы же знаете, как дурно вёл дела наш последний Правитель... но то воодушевление, с которым вы... а он подвергал вас гонениям... он обложил вас непосильными податями... вы отлично знали, кто достоин был стать Императором... мой брат не обладал нужным...

Невозможно сказать, сколько длилась бы эта сбивчивая речь, но в эту минуту какой-то ураган потряс дворец от самого основания, распахнул окна, погасил светильники и наполнил воздух клубами дыма, которые приняли странные очертания и обрели облик писанных слов.

Но ураган стих так же внезапно, как и начался, — оконные рамы вновь захлопнулись, дым развеялся, и всё осталось таким же, как минуту назад, за исключением Императора и Императрицы, с

которыми произошла чудная перемена. Отсутствующий взгляд и бессмысленная улыбка исчезли, и все поняли, что эти двое человеческих существ вновь обрели разум.

Император продолжал речь, словно она и не прерывалась.

— А мы повели себя — оба, и моя жена, и я — как два отъявленных негодяя. Лучшего имени мы не заслуживаем. Когда мой брат уехал, вы потеряли достойнейшего Правителя из всех, кто у вас когда-либо был. А уж я, гнусный лицемер! — сделал всё возможное, чтобы пустить вам пыль в глаза и сделаться Императором. Я! У которого едва ли достанет мозгов исполнять работу чистильщика сапог!

Лорд-Канцлер заломил руки.

— Добрые люди, он же с ума сошёл! — Но тут оба они разом смолкли, и в мёртвой тишине раздался стук молотка о входную дверь.

— Что это?! — единодушно вскрикнули все.

Люди заметались по залу. С каждой секундой возбуждение росло. Лорд-Канцлер, бросив свои обязанности церемониймейстера, выбежал вон, чтобы вернуться спустя минуту — бледным и задыхающимся.

ГЛАВА XXIV. Возвращение Нищего

— Ваше Императорское Величество! — пропыхтел он. — Это снова тот самый Нищий! Прикажете спустить на него собак?

— Приведите его! — велел Император.

Канцлер ушам своим не поверил.

— Сюда, Ваше Императорское Величество? Правильно ли я понял...

— Приведите его *сюда*! — загремел Император.

Канцлер неуверенно попятился к двери, и спустя минуту столпившиеся посреди зала гости раздались в стороны, чтобы пропустить бедного старика.

Он и впрямь вызывал жалость: свисающие спереди и сзади лохмотья были заляпаны грязью, а седые волосы и длинная борода дико всклокочены, — однако вошёл он твёрдым шагом, держась прямо, и в его манерах угадывалась привычка повелевать. Но самым неожиданным было то, что Сильвия и Бруно шли рядом с ним, вцепившись в его руки, и с тихой любовью глядели ему в лицо.

Все с любопытством посмотрели на Императора: как-то он примет дерзкого пришельца? Не отшвырнёт ли с ругательствами от ступеней своего помоста? Но нет! К их величайшему изумлению, Император упал перед ним на колени и промямлил, склонив голову: «Прости нас!»

— Прости нас! — тем же униженным тоном повторила Императрица, опускаясь на колени рядом с мужем.

Возвратившийся Изгнанник только улыбнулся.

— Встаньте! Я прощаю вас!

И тут присутствующие сделались свидетелями чудесного превращения, произошедшего со стариком-нищим, едва он произнёс эти слова. То, что все приняли поначалу за перепачканное грязью отвратительное тряпье, в одно мгновение обернулось королевским одеянием, расшитым золотом и украшенным дорогим камнем. Теперь все узнали его и в низком поклоне склонились перед Старшим Братом, своим настоящим Правителем.

— Брат мой и Сестра моя! — сказал Правитель звучным голосом, долетевшим до самых отдалённых уголков этого огромного зала. — Я пришёл не для того, чтобы помешать вашему веселью. Правь как Император, и правь мудро. Ибо сам я избран Эльфийским королём. Завтра я возвращаюсь туда, и всё оставляю вам — всё, кроме... кроме... — его голос дрогнул, и с невыразимой нежностью во взоре он молча возложил руки на головки двух уцепившихся за него малышей.

Но в следующий миг он возобладал над своими чувствами и кивком головы предложил Императору занять своё место во главе стола. Остальные гости тоже поспешили к столу, где нашлось даже

место для Эльфийского короля. Дети уселись по обе стороны от него. Когда все успокоились, Лорд-Канцлер вновь встал.

— Мой следующий тост — за виновника торжества! Что такое... Где он? — Вытаращив глаза, Канцлер оглядел стол. — Ну вот вам, пожалуйста! О Принце Аггаге вспомнил кто-нибудь?

— Ему сообщили о начале Банкета? — спросил Император.

— Несомненно! — заверил Канцлер. — Это было поручено Гофмаршалу.

— Выйти Гофмаршалу! — приказал Император.

Гофмаршал вышел из-за стола.

— Я посетил Его Имперскую Тучность, — с дрожью начал оправдываться этот придворный. — Я напомнил ему о Лекции и о Банкете...

— Дальше, дальше! — не выдержал Император, когда стало ясно, что несчастный не может говорить от страха.

— Его Имперская Тучность милостиво изволили надуться. Его Имперская Тучность милостиво изволили дать мне пощёчину. Его Имперская Тучность милостиво изволили сказать: «Не моя забота!»

— «Не моя забота» плохо кончил, — прошептала Сильвия братцу. — Я не совсем уверена, но его, кажется, повесили¹⁹⁹.

Случайно эти слова долетели до ушей Профессора.

— Такой результат, — ласково заметил он, — есть просто следствие ошибочного опознания.

Дети непонимающе воззрились на него.

— Позвольте объяснить. «Не моя забота» и «Забота» были братец и сестрица, близнецы. «Забота», как известно, Кошку убила. А по ошибке схвачен был «Не моя забота», и его повесили вместо сестрицы. Так что

¹⁹⁹ Сильвии припоминается стишок с несколько дидактическим содержанием из корпуса Матушки Гусыни (№ 1134 по сборнику Демуровой).

«Забота» здравствует до сих пор. Но без родного брата ей невесело. Вот почему говорится: «Прочь, хмурая Забота!»²⁰⁰

— Большое спасибо, — поблагодарила Сильвия с воодушевлением.
— Было чрезвычайно интересно. По-моему, это всё объясняет!

— Ну, не совсем всё, — скромно отвечал Профессор. — Существуют два или три технических затруднения...

— В каком виде вы нашли Его Имперскую Тучность? — спросил Император Гофмаршала.

— Его Имперская Тучность показался мне немного...

— *Что* немного?

Все затаили дыхание, стремясь не пропустить следующее слово.

— Немного КОЛЮЧИМ!

— Немедленно послать за ним! — воскликнул Император, и Гофмаршал пулей вылетел из зала.

Эльфийский король печально покачал головой.

— Бесполезно, — пробормотал он. — Бездушие и бесчувственность!

Бледный, дрожащий и потерявший дар речи приковывал назад Гофмаршал.

— Ну? — спросил Император. — Где же Принц?

— Легко догадаться, — сказал Профессор. — Его Имперская Тучность, несомненно, надел какой-то маскарадный костюм и входит в образ.

Бруно наморщил лоб от умственной натуги и поглядел на старичка.

— А что это значит?

Но Профессор пропустил вопрос мимо ушей. Он пристально вслушивался в ответы Гофмаршала.

²⁰⁰ Начальные слова одной хрестоматийной баллады XVII века.

— Умоляю, Ваше Величество! Его Имперская Тучность... — но ничего больше Гофмаршал не в силах был произнести.

Император в сильнейшей тревоге вскочил на ноги.

— Скорее к нему!

Все ринулись вслед за ним к выходу.

Бруно тоже мигом выскочил из-за стола.

— Можно и нам? — нетерпеливо спросил он.

Но Король не отпустил его от себя, так как внимательно слушал объяснение Профессора:

— Входит в образ, Ваше Величество, не извольте беспокоиться.

— А можно мы тоже сбегая посмотрим? — не отставал Бруно.

На этот раз Король уступил, и дети мигом убежали. Но спустя пару минут они медленно и печально вернулись.

— Ну, как? — спросил Король. — Что Принц?

— Он... он то, что вы и сказали, — ответил Бруно, взглянув на Профессора. — То трудное слово... Скажи, Сильвия!

— Дикобраз, — сказала Сильвия.

— Да нет же, — поправил её Профессор. — В образ, дитя моё, в образ.

— Нет, именно Дикобраз, — не согласилась Сильвия. — Вовсе даже не то слово. Хотите сами посмотреть? Там началась такая беготня по всему коридору!

Не тратя времени, мы поднялись из-за стола и поспешили вслед за детьми на лестницу. Меня совершенно не замечали, но я этому и не удивлялся, так как давно понял, что остаюсь для всех невидимым — даже для Сильвии с Бруно.

В коридоре возбуждённо толпились люди, заполонив проход в покои Принца и став причиной оглушающего гула; а на двери, ведущие в его покои, напирали трое здоровенных детин, изо всех сил стараясь не позволить им открыться, ибо какой-то громадный зверь

беспрерывно бился о них с той стороны, и на секунду мы заметили, перед тем как дверь всё же удалось захлопнуть, свирепую морду с огромными налитыми кровью глазами и оскаленной пастью. Иstorгаемые зверем звуки являли собой неслыханную смесь львиного рыка и бычьего рёва, а по временам он верещал, словно гигантский попугай.

— По голосу не определишь! — возбуждённо воскликнул Профессор. — Так кто же там? — И он подёргал за рукав детину у дверей.

— Дикобраз! Принц Аггаг превратился в Дикобраза!

— Отличный Образец для моей Лекции! — обрадовался Профессор. — Позвольте пройти. Нужно немедленно наклеить на него бирку!

В ответ здоровяки отпихнули его подальше от дверей.

— Тоже скажете, бирку! — закричали они на него. — Хотите, чтобы вас съели?

— Оставьте ваши Образцы, Профессор! — сказал Император, продираясь сквозь толпу. — Лучше скажите, как нам его сдержать?

— Клетка! Клетка, да побольше! — мигом нашёлся Профессор. — Подайте большую клетку, — обратился он к толпе, — с толстыми стальными прутьями и опускающей решёткой — как в мышеловке! Есть у кого-нибудь при себе такая клетка?

Обычно таких вещей люди с собой не носят, однако требуемую клетку ему тут же предъявили: как ни странно, одна такая клетка стояла прямо в коридоре.

— Разверните её входом к дверям, и поднимите опускающую решётку!

Приказ был тотчас выполнен.

— А теперь — покрывала! — продолжал командовать Профессор. — Ах, ах! Какой любопытный Эксперимент!

Поблизости нашлась и грудa покрывал, и не успел Профессор дать команду, как их повсеместно развернули подобно занавесям. Профессор скоренько выстроил их двумя рядами, отчего образовался тёмный проход, ведущий прямиком ко входу в клетку.

— Открыть двери!

Но этого даже не пришлось исполнять — трое детей всего только отскочили от дверей, и она сама распахнулась от удара ужасного чудовища, которое, издав вопль, похожий на свист паровой машины, ринулось в клетку.

— Опустить решётку!

Раз — и готово; последовал общий вздох облегчения, когда засов был надёжно задвинут.

Профессор потёр руки, радуясь, словно ребёнок.

— Эксперимент прошёл успешно! — объявил он. — Теперь нужно только кормить его три раза в день тёртой морковью и...

— Это дело подождёт, — вмешался Император. — Прошу всех вернуться к столу. Ведите нас, брат. — И старый Король, сопровождаемый детьми, повёл всех вниз по лестнице.

— Такова судьба того, кто лишён дара любить, — сказал он Бруно, когда все вновь расселись за столом. На что Бруно ответил:

— Я всегда любил Сильвию, поэтому я никогда не сделаюсь таким колючим!

— Да, уж он колючий! — отозвался Профессор, услышавший последние слова. — Но мы не должны забывать, что хоть он и Дикобраз, но королевских кровей! Как закончится наше пиршество, я сделаю Принцу Аггагу небольшой подарок — просто, знаете ли, чтобы его утешить. Ведь не каждому понравится жить в клетке.

— А какой вы сделаете ему подарок? — спросил Бруно.

— Блюдечко тёртой моркови, — ответил Профессор. — Что касается подарков на дни рождения, то мой девиз — дешевизна! По

моим подсчётам, я экономлю сорок фунтов в год, даря... ой! Вот это приступ!

— Что с вами? — испуганно спросила Сильвия.

— Мой старый враг! — простонал Профессор. — Люмбаго... ревматизм... и прочее из той же области. Следует пойти и прилечь. — И Профессор заковылял из зала, с сожалением оглядываясь на детишек.

— Ничего, скоро ему полегчает! — весело сказал Эльфийский король. — Братец! — обратился он к Императору. — Мне ещё нужно решить с тобой одно дело; Императрица присмотрит за детьми. — И два брата направились из зала, взяв друг друга под руку.

Императрица вскоре убедилась, что дети — не слишком весёлая компания. Они ни о чём не могли говорить, кроме как о «милом Профессоре», о том, «как жаль, что он заболел», пока она в конце концов не догадалась предложить им пойти его проведать.

Дети тут же схватили её за руки, стоило ей протянуть их, и мы направились в кабинет Профессора, где нашли его лежащим на диване. Он укрылся своими покрывалами и читал маленькую книжицу.

— Комментарии к Третьему тому, — промямлил он, взглянув на нас. А на столике возле его дивана лежала та самая книга, которую он искал, когда я впервые его увидел.

— Как вы себя чувствуете, Профессор? — спросила Императрица, склоняясь над немощным старцем.

Профессор поднял на неё взгляд и слабо улыбнулся.

— Как и всегда — преданным слугой Вашего Величества! — тихим голосом произнёс он. — Мной движет не Немошь, но Преданность!

— Как мило! — воскликнула Императрица со слезами в голосе. — Редко от кого услышишь нечто столь же прекрасное — даже на Валентинов день!

— Мы можем взять вас с собой на берег моря, — с чувством сказала ей Сильвия. — Вам это тоже покажется прекрасным! И Море такое огромное!

— Гора ещё огромнее! — сказал Бруно.

— И что в Море такого огромного? — спросил Профессор. — Его запросто можно влить в чайную чашку!

— Что вы, только чуть-чуть! — возразила Сильвия.

— Просто вам понадобится то или иное количество чашек, чтобы влить *полностью*. Куда только денется его величие! Теперь что касается Горы: её всю можно перевезти на тачке в другое место — за то или иное количество лет.

— Да, величия тут нету — в кусочках горы, перевозимых тачкой, — согласилась Сильвия.

— Но ведь потом все эти кусочки всё равно сложат вместе... — начал было Бруно.

— Вот станешь постарше, — сказал ему Профессор, — так поймёшь, что не так-то просто складывать Горы заново! Век живи — век учись!

— А разве это обязательно нужно делать кому-то одному? — спросил Бруно. — Я бы мог жить, а Сильвия — учиться.

— Я *не смогу* учиться, если не буду жить! — возразила Сильвия.

— Зато я *смогу* жить, если не буду учиться! — возразил Бруно. — Давай, Сильвия, испытай меня!

— Да нет же, — вмешался сбитый с толку Профессор. — Я имел в виду, что... что... что девизом умного человека должно быть: «Я знаю, что *ничего* не знаю».

— Но я *знаю* то, что я знаю! — не унимался маленький сорванец. — А я уже так много всего знаю! Всё, кроме того, чего *не* знаю. А Сильвия знает всё остальное.

Профессор вздохнул и отказался от дальнейшего спора.

— Жил да был один Буджум... — начал он какую-то новую сказку, но сразу же замолчал. — Окончание этой сказки я забыл, — признался

он спустя минуту. — А ведь из неё можно было извлечь урок. Но я, кажется, и его забыл!

— Тогда я расскажу вам сказку! — выпалил Бруно и торопливо начал. — Жили-были Кузнечик, Сорока и Машинист Паровоза. А Урок такой: кто рано встаёт...

— Так рассказывать — ни капельки не интересно! — презрительно махнула рукой Сильвия. — Нельзя так быстро извлекать Урок!

— Когда же ты сочинил эту сказку? — спросил Профессор. — На прошлой неделе?

— Не-а. Немножко ближе. Попробуйте снова!

— Не могу догадаться, — сказал Профессор. — Так когда же?

— А она вообще ещё не сочинена! — с торжеством воскликнул Бруно. — Но одну отличную сказку я уже сочинил. Рассказать?

— Только если ты сочинил до конца, — сказала Сильвия. — А Урок в ней пусть будет такой: «Не получается — начни сначала!»

— Нет уж, — решительно заявил Бруно. — Урок будет такой: «*Никогда* не начинай сначала!» Жил-был один красивый китайский болванчик, который стоял на каминной полке. Стоял он, стоял... И в один прекрасный день свалился. Но он ничего-ничего себе не побил. Ему захотелось попробовать ещё раз. И когда он свалился во второй раз, то крепко пострадал — у него весь лак облупился.

— Но как же он взобрался на каминную полку после первого падения? — спросила Императрица. (Это был первый разумный вопрос в её жизни.)

— Я его туда поставил, — ответил Бруно.

— В таком случае мне кажется, что тебе кое-что известно насчёт его падений, — сказал Профессор. — Не сам ли его и толкнул?

На что Бруно со всем достоинством ответил:

— Я *несильно* его толкнул; он был такой *красивый*, этот китайский болванчик, — торопливо добавил он, страстно желая сменить тему.

— Дети мои, ко мне! — раздался голос Эльфийского короля, который входил в комнату. — Мне нужно нечто сказать вам, прежде чем вы отправитесь спать. — И он увёл их за собой, но у самых дверей они выпустили его руки и бросились назад, чтобы проститься с милым Профессором.

— Доброй ночи, Профессор! — Бруно с важным видом пожал Профессору руку, которую тот протянул мальчику, глядя на него с улыбкой, полной любви, а Сильвия в то же самое время наклонилась, чтобы коснуться своими нежными губами старческого лба.

— Доброй ночи, детишки! — сказал Профессор. — Перед сном я ещё кое над чем поразмышляю. Обычно я весь день веселюсь, но иногда мне приходится поразмышлять над каким-нибудь очень трудным вопросом. Мною движет... — пробормотал он, отчаянно зевая, когда мы покидали комнату, — мною движет не Бес-в-ребро, но Рвение Мысли!

— О чём это он, Бруно? — спросила Сильвия, когда мы были вне пределов слышимости.

— Мне кажется, он имел в виду, что у него не Ребро сломано, а Разрыв Мышцы. Ой, это что за стук, Сильвия?

Сильвия замерла и с беспокойством прислушалась. Было похоже, словно кто-то колотит в дверь.

— Только бы не Дикобраз! — воскликнула она. — Вдруг он вырвался на свободу?

— Бежим! — приказал Бруно. — Нечего нам тут ждать!

ГЛАВА XXV. Снова вместе

Что ни миг, стук делался всё сильнее, и наконец где-то рядом с нами распахнулась дверь.

— Вы ведь сказали «Войдите!», сударь? — робко спросила моя хозяйка.

— Да, да, войдите! — отозвался я. — В чём дело?

— Вам тут принесли записку, сударь, — посыльный нашего булочника. Он сказал, что заходил в Усадьбу, и они попросили его сделать крюк и передать для вас послание.

Записка содержала всего пять слов: «Пожалуйста, сразу же приходите. Мюриел».

Я похолодел от безотчётного страха. Наверно, что-то с графом. Может быть, он при смерти? Я торопливо стал собираться.

— Надеюсь, сударь, не слишком плохие новости? — спросила хозяйка, когда я уходил. — Мальчонка сказал, вроде бы кто-то неожиданно приехал...

— Надеюсь, что так! — ответил я на ходу. Но надежда не могла изгнать из сердца страха; правда, войдя в дом, я немного успокоился, увидев у входа чемоданы, надписанные буквами «Э. Л.».

«Всего-то Эрик Линдон! — подумал я с немалым облегчением, но частично и с раздражением. — С *этой* причины вовсе не стоило за мной посылать».

Леди Мюриел встретила меня в прихожей. Глаза её блестели, но в них читалась скорее радость, чем горе.

— А у меня для вас сюрприз! — шёпотом сообщила она.

— Эрик Линдон, что ли, вернулся? — спросил я, тщетно пытаюсь скрыть прозвучавшую в голосе невольную горечь. — «*От поминок холодное пошло на брачный стол*»²⁰¹, — вырвалась у меня цитата. Как жестоко я в ней ошибся!

— Нет, нет! — торопливо заговорила она. — То есть да, Эрик здесь. Но... — её голос дрогнул, — но здесь и *другой*!

Больше не задавая вопросов, я последовал за ней в комнаты. Там на кровати он и лежал — бледный и изможденный, тень самого себя, — мой живой друг, вернувшийся с того света!

²⁰¹ «Гамлет», акт I, сцена 2 (пер. М. Лозинского).

— Артур! — воскликнул я. И не смог больше ничего сказать.

— Да, дружище, вернулся, как видишь! — пробормотал лежащий и улыбнулся, когда я схватил его руку. — Он, — (то есть Эрик, стоявший рядом), — спас меня по-настоящему — привёз сюда. Ну и Бог, и Его мы тоже поблагодарим, жена моя Мюриел!

Я молча пожал руку Эрику, а потом графу, и мы, не сговариваясь, отошли в дальний конец комнаты, где могли бы говорить, не беспокоя больного, который лежал, тихий и счастливый, держа жену за руку, и глядел на неё глазами, светившимися ярким и ровным светом Любви.

— До сегодняшнего дня он находился в бреду, — объяснил Эрик, понизив голос, — и даже сегодня пару раз начинал заговариваться. Но её присутствие вдохнуло в него новую жизнь.

Затем Эрик принялся рассказывать нам таким беззаботным тоном — я помнил, что он всегда избегал проявлять чувства, — как он настоял на том, чтобы вернуться в поражённый чумой городок и забрать человека, которого врач оставил там как умирающего, но который *мог бы*, по его убеждению, ещё выкарабкаться, если бы оказался в госпитале; как он не увидел ничего в изнурённых чертах, что хоть отдалённо напоминало бы Артура, и признал его лишь месяц спустя, вновь посетив госпиталь; как врач запретил ему делиться с кем бы то ни было своим открытием, утверждая, что любое потрясение для перенапряжённого мозга способно немедленно убить больного; как он остался при госпитале и ухаживал за больным день и ночь — и всё это Эрик поведал с деланным безразличием, словно всего-навсего передавал друзьям банальнейшие подробности случайной встречи!

«А ведь это был его *соперник*! — подумал я. — Человек, завладевший сердцем его любимой девушки!»

— Солнце садится, — сказала леди Мюриел, встав и подходя к раскрытому окну. — Только посмотрите на закат! Какие прекрасные малиновые тона! Завтра нас ожидает великолепный день...

Мы пересекли комнату и столпились у окна, переговариваясь пониженными голосами в сгущающихся сумерках, когда внезапно раздался голос больного, только слишком слабый, чтобы мы могли разобрать слова.

— Снова бредит, — прошептала леди Мюриел и вернулась к его постели. Мы тоже подошли поближе, но то, что мы слышали, не было бессвязностью горячечного больного. *«Что воздам Господу, — произносили дрожащие уста, — за все благодеяния Его ко мне? Чашу спасения приму я и имя Господне призову... призову...»*²⁰² — Но здесь ослабленная память отказалась служить лежавшему, и его голос смолк в тишине. Леди Мюриел опустила на колени и обвила свою руку вокруг вяло лежащей руки мужа, нежно поцеловав его тонкую бледную ладонь. Минута показалась мне удобной, чтобы ускользнуть, не заставляя её отвлекаться на церемонию прощания, и, коротко кивнув графу и Эрику, я тихонько вышел из комнаты. Эрик проводил меня вниз, и мы вместе вышли в ночь.

— Это Жизнь или Смерть? — спросил я его, как только мы достаточно отошли от дома, чтобы говорить не понижая голоса.

— Это Жизнь! — ответил он с несвойственным ему ударением. — Все врачи совершенно согласны друг с другом на *этот* счёт. Всё, что ему сейчас требуется, сказали они, так это отдых, полный покой и хороший уход. Ну здесь-то он будет обеспечен и отдыхом, и покоем, а что до ухода, гм! Я полагаю *возможным*... — он изо всех сил постарался придать игривость своему задрожавшему голосу, — ...просто королевский уход для него — на этой новой квартире!

— Я тоже так думаю, — ответил я. — Очень рад, что вы проводили меня и я это от вас услышал! — И, полагая, что Эрик сказал всё, что имел мне сказать, я протянул руку, чтобы пожелать ему доброй ночи. Он с чувством пожал её и добавил, несколько пряча лицо:

²⁰² Псалтырь, 115:3—4 по греческой и славянской версиям счёта.

— Кстати говоря, ещё одно мне следует добавить, и мне кажется, вам будет приятно узнать, что... что у меня теперь... иной образ мыслей, чем когда мы виделись с вами в прошлый раз. Это не значит... что я способен принять христианскую веру, — по крайней мере, не сейчас. Но произошедшее необыкновенно. Она ведь молилась, знаете ли. И я молился. И... и... — Его голос дрогнул, так что заключительные слова я смог лишь угадать, — *есть Бог, отвечающий на молитвы!* Теперь мне это точно известно. — Эрик вновь потрянул мне руку и внезапно пошёл прочь. Никогда ранее не видел я его столь глубоко взволнованным.

В сгущающемся мраке я медленно пошёл домой, охваченный бурным водоворотом радостных мыслей; моё сердце было переполнено и, казалось, вот-вот с весельем и благодарностью вырвется наружу: ведь всё то, чего я так страстно желал и о чём молился, теперь свершилось. И хоть я горько упрекал себя за недостойное подозрение, на один миг затаившееся у меня против преданной леди Мюриел, я утешался тем, что оно оказалось мимолётным.

Сам Бруно не мог бы живее взлететь по лестнице, чем я проделал это в кромешном мраке, не озаботившись зажечь свет при входе; впрочем, я отлично помнил, что оставил у себя в гостиной зажжённую лампу.

Но комната, в которую я ворвался, была освещена отнюдь не обычным светом от лампы. Во мне сразу же пробудилось незнакомое, новое, нездешнее чувство какого-то едва уловимого волшебства. Свет, богаче и золотистее того, который давала моя лампа, заполнял комнату, изливаясь сквозь окошко, которого я почему-то никогда раньше здесь не замечал, и высвечивал группу из трёх призрачных фигур, которые что ни миг, то делались всё более отчётливыми, — величественный старик в королевской мантии, откинувшийся в кресле-качалке, и двое детишек, девочка и мальчик, стоящие по обе стороны.

— Твой Медальон всё ещё с тобой, доченька? — спросил старый Король.

— Да! — с необычным для неё жаром ответила Сильвия. — Неужто ты думаешь, что я способна потерять его или забыть о нём! — Говоря это, она сняла с шеи цепочку и положила Медальон на ладонь своему отцу.

Бруно с восхищением смотрел на него.

— Так сияет! — сказал он. — Как маленькая красная звёздочка! А можно подержать?

Сильвия кивнула; Бруно взял Медальон, отнёс к окну и подержал в вытянутой руке на фоне неба, чья темнеющая синева уже искрилась звёздами. Потом он возбуждённо побежал назад.

— Сильвия! Погляди-ка! Сквозь него можно смотреть! И он ни капельки не красный — он же голубой! И слова на нём стали другими! Взгляни сама!

Сильвия тоже разволновалась, и двое детишек принялись внимательно разглядывать Медальон, держа его на свету и вслух читая буквы.

— Так это же тот *другой* Медальон! — воскликнул Бруно. — Помнишь, Сильвия? Который ты *не* выбрала!

Сильвия с озадаченным видом взяла у него Медальон и повертела его перед глазами.

— Он голубой... с *одной* стороны, — тихо произнесла она. — А с *другой* стороны он красный! Словно их здесь сразу два... Отец! — внезапно воскликнула она, вновь кладя Медальон ему на ладонь. — Мне кажется, что Медальон и тогда был *всего один*!

— Значит, это ты выбирала *от его имени*, — поразмыслив, объявил Бруно. — Папа, а Сильвия может выбирать вещи от их имени?

— Правильно, девочка моя, — ответил Король, обращаясь к дочери и пропуская мимо ушей затруднительный вопрос Бруно. —

Камень был один и тот же, но ты правильно его тогда выбрала. — И он снова закрепил цепочку на Сильвиной шее.

— *Сильвия любит всех — Все любят Сильвию*, — пробормотал Бруно, становясь на цыпочки, чтобы ещё раз взглянуть на «маленькую красную звёздочку». — Когда смотришь *на* неё, она красная и слепит, как солнце, а когда смотришь *сквозь* неё, она голубая и спокойная, как небо!

— Как небо, где живёт Боженька, — мечтательно проговорила Сильвия.

— Где живёт Боженька... — повторил мальчик, подойдя к Сильвии и встав рядом с нею, спокойно глядящей в ночь. — Скажи, Сильвия, что делает небо таким голубым и прекрасным?

Сильвины губы задвигались, готовясь что-то произнести, но голос зазвучал слабо-слабо и словно издалека. Видение исчезало, как я в него ни всматривался, и всё же на один ошеломляющий миг мне показалось, что не Сильвия, но ангел глядит этими доверчивыми карими глазами, и голос, принадлежащий ангелу, произносит губами Сильвии:

«ЭТО ЛЮБОВЬ».